

В. И. АСТАХОВ

КУРС
ЛЕКЦИЙ

ПО РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1965

В. И. АСТАХОВ

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(ДО КОНЦА XIX в.)

*Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования УССР в качестве
учебного пособия для студентов исторических
факультетов университетов.*

НБ ПНУС

203343

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. А. М. ГОРЬКОГО
Харьков 1965

Учебное пособие по русской историографии содержит двадцать семь лекций, в которых освещается история русской исторической науки с древнейших времен до конца XIX века.

В книге показано, как в процессе борьбы революционно-демократического, а затем марксистского направлений с дворянско-буржуазной гайкой создавались предпосылки к возникновению и утверждению подлинно научного материалистического понимания отечественной истории. Автор обращает преимущественное внимание на слабо изученные и мало освещенные темы.

Пособие рассчитано на преподавателей и студентов исторических факультетов университетов и пединститутов, а также всех интересующихся русской историографией.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Г. СЛЮСАРСКИЙ

Виктор Иванович Астахов

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Редактор *Д. А. Вайнберг.*
Техредактор *Г. П. Александрова.*
Корректоры *Р. Е. Доф, Е. Т. Поступай.*

Сдано в набор 12/XI 1964 г. Подписано к печати 11/XII 1964 г.
БЦ 30499. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 9,125 бум. л., 18,25 физ. печ. л.,
29,9 усл. печ. л., 31,4 уч.-изд. л. Зак. 3981. БЗ Укр. № 7 поз. 15.
Тираж 5000. Цена 73 коп.

Харьковская типография № 16 Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати.
Харьков, Университетская, 16.

203343

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый курс лекций освещает основные этапы и направления в развитии русской историографии от появления первоначальных исторических знаний в древнейший период до возникновения марксистской науки в канун империализма.

В процессе чтения курса на историческом факультете Харьковского университета автор стремился улучшить его, используя последние достижения советских ученых в исследовании истории русской исторической науки и учитывая многочисленные критические замечания, высказанные по ранее опубликованным лекциям¹.

Совершенствуя лекции по русской историографии, автор, с одной стороны, по-прежнему руководствовался желанием всемерно облегчить студентам изучение курса, а с другой — стремился сосредоточить внимание на менее освещенных и изученных темах.

Главной задачей в исследовании дореволюционного периода русской историографии является показ настоящих поисков путей к подлинно научному материалистическому пониманию отечественной истории и вызре-

¹ А. М. Сахаров. О курсе русской историографии В. И. Астахова. Научные доклады высшей школы. «Исторические науки», 1960, № 3, стр. 187—195; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1961, стр. 21; Н. П. Калистратов. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР, ж. «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 30; Ярослав Марек. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. I, «Československý časopis historický», гос. VIII, 1960, с. 2, s. 234; А. А. Гельфман, А. М. Мелихов. В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии, ч. 2 (эпоха промышленного капитализма). «Украинский исторический журнал», 1964, № 3, стр. 134—136.

вания предпосылок к созданию марксистско-ленинской исторической науки, творцом которой в нашей стране был В. И. Ленин.

Без решения этой задачи невозможно решение другой, назревшей и более сложной — изучение и освещение истории советской исторической науки.

Автор считает своим приятным долгом выразить сердечную признательность всем, кто критическими замечаниями, советами и дружеской поддержкой помог в подготовке настоящей книги.

ЛЕКЦИЯ I

ПРЕДМЕТ, МЕТОД И ЗАДАЧИ КУРСА

Историография — важная отрасль советской исторической науки. Развитие русской исторической науки и возникновение историографии. Принцип марксистско-ленинской партийности в изучении историографии. Основные задачи курса и его периодизация. Критический обзор буржуазной историографической литературы. Советские работы по истории исторической науки в нашей стране.

Большой советский писатель-патриот, широко и всесторонне знавший отечественную историю, Алексей Николаевич Толстой писал в своей автобиографии: «Чтобы понять тайну русского народа, его величие, нужно хорошо и глубоко узнать его прошлое: нашу историю, коренные узлы ее, трагические и творческие эпохи, в которых завязывался русский характер»¹.

Уже в дореволюционное время трудами отечественных ученых были накоплены огромные знания по истории нашей Родины.

В послеоктябрьский период советские историки, вооруженные подлинно научной марксистско-ленинской теорией, заново поставили и успешно решили многие коренные проблемы русской и всемирной истории. И сегодня, на пороге своего пятидесятилетия, советская историческая наука, как и все другие отрасли советской науки, становится все более мощным рычагом преобразования мира на социалистических началах. «В познании истории, — подчеркивал академик Б. Н. Пономарев

---

¹ Алексей Толстой. Собр. соч. в десяти томах, т. I, Краткая автобиография, М., 1958, стр. 60.

в докладе на Всесоюзном совещании историков, — заложен могучий источник сил для новых свершений во имя построения коммунизма в нашей стране, во имя свободы и счастья народов, во имя мира на Земле»¹.

История является великой и незаменимой школой, в которой трудящиеся учатся преодолевать трудности, избегать повторения ошибок, отбирать и совершенствовать наиболее эффективные методы организации и строительства нового общества.

Можно без преувеличения сказать, что из всех гуманитарных наук историческая наука является основной, ведущей. Во-первых, именно в ней мы находим полное подтверждение основного положения нашего мировоззрения, систему доказательств закономерностей исторического развития, утверждающих коммунизм. Во-вторых, только историческая наука содержит всю полноту фактического материала, раскрывающего важнейшее положение о решающей роли народных масс в истории.

Отсюда огромное значение исторической науки в процессе формирования мировоззрения человека коммунистического общества и, одновременно с этим, в мобилизации духовных и физических сил советских людей на сознательные трудовые подвиги во имя утверждения коммунизма. «Отличительная черта эпохи строительства социализма и коммунизма состоит в том, — отмечал Б. Н. Пономарев, — что народные массы под руководством Коммунистической партии сознательно творят историю, своим героическим трудом вписывают в нее самые яркие страницы. В этом гордость историков, сознающих себя частицей народа, строящего коммунизм. В этом и величайшая ответственность историков перед народом!»².

Дальнейшее развитие советской исторической науки в соответствии с задачами, поставленными новой Программой КПСС, невозможно без глубокого и объективного изучения истории этой науки.

Очевидно, совершенно закономерно именно в последние годы происходит интенсивное развитие историогра-

¹ Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров. Сб. «Всесоюзное совещание историков». Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 14.

² Там же.

фии, которая позволяет всесторонне оценить пройденный исторической наукой путь, лучше использовать ее достижения, увидеть недостатки и пробелы, наметить перспективы дальнейшего изучения истории.

Появление трех академических томов «Очерков истории исторической науки в СССР», ряда ценных книг и монографий, первого учебного пособия по историографии истории СССР¹, большого количества статей и, наконец, плодотворная дискуссия, посвященная периодизации истории советской исторической науки² — все это убедительно говорит о значительных сдвигах в этой, еще недавно весьма запущенной отрасли советской исторической науки.

Отмечая эти достижения на Всесоюзном совещании о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, академик М. В. Нечкина справедливо указывала, что «в эпоху культа личности мы не могли изучать во всей полноте историю своей собственной исторической науки, и особенно историю советской исторической науки...

Очень важно, чтобы эта историческая дисциплина изучалась молодежью, чтобы проделанный исторической наукой путь становился все больше и больше достоянием нашего общества»³.

Слово «историография» в буквальном смысле означает «писание истории». Поэтому, когда говорят об историографии того или иного периода, имеют в виду исторические работы, относящиеся к этому периоду. Не случайно в XVIII и начале XIX века людей, которым поручали написание истории, называли историографами. Мы будем употреблять слово «историография» в специальном научном понимании, подразумевая историю самой исторической науки.

¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I—III, М., 1955—1963; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, Изд-во МГУ, 1957; «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», Под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева, М., 1961; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Курс лекций, Изд-во ЛГУ, 1962; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I, Изд-во ЛГУ, 1961.

² См. журн. «История СССР», № 1, 3, 4, 5 за 1960; № 1—4 за 1961 г.

³ Сб. «Всесоюзное совещание историков...», стр. 90.

Историография — это наука, которая изучает процессы накопления знаний о развитии человеческого общества и совершенствования методов исторического исследования, рассматривает борьбу различных течений и показывает историю раскрытия законов общественно-го развития, историю победы марксистско-ленинской исторической науки над буржуазной наукой.

Курс русской историографии освещает с позиций марксизма-ленинизма историю русской исторической науки.

Изучая историю исторической науки, необходимо прежде всего выработать критическое отношение к историографическому наследию прошлого. Задача курса — не только дать характеристику последовательного роста знаний в области истории и показать, как расширялось и углублялось понимание отдельных сторон исторического процесса, но и вскрыть классовую сущность и методологическую порочность реакционных течений, показать ограниченность прогрессивных исторических направлений в домарксовской историографии.

В процессе изучения историографии нетрудно убедиться в том, что история превратилась в подлинную науку только после того, как приняла на вооружение теорию исторического материализма. Эта теория позволила впервые вскрыть и показать действительные законы исторического развития и осуществила тем самым революцию в исторической науке.

Периодизация курса, о которой подробно будет сказано несколько позже, строится в соответствии с марксистско-ленинской периодизацией истории нашей страны. Она отражает смену общественно-экономических формаций и развитие в каждой из них классовой борьбы. Развитием же классовой борьбы в конечном счете определяется сущность борющихся между собой прогрессивных и реакционных школ и направлений в исторической науке.

Обращая внимание на эту борьбу, мы увидим, что новые творческие идеи, углублявшие понимание исторического процесса, всегда выдвигались представителями и идеологами прогрессивных классов. И наоборот, представители классов, переставших играть передовую роль, отказывались от творческих идей своих предшественников и вступали в борьбу с идеологами новых, подни-

мающихся классов. Тем самым представители отживших классов демонстрировали разложение и упадок своей идеологии, превращая ее в орудие реакционных устремлений.

Этот кризис идеологии реакционных классов особенно ярко и рельефно виден в исторической науке, чрезвычайно тесно связанной с интересами различных классов.

Изучение отдельных разделов курса предполагает общую характеристику социально-политических условий того или иного периода, в которых развивалась историческая мысль. Касаясь основных исторических направлений, главное внимание необходимо уделить представителям передовых общественно-политических направлений, борющимся с консервативными и реакционно настроенными историками.

В настоящем курсе подчеркивается, во-первых, самостоятельность и оригинальность русской исторической мысли в лице ее передовых представителей, во-вторых, взаимосвязь русской исторической науки с исторической наукой других народов, а также ее влияние на развитие мировой исторической науки. Особое внимание уделяется характеристике марксистско-ленинской историографии в России и развитию советской историографии.

История как отражение общественного бытия и соответственно историография как наука о ее развитии сами подчинены определенным законам и развиваются в тесной связи с общим ходом социально-экономической и политической жизни общества.

Историография появляется позже исторической науки, так как предполагает существование последней в качестве объекта изучения. В древние времена и в средние века историческое мышление человека еще не выходило за рамки простого воспроизведения фактов. Летописцы, как правило, излагали исторические события, не понимая движущих сил общественного развития. Политические идеи и религиозные теории, которыми они руководствовались, были довольно примитивны. Творцом истории считали бога. Ни критики источников, ни определенной системы методов исследования не существовало. Происходило лишь накопление исторических знаний.

Однако по мере дальнейшего развития феодального общества и зарождения буржуазного уклада внутри его возникали глубокие политические и классовые противоречия, которые требовали объяснения; появилась необходимость перейти от простого воспроизведения исторических фактов к их объяснению, к раскрытию смысла и значения тех или иных событий. Стремясь решить эти задачи, историки руководствовались определенной философской теорией, у них развивалось критическое отношение к историческим источникам. Качественный скачок в развитии исторических знаний был обусловлен зарождением на рубеже XVII и XVIII вв. нового буржуазного класса. Этот период охарактеризован Фридрихом Энгельсом как период превращения знаний в науку. «Восемнадцатый век, — пишет он, — собрал воедино результаты прошлой истории, которые до того выступали лишь разрозненно и в форме случайности, и показал их необходимость и внутреннее сцепление. Бесчисленные хаотические данные познания были упорядочены, выделены и приведены в причинную связь; знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т. е. сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой. До восемнадцатого века никакой науки не было...»¹.

Историки все чаще стремятся рационалистически, с помощью человеческого разума, а не божественного предопределения, объяснить ход исторического процесса, ищут внутреннюю связь между отдельными историческими событиями, проверяют достоверность исторических источников, критически сопоставляют их. Появляются многотомные компиляции по всеобщей истории, предпринимаются попытки дать связное изложение истории отдельной страны.

В нашей стране, в силу целого ряда условий, возникшая в первой четверти XVIII в. историческая наука по своей классовой направленности была дворянской. Основателем русской дворянской исторической науки является Василий Никитич Татищев, которому принадлежит первый сводный труд по истории России. Его «История Российская с самых древней-

ших времён», хотя и носила следы влияния летописных традиций, была значительным шагом вперед в постановке задач исторического исследования, провозглашении новых принципов обобщения исторического материала и в целом знаменовала рождение исторической науки в нашей стране.

Дальнейшее развитие этой науки определяют передовые взгляды на историю гениального русского ученого М. В. Ломоносова.

Процесс становления дворянской исторической науки в России во 2-й половине XVIII в. отражался в борьбе различных направлений. В этом отношении характерна полемика М. В. Ломоносова с немецкими историками, работавшими в России, — Г. Ф. Миллером и А. Л. Шлецером, а также между русскими дворянскими историками И. Н. Болтиным и М. М. Щербатовым. Если в работах Болтина содержались мысли, предвосхищавшие элементы буржуазной науки, зарождавшейся в трудах русских просветителей Н. И. Новикова, С. Е. Десницкого и Я. П. Козельского, то князь М. М. Щербатов представлял наиболее консервативное крыло дворянской науки и был прямым предшественником такого столпа реакционно-охранительной историографии, как Н. М. Карамзин.

Наряду с развитием дворянской и возникновением буржуазной исторической науки в трудах Александра Николаевича Радищева зарождается революционное понимание истории, которое отражало интересы эксплуатируемых масс крепостного крестьянства.

Таким образом, к концу XVIII в. историческая наука развивается не только в русле интересов господствующего дворянского класса. Отдельные представители ее стремятся объяснить исторические события с позиций поднимающейся буржуазии. Одновременно с этим определяется направление, отражающее интересы угнетенной массы русского крестьянства.

В основе дворянского понимания истории лежало упорное стремление крепостников сохранить и отстоять существующий общественный порядок. Буржуазное направление пыталось оправдать экономические и политические притязания растущей буржуазии, объяснить закономерность ее появления. Третье — революционное направление противопоставляло исторической науке

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, изд. 2, М., 1955, стр. 599.

эксплуататорских классов такое толкование истории, из которого вытекают опасные для самодержавно-крепостнического строя выводы о решающей роли народных масс в истории, прогрессивности их борьбы с угнетателями, неизбежности революции и торжества социальной справедливости.

Так, в исторической науке XVIII — начала XIX в. отражались и сталкивались интересы основных классов русского общества. Усложнение социальной структуры и углубление экономических и политических противоречий, расширение источниковедческой основы исторической науки, совершенствование методологических принципов исследования — все это заставляло историков все чаще и пристальнее изучать взгляды своих предшественников, сопоставлять и анализировать их для того, чтобы глубже постичь тайны истории.

В 30—50-х годах XIX в. возникает историография как особая историческая дисциплина. Ее родоначальником принято считать крупнейшего русского буржуазного историка Сергея Михайловича Соловьева. Начиная с его работы «Писатели русской истории XVIII века» (1855), изучение истории русской исторической науки принимает систематический характер и способствует дальнейшему поступательному развитию самой науки.

Следует подчеркнуть, что буржуазия, которая впервые осознала проблемы современной исторической науки, выдвинула принцип историзма и сформулировала идею классовой борьбы, даже в период своего кратковременного подъема была неспособна в силу классовой ограниченности правильно разрешить эти проблемы. По мере становления нового класса капиталистической России — пролетариата и превращения его в самостоятельную политическую силу все более отчетливо проявлялись признаки упадка буржуазной исторической мысли. Ее представители постепенно отказывались от лучших традиций XVIII и XIX веков. В конце прошлого столетия буржуазная историография переживает глубокий кризис, порожденный общим разложением капиталистической системы. Загнивание и реакция в буржуазной историографии наглядно проявляются в отрицании объективности исторического знания, в уходе от научной истории к прагматизму, в подмене исторического анализа и философского синтеза фактологией.

На Западе буржуазные ученые В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Эдуард Майер и другие отрицали какие-либо закономерности в историческом процессе, отвергали объективность исторической науки вообще. Риккерт, например, предлагал отнести историю к области знания, изображающей лишь единичное и неповторимое. И в России эта, с позволения сказать, «концепция», упраздняющая историческую науку, нашла свое распространение. Вот как решал этот вопрос самый популярный в России в конце XIX в. историк В. О. Ключевский: «научный интерес истории того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общества. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса»¹.

Ключевский в данном случае отвергал возможность закономерностей в развитии человеческого общества, чрезмерно переоценивая индивидуальные и неповторимый характер исторических событий в каждой стране.

В еще большей степени этот поход против исторической науки, ее способности отражать объективные закономерности в развитии общества, характерен для таких историков, как П. Н. Милоков, А. С. Лаппо-Данилевский и, особенно, для субъективистской социологии народников, распространившей свое влияние и на область историографии.

Таким образом, буржуазная историография в конце XIX в. как за рубежом, так и в России зашла в тупик. Как указывал В. И. Ленин, наступило «отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями...»².

Возникновение марксизма и внедрение в историческую науку исторического материализма было глубочайшим революционным переворотом в истории этой науки и вывело ее из того тупика, в котором она оказалась

¹ В. О. Ключевский. Соч. в восьми томах, т. 1, М., 1956, стр. 26.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 25, стр. 44.

к концу XIX века. Характеризуя значение одного из важнейших открытий К. Маркса и Ф. Энгельса — исторического материализма, В. И. Ленин писал: «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм»¹.

С именем В. И. Ленина связано начало нового ленинского этапа в марксистском изучении русского исторического процесса. Выступив в 90-х годах XIX в. за борьбу за чистоту идейных позиций марксизма, В. И. Ленин отстаивал материалистическое понимание исторического процесса, а затем создал цельную и законченную марксистскую концепцию русской истории.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксизм был, есть и будет единственным ключом к подлинно научному пониманию истории человечества. «Марксизм, — писал он, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»².

Утверждая действительную объективность исторических знаний, В. И. Ленин беспощадно разоблачал буржуазный объективизм и его носителей, которые пытались под личиной мнимой аполитичности скрыть реакционный, антинаучный характер идеологии гнущего капитализма. «...Материализм, — указывал В. И. Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³.

Марксизм-ленинизм учит, что «чистой науки» не существует, что такое утверждение буржуазных ученых рассчитано на обман трудящихся. Историческая наука всегда была связана с интересами определенных общественных классов и носила классовый, партийный характер. Партийность буржуазной науки направлена на защиту и оправдание наемного рабства и эксплуатации, т. е. объективно противоречит историческому прогрессу. Такая направленность буржуазной науки влечет за собой лакировку капиталистической действительности, стремление затушевать остроту классовых противоречий и в конечном счете приводит к отрицанию объективной истины, к произвольному обращению с фактами и фальсификации истории.

Ф. Энгельс указывал: «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹.

Таким образом, партийность буржуазной исторической науки ведет к субъективизму и к идеализации капиталистического строя. «Мы привыкли к тому, — отмечал В. И. Ленин, — что все либеральные и часть народнических историков прикрашивают крепостничество и крепостническую государственную власть в России»².

Принципиально иной характер носит партийность марксистско-ленинской науки. Она беспощадно борется со всем реакционным и последовательно отстаивает объективную истину в познании. Марксистско-ленинская наука обязывает при оценке исторических событий исходить из объективного анализа их, становясь при этом на позиции рабочего класса, на защиту его коренных интересов, которые совпадают с объективными потребностями общественного развития и соответствуют жизненным чаяниям всех трудящихся. Поэтому партийность советской исторической науки означает высшую объективность в воспроизведении исторического процесса.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 44.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 57—58.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 1, стр. 419.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 104.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 16.

Следовательно, марксизм-ленинизм, отражая интересы пролетариата, является единственно правильной научной теорией, дающей возможность понять ход и направление исторического развития и вскрыть его закономерности.

В основу курса русской историографии положено учение классиков марксизма-ленинизма об историческом материализме. Исходя из этого учения и решается основная задача курса — показать процесс зарождения, развития и утверждения материалистического понимания истории русского народа.

Развитие исторической науки в России отражает, как уже говорилось, основные этапы русской истории. Конечно, такое отражение не означает полного совпадения, так как возникновение и оформление новой идеологии часто предшествует торжеству нового начала в общественных отношениях. Так, например, буржуазная историческая наука в России возникла и утвердилась до 1861 г., т. е. до победы капиталистического способа производства.

В русской историографии прежде всего следует выделить дореволюционный период и период советской исторической науки. Разделительной вехой между ними является Великая Октябрьская социалистическая революция.

В дореволюционном периоде можно условно выделить пять разделов:

1. Исторические знания феодальной Руси (X—XVII вв.).

2. Утверждение дворянской и зарождение буржуазной исторической науки. Возникновение революционно-демократического понимания истории (XVIII в.).

3. Кризис дворянской и утверждение буржуазной историографии. Оформление революционно-демократического понимания истории (первая половина XIX в. до 60-х годов).

4. Развитие революционно-демократического и возникновение марксистского понимания истории в борьбе с буржуазно-дворянской историографией (60—90-е годы XIX в.).

5. Марксистско-ленинская историческая наука в борьбе с буржуазной историографией эпохи империализма (конец XIX и начало XX в.).

Период советской исторической науки (1917—1964 гг.) можно также условно разделить на три этапа:

1. Советская историческая наука в период борьбы за построение социалистического общества (1917—1936 гг.).

2. Советская историческая наука в период завершения строительства социалистического общества и перехода к коммунизму (1937—1956 гг.).

3. Советская историческая наука в период развернутого строительства коммунизма.

Разумеется, приведенная периодизация нуждается в уточнении и детализации, о которых будет сказано в процессе конкретного изучения того или иного периода. Внутри каждого раздела выделяются отдельные, более дробные периоды, обусловленные теми или иными особенностями в развитии исторической науки.

Е заключение вводной лекции рассмотрим основную историографическую литературу по курсу.

Еще задолго до выделения историографии в качестве отдельной отрасли исторической науки наряду с библиографией источников и литературы возникает стремление к изучению ее истории. Основоположнику русской исторической науки В. Н. Татищеву принадлежит первая попытка историографического обзора предшествующей и современной литературы. «Истоки русской историографии, т. е. зарождение истории исторической мысли в русской литературе, — пишет С. Л. Пештич, — следует искать уже в «Истории Российской» В. Н. Татищева»¹. Рассматривая в первой части первой книги литературу по русской истории вплоть до конца XVII века, Татищев не ограничивается ее критической оценкой, он пытается показать зависимость толкования исторических событий и фактов от общественно-политической и национальной принадлежности того или иного автора, определяет характер и достоверность использованных ими источников, воссоздает впервые историю русского летописания.

После Татищева в дворянской исторической науке постепенно утверждается правило: начинать конкретное изложение русской истории с краткого обзора предшествующей литературы. Такие обзоры характерны для ра-

¹ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I, Изд-во ЛГУБИБЛИОТЕКА

2 1981
203340

бот Ф. А. Эмина, И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, А. Шлецера, И. П. Еланина и других.

Появление специальных историографических работ было связано прежде всего с зарождением нового буржуазного направления в исторической науке.

— Известный русский просветитель второй половины XVIII в. Николай Иванович Новиков, работы которого создавали предпосылки для возникновения буржуазной науки, сделал первую попытку создания историографического обзора. В 1772 г. он опубликовал «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором сохранилась характеристика русских историков и летописцев от Нестора до Ломоносова.

В 1837 г. известный литературный критик и публицист Н. И. Надеждин опубликовал статью «Об исторических трудах в России», которая явилась значительным шагом вперед в развитии историографии. Автор ее связывал развитие исторической мысли с конкретными «жизненными условиями», популяризовал идеи французских буржуазных историков Ф. Гизо и О. Тьерри, считал, что историческая наука должна стремиться «открыть внутреннюю непрерывную связь событий»¹ и в соответствии с этим критиковал Карамзина и других дворянских историков.

Начало историографии как науке положил серией статей о русских историках С. М. Соловьев. Все написанное в этой области до него носило историко-библиографический характер. Соловьев, закладывая основы русской буржуазной исторической науки, не только определил свое отношение к дворянским историкам, он дал достаточно глубокий анализ наиболее существенных явлений русской историографии от Манкиева и Татищева до Шлецера и Каченовского.

В первой действительно историографической работе Соловьева «Писатели русской истории XVIII века» (1855) было сказано о научных заслугах Татищева и достоинствах его «Истории Российской...». Соловьев справедливо оценил Болтина, как одного из самых талантливых историков XVIII в., показал значение «Истории Российской от древнейших времен» Щербатова и ее недостатки.

¹ Н. Надеждин. Об исторических трудах в России. — Библиотека для чтения, 1837, т. XX, отд. III, стр. 95.

В последующих историографических статьях Соловьева¹ содержится подробный разбор «Истории государства Российского» Карамзина, творчества Миллера, Шлецера, Каченовского и других. «Таким образом, — пишет В. Е. Иллерицкий, — именно Соловьевым были заложены основы русской историографии как самостоятельной научной дисциплины. Полнота охвата важнейших историографических явлений сочеталась в его работах с их содержательной и во многом правильной оценкой»².

Что касается недостатков работ С. М. Соловьева, то они определялись буржуазной ограниченностью его мировоззрения. Соловьев игнорировал летописный период в развитии исторических знаний, он считал основоположником научного подхода к истории Шлецера, а Ломоносова обвинял в неумении уловить особенности в истории русского народа. Эти ошибочные заключения крупнейшего буржуазного историка надолго закрепились в историографии. «Начиная с Карамзина и кончая Соловьевым, — писал В. О. Ключевский, — все русские историографы XIX в. смотрели на Шлецера, как на первоучителя, родоначальника своей науки...»³.

Подобная точка зрения, как мы увидим позже, перекочевала без больших изменений даже в работы некоторых советских историков⁴.

Глубокий след в развитии русской историографии оставили революционеры-демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, историк-демократ А. П. Шалов и другие.

В. Е. Иллерицкий, которому принадлежит наиболее

¹ С. М. Соловьев. Герард Фридрих Миллер (Фридрих Изалович Миллер). «Современник», 1854, кн. 10, отд. 2, стр. 115—150; Николай Михайлович Карамзин и его «История государства Российского», «Отечеств. записки», 1853, № 10, стр. 31—50; 1854, № 2, стр. 125—140; № 5, стр. 33—46; 1855, № 4, стр. 101—142; № 5, стр. 35—60; 1856, № 4, стр. 405—450; Август Людвиг Шлецер. «Русский вестник», 1856, т. II, стр. 489—453; Шлецер и антиисторическое направление. «Русский вестник», 1857, т. VIII, стр. 341—480; Каченовский М. Т. В кн. «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Моск. ун-та», ч. I, М., 1855, стр. 383—403.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 552.

³ В. О. Ключевский. Соч. в восьми томах, т. VIII, М., 1959, стр. 448.

⁴ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, Госполитиздат, 1941, стр. 150—166.

обстоятельная оценка историографического наследия революционных демократов¹, правильно подчеркивает, что они, в отличие от дворянских и буржуазных историков, главное внимание сосредоточивали на определении политических позиций историков и классовой направленности их творчества.

Достаточно показательны в этом отношении работы талантливого русского историка-демократа Афанасия Прокофьевича Щапова.

Основной недостаток дворянской и либерально-буржуазной историографии Щапов видел в идеализации прошлого, одностороннем интересе к истории государства, в игнорировании истории народных масс и их борьбы против самодержавия и крепостничества. «Мы до такой степени были чужды своему народу, что не научили его даже своей русской народной истории»², писал он в адрес столпов официальной науки. «Где же земля и люди? Ужели провалились куда-нибудь, а осталось одно государство?...»³.

Последовательный противник самодержавной власти, видевший в русской истории непрерывную борьбу народа с феодальным государством, Щапов осуждал монархически настроенных историков, которые, подобно Устрялову, «с приторным патриотизмом изображали торжество православия и единодержавия»⁴.

Щаповская критика либерально-буржуазной историографии в основных своих пунктах совпадала с критическими выступлениями Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Особенно наглядно свидетельствует об этом отношении Щапова к представителям так называемой государственной школы. В основе ее, считал он, лежало ошибочное убеждение о зависимости свободы и благосостояния русского народа от хороших или правильных государственных учреждений, от постепенных политических реформ. Особенно резко в связи с этим критиковал он Чичерина, который «проявился в этой категории... типом ультрагосударственного фанатизма, рыным проповедником строгой, систематической государ-

ственной унии и централизации, или централизационно-бюрократического государственного пантеизма: государство и народ, по его метафизико-юридической доктрине — одно и то же»¹.

Щапов, так же как Чернышевский и Добролюбов, подчеркивал большое научное значение «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, но вместе с тем критиковал крупнейшего русского буржуазного историка за то, что он не видел в истории России никаких других народов, кроме русского, а все исторические факты и события истории русского народа укладывал в прокрустово ложе идеи государственности. «Оттого сия история, — отмечал Щапов, — больше — биография царей и князей, а не всецелая биография или история народа»².

По мере своего дальнейшего развития историография превращается в специальную историческую дисциплину. Ей уделяют все большее внимание в университетских курсах, появляются печатные работы по курсу русской историографии.

Первой попыткой создания курса русской историографии была работа профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (СПб., 1884), написанная с идеалистических позиций автором, стоявшим на стороне славянофилов. Рассмотрение истории русской исторической науки Коялович доводит до 80-х годов XIX века. Субъективистская позиция автора, который придерживался гегелевской теории о «воплощении мирового духа» в различных народах, определяется его словами: «...Чем дальше, тем больше я приходил... к убеждению, что в истории области объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших голых фактов»³.

Все развитие русской историографии Коялович рас-

¹ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 157.

² А. П. Щапов. Неизд. соч. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. 17.

³ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. VI.

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 555—560.

² А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, Иркутск, 1937, стр. 14.

³ А. П. Щапов. Соч., т. II, СПб., 1906, стр. 367.

⁴ А. П. Щапов. Соч., т. I, СПб., 1906, стр. 681.

смастривал сквозь призму борьбы русских историков с немецкими. «В настоящей моей книге, — писал он в предисловии, — я... ставлю вопрос: больше ли произошло пользы или вреда от вмешательства иноземцев в разработку русской истории?»¹. Решая поставленный вопрос в славянофильском духе, автор считает, что результат этого вмешательства «крайне вреден науке русской истории, потому что авторитетно отрезывал путь к изучению того же предмета с русской точки зрения»².

Более полный историографический обзор принадлежит идеологу империалистической буржуазии, лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову. Книга называется «Главные течения русской исторической мысли» (1898) и представляет собой курс лекций, читанных в Московском университете в 1886—1887 годах. Развитие исторической мысли дано здесь в полном отрыве от развития общественных отношений. Автор исходит из того, «что общее течение русской историографии всегда обуславливалось некоторыми основными взглядами, теориями и системами...»³. В соответствии с этим идеалистическим положением Милюков считает, что предметом его исследования является «не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направлявшие ее теоретические побуждения...»⁴.

В таком откровенно идеалистическом плане и освещает Милюков развитие русской исторической науки от «Синописа» Иннокентия Гизеля (1674) до «Философического письма» Чаадаева (1836), «рассматривая продукты старой исторической литературы как отслоения былых моментов теоретической мысли...»⁵.

Такие буржуазные историки XIX в. как Соловьев, Ключевский, Костомаров, представители государственной школы Кавелин, Чичерин не получили оценки Милюкова. Он, как и Коялович, совершенно игнорировал так же историю революционной исторической мысли.

Книга К. Н. Бестужева-Рюмина «Биографии и характеристики» (1882) проникнута славянофильскими симпа-

¹ М. О. Коялович. История русского самосознания..., стр. VI.

² Там же, стр. 100.

³ П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, изд. 3, СПб., 1913, стр. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 2.

тиями автора, который превозносит Карамзина как одного «из самых гениальных людей Русской земли», хвалит Погодина и критикует родовую теорию Кавелина и Соловьева.

До сих пор не потеряла своего значения непревзойденная по полноте фактического материала двухтомная работа профессора Киевского университета В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (1891—1908). Однако, используя богатейший источниковедческий и историографический материал этой фундаментальной работы, доведенной до XVIII в., необходимо иметь в виду два ее существенных недостатка. Наиболее важный в развитии русской историографии XIX век не получил освещения в работе Иконникова. Второй недостаток отражает общее кризисное состояние буржуазной исторической науки конца XIX — начала XX в. и заключается в почти полном отказе автора от теоретических обобщений и выводов. Автор совершенно сознательно уходит от анализа приведенных фактов, не вскрывает классовую сущность и политическую направленность описываемых работ и не случайно в предисловии к своему огромному историографическому своду считает его лишь «материалом» для будущей полноценной историографии.

Русской историографией в дореволюционный период занимались А. С. Лаппо-Данилевский, Б. И. Сыромятников, Д. И. Багалеи. Первый в течение двадцати лет читал в Петербургском университете курс русской историографии, в котором освещал развитие исторической науки в отрыве от общественно-политических условий и классовой борьбы. Сохранился его литографированный курс лекций «Очерки по русской историографии» и статья, опубликованная в «Русском историческом журнале»¹.

Б. И. Сыромятников написал большую работу «Традиционная теория русского исторического развития (исторический очерк)», которая, к сожалению, не была напечатана. Д. И. Багалею принадлежит литографированный курс «Русская историография», в котором историография смешана с источниковедением.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. «Русский истор. журнал», 1920, кн. 6, стр. 5—29.

К историографическим работам следует отнести трехтомник Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» (1914—1916). Некоторые положительные стороны этой работы (освещение взглядов русских революционных демократов, отдельные правильные высказывания о Ломоносове, Татищеве и др.) не снимают ее общей отрицательной оценки, как работы меньшевистского толка. Исходя из меньшевистского тезиса об особой отсталости России и слабости в ней классовой борьбы, Плеханов показывает развитие русской общественной и исторической мысли в полной зависимости от западноевропейской философии, а в оценке русских историков повторяет выводы буржуазной историографии.

Свое настоящее развитие история русской исторической науки получила лишь в советское время. По мере становления и утверждения советской исторической науки вопросам историографии уделяется все большее внимание.

Первым советским историком, который подверг принципиальной критике буржуазную историографию и тем самым облегчил рождение марксистско-ленинской истории русской исторической науки, был М. Н. Покровский. Его очерк «Классовая борьба и русская историческая литература» а также отдельные историографические статьи вскрыли классовую сущность и политическую тенденциозность дворянских и буржуазных историков, показали их научную несостоятельность. Но нужно сказать, что М. Н. Покровский в пылу полемики с враждебной буржуазно-дворянской историографией иногда впадает в крайность и склонен вообще перечеркнуть все достигнутое в дореволюционной исторической науке.

Первая попытка создания марксистского учебника по русской историографии принадлежит Н. Л. Рубинштейну. Речь идет о фундаментальной работе «Русская историография», опубликованной в 1941 г. и представляющей серьезное исследование. Автор ее, однако, освещает развитие исторической науки в России фактически вне связи с социально-экономическими условиями. Книга лишена боевого духа марксистско-ленинской партийности и представляет собой в значительной мере метафизический показ отдельных исторических школ и течений, а не анализ развития исторической мысли в условиях ожесточенной классовой борьбы. Раскрытие клас-

совой ограниченности домарксовской дворянской и буржуазной историографии Н. Л. Рубинштейн часто подменяет механическим сопоставлением различных исторических школ. В книге смазаны черты оригинальности русской исторической мысли. Принижая таких выдающихся русских историков XVIII в., как Татищев, Щербатов, Болтин, Ломоносов, автор переоценивает Байера, Миллера, Шлецера, возводит их в ранг основоположников русской исторической науки. Почти все крупные русские историки показаны как люди, слепо воспроизводившие в своих работах только то, что давала им западноевропейская наука. Революционно-демократическое направление в русской историографии осталось вне поля зрения автора. Марксистская историческая наука по Н. Л. Рубинштейну является простым продолжением буржуазной науки, а не революционным переворотом в ней.

В 1955 г. Институт истории Академии наук СССР выпустил первый том коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР» под редакцией М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатова и А. Л. Сидорова. Эта книга представляет собой первый удачный опыт создания марксистской истории исторической науки в СССР.

Первый том охватывает период с древнейшего времени до середины XIX в. и показывает достижения историографии народов СССР. Освещая борьбу течений, развитие методов исторических исследований и постепенное обогащение исторических знаний, авторы книги оспаривают устаревшие мнения и по-новому оценивают ряд концепций. Отличаясь боевой партийностью, «Очерки» проникнуты уважением к историкам, которые, не поднявшись до марксистского понимания истории, тем не менее внесли серьезный вклад в историографию. Большим достоинством книги является наличие глав, посвященных истории вспомогательных исторических дисциплин, в которых разбираются работы по славяноведению, археологии, этнографии.

Говоря о положительных сторонах этой капитальной работы, необходимо отметить, что в ней нашли отражение общие недостатки развития советской исторической науки тех лет: освещение русской исторической науки в отрыве от западноевропейской, преувеличенное под-

черкивание ее превосходства, элементы нигилистического отношения к дореволюционной науке, некоторая идеализация представителей прогрессивной русской общественной мысли.

Многие из отмеченных недостатков устранены во втором томе, вышедшем в 1960 г. и охватывающем в основном вторую половину XIX века¹. обстоятельная и всесторонняя характеристика истории исторической науки в нашей стране доведена здесь до основного рубежа нашей историографии — начала ленинского этапа.

Большой познавательный и научный интерес представляет третий том «Очерков», вышедший в 1963 году. Он охватывает период империализма и состоит из трех частей. В первой показано начало ленинского этапа в развитии марксистской исторической науки, во второй — кризис буржуазной историографии, в третьей — историография народов России в период империализма.

В книге освещена ленинская концепция всемирно-исторического процесса и исторического развития России, борьба Ленина с буржуазно-дворянской и мелкобуржуазной историографией. Здесь же впервые подробно исследована дореволюционная большевистская историческая литература.

Авторам удалось воссоздать объективную историю исторической науки эпохи империализма и показать кризис дворянско-буржуазной историографии, как «сложный процесс научного развития (именно развития, а не прекращения движения), идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков»², из которых часть скатывается на реакционные позиции, часть мечется в поисках решений, а наиболее передовая часть тянется к материалистическому пониманию истории.

Значительным шагом вперед в изучении русской историографии с марксистско-ленинских позиций является публикация курса лекций одного из видных советских историков, блестящего знатока источников по

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. Под ред. М. В. Нечкиной (гл. редактор) М. Н. Тихомирова, С. М. Дубровского, М. А. Аллатова, Б. Г. Вебера, А. М. Станиславской, М., 1960.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. III, М., 1963, стр. 6.

русской истории эпохи феодализма Л. В. Черепнина. Его «Русская историография до XIX века», изданная в 1957 г. Московским университетом и охватывающая период с X до конца XVIII в., представляет собой оригинальное исследование. К сожалению, в опубликованных одиннадцати лекциях этого курса изложение доведено только до зарождения буржуазной историографии.

Первым учебным пособием по историографии истории СССР, охватывающим период от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, явилась работа, подготовленная авторским коллективом Московского историко-архивного института¹. В ней умело отобран и систематизирован большой и ценный историографический материал, дающий представление о главных явлениях в развитии исторической науки. Одно из основных достоинств этой полезной и нужной книги в том, что в ней выпукло показано классовое, научно-политическое содержание различных школ и направлений. Если говорить о недочетах, то вызывает возражение механическое перенесение общепериодической периодизации на историю исторической науки, в результате чего смазываются особенности и своеобразие ее развития². Нельзя признать удачной и характеристику исторической науки народов России, что, очевидно, объясняется по-прежнему слабой изученностью этого важного вопроса.

Из других работ, представляющих значительный вклад в изучение русской историографии, следует назвать содержательную работу С. Л. Пештича, посвященную русской историографии XVIII в., и курс лекций А. Л. Шапиро, а также оригинальное исследование М. И. Марченко по украинской историографии³.

Из приведенного краткого обзора советской историографической литературы видно, какой важной и акту-

¹ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Илларионок и И. А. Кудрявцева, М., 1961.

² См. рец. А. М. Сахарова. Ж. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 142—145.

³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Часть I, Изд-во ЛГУ, 1961; А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1962; М. Г. Марченко. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Вид-во Київ. ун-ту, 1959.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ (X—XVII ВВ.)

ЛЕКЦИЯ 2

НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Значение летописей как историографического памятника. Летописцы — выразители идеологии феодального класса. Основные этапы развития русского летописания. Общая характеристика «Повести временных лет». Важнейшие исторические идеи «Повести» и ее значение

В истории нашей страны IX век ознаменовался становлением феодальных отношений. Разложение первобытнообщинного строя у восточных славян в VI—VIII вв. привело к возникновению феодальной формации.

К IX в. в результате длительного процесса общественного развития образовалось Древнерусское государство с центром в Киеве. Образование государства и утверждение феодальной формации положительно сказались на развитии исторических знаний.

Ставшие во главе государства феодальные князья в условиях резких социальных конфликтов всячески стремятся упрочить и обосновать свою власть. С принятием христианства церковь становится мощной экономической и политической силой феодального общества.

Складывается феодальное право, которое охраняет жизнь, имущество, привилегии феодалов и юридически оформляет их власть над закрепощенным населением. Появляется первый свод древнерусских законов — «Русская Правда», отражающий интересы господствующего класса.

Быстрое развитие культуры в Древнерусском государстве дает в руки феодалов такое могучее оружие, как

альной задачей является изучение истории советской исторической науки и создание полноценного марксистского учебника по всему курсу. Это особенно необходимо в настоящее время, когда реакционная буржуазная историческая наука превратилась в служанку империализма и стремится всячески опорочить и очернить прошлое и настоящее нашего народа.

В таких условиях творческая разработка и глубокое изучение вопросов историографии, прежде всего советского периода, приобретают особенно важное значение, усиливают нашу идейную и общетеоретическую вооруженность и в определенной степени являются частью того патриотического вклада, который каждый должен вносить в общую борьбу советского народа за построение коммунистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Ф. Энгельс. Эмигрантская литература. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, М., 1961, стр. 501—548.
- К. Маркс. Письмо в редакцию «Отечественных записок». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, М., 1961, стр. 116—121.
- К. Маркс. Конспект монографии Н. И. Костомарова. «Стенька Разин». Ж. «Молодая гвардия», 1926, кн. I, стр. 104—125.
- В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. Полное собр. соч., т. 2, стр. 1—14.
- В. И. Ленин. Карл Маркс. Полное собр. соч., т. 26, стр. 43—93.
- В. И. Ленин. Либеральное подкрашивание крепостничества. Полное собр. соч., т. 23, стр. 16—17.
- Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, 1955; стр. 5—16.
- Сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР», М., 1962.
- Сб. «Всесоюзное совещание историков», М., 1964.
- Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. Сб. «Всесоюзное совещание историков», стр. 11—54.
- М. Нечкина, Ю. Поляков, Л. Черепнин. Некоторые вопросы истории советской исторической науки. Ж., «Коммунист», 1961, № 9, стр. 58—70.
- Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Изд-во МГУ, 1957, стр. 3—24.

письменность, с помощью которой они также пытаются усилить свою власть. Среди многих оригинальных литературных памятников Древнерусского государства (сказаний о начале Русской земли, призвании варяжских князей, о русских князьях X века, «Слово о законе и благодати» Иллариона, «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Феодосия») особенно важны для нас летописи — памятник совершенно исключительный по своему значению.

Будучи средством политического воспитания общества в духе феодально-религиозной идеологии, летописи отстаивали интересы феодальной верхушки и в первую очередь самого князя. Здесь уместно подчеркнуть, что исторические знания Древнерусского государства, возникая в условиях складывающихся феодальных отношений, отражали преимущественно взгляды правящего класса. Хотя среди древнерусских произведений можно встретить и такие, которые содержали антифеодальные тенденции, в целом это не меняет феодальной природы исторических знаний того времени.

Как основной историографический памятник Древнерусского государства, летописи свидетельствуют о довольно высоком уровне исторических знаний. М. Н. Тихомиров в «Очерках истории исторической науки в СССР» справедливо отмечает, что «для своего времени историография Киевской Руси была передовой по сравнению с историографией многих стран тогдашней Европы и Азии»¹. Вобрав в себя богатейшее устное народное творчество, отражая важнейшие идейные течения в древней Руси, сохраняя ценные документы (договоры, завещания, послания) и лучшие историко-литературные произведения, русские летописи не знают себе равных ни по обилию фактического материала, ни по полноте освещения исторических событий, ни по степени достоверности.

Утверждение Н. Л. Рубинштейна о небрежном и некритическом отношении летописцев к источникам так же неверно, как и его утверждение о том, что у летописцев отсутствовало представление о причинно-следственной связи событий. Доказательством ошибочности этого утверждения может служить «Повесть временных

лет», основную задачу которой автор точно сформулировал в названии «Се Повести времяньных Лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда руская земля стала есть»¹.

Уже из заглавия видно, что летописец ставил себе определенные цели. Он интересуется происхождением Русского государства, возникновением княжеской власти, взаимными связями племен и народов. Конечно, летописец воспринимает причинно-следственную связь узко, его понятия о ней примитивны. Тем не менее он не просто регистратор событий, он исследователь, хотя еще не очень умелый и глубокий, но отчетливо различающий связь событий и стремящийся к некоторым изысканиям. Например, во вводной части события излагаются в порядке их внутренней связи и последовательности, а не по годам. Но и там, где исторические факты описываются по годам, летописец не перестает уделять внимание причинам их происхождения. Он тщательно выясняет, почему крестился Владимир, характеризует деятельность князей, отношения между ними.

Интерес к исходным моментам событий проявляется в самом изложении исторических фактов. Летописцы показывают причины того или иного события, выясняют почему возникла ссора, кто первый ее начал и т. д. Они стремятся найти наиболее полные источники, очень дорожат текстом предшествующих летописей, осторожно подходят к использованию народных преданий и легенд, отбирая из них лишь то, что не противоречит имеющимся у них письменным источникам и их собственным идейным позициям.

Следовательно, мы вправе говорить о первичных элементах критического отношения к источникам и известных представлениях летописцев о причинно-следственной связи.

Вопрос о том, какую идеологию отражали летописцы, уже частично затрагивался. «Рукой летописца...» писал крупнейший знаток летописей А. А. Шахматов, — управляли политические страсти и мирские интересы².

¹ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 9.

² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Пгтр., 1916, стр. XVI.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 60.

Летописи — острый, политически целенаправленный документ. Бесспорно, что летописцы создавали их по определенному заказу и отстаивали в них интересы заказчика — крупного феодала или князя. О политически-тенденциозном характере летописей свидетельствуют многочисленные примеры. В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу «исписати грабительства нечестивых бояр», и этот отчет составил основную часть княжеской летописи. В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал рассказать в летописи о крамоле жителей Берестья.

О политических задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят их предисловия к летописям. Составитель «Летописца княжения Тверского благоверных великих князей тверских» (свода тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по велению князя Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению «чести премудрого Михаила, боголюбивого князя», т. е. Михаила Александровича тверского. Свою задачу он видит в том, чтобы описать, как «господь бог възвыси и прослави рог Тверския земля», и доказать, что и Михаил и его отец Александр заимствовали свою власть по прямой наследственной линии от князя Владимира, «иже святым крещением просвятивший землю рускую».

Эти и другие примеры показывают, что летописи составлялись в верхах феодального общества Древнерусского государства, главным образом в кругах, близких к князю. Поэтому центральными действующими лицами летописей являются крупные феодалы, прежде всего князья и епископы. «Наши летописи,— пишет Д. М. Приселков, — не были литературными произведениями в узком смысле этого слова, а политическими документами. Та правящая верхушка, которая в том или ином феодальном центре налаживала у себя дело летописания, в изложении событий, заносимых на страницы своего летописца, озабочивалась, конечно, не правдивостью передачи, а созданием такого повествования, которое в данном случае было бы выгоднее всего для этой местной политической власти»¹.

¹ Д. М. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 6.

Наиболее полно летописи рассказывают о крупных политических событиях, которые касаются как светских, так и духовных феодалов. Внимание летописцев привлекают войны между князьями, назначения епископов и митрополитов, княжеские съезды, события в семье князя (смерти, рождения, свадьбы). По летописям можно составить почти полные биографии выдающихся князей, их происхождение и родственные связи. Зато жизнь широких народных масс, как правило, почти не интересует летописцев. Только ничтожные и отрывочные сведения имеются в летописях о сельском населении. Так, в «Повести временных лет» лишь семь раз говорится о смердах и более тысячи раз употребляется слово «князь». Целые разряды и категории населения не упоминаются вовсе (изгой, закупы и др.). Поэтому на основании одних только летописей трудно судить о социально-экономическом развитии страны, о состоянии земледелия и т. п. В них можно найти красочный рассказ о внешнем виде княжеского дворца, его внутреннем убранстве, и ни одного слова о жилище смерда. Несколько больше говорится о населении городов, да и то в связи с восстаниями, которые летописцы обычно осуждают, называя их «казнью божей».

Все это доказывает, что представление о создателях летописей как о рядовых монахах, писавших по личной инициативе в тиши монастырских келий, неправильно. Из всех известных нам летописцев рядовым монахом был, по-видимому, только Лаврентий, который лишь переписывал Тверской свод 1305 г., не внося в него ничего нового. В Киево-Печерском монастыре летопись вели игумен Никон, игумен Сильвестр, игумен Иоанн и, конечно, не рядовой монах Нестор. В Новгороде летописцами были представители белого духовенства — Герман Воята, Тимофей, в Пскове — посадники, в Москве — дьяки Василий Мамырев, Степан Бородатый и другие. Часто составление летописей находилось в руках дипломатических деятелей. Не случайно в XVI—XVII вв. Посольский приказ в Москве имел непосредственное отношение к летописанию.

Таким образом, летописцы были людьми, стоявшими в центре политической жизни своего времени, а их летописи носили феодально-тенденциозный характер.

Рассматривая основные этапы развития русского летописания, необходимо подчеркнуть их тесную связь с процессом углубления феодальных отношений на Руси. В самом начале стоит «Повесть временных лет», отражающая период образования Древнерусского государства. В ней наиболее ярко выражена идея политического единства под главенством киевского князя. Эта идея единства «Русской земли» последовательно проводится от рассказа о призвании князей до Владимира Мономаха. Решая две важнейшие проблемы нашей древней истории — происхождение русского народа и возникновение государства, — «Повесть временных лет» является наиболее интересным историографическим памятником XII века.

В связи с распадом Древнерусского государства и началом периода феодальной раздробленности летописание переходит в плоскость местной истории. Временное усиление того или иного феодального княжества вызывает появление местных летописей. Так, в XII в. существовало киевское летописание, в XIII — вольшское; на севере до XVI в. велись новгородские и псковские летописи и т. д. Имелись летописи в Ростове, Твери, Москве, Переяславле, Чернигове.

Процесс объединения отдельных княжеств великим княжеством Московским приводит к перестройке летописания. Местная история как бы растворяется в истории московской, местные летописи — в московской летописи, которая ставит задачу создания общерусского свода, отражающего изменение политического веса и значения великого князя московского. Не случайно именно с конца XIV в. развивается работа над созданием такого летописного свода. К 1390 г. относится создание «Летописца великого русского», доведенного до 1389 года. В нем проводится идея политической преемственности Москвы от Древнерусского государства. В Троицкой летописи говорится: «Аще хошеши распытовати, разгни книгу Летописец Великой Русьский и прочти от Великого Ярослава (Ярослава Владимировича — В. А.) и до сего князя нынешнего» (Василия Дмитриевича).

Идея создания единого общерусского свода становится определяющей для всего летописания XV века. За Троицкой летописью идет Фотиев Полихрон 1418 г., а за ним — общерусские своды 1448 и 1456 годов. Самым

ярким памятником московского великокняжеского летописания является Московский свод 1479 года.

Подчинение летописания задаче объединения княжеств вокруг Москвы отчетливо сформулировано в летописях этого периода. Сообщая о походе Ивана III в 1471 г. на Новгород, летописец рассказывает, что Иван III просил мать отпустить с ним дьяка Степана Бородатого, «умеющего говорить по летописцем Русским», чтобы в политических спорах с новгородцами напомнить им «их измены давные, кое изменяли великим князем в давные времена, отцем его и дедом и прадедом».

К этому времени, т. е. ко второй половине XV в., в летописях четко оформляется схема происхождения московской великокняжеской династии, которая должна была утвердить политическое первенство московских князей не только среди русских, но и среди европейских государей. Происхождение московской династии выводилось от римского императора Августа, через его брата Пруса к киевским князьям, а от киевских — к владимирским и московским. Эта генеалогия, впервые изложенная в «Сказании о великих князьях владимирских», стала излюбленной схемой московских книжников XVI века.

Новые исторические условия, возникшие в конце XV — начале XVI в., вызвали дальнейшие изменения в летописании, о которых будет сказано в следующей лекции.

Теперь же остановимся на характеристике «Повести временных лет» и ее значении. В «Повести временных лет» летописец, говоря о книгах, образно сравнивает их с реками: «Се бо суть реки, напоюще вселеную». Это сравнение летописца, отмечает советский историк Д. С. Лихачев, «как нельзя более подходит к самой летописи»¹. Действительно, величавое и последовательное изложение летописцем древнерусской истории можно сравнить с торжественным и могучим течением большой русской реки.

В плавном течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — различные источники, давшие единое и величественное целое. Тут и пред-

¹ Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк. В кн. «Повесть временных лет», ч. 2, стр. 51

шествующие летописи, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде. Из всего этого родилась «Повесть временных лет» — труд многих авторов, отразивший в себе идеологию верхов феодального общества и народные взгляды на русскую историю.

«Повесть временных лет» содержит своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины. В полном глубокого оптимизма, проникнутом патриотическим подъемом повествовании мы находим широкое осмысление исторической действительности. «Повесть временных лет» настолько владела умами, была настолько захватывающей, что в течение пяти веков разные летописцы продолжали ее в местных, областных, а затем и общерусских летописях. Она стала образцом исторического повествования для последующих летописцев и историков, которые видели в ней живое свидетельство единства Русской земли.

«Повесть временных лет», — пишет Д. С. Лихачев, — произведение родное для всякого русского человека. Она повествует о начале Русской земли, о начале русского народа голосом далеких и вместе с тем близких нам русских людей XI — начала XII вв. К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в ней новые и новые, не замеченные нами прежде глубины содержания»¹.

Большие достоинства «Повести» выросли на благодатной почве русской культуры начала XII века. Они обусловлены усиленным интересом к родной истории всех слоев общества и высокими качествами русского литературного языка, оказавшегося способным выразить все тонкости отвлеченной мысли и многочисленные реальные понятия исторической действительности XI—XII веков.

«Повесть временных лет» отражает победу феодального общественного уклада над дофеодальным и первобытнообщинным. Она создана в эпоху, когда феодальная культура была явлением прогрессивным, молодым. Каковы же внешне- и внутрисполитические условия, в которых возник замечательный памятник русского летописания?

¹ Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк. В кн. «Повесть временных лет», ч. 2, стр. 5.

В конце XI — начале XII в. набеги половцев на Русскую землю стали подлинным народным бедствием. Степные кочевники яростно пытались прорвать оборонительную линию земляных валов, которыми Русь огородила с юга и юго-востока свои пределы.

Этот тяжелый для нашей страны период в ней собираются силы, способные дать отпор степным хищникам. Подъем на Руси совпадает с освободительной борьбой в Испании против мавров и общим движением в Европе против турецкой агрессии. Русь, составлявшая левый фланг защиты от кочевых и полукочевых народов, под руководством Владимира Мономаха переходит от пассивной обороны к активному наступлению. Знаменитые степные походы Мономаха останавливают половецкие набеги.

Успешная внешняя борьба против степных народов вызвала внутренние попытки приостановить процесс феодального дробления страны и объединить русских князей на основе общности их внешнеполитических задач. Любечский (1097 г.), Витичевский (1100 г.) и Долобский (1103 г.) съезды князей, констатируя, что «каждо да держит отчину свою»¹, одновременно провозгласили необходимость их единства и совместных наступательных действий против половцев.

В это же время была сделана попытка сплотить все классы населения для укрепления обороноспособности страны. Чтобы прекратить вспыхнувшее в Киеве в 1113 г. народное восстание, местные бояре призвали на княжение популярного в народе Владимира Мономаха. Он явился в Киев и успокоил волнение, сделав серьезные уступки эксплуатируемому слою городского и сельского населения.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в начале XII в. в условиях начавшегося распада Древнерусского государства вопросы его единства были чрезвычайно актуальными. В связи с этим создается величайший памятник русского летописания — «Повесть временных лет», от первой до последней строки пронизанная идеей объединения Русской земли, призывавшая к ее защите перед лицом грозной внешней опасности.

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. I, М., 1926, стр. 256—257.

Начальной летописью, или «Повестью временных лет» называется, по определению А. А. Шахматова, тот «летописный свод, который озаглавлен соответствующим образом, составлен в Киеве, обнимает события до второго десятилетия XII века и содержится в начале большей части летописных сводов XIV—XVII вв.»¹. Свое название летопись получила от первых слов, с которых она начинается: «Се Повести временных лет...». Сличая различные списки «Повести», мы видим, что одинаковый текст в них продолжается до 1110 г., после чего тексты расходятся. Из этого можно заключить, что «Повесть» кончилась на 1110 г. и, являясь памятником, использованным позднейшими летописцами, дошла до нас в двух редакциях — Лаврентьевской и Ипатьевской. Первая переписана монахом Лаврентием в 1377 г. для суздальского князя Дмитрия Константиновича и относится к 1113—1116 годам. Вторая переписана в начале XV в. в Ипатьевском монастыре и относится к 1118 годам.

Автором «Повести временных лет», составленной около 1113 г. в Киево-Печерском монастыре, считают Нестора. В подлиннике его труд до нас не дошел. Он сохранился лишь в переделках и доработках последующих летописцев, которые, принадлежа к лагерю, враждебному Киево-Печерскому монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Однако в одном из списков, так называемом Хлебниковском, говорится, что это труд «Нестора, черноризца Федосьева монастыря Печерского».

Начало «Повести временных лет» посвящено событиям всемирной истории в ее средневековом понимании. Летописец постепенно вводит русскую историю в мировую, сообщая различные сведения географического, этнографического, культурно-исторического порядка и характеризуя обстановку, в которой возникло Древнерусское государство. Открывается летопись историко-этнографическим введением. Нестор рассказывает о «всемирном потоке» и распределении Земли между сыновьями Ноя. Он перечисляет страны, отошедшие к Симу и Хаму, и особенно подробно останавливается на тех «полуночных» (т. е. северных) и западных странах, которые получил Иафет. «В Афетове же части, — пишет он

дальше, — сядять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь легькола, любь»¹.

Рассказывая о происхождении народов, Нестор передает легенду о «вавилонском столпотворении», во время которого люди якобы разделились на народы и заговорили на разных языках. Образование славян он ведет от племени Иафета. Вначале, пишет Нестор, славяне жили по Дунаю — там где ныне Венгерская и Болгарская земли. Отсюда они расселились, образовав различные племена и народности. Свои названия славянские племена получили от тех мест, где они вначале жили. «От техъ славень разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте»², — пишет летописец.

Подробно сообщив о расселении племен, Нестор не менее обстоятельно излагает географические данные о Русской земле и путях, которые связывали ее с другими странами. Он описывает водоразделы Днепра, Западной Двины, Волги, затем приводит легенду о трех братьях, основавших Киев, — Кие, Щоке и Хориве.

Касаясь политического обособления русских племен (полян, древлян, дреговичей, словен и полочан), автор называет соседние русские племена — весь на Белоозере, мерю — на Ростовском озере, мурому — в устье Оки. Здесь же он перечисляет славянские народы, населяющие Русь, и всех неславян, которые платят дань русским или входят в Русское государство. Нестор вспоминает при этом о тех временах, когда славяне сами были покорены и платили дань. Он рассказывает о болгарях, белых уграх, обрех (аварах), печенеггах, временно угнетавших славян. Этот рассказ имеет глубокий смысл: летописец обращает внимание на то, что народы, угнетавшие славян, или исчезли, или ушли, а славяне остались, живут и сами берут дань с других племен. Чтобы подчеркнуть это, Нестор передает легенду об обрех, угнетавших славянское племя дулебов. Обры были телом велики и умом горды, впрягали в телеги дулебских женщин и ездили на них, за что бог всех их истребил.

¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I, стр. 1.

¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

Осталась на Руси лишь поговорка: «погибоша акн обре».

Далее автор описывает нравы и обычаи славянских племен. Кроткий и тихий нрав полян он противопоставляет нравам древлян, радимичей и северян, живущих, по его словам, «звериньским образом». В этом противопоставлении заметен местный патриотизм киевлянина.

Описание жизни различных племен и народов летописец заканчивает краткой характеристикой основных врагов Древнерусского государства — половцев — и указывает на преимущества христианских нравов на Руси. Здесь, как и во всей «Повести», Нестор настойчиво подчеркивает, что русские цивилизованнее и культурнее других народов.

Постепенно сужая тему повествования, он рассказывает древнейшую историю полян. Сообщая о покорении полян хазарами, он приводит предание хазарских мудрецов о том, что поляне, принесшие в качестве дани обоюдоострые мечи, сами впоследствии будут собирать дань с хазар. «Се же сбыться все», — добавляет от себя летописец. Здесь кроется та же патриотическая идея — русские, когда-то угнетавшиеся и платившие дань другим народам, поднялись настолько, что сами вершат судьбами своих соседей.

Этим заканчивается вводная часть летописи, после которой исторические события излагаются строго по годам. Назвав первую дату — 6360 (852) год, автор заявляет, что с этого времени «нача ся прозывати Руская земля». Он пишет, что под 852 г. впервые прочел у греческого летописца упоминание о Русской земле в связи с нападением Руси на Царьград. «Тем же отселе почнем и числа положим», — говорит Нестор и сопровождает первую дату своего повествования большой хронологической таблицей основных событий всемирной и русской истории.

Дальше строгий хронологический принцип проходит через всю летопись. Автор проделал здесь довольно сложную для своего времени работу по уточнению основных хронологических вех русской истории. После хронологической таблицы, данной под 852 г., Нестор поместил ряд лет без всяких записей. Вписывая эти пустые годы, он соблюдает принцип летописной формы, собираясь, очевидно, заполнить их впоследствии,

«а может быть, — отмечает Д. С. Лихачев, — даже давал тем самым как бы задание для разысканий своим продолжателям»¹. Под 862 г. летописец пересказывает легенду о призвании варягов, взятую у своего предшественника.

Возникает вопрос, почему, борясь за независимость Руси от Византии и отстаивая авторитет киевского князя, Нестор прибегает к теории иноземного происхождения княжеской власти и Древнерусского государства?

В средние века всякому новому общественному явлению искали объяснение или на небе, или за пределами своей страны. Его считали привнесённым извне, дарованным богом, заимствованным у иностранного государства, результатом завоевания, призвания, договора, но не результатом внутренних закономерностей общественного развития. В силу исторически обусловленной ограниченности своего мышления Нестор и его предшественники видели первопричину возникновения государственной власти на Руси не в социально-экономическом развитии, а в призвании князей. Исходя из актуальных политических задач своего времени, они и создавали по этому поводу определенные легенды. Примечательно, что в легенде о призвании варягов, созданной до Нестора, подчеркнута роль народа. Русское государство, согласно рассказу летописца, возникло на основе своеобразного договора народа с князьями — их призвания. Поэтому летопись резко разграничивает варягов-захватчиков, изгнанных народом, от варягов «приглашенных».

Вслед за рассказом о призвании варягов Нестор освещает важнейшие события политической истории Древнерусского государства, причем чем ближе к своему времени, тем чаще он опирается на русские источники и отходит от иноземных. Очень важными являются тексты договоров Руси с греками, приведенные в летописи. Последнюю часть своей «Повести» — по 1100 год — Нестор писал в значительной мере на основании сведений, собранных им самим. Мы имеем лишь смутное представление об этой части летописи, так как

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 157.

она подверглась через несколько лет коренной переработке.

Создание такого грандиозного произведения, как «Повесть временных лет», свидетельствует о большой начитанности автора и широком круге использованных им источников. «Нестор очень широко подошел к выполнению своего исторического труда, — пишет Б. А. Рыбаков, — княжеские архивы, византийские и славянские исторические сочинения, народные предания, эпос, все предыдущие русские летописи и своды летописей, родовые летописцы бояр, рассказы очевидцев и собственные этнографические наблюдения — все было умело использовано этим талантливым историком XII века»¹.

Говоря об источниках «Повести», необходимо подчеркнуть значение устной исторической памяти народа. Если из других источников летописцы брали главным образом факты, то устные материалы о жизни древнерусского народа были тем животворным ключом, который питал летопись основными идеями и вдохновлял летописцев на патриотическое освещение прошлого родной земли. «От глубокой древности, — говорил А. М. Горький, — фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории».

Исторические легенды, предания и песни древнерусского народа явились тем фундаментом, на котором Нестор первым начал возводить величественное здание отечественной истории. «В них заключалось то историческое самосознание народа, которое позволило вырасти русскому летописанию», — подчеркивает Д. С. Лихачев².

Из источников переводного характера, использованных в «Повести временных лет», следует отметить византийскую хронику Георгия Амартола и его продолжателя, в которой излагалась всемирная история до 948 года. Отсюда были взяты рассказы о разделении Земли между сыновьями Ноя, о нападении Руси на Царьград и др. Другими источниками были: краткий «Летописец» патриарха Никифора, «Житие Антония Великого», «Житие Василия Нового», «Откровение Ме-

фодия Патарского» и др. Все это источники византийского происхождения. Но особенно многочисленны источники оригинального характера: договоры, жития святых и различные сказания, исторические сочинения и т. п.

Следует отметить, что, пользуясь сведениями исторических источников, Нестор свободно перестраивает их текст, сокращает и упрощает стилистически. Литературный талант Нестора, глубокое знание источников, умение выбрать в них главное, сопоставить противоречивое помогли ему сделать «Повесть временных лет» не просто собранием исторических фактов, а цельной, стройной, умело литературно изложенной историей древней Руси. Патриотическая приподнятость, исторический оптимизм, широта политического горизонта — таковы основные достоинства этого замечательного памятника древности.

Сознание Нестора как историка значительно выше, чем у его предшественников. Он интересуется первопричинами событий, происхождением народа, государства, княжеского рода, названий городов и племен. Он уже в определенной степени исследователь. Его кропотливые изыскания в области хронологии изумительны. Нестор стремится разобраться в противоречиях источников и строит исторические гипотезы. Поэтому о нем можно говорить как о первом русском историке-мыслителе.

Оценивая «Повесть временных лет» как величайшее произведение русской исторической мысли XII в., нужно отметить, что ее основные идеи (защиты и единства Руси) сопутствовали жизни русского народа на протяжении более чем полутора тысячелетия. Вряд ли найдется другое произведение, значение которого было бы столь велико в исторической действительности XI—XVII вв. Изучению его посвящены сотни трудов. Нет ни одного русского историка, который, занимаясь Древнерусским государством, не посвятил бы «Повести» несколько страниц. Нет ни одного исследователя древней русской литературы, не отметившего ее огромного значения как литературного памятника.

Вопрос о происхождении «Повести временных лет» и ее составители породил обширную литературу. Уже В. Н. Татищев в XVIII в., основываясь на заголовке не-

¹ Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства. Сб. докладов советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1956, стр. 111.

² Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, стр. 10.

которых списков летописи, утверждал, что автором ее является монах Киево-Печерского монастыря Нестор, живший в конце XI века. Татищев же указывал, что летопись сохранилась не в первоначальном, а в измененном виде.

Подобного мнения придерживались и многие другие историки. А. Шлецер посвятил сорок лет жизни критике текста Нестора, стремясь очистить его от описок переписчиков, ошибок и искажений. Скептически относясь в целом к древнему периоду русской истории, Шлецер высоко ценил летописи.

Много сделал для подготовки научного издания летописей Н. М. Карамзин. Он ввел в оборот ряд летописных списков и первым стремился определить идеи, которыми руководствовались летописцы.

Новое слово в изучении русских летописей было сказано П. М. Строевым, который предложил рассматривать их как сборники или своды разнородного предшествующего материала. Летопись с тех пор уже не казалась единой, в ней обнаружили слои, принадлежавшие разным эпохам и разным летописцам. По этому пути шли М. П. Погодин и И. И. Срезневский.

Попытки определить характер освещения того или иного события по классовой принадлежности летописца сделал И. Д. Беляев, давший первую классификацию русских летописей.

К. Н. Бестужев-Рюмин в работе «О составе русских летописей до конца XIV в.» показал, что в них введено большое количество преданий, легенд и народных песен. Бестужев-Рюмин, как и Строев, считал летописные своды чисто механическим соединением разнообразных материалов. «Повесть временных лет», писал он, это «архив, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы»¹.

М. И. Сухомлинов в работе «О древней русской летописи, как памятнике литературы» (1856) сделал попытку установить ее литературные источники. Над изучением летописей работали Д. И. Иловайский, Н. И. Костомаров, И. П. Хрущев, И. П. Сенигов и другие.

Наиболее ценными в дореволюционной науке были работы А. А. Шахматова и прежде всего его огромный

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в., СПб., 1868, стр. 87.

труд «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908). Шахматов внес в изучение летописания новые методы, ввел в научный оборот многочисленные рукописные материалы, опубликовал неизвестные до того важные летописные списки и сделал смелые опыты по восстановлению утраченных летописей XI—XII веков. Опыты эти, указывает Д. С. Лихачев, — «не знают себе равных в мировой науке по математической точности и почти художественной интуиции»¹.

А. А. Шахматов применил к летописи метод логически-смыслового анализа. Каждая летописная запись, каждое исправление и подновление оценивались им с точки зрения соответствия их идейному замыслу летописца. Он опроверг высказанный П. М. Строевым и К. Н. Бестужевым-Рюминым взгляд на летописный свод как на механическое соединение разнородных материалов. А. А. Шахматов отказался видеть в летописи какое бы то ни было проявление случайности или влияние неосознанных летописцем факторов. Во всех случаях он предполагал наличие сознательной, глубоко продуманной работы летописца, подбиравшего свой материал под влиянием законченных политических идей и создавшего летописные своды, проникнутые внутренним идейным единством. Работа летописцев, по мнению А. А. Шахматова, носила строго закономерный и единый по идее и замыслу характер. Летописи в его представлении — сложные по составу, но внутренне цельные, политически заостренные произведения.

Такое представление о летописи, как о бережном, политически продуманном своде предшествующего летописного материала, открывало широкие возможности для восстановления древнейших летописей. Оно позволило А. А. Шахматову точно анализировать работу летописца и, снимая одно наслаение за другим, очищать труд его предшественников. Терпеливо распутывая с помощью логически-смыслового анализа комбинации предшествующих летописных сводов, ученый шаг за шагом восстанавливал многовековую историю русского летописания вплоть до древнейших текстов середины XI века. Его опыты восстановления древнейших памятников летописания являются одним из достижений рус-

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 14.

ской исторической науки. Предложенная им схема происхождения летописи до сих пор не утратила своего значения.

А. А. Шахматов считал, что первая русская летопись — так называемый Древнейший Киевский свод — была составлена в 1037—1039 годах. Это предположение Шахматова, а также его утверждение о существовании Новгородского свода 1050 г., опровергнуто уже в советское время М. Н. Тихомировым и Д. С. Лихачевым¹. С начала 40-х годов XI в., по утверждению А. А. Шахматова, игумен Киево-Печерского монастыря Никон продолжил ведение летописания, и к 1073 г. был составлен второй летописный свод (Киево-Печерский, 1073 г.). В 1093—1095 гг. здесь же был составлен третий летописный свод, условно называемый Начальным. Наконец, в начале XII в. (1113 г.), не сразу, а в несколько приемов, была составлена дошедшая до нас «Повесть временных лет».

Недостатком этой схемы является то, что в ней нет места для деятельности нецерковных кругов, которые, несомненно, принимали участие в летописании. Необходимо отметить, что исследования А. А. Шахматова, оказавшие сильное влияние на буржуазную историческую науку, носили в известной мере отпечаток ее ограниченности. Для Шахматова не существовало, например, глубоких сдвигов в общественном сознании, не существовало классовой борьбы. Он видел смену политических концепций отдельных феодальных центров, а не смену идеологий различных классов и сословий. Он не учитывал изменения идеологии под влиянием изменений материальной основы общества. Поэтому летописцы в его интерпретации лишены специфических особенностей своего времени. Представители разных эпох, разных классов и сословий, они не различаются между собой, так же как не различаются приемы составления сводов — от XI до XVI века.

А. А. Шахматов связал изучение летописания с исторической наукой, и в этом его неоспоримая заслуга, но это была буржуазная наука, идеалистическая в своей основе.

¹ См. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, ч. I, М., 1940, стр. 55; Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 89.

Совершенно по-иному осветили вопросы русского летописания советские историки — А. И. Андреев, С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин. Они не только открыли новые списки и изучили малоисследованные летописные своды, но прежде всего по-новому, с позиций исторического материализма пересмотрели основные вопросы, связанные с летописями.

Долгое время происхождение русского летописания и его характер объясняли влиянием византийских хроник. Это было связано с представлением о том, что вся древнерусская культура пришла из Византии. Такая точка зрения была впервые выдвинута Шлецером в конце XVIII века. «Весь временник Нестора, — писал он, — сделан на покроя византийский»¹.

Возражая сторонникам этой ложной теории, историк древней русской литературы Н. К. Никольский убедительно доказал, что русские летописи не могут быть возведены к византийским хроникам. «Вопреки установившемуся мнению о начале русского летописания, — отмечал он, — образцами для утраченных «повестей» о поляно-руси не могли послужить греческие хроники. Несмотря на присутствие во водных статьях отрывков (вставок) из греческой письменности, ни по своему содержанию, ни по своей конструктивной форме, ни по подробностям излагаемых эпизодов и основной тенденции начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии, среди которой до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей, но и их продолжения»².

Решая вопрос о происхождении русских летописей, Н. К. Никольский заменил «византийскую теорию» теорией зависимости Начальной летописи от западнославянской хронологии.

Советские историки Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров в противовес этому доказали, что жанр русских летописных статей создавался под воздействием русской действительности, имеет оригиналь-

¹ А. Шлецер. Нестор, т. I, СПб., 1909, стр. 17.

² Н. К. Никольский. «Повесть временных лет», как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I, Л., 1930, стр. 45.

ную форму и характерные особенности, отличающие его от византийской и западноевропейской хронологии.

В том, что «Повесть временных лет» приобрела свои оригинальные черты под влиянием русской жизни и устного народного творчества, лежит объяснение ее глубоко национального характера. Эта летопись необычайно ярко отражает древнерусскую действительность с ее классовой и межфеодальной борьбой, с ее высокой культурой и активным участием в международной жизни. «Повесть временных лет» не только рассказывает о русской истории, она сама является одним из ярких проявлений древнерусской жизни, древнерусской культуры, древнерусской истории. В этом неувядаемая прелесть и величайшее значение первого летописного труда по русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

- «Повесть временных лет», ч. 1—2, М.—Л., 1950.
Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, ч. II, АН СССР, 1963, стр. 157—359.
Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.
М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56.
Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 48—60.
Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 25—50.
А. А. Шахматов. Разыскания древнейших русских летописных сводов. СПб., 1908.

ЛЕКЦИЯ 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ФЕОДАЛЬНО-РАЗДРОБЛЕННОЙ РУСИ (XII—XIV вв.)

Феодальное дробление в Древнерусском государстве. Особенности местного летописания. «Слово о полку Игореве» и отражение в нем идеи единства русских земель

XII—XIII столетия резко выделяются в русской истории. В этот период, в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений, происходит интенсивный процесс политического, экономического и культурного дробления Руси. Разделение это началось еще в первой половине XI в., при Ярославе Мудром, когда обособилась Половецкая земля.

В конце XI века резко обособляются Черниговское и Галицкое княжества. Во второй четверти XII в. выделяются Муромо-Рязанское и Смоленское княжества. Все большую самостоятельность приобретают Новгород, Чернигов, Полоцк, Смоленск, Владимир Волынский, Галич, Ростов, Суздаль, Владимир Залесский и другие города.

Распад Древнерусского государства был связан с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, с усилением активности городских масс населения. Все это имело первостепенное значение в интенсивном культурном развитии Руси XII—начала XIII века.

Новые социально-экономические условия вносят изменения в характер летописных сочинений. Основным

видом исторических произведений в период феодальной раздробленности становятся вместо общерусской летописи местные летописи и сказания. Отмечая это, следует учитывать, что местные летописные своды XII—XIII вв. сохраняют в своем составе «Повесть временных лет» и рассказывают по ней о начальной истории Руси. Авторы местных летописей считали, что история отдельных русских земель является продолжением истории всей Руси.

Переход летописания в плоскость местных летописных произведений не изменяет его феодальной идеологии, наоборот, он углубляет ее. В XII—XIII вв. наряду с созданием новых центров летописания появляются личные и родовые летописцы отдельных князей, ведением собственных летописей занимаются городские общины, отдельные церкви и т. д.

Личные летописцы охватывали историю семьи или рода того или иного князя. В них заносились сведения о рождении детей, о свадьбах, о смерти и т. д. Насколько предшествующие летописи были обширны по теме и по исполнению, настолько княжеское летописание было узким по содержанию и несложным по форме. Однако в княжеском летописании — личном и семейном — имеется своя положительная сторона. Для него характерны сознание исторической ценности личной деятельности князя, стремление сохранить для потомства особенности его биографии, забота об историческом отображении княжеской деятельности. Это новое явление, ограничивая общую тему русского летописания узкими локальными рамками, было тем не менее закономерно связано с децентрализацией русской жизни в XII в., с углублением процесса феодализации.

Личное и родовое летописание типично для периода феодальной раздробленности. Оно ярко отображает сужение политического кругозора князей. Летописные памятники этого рода многочисленны, но очень незначительны по размерам и содержанию.

Тем не менее нельзя считать, что личные и родовые княжеские летописцы полностью удовлетворяли потребности в исторических знаниях и были единственной формой исторических произведений XII—XIV вв. Многообразная, все усложняющаяся жизнь создавала иные формы исторических произведений. Среди них заметно

выделяются художественные поэмы, посвященные определенным историческим событиям, из которых наиболее известны «Слово о полку Игореве» и «Задонщина».

В это время единый ствол общерусского летописания делится на три основные ветви — новгородское, переяславское и киевское летописания, а затем дробится на более мелкие. К концу XII в. окончательно определяются местные особенности летописания: новгородского, владими́ро-суздальского, переяславского, черниговского и галицкого.

Новгородские летописи отличаются краткостью, деловитостью и более демократическим содержанием. В них много внимания уделяется городским событиям — пожарам, стихийным бедствиям, волнениям населения и т. п. С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает повышение цен на товары, непогоду, радость или негодование жителей. По образному выражению Н. И. Костомарова, создается впечатление, будто перед нами торговый человек, который спешит записать известие как можно быстрее, лаконичнее и в то же время точнее.

Летописание Галицко-Волынского княжества отвечало задачам пропаганды сильной княжеской власти и идейного обоснования борьбы с боярством. Для него характерно прославление личности князя и его жизнеописание.

Своеобразием галицко-волынской летописи является то, что историческое повествование в ней ведется без разделения на годы.

При всех особенностях местного летописания, при всем сужении его кругозора и ограниченности местным материалом, у него была одна общая черта — сознание единства русской истории. Летописание каждой области и даже города в той или иной мере стремилось стать общерусским, возможно шире охватить историю Русской земли в целом. «Может быть, нигде в средневековой Европе летописание не было на значительной территории во многих местах и в течение многих веков так прочно связано, сцементировано, как летописание русское»¹, — указывает А. Н. Насонов. Стремление охва-

¹ А. Н. Насонов. О русском областном летописании. Автореферат. Известия АН СССР, серия истории и философии, М., 1945, т. II, № 4, стр. 291.

тить историю всех русских княжеств, конечно, наиболее ярко выражено в «Повести временных лет», но оно отчетливо проявляется и в местном княжеском летописании и в городских летописях.

Особенно сильной и заметной в XII—XIII вв. была тенденция к общерусскому изложению событий в летописании владимирском. Здесь закладывались основы того общерусского летописания, которое впоследствии стало развиваться в возвышающейся Москве. Во Владимире были сделаны первые попытки остановить распад Русской земли, укрепить княжескую власть, ослабить боярство. С необычайной для своего времени смелостью Андрей Боголюбский утвердил новый центр объединения Руси — Владимир. Одним из важнейших политических предприятий его была организация своего общерусского летописания, которое продолжило бы общерусское. Умный, пронырливый князь, видимо, понимал значение летописи как важнейшего орудия укрепления и централизации русских земель, как средства усиления своей власти.

Главной идеей владимирского летописания было стремление доказать, что Владимир на Клязьме является центром политической жизни Руси, переместившимся из Киева, а владимирские князья — прямые наследники киевских. Эта схема общерусской истории перешла из владимирского летописания в московское и стала одной из основ государственной теории царской власти в дворянской историографии.

В центре владимирского летописания находится Лаврентьевская летопись, начатая при Андрее Боголюбском и законченная при Всеволоде Большое Гнездо в 1177 году. Она открывается «Повестью временных лет», затем излагает южнорусские и владимирские события, а под конец — ростовские и тверские.

Вторая половина XII и начало XIII в. характеризуются довольно широким развитием летописания. Оно приобретает различное литературное оформление, служит различным политическим устремлениям и ведется в отдельных княжествах, городах, монастырях.

Непрерывный процесс развития русского летописания замедлился, а частично и вовсе прекратился в результате татаро-монгольского нашествия. В опустошенных и культурно-обескровленных городах — Владимире, Кие-

ве, Чернигове — летописание полностью прекращается, в других, менее разрушенных, сужается, бледнеет и лишается тех выдающихся политических идей и широкого общерусского горизонта, которые были характерны для него в XI—XII веках. Превращаясь в бесхитростные компиляции, летописи теряют свое главное достоинство — идейность. Только после Куликовской битвы, в условиях начавшегося возрождения культурной жизни русского народа, возрождается и летописание.

Характерная для летописей идея единства страны пронизывает и крупнейшие литературные памятники древней Руси, такие как «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского», «Задонщина». Являясь произведениями литературными, они в определенной степени характеризуют уровень исторических знаний в эпоху феодальной раздробленности. Рукопись «Слова о полку Игореве», этого ценнейшего произведения древнерусского эпоса, была найдена Мусиным-Пушкиным в 1795 году. С нее сняли копию для Екатерины II, а в 1800 г. напечатали в Москве в сенатской типографии под названием «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

В 1812 г. единственный известный науке подлинный список «Слова» погиб во время московского пожара. Однако оставшаяся рукописная копия, снятая для Екатерины II, и печатное издание 1800 г. дают достаточно полное представление об этом литературно-историческом памятнике.

«Слово о полку Игореве» выросло на самобытной основе русской культуры XII века. Неразрывно связанное с устным народным творчеством, согретое чувством горячего патриотизма, осуждающее феодальные распри и зовущее к единению, оно объективно отражало интересы народных масс. «...В «Слове», — пишет Д. С. Лихачев, — достигли своего весеннего цветения лучшие стороны русской культуры»¹.

Автор очень скупо повествует о событиях, связанных с походом Игоря. Оценивая и взвешивая их, он, очевид-

¹ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. В кн. «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 229.

но, считает, что они хорошо известны современникам. На примере неудачного похода Игоря показываются отрицательные последствия разобщенности русских земель. Игорь терпит поражение только потому, что выступил в поход один, действуя по феодальной формуле: «мы себе, а ты себе».

Наиболее полная и удачная характеристика «Слова» как историографического памятника дана Л. В. Черепниним в его курсе лекций «Русская историография до XIX в.». Отметив, что «исторические вопросы поднимаются в «Слове» в тесной связи с проблемами современности»¹, Л. В. Черепнин справедливо подчеркивает историчность этого художественного произведения. Автор «Слова» оценивает современные ему события на основе опыта прошлого, а это прошлое в свою очередь рассматривает в свете актуальных политических вопросов настоящего. Будучи не только литератором, но и историком, он пытается выделить отдельные периоды в истории древней Руси.

Таким периодом автор считает «век Трояна» (дохристианский, языческий период), «годы Ярославовы» (период правления Ярослава Мудрого) и, наконец, «походы Олеговы» (период феодальной раздробленности, связанный с деятельностью Олега Святославича, зачинщика княжеских усобиц и распрей). В основе этого деления лежат определенные периоды в развитии Древнерусского государства, устанавливаемые автором в соответствии с характерными чертами в политике отдельных, наиболее типичных князей. Справедливо усматривая в этом проявление исторического мышления автора «Слова о полку Игореве», Л. В. Черепнин пишет, что он «мыслит историческими образами, образами князей, которые выступают в его изображении как активные деятели исторического процесса»².

Давая яркую, образную характеристику таких князей, как Ярослав Осмомысл, Всеволод Большое Гнездо, Игорь Святославич, Святослав Всеволодович, автор «Слова» воплощает в ней наиболее важные черты внешней и внутренней политики того или иного княжества, показывает его удельный вес и место в общеполитиче-

¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 63.

² Там же, стр. 66.

ской системе XII века. Так, он пишет о Ярославе Осмомысле: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер горы венгерские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча тяжести через облака, суды рьяя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отчего золотого престола салтанов за землями»¹.

Касаясь взаимоотношений князей в период феодальной раздробленности, автор наглядно показывает их междоусобицы. Причиной княжеских раздоров он считает борьбу за землю, а следствием этой борьбы — набеги кочевников. «И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная прошла посреди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые, с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке со двора»². Эти строки ясно выражают общественное недовольство политической раздробленностью страны и феодальными распрями князей.

В отличие от других древнерусских памятников «Слова» не отражает церковной идеологии, в нем лишь один раз упомянута церковь богородицы Пирогощей, к которой едет Игорь по возвращении из плена³.

«Слово о полку Игореве» как историко-литературный памятник имеет еще одну очень ценную особенность. В XII—XIII вв., когда Русская земля была раздроблена, в ней не умирало сознание единства. «Слово» примечательно как памятник, свидетельствующий об этом культурном единстве и призывающий к единству государственному. Именно в связи с этой особенностью «Слова» Маркс подчеркивал, что смысл его — в призыве русских князей к единению «как раз перед нашествием монголов».

«Слово о полку Игореве» включает множество преданий, неизвестных по другим памятникам. Одним из его источников были песни Бояна — певца XI в. Автор пользуется большим количеством устных народных преданий, делает исторические ссылки и экскурсы; многие

¹ «Слово о полку Игореве». Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 66.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 75.

мысли его совпадают с идеями «Повести временных лет».

Глубоко народные основы «Слова о полку Игореве» при отсутствии в нем областных различий делают его произведением, в котором сильнее всего чувствуется глубокое раздумье о прошлом, озабоченность настоящим, тревога о будущем. В целом оно обращено к будущему, а не к прошлому. Из всех произведений XII—XIII вв. именно в нем глубже всего заложены элементы будущих литератур — русской, украинской и белорусской.

Таким образом, развитие исторических знаний в период феодальной раздробленности продолжается. Большое место в них занимает гражданская тематика. Выросло количество литературных центров, где создавались не только летописи, но и исторические произведения других жанров. Исторические примеры все чаще использовались для объяснения современных летописцам событий. В летописях, исторических поэмах, песнях и народных былинах сохранялась и зрела идея единства русских земель, воплощенная позднее в едином централизованном государстве.

ЛИТЕРАТУРА

Владимирская летопись. Полное собрание русских летописей, т. I, изд. 2, Л., 1927.

Галицко-Волынская летопись. ПСРЛ, т. II, изд. 2, СПб, 1908.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950.

«Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.

Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 173—288.

М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 51—77.

ЛЕКЦИЯ 4

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XV—XVI вв.)

Уровень исторических знаний в период объединения русских земель. Летописные своды XV—XVI вв. «Хронограф» как попытка установления связи русской истории с всемирной. Историческая повесть. «Степенная книга» и ее влияние на развитие дворянской историографии

Период образования единого Русского государства, связанный с большими экономическими, политическими и культурными сдвигами, характеризуется дальнейшим ростом исторических знаний. Борьба за объединение русских земель находит отражение в идеологии. Необходимо было противопоставить идею объединения русских земель вокруг Москвы принципам феодальной раздробленности, утвердить преемственную линию Москвы от Древнерусского государства и князей московских от киевских. Необходимо было распространить идею единства русских земель на южные и западные русские области, захваченные Литвой и Польшей, обосновать и утвердить политическую власть великого князя Московского и опра- дить ее от притязаний удельных князей и бояр.

Внутреннее объединение и политический рост Москвы, окончательная ликвидация татарского ига превращали Русское государство в крупную международную силу, включали его в решение важнейших внешнеполитических проблем. Яркую картину роста международной

роли Русского государства рисует К. Маркс в одной из своих работ: «В начале своего царствования (1462—1505 гг.) Иван III все еще был татарским данником: его власть все еще оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, литовские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана III сидящим на вполне независимом троне об руку с дочерью последнего византийского императора; мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора; Новгород и другие русские республики покорны; Литва уменьшилась в своих пределах, и ее король является послушным орудием в руках Ивана; ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, — была ошеломлена внезапным появлением огромной Империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи»¹.

Включение Русского государства в международную жизнь вызвало необходимость включения русской истории в мировую. Развитие культуры в рамках единого государства предъявляло повышенные требования к вопросам изложения и освещения родной истории. Таким образом, проблемы, стоявшие перед историками XV—XVI вв., значительно усложнились и для их разрешения понадобились более гибкие и разнообразные средства. Это можно было сделать на основе более широкого круга источников, с помощью новых форм исторических произведений.

Прежде чем говорить о них, необходимо отметить, что в условиях быстрого экономического и культурного развития Русского централизованного государства все больший вес приобретал рационалистический подход к оценке исторических событий. По мере развития рационалистических взглядов ослабевало влияние церкви на исторические произведения и их авторов. Летописание

в этот период все заметнее служит потребностям практической жизни и отражает процесс развития политического строя Русского государства. Так, во второй половине XV в. летописи имеют заметный публицистический оттенок и в связи с процессом объединения русских земель отражают стремление той или иной земли играть главенствующую, общерусскую роль. Летописные своды, составленные в Москве, Твери, Новгороде, Ростове, Смоленске, обосновывают право этих центров на независимость и руководящую роль в объединительном процессе.

Вместе с тем, как правильно отмечает С. О. Шмидт, «в летописных сочинениях все более обнаруживается стремление к изображению исторических событий в их причинной связи, обусловленной деятельностью самих людей, а не только божественной волей»¹.

Другой особенностью летописания в этот период является документальность мотивировки, стремление в доказательстве того или иного положения опереться на документальные материалы, на «Русскую Правду», родословные русских князей, на «первого летописца» («Повесть временных лет») и т. д.

Указанные особенности наиболее характерны для новгородского и тверского летописания второй половины XV века².

Разумеется, самой перспективной и близкой к реально складывающимся политическим отношениям между русскими княжествами в период ликвидации раздробленности и создания единого государства была работа московских летописцев. Уже в конце XIV — начале XV века она становится важнейшим государственным делом. Ведя политику собирания Русской земли, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в популяризации древней летописной идеи о единстве княжеского рода и Русской земли.

Московская летопись из узкой, областной превращается в общерусскую, приобретает общенародный характер и огромный размах. Эта объединительная работа московских летописцев, соединивших в самом конце XIV — начале XV в. разрозненное летописание отдель-

¹ Историография истории СССР, стр. 48.

² См. Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 79—84.

¹ См. В. В. Мавродин. Образование единого Русского государства, Л., 1951, стр. 257.

ных областей, значительно опережала политический рост Москвы. Характер московского летописания, по выражению А. А. Шахматова, «опережает события и свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей»¹. Так, Общерусский летописный свод, составленный в Москве в 1479—1480 гг., содержал в себе идею объединения русских земель под властью московских князей и в соответствии с этой основной идеей связывал их власть с властью киевских князей, а Московскую Русь изображал в качестве непосредственного продолжателя славных дел Киевской Руси.

Столь яркая тенденциозность летописи свидетельствовала о ее официальном происхождении. «Важнейшей историкоисследовательской базой, на которой строится изложение летописи, — пишет Л. В. Черепнин, — становится правительственная документация»².

Постепенно, по мере ликвидации самостоятельности отдельных княжеств и расширения дипломатических связей Московской Руси, в Москве в архиве Посольского приказа концентрируются наиболее важные документы, а сам приказ становится центром летописания.

В составлении и редактировании летописей в XVI в. все чаще и чаще участвуют царь Иван Грозный, митрополиты Макарий и Афанасий, дьяк Посольского приказа Висковатый и другие.

Наиболее крупными летописями XVI в. были Воскресенская (40-е годы) и Никоновская (конец 60-х годов). Последняя характерна в смысле изменения приемов обработки исторического материала. В Никоновской летописи, наряду с русскими, излагаются события византийской, сербской и болгарской истории, вводятся занимательные новеллы, устные предания, византийские хроники. Автор сопоставляет известия предшественников, выбирает наиболее достоверные, стремится расшифровать непонятные места ранних летописей, выделяет из хронологического повествования отдельные тематические части.

¹ А. А. Шахматов. Общерусские своды XIV и XV вв. «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, сентябрь, стр. 91.

² Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 86.

Интересным явлением в развитии исторической мысли 60—70-х годов XVI в. было создание 12-томного иллюстрированного (лицевого) летописного свода. В нем на фоне событий мировой истории излагалась русская от «сотворения мира» до Ивана Грозного, с целью прославления величия Русского государства. Около 16 тысяч миниатюр дополняют и обогащают летописный текст ценными бытовыми деталями и подробностями.

Решив важнейшую задачу идейного обоснования необходимости создания Русского государства, внедрив в сознание русского общества идею единства Русской земли, летопись постепенно уступает место другим историческим произведениям. Идея, которую она несла в течение пяти столетий, была осуществлена в Русском централизованном государстве. Дожив до воплощения своей главной идеи, летопись отходит на второстепенное место. Ее заменяет новый вид исторического повествования — историческая повесть. Происходит это по мере усложнения требований, предъявляемых к историческим знаниям, по мере развития литературы.

В истории изменения характера русского исторического повествования XV—XVI вв. важное место занимает «Хронограф», т. е. временник. Создание его внесло новую стилистическую струю в русское летописание. Вначале эта струя заметна слабо, затем она проявляется все сильнее, расширяется и в начале XVII в. строгие летописные традиции исторического рассказа сменяются красочными формами исторической повести.

«Хронограф» в редакции 1512 г. представляет собой историческое произведение, повествующее о событиях русской и всемирной истории от «сотворения мира» до 1453 г., то есть до взятия Константинополя турками. Это большой сборник, состоящий из 208 глав и отражающий, с одной стороны, интерес русского читателя к мировой истории, а с другой — сознание мирового значения русской истории. В основе этого «Хронографа» лежит другой, составленный в 1442 г. жившим в России сербом Пахомием Лагофетом.

Изложение всемирной истории подчинено в «Хронографе» чисто литературным, повествовательным задачам. В этом его отличие от летописи. Летописец не стремился создать произведение, художественные достоинства которого были бы самоцелью повествования. Иные задачи

ставил себе автор «Хронографа». У него исторические факты являются лишь материалом для литературного занимательного чтения и моральных выводов. «Хронограф» — это цепь более или менее занимательных новелл. Каждая из них имеет ярко выраженную завязку в виде предварительной характеристики действующего лица, затем развитие действия и, наконец, заключительную развязку с нравоучительным концом. Повествование постоянно прерывается риторическими вопросами.

Вся мировая история по «Хронографу» — цепь нравоучительных рассказов, рисующих неслыханные злодеяния, невероятные подвиги благочестия, мученичество праведных и преступления нечестивых. Рассматривая историю в плане божественного вмешательства в нее, автор зовет к смирению и покаянию. Составленный в условиях частых еретических движений, «Хронограф» отличается церковно-охранительной идеологией.

Действующими лицами «Хронографа» наряду с императорами, ~~церковными~~ пастырями, царями, полководцами, жрецами, пророками были и безымянные герои, что совершенно чуждо проникнутому духом историзма русскому летописанию. Здесь историческое лицо интересно не само по себе, а лишь как повод для внушения читателю мыслей о превратности всего земного, о полной зависимости человека от потусторонних сил. Так как история для автора «Хронографа» — цепь занимательных и поучительных анекдотов, то он делит свое произведение не на годовые статьи, как русская летопись, а на ряд рассказов нравоучительного содержания. Если в летописях основную тему составляет не личная человеческая судьба, а история народа, государства, то в «Хронографе» исторические события занимают подчиненное положение. Все движется и живет в повествовании «Хронографа»: в нем описываются только действия и поступки отдельных людей. Язык его — это язык проповедей и богослужений, пышный и торжественный.

Для летописца самое важное — историческая правда. Он ценит документальность своего изложения, бережно хранит записки своих предшественников. Он по преимуществу историк. Составитель «Хронографа» — литератор. Для него важен прежде всего не исторический, а назидательный смысл событий. Как человека иной эпохи, его уже интересует человеческая психология. Изложение

у него пронизано субъективизмом, стиль отличается риторической приподнятостью. Отношение к материалу типично литературное.

Постепенно хронографы оказывали все более значительное влияние на летопись, они сыграли важную роль в выработке повествовательного, литературного стиля исторической прозы XV—XVI веков.

Пока в летописании преобладали чисто исторические задачи, влияние хронографов было эпизодическим. Но по мере того как исторические функции отдавались государством в приказы, в архивы, в разрядные книги, а перед летописью ставились задачи политического воспитания граждан, влияние хронографов увеличивалось. В XVII в. они вытеснили летопись, хронографический, риторический стиль окончательно возобладал в историческом повествовании. Летописи уступали место историческим повестям. Это, конечно, не было результатом ослабления интереса к русской истории, наоборот, интерес к ней неуклонно возрастал, потребность в точных исторических сведениях увеличивалась. Составлялись посольские книги, летописи превращались в сводки деловых исторических документов.

Таким образом, на смену летописям постепенно приходили произведения другого типа: с одной стороны, летописи превращались в реестры документов Посольского приказа, с другой — в исторические повести, посвященные короткому промежутку времени, с чисто хронографической манерой изложения.

Отличительной особенностью новых исторических произведений было единство темы. Исторические повести не отличались полнотой изложения, но зато через все их содержание проходил один сюжет, одна тема. Для них характерен не хронологический, а прагматический способ изложения, при котором все освещаемые события связаны между собой, одно действие вытекает из другого. Наиболее типичны в этом отношении «История о Казанском царстве», «История о великом князе московском» Андрея Курбского и «Степенная книга».

«История о Казанском царстве» возникла между 1564—1566 годами, в момент наибольших успехов Ивана Грозного в войне с Ливонией и великим княжеством Литовским. В ней рассказывается о Казанском ханстве и его борьбе с Московским государством. Изложение

отличается необыкновенной красочностью и поэтическими подробностями. Главной целью его было возвеличение «благоверного царя, князя великого Ивана Васильевича всеа Руси самодержца христианского»¹. Заканчивается повесть ярким рассказом о взятии Казани и возвращении в Москву Ивана IV, который завоеванием ханства оставил «себе славу великую, превыше отец своих, и память вечную в роды Руския во веки»².

Основная идея «Истории о Казанском царстве» — это идея единства Русского государства. Стремясь убедить в этом читателя, автор доказывает, что Казанское ханство является частью Руси. Он пишет: «Бысть убо от начала Руския земли, якоже повсдают Русь и варвари все то Руская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань...»³.

С этой идеей тесно связана вторая — представление автора о том, что в древние времена все народы, жившие на территории Казанского ханства, находились под властью русских князей. Поэтому присоединение Казани — событие, естественным образом завершающее развитие этой земли, событие закономерное, свидетельствующее о мудрости и дальновидности Ивана IV.

«История о великом князе московском» рассказывает о жизни Ивана Грозного от его рождения до 1578 года. Автор ее князь Андрей Курбский защищает интересы боярства, враждебно относится к реформам Грозного и обвиняет его в стремлении править единолично. Повесть Курбского чрезвычайно тенденциозна и граничит с памфлетом.

Представитель реакционных боярских кругов, Курбский, находясь во власти церковной идеологии, объяснял исторические события с помощью божественной силы. Правда, иногда и он несколько отступает от религиозной точки зрения и стремится истолковать некоторые явления в зависимости от природных данных человека, от его способностей.

Начинается «История» рассказом о свадьбе Василия III и Елены Глинской, от которой родился Иван

¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ, т. XIX, СПб, 1903, стр. 184.

² Там же, стр. 186.

³ Там же, стр. 2.

Грозный: «И родилась в законопреступлению и во сладострастию лютость, — нынешний Иоанн наш». По словам Курбского, Иван уже в детстве проявлял необычайную жестокость, а в молодые годы начал казнить бояр. Принцип изложения здесь типично прагматический, одно действие вытекает из другого. Из-за ограниченности своего исторического мышления автор сводит всю политику Грозного к самоуправству и жестокому самодурству. Повесть направлена против крепнущей самодержавной власти и ее носителя. Написана она в значительной мере под влиянием польско-литовских планов, мечтавших о покорении Русского государства.

Свои взгляды на самодержавие Курбский выразил также в посланиях к Грозному. Сохранилось три его послания и два ответных письма Ивана Грозного. Язык посланий витиеватый. Автор ссылается на латинские и греческие сочинения, с которыми он был знаком как в переводах, так и в подлинниках. Эта особенность обусловлена стремлением Курбского писать в литературном стиле XVI века.

В полемике между представителем старой политической системы, идеологом боярства князем Курбским и проводившим политику феодального абсолютизма Иваном Грозным создается новая повествовательная форма исторического произведения. В ходе полемики обе стороны стремятся вскрыть исторические корни борьбы между боярством и феодальной знатью. Курбский, например, в своей «Истории о великом князе московском» пытается восстановить картину борьбы, начиная с Василия III.

Еще показательнее для развития исторических знаний в XVI в. «Степенная книга», представляющая собой большой труд церковного происхождения, автор которого ставил задачу рассказать о русской истории от Владимира Святославича до Ивана Грозного. «Степенная книга» была начата при жизни митрополита Макария, игравшего видную роль в борьбе Ивана Грозного с остатками феодальной раздробленности и утверждении московского самодержавия. С именем митрополита Макария связана деятельность Стоглавого Собора. Он же организовал кружок, развернувший большую работу по пропаганде единства Руси и московского самодержавия в союзе с церковью. Макарий составил известные «Четьи-

Минеи» — свод жития святых, изложенных в календарном порядке. Закончилось составление «Степенной книги» при преемнике Макария митрополите Афанасии в 1563—1564 годах.

Создание подобного исторического произведения наиболее рельефно отражало повышенный интерес к биографиям крупных политических и религиозных деятелей, обусловленный образованием Русского централизованного государства и его дальнейшим укреплением и расширением. «Степенная книга», по словам Д. С. Лихачева, «представляет собой грандиозную портретную галерею деятелей русской истории, но портреты эти вполне условны: они официальные и пышные, утомительно однообразны своим обилием, несложными приемами идеализации»¹.

Автор «Степенной книги» идеализирует не только «многообразными подвигами в благочестии просиявших скипетродержателей», но всю Русскую землю, всю ее историю.

В основу «Степенной книги» положено «Сказание о князьях владимирских». Вся книга разделена на 17 степеней. Степени или грани, по словам автора, золотые и означают поколения князей. Первая степень говорит о княгине Ольге и князе Владимире, последняя относится к царствованию Ивана Грозного. Название книги отражало новый порядок изложения — не по годам, а по степеням, т. е. в последовательности княжений.

Задача, которую ставил себе составитель «Степенной книги», совершенно очевидна — он хотел прославить Московское государство и показать, что его правители являются прямыми потомками Ольги и Владимира. Эту задачу он выполнил при помощи искусственного подбора материала, не считаясь с исторической правдой. Так, в интересах общей схемы автор «Степенной книги» возвел в преемники Александра Невского его сына Даниила Александровича, хотя последний никогда великим московским князем не был. В то же время он устранил великих князей из тверской династии — противников Москвы. Столь искусственная схема исключала погодный рассказ и заменяла его рядом повестей-биографий.

¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, М.—Л., 1958, стр. 109.

Церковное происхождение «Степенной книги» наложило отпечаток на отдельные повести-биографии князей и сделало их по существу житиями князей. Оно сказало и на общей схеме, объединяющей повести. Настоящая история в толковании автора могла начаться лишь после принятия христианства. Поэтому весь предшествующий период и генеалогия от Пруса дается в качестве введения. Счет степеней начинается только с Владимира.

Через все содержание «Степенной книги» проходит обоснование с религиозных позиций необходимости единого державия при господствующем положении церкви в государстве. Формулы «царь и великий князь», «государь и самодержец», «царствие земли русской» наполняют книгу, которая заканчивается пышным восхвалением Ивана IV: «Царствова... боговенчанной царь и великий князь Иван всего державства российского царствия... храня отческое наследие от супротивных и расточенная отовсюду собирая и многи страны приобретаая и во единое христоименитое царство совокупляя».

Переходя от Александра Невского и его брата Ярослава Ярославича к IX степени, представленной московским князем Даниилом Александровичем, автор «Степенной книги» пишет: «От блаженного Владимира наченьше пять степеней во граде Киеве сконьчашася, три же степени град Владимир стяжа, девятый же степень нача в богоспасаемом граде Москве о нем же речеся сие». В этих словах итог книги. Ее основное значение — в создании первой систематизированной схемы русской истории.

Эта чисто формальная и внешняя схема, идущая от «Сказания о князьях Владимирских», очень долго в различных вариантах и переработках держалась в русской историографии. Большинство дворянских историков, придерживаясь ее, повторяли мысли «Степенной книги» о преемственности русского самодержавия от князя Владимира до царей XVI века. Созданная во времена установления самодержавия, эта схема служила позднее дворянским историкам для оправдания и защиты самодержавной власти.

Таким образом, авторы исторических произведений XV—XVI вв. ставили своей основной задачей борьбу с пережитками феодальной раздробленности и всемерное обоснование идеи сильной центральной власти.

Исторические знания выражали преимущественно интересы господствующего феодального класса, и только устное народное творчество заключало в себе протест против феодального гнета.

Новые и более сложные задачи, связанные с образованием централизованного государства, вызвали к жизни новые формы исторических повествований.

Совершенствуются приемы изложения, прежняя хронологическая связь событий сменяется прагматической, появляются ссылки на источники, возникает и растет интерес к человеческой личности, русская история включается в мировую.

Все эти сдвиги в историческом изучении получили дальнейшее развитие в XVII столетии.

ЛИТЕРАТУРА

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ, т. XII, СПб, 1901, стр. 1—259.

Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. ПСРЛ, т. XXII, ч. I, СПб, 1911, стр. 1—440.

История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ, т. XIX, СПб, 1903, стб. 1—188.

Книга «Степенная царского родословия», ПСРЛ, т. XXI, ч. I, СПб, 1908; ч. I, СПб, 1913, стр. 1—675.

А. А. Зимин. «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. Доклады и сообщения Института истории АН СССР, 1956, вып. 10, стр. 78—88.

Историография истории СССР, стр. 45—59.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 78—108.

ЛЕКЦИЯ 5

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ В XVII ВЕКЕ. ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕХОДА ОТ ЗНАНИЙ К НАУКЕ

Экономические и социальные сдвиги в России XVII в. и их отражение в историографии. Правительственные меры по созданию трудов, посвященных русской истории. «История» дьяка Федора Грибоедова, «Хроника» Феодосия Сафоновича и «Синописис» Иннокентия Гизеля.

XVII век принес новые существенные изменения в экономическое и социальное положение России. В рамках единого централизованного государства происходило дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, появлялись первые мануфактуры, складывался единый все-русский рынок. По словам В. И. Ленина, XVII век «характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенным растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

В связи с усложнением социально-экономических отношений, усилением классовой борьбы, развитием культуры возростал интерес к изучению своей страны, к ее прошлому и настоящему. Этому способствовали бурные события, связанные с первой крестьянской войной под руководством И. Болотникова и польско-шведской интервенцией. Летописи уже не могли удовлетворить возросшие запросы, обусловленные дальнейшим развитием экономики, государственного строя, причем эти запросы

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

шли не только со стороны обычных читателей. К историческим справкам все чаще прибегали московские дипломаты, государственные чиновники, судьи и другие официальные лица.

Одновременно все более очевидной становилась потребность в создании общих обзоров русской истории, строго подчиненных единой официальной точке зрения. Они были необходимы прежде всего для пропаганды монархических взглядов. Политика самодержавного правительства нуждалась в четком, сжатом и ясно сформулированном обосновании.

Все это способствовало развитию исторической мысли и выразилось в появлении ряда новых произведений, носивших переходный характер от знаний к науке. Расширяется круг людей, интересующихся вопросами истории, привлекаются новые виды источников, усиливается их критическая обработка, изменяется историческая тематика, старая погодная форма изложения все более вытесняется единым историческим повествованием, в котором наряду с религиозными представлениями содержатся элементы рационалистического, научного подхода к осмыслению истории.

Указанные особенности позволяют выделить XVII век в качестве нового периода в русской историографии, в течение которого складывались предпосылки перехода от исторических знаний к науке. «...Новый период в русской истории, отмеченный В. И. Лениным, является, — по утверждению М. Н. Тихомирова, — и новым периодом в русской историографии, качественно отличным от более раннего времени, подготовляющим решительные изменения в русском историческом знании, которые происходят в XVIII в. и связаны с именами Татищева и Ломоносова»¹.

Исторические сочинения по-прежнему отражали интересы господствующего феодального класса, однако в XVII в. появляются произведения на исторические темы, написанные представителями городских низов и содержавшие антифеодальные начала. «Для демократической литературы XVII в., — пишет Д. С. Лихачев, — характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда

же — неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость»¹.

Как показал С. Л. Пештич, развитие русской историографии XVII в. «нельзя понять без изучения исторических взглядов раскольников, которые явились одними из первых критиков официальной феодальной историографии»².

Хотя религиозная идеология продолжала господствовать, в исторических произведениях XVII в. возникает интерес к человеческой личности, стремление учесть воздействие воли и разума человека на исторические события. Интерес к человеческой личности, ее роли в истории, который уживался с прежней слепой верой в силу божественного начала, отражал в области истории процесс развития буржуазного уклада, процесс формирования русской науки.

По мере распространения новых взглядов на ход истории все более утверждается прагматическое изложение исторических событий, в основе которого лежало представление о причинной связи событий как результате действий человека, а не бога. Прагматический принцип изложения сравнительно с примитивным провиденциализмом, отвечая новым требованиям, предъявляемым к историческим сочинениям, расширял познавательное значение истории, вносил элементы научности в ее объяснение и отражал общий процесс вызревания предпосылок перехода от знаний к науке.

Отражением этого процесса было стремление теоретически осмыслить задачи истории, выявить ее общественно-политическое значение. Отмечая эту существенную особенность нового периода русской историографии, С. Л. Пештич пишет: «Современники начинают подниматься до понимания истории как специальной отрасли знаний. Их интересуют специфические историографические и источниковедческие проблемы — определение причин исторических событий и достоверности истори-

¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 152.

² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I, Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 60.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 90.

ческих источников. Это — первый шаг к установлению закономерностей исторического развития»¹.

В качестве примера С. Л. Пештич приводит «Историческое учение» неизвестного автора, которое он считает первым в России теоретическим и практическим руководством по составлению русской истории. Опираясь на высказывания Аристотеля, Платона, Цицерона, Фукидида, Полибия, автор «Исторического учения» доказывает важное значение истории в жизни человека. Исторические знания, по его мнению, самые ценные. «Житие наше будучи краткое, — пишет он, — история научит нас искусством и случаем иных». Вслед за Фукидидом автор «Исторического учения» видит смысл в изучении истории не только для практических нужд в настоящем, но и в целях предсказания будущего. «От прешедших дел настоящее познаваем, а будущее разумом изобразует», — подчеркивает автор этого интересного и примечательного памятника исторической мысли XVII века.

Весьма показательны для уровня и характера русской историографии XVII в. исторические повести, посвященные наиболее выдающимся событиям этого периода. Такие важные события, как крестьянская война под руководством Ивана Болотникова, деятельность самозванцев, польско-шведская интервенция, воцарение Романовых, обусловили появление целого ряда исторических повестей и сказаний. Они создавались и во время этих событий, и после них.

Около 1630 г. появился «Новый летописец», освещавший события так называемого «смутного времени». Хотя по содержанию он как бы продолжал летописи, остановившиеся на царствовании Ивана Грозного, фактически это было уже не летописное произведение. «Новый летописец» делился на главы и не соблюдал летописного принципа изложения. Написанный предположительно по указанию патриарха Филарета, он отражал официальную точку зрения на события конца XVI — начала XVII века.

В основе «Нового летописца» лежат различные сказания и некоторые официальные документы: «Утвержденная грамота» об избрании царем М. Ф. Романова, ма-

териалы Посольского приказа, «Сказание» Авраамия Палицына и др. Цель этой исторической повести — доказать законность воцарения «благоверного и Богом избранного»¹ Михаила Романова, причем это обосновывается прежде всего божественным предопределением: «Бог не токмо царство, но и власть, кому хочет, тому дает, и кого Бог призывает, того и прославит»², — пишет автор. Сила божественного промысла подкрепляется утверждением о наследственности царской монархии. Михаил Романов якобы приходится племянником царю Федору Ивановичу, он «племя и сродство царское»³.

Обеспокоенный недавними народными выступлениями, автор спешит подтвердить права царствующей династии всенародным избранием. Он пишет, что бог внушил мысль об избрании Михаила Романова «не токмо в вельможи или в служивые люди, но и в простые во все правослазные крестьяне и в сущие младенцы...»⁴.

Главную причину «смуты» автор «Нового летописца» усматривает, согласно официальной точке зрения, в прекращении утвержденной богом царствующей династии, т. е. в насильственной смерти царевича Дмитрия. В результате этого, считает он, началось движение социальных низов, направленное против господ: «пострадахом и убением ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми»⁵. Претендентами на царский престол выступали «боярский человек» и «пашенный мужик», что вызвало гнев божий, проявлением которого и явилась крестьянская война. Следствием крестьянской войны было иноземное вмешательство.

Не ограничиваясь объяснением исторических событий только божественным предопределением, автор «Нового летописца» стремится найти конкретного виновника «смуты» на земле. Таким виновником он считает Бориса Годунова, совершившего два преступления — убийство царевича Дмитрия и наложение опалы на законных наследников престола Романовых. Подослав убийц в Углич и сослав Романовых, Борис Годунов навлек гнев божий

¹ ПСРЛ, т. XIV, СПб., 1910, стр. 129.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 71.

¹ С. Л. Пештич. Указ. работа, стр. 45.

не только на себя, но и на всех русских людей, которые, по мнению автора, попустительствовали его грехам.

Борьба династическая и социальная на заключительной стадии превращается в общенародное движение, которое рассматривается автором как движение за православие, за укрепление феодального режима и воцарение Романовых, ближайших родственников старой династии¹. В связи с такой постановкой вопроса автор всячески восхваляет отца Михаила Романова — Филарета, как непоколебимого борца за православие и национальную независимость, «забывая» о его связях с Лжедмитрием. Это и дает основание предполагать, что «Новый летописец» появился в кругах, близких Филарету, а возможно, был им отредактирован.

Большой интерес представляют те сказания, в которых ставится вопрос о причинах крестьянской войны.

В 20-х годах XVII в. появилось сочинение дьяка Ивана Тимофеева, названное «Временником», хотя оно никакого отношения к летописному жанру не имело. Это скорее нравоучительное сочинение, посвященное актуальной исторической теме, в котором освещаются события в Российском государстве от опричнины до избрания на царство Михаила Романова.

Отражая идеологию феодальной знати, напуганной крестьянским выступлением, автор «Временника» стремится доказать извечность и незыблемость прав феодального класса. Все несчастья в Русском государстве произошли, по его мнению, от злонамеренного стремления крепостных сравняться с помещиками. «В Руси все зло начало прият и нача много в земле рожатися зло, еже по всей нашей земле непослушное самовластие рабов з затворением градов, яко самой царствия главе, еже матере градом, своевернии рабы, ратию пришедше, злонаветие, презирашеся своим приближением к града стенам»².

Подобные утверждения содержатся и в «Сказании келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына». Он, как и Иван Тимофеев, опираясь на священное писание и церковные книги, пытается доказать, что все

¹ Л. В. Черепнин. Смута и историография XVII в. «Исторические записки», 1945, т. 14, стр. 84—85.

² Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951, стр. 113—114.

зло происходит от нарушения крестьянами божественных заповедей. Защищая интересы господствующего феодального класса, Палицын усматривает в крестьянском восстании главное бедствие, охватившее всю страну и разделившее всех на два враждующих лагеря — господ и рабов.

Противоположные мысли содержат псковские сказания, сложившиеся в среде посадских тяглых людей. Так, в «Повести о разорении Пскова», внесенной в текст псковской летописи, ярко нарисована картина классового расслоения, ожесточенная борьба между «лучшими» и «меньшими». Автор «Повести» на стороне угнетенных, к которым относятся «ратные люди, стрельцы и казаки и мелкие люди и поселяне», и которые выступают против «игумени и священники и большие люди, дети боярские»¹.

Эта повесть, пишет М. Н. Тихомиров, — «представляет одно из лучших произведений русской историографии XVII в. и по своей достоверности, и по яркости изложения, и по реалистическому объяснению исторических событий. В этом отношении она несравненно выше по своим достоинствам произведений идеологов феодальных кругов»².

В другой повести — «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей Руси...», составленной несколько позже (примерно в 1625 г.), автор, рассказывая о разорении поляками и шведами Русской земли, считает, что все несчастья происходят от злоупотреблений бояр. Стремясь вскрыть причины крестьянской войны, он отходит от официальной точки зрения. За свои насилия бояре, — говорит он, — «от своих раб разорени быша и паки на то же подвигашася»³.

Появление подобных повестей, а главное, бурные социальные движения заставляют самодержавное правительство принять ряд мер по созданию официальной историографии. Этого же требовала общая централизация управления. 3 ноября 1657 г. по указу Алексея Михайловича был образован специальный Записной приказ, которому поручалось написать историю России от Ивана Грозного (на этом остановилась «Степенная кни-

¹ ПСРЛ, т. IV, СПб, 1848, стр. 326.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 93.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 64.

га») по 1657 год. Поручение это было возложено на дьяка Тимофея Кудрявцева и его восемь помощников.

Создание специального приказа имело определенное политическое значение. Задуманное продолжение «Степенной книги» должно было исторически обосновать законность династии Романовых. Кудрявцев наметил широкий план и начал сбор источников. Из его докладных записок царю видно, что он намеревался использовать не только летописи и их продолжение в исторических повестях, но и официальные документы Разрядного и Посольского приказов, а также материалы патриаршей библиотеки и монастырей, отдельных бояр и т. д. В конце апреля 1659 г. сведения о Записном приказе прекращаются. Причины ликвидации его неизвестны.

Вполне вероятно, что с этим учреждением было связано также составление «Истории о царях и великих князьях земли русской...» дьяком Федором Акимовичем Грибоедовым в 1669 году. Однако Грибоедов никакого отношения к Записному приказу не имел. Он служил в приказе Казанского дворца, состоял в комиссии по составлению Уложения 1649 г., выполнял в 1659 г. важные дипломатические поручения на Украине. В годы написания «Истории» Грибоедов числился разрядным дьяком и, вполне возможно, получил на это персональное поручение. Во всяком случае, определением содержания своей работы он как бы отвечал на задание царя Алексея Записному приказу:

«История сииречь повесть или сказание вкратце, о благочестиво державствующих и свято поживших боговенчаных царей и великих князей, иже в Рустей земле богоугодно державствующих, — наченше от святого и равноапостольского великого князя Владимира Святославича, просветившаго всю Русскую землю святым крещением, и прочих иже от него святого и праведного сродствия, також о Богом избранном и приснопамятном великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче, всеа Руси самодержце, и о сыне его государеве, о Богом хранимом и благочестивом, и храбром, и хвалам достойном великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержце, в которые времена по милости всемогущего в Троице славимого Бога, учинились они, великие госу-

дари, на Московском, и на Владимирском и на всех великих и преславных государствах Российския державы, и откуда в Велицей России их великих и благочестивых и святопомазанных, государей царей Богом насажденный корень прозябе и израсте, и процвете, и великому Российскому царствию сторичный и прекрасный плод даде»¹.

Официальное назначение «Истории» Грибоедова видно из примечания в конце книги, в котором говорится, что автор получил за нее от царя землю в поместье владение, денежную награду, соболей, атлас и т. д. «А книга взята к великому государю в Верх»², т. е. в дворцовый верхний этаж, где жила царская семья.

По содержанию и схеме «История о царях и великих князьях земли Русской» примыкает к «Степенной книге». Об этом прямо говорится в одной из записей приказа Большого дворца под 1669 г.: «Грибоедов сделал степенную книгу благочестивого и благоверного дома Романовых».

Начиная со «Сказания о князьях Владимирских», т. е. с генеалогии князей киевских от Августа, цезаря Римского, и его брата Пруса, автор так же, как и в «Степенной книге», счет ступеням ведет от Владимира. Каждая из первых 17 глав «Истории» соответствует одной из 17 ступеней «Степенной книги». Так как «Степенная книга» заканчивалась царствованием Ивана Грозного, то Грибоедов в интересах Романовых главное внимание уделяет выведению их родословной. Из 69 страниц «Истории» примерно третья часть (25 страниц) посвящена периоду до Ивана Грозного, а две трети — «смуте» и царствованию Романовых. Стремясь показать историю царствующего дома Романовых, автор решает эту задачу с помощью двойной схемы. Он отрицает прекращение династии Рюриковичей со смертью Федора Ивановича, а следуя за избирательной грамотой Михаила Федоровича, утверждает преемство Романова от Федора, как его племянника по матери Анастасии Романовны. Но этого для возвеличения дома Романовых

¹ Федора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русской. Сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова. С.-Петербургская синодальная типография, 1896, стр. 1.

² Там же, стр. 69.

ему кажется недостаточно. Подобно выведению рода киевских князей от Августа римского Ф. Грибоедов выводит от того же Августа род Романовых. Он ссылается на источники и попутно с рассказом о генеалогии Романовых освещает русскую историю.

Положив в основу своего труда идею божественного происхождения царской власти, Ф. Грибоедов создал историческое произведение, целиком отвечающее интересам династии Романовых. Описывая родословную русских царей, он излагает историю развития самодержавной власти до середины XVII века.

Можно согласиться с утверждением С. Л. Пештича о том, что дальнейшее развитие исторической мысли в это время нельзя было втиснуть в узкие рамки средневековой по форме и содержанию «Степенной книги». Необходимы были произведения нового типа¹. И они появлялись не только в Москве, но и в Киеве, в Тобольске, в других городах.

«История Сибирская» Семена Ульяновича Ремезова правдиво освещала присоединение Сибири и подвиги Ермака; «Скифская история» Андрея Ивановича Лызлова была посвящена борьбе славянских народов против татаро-турецких завоевателей. Призывая славян к объединению в борьбе против Турции, Лызлов одним из первых связал русскую историю с всеобщей.

Весьма характерны для уровня исторических знаний, в период вызревания предпосылок к превращению их в науку, «Хроника» Феодосия Сафоновича и «Синописис» Иннокентия Гизеля.

«Хроника» Феодосия Сафоновича, игумена Михайловского монастыря в Киеве, была составлена в 1672 году. Свою задачу автор определяет в заголовке и здесь же указывает источники, которыми он пользуется. «Хроника з летописцев стародавних, з св. Нестора Печерского и інших, также з хроник польских о Руссии, отколь Русь почалася, и о первых князех русских, и по них дальних наступающих князех и о их делах, собранная працею иеромонаха Феодосия Сафоновича игумена монастыря Михайловского Златоверхого Киевского, року от сотворения мира 7180, а от р. Хр. 1672».

Текст, идущий под этим заголовком, распадается на

¹ С. Л. Пештич. Указ. работа, стр. 57.

две части. Собственно хроника, доведенная до 1292 г., является пересказом Ипатьевской летописи и освещает главным образом события, происходившие в Южной Руси. Вторая часть представляет собой собрание различных исторических повествований и текстов по истории Московской Руси и Украины XIII—XVII веков.

Обращает на себя внимание обилие исторических тем сборника: здесь и история московских князей, и сказания о Мамаевом побоище, о разделении митрополий, об Астраханском и Казанском царствах, о крестьянской войне, о борьбе с польско-шведской интервенцией, здесь сведения о всех важнейших событиях украинской истории: о Глуховской Раде, московско-польских переговорах об Украине; описание Литвы, Польши, Турции. Здесь же собраны различные географические данные и карты, популярные на Украине в XVII в. литературные произведения.

Наиболее примечательно появление первой печатной книги по русской истории, в которой в легкой, доступной форме излагались основные события от основания Киева до царствования Алексея Михайловича Романова. Речь идет о широко распространенном в XVII—XVIII вв. «Синописисе» Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерской лавры, впервые напечатанной в 1674 году. Появление «Синописиса», или краткого обзора русской истории, отражало потребность в создании литературно обработанной, популярной учебной книги по отечественной истории.

Изданный в годы борьбы за воссоединение Украины с Россией, «Синописис» должен был исторически обосновать необходимость этого важного акта в жизни двух братских народов. Оправдывая его родством «российских народов» (к которым Гизель относил все славянские племена, входившие в Древнерусское государство) и преемственностью самодержавной власти, «Синописис» соответствовал не только интересам Русского правительства и верхушки украинских феодалов, он отвечал интересам русского и украинского народов. В этом одна из важных причин популярности «Синописиса».

Отстаивая естественность и необходимость самодержавия в России, Гизель внушал читателям, что общность происхождения русского и украинского народов с неизбежностью ведет к единой государственной вла-

сти. Прославляя Московское единоедержавие, он одновременно отстаивал идею украинской государственности.

Основная историческая идея «Синописа» об исконности самодержавной власти на Руси и ее преемственности от Киева через Владимир к Москве отчетливо просвечивает в его названии: «Синопис или Краткое собрание от разных летописцев о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богопасаемого града Киева, и о житии святого благоверного Великого князя Киевского и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивая державы его Российской даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия, Малыя и Белья России самодержца».

Считая важным политическим событием образование Русского централизованного государства, Гизель не касается истории северо-восточной Руси. Преимущественное внимание он уделяет Киеву, стремясь доказать, что этот город представляет собой «искони вечную скиптроносных прародителей его (Алексея Михайловича — В. А.) отчину»¹.

Все изложение ведется сквозь призму религиозной идеологии, большое место автор отводит истории Киево-Печерской лавры. Веря в силу божественного промысла, Гизель в то же время в ряде случаев стремится к отысканию внутренней причинности и обусловленности исторических событий. Наиболее показательны в этом смысле его отношение к легенде о призвании варягов. Прежде всего, в представлении автора «Синописа» варяги — народ «языка славенского». Поэтому Рюрик, Трувор и Синеус были встречены «от всех россов с великой радостью и благодарствием». А главное, на что обратил впервые внимание С. Л. Пештич, они приняли вполне и задолго до них сложившееся государство. Не варяги принесли государственность славянам; напротив, варяги получили готовое государство от славян же, получили в целях прекращения «междоусобия и настроения». В этом смысл национальной теории образования древнерусского государства. Таков главный исторический и политический вывод «Синописа»².

¹ «Синопис», изд. 3, 1680, стр. 194.

² С. Л. Пештич. «Синопис» как историческое произведение. Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 293.

Другая особенность, существенно отличающая «Синопис» от летописей,— это элементы критического отношения к источникам, из которых особенно широко Гизель использовал польскую «Хронику» Матвея Стрыйковского, «Повесть временных лет», Густынскую летопись и другие отечественные и иностранные источники. Он сопоставляет различные сведения, проверяет их, часто приводит параллельные места из отечественных и иностранных источников, предоставляя читателю самому делать выводы. На полях книги даются ссылки на источники, круг которых постепенно расширяется. Точка зрения автора заметно отделяется от излагаемого материала.

«Синопис» не был свободен от многочисленных ошибок и искажений, тенденциозного умолчания об одних фактах и преувеличенного внимания к другим. Так, в нем совершенно игнорировалась роль народных масс в освободительной войне украинского народа, почти ничего не сказано о многочисленных народных восстаниях в древней Руси. Еще В. Н. Татищев обратил на это внимание. В своей «Истории Российской», он, перечисляя труды своих предшественников, писал: «К сим общим принадлежит сокращенная история, именуемая Синопис, сочиненный в Киеве во время митрополита Петра Могилы. Она хотя весьма кратка и многое нужное пропущено, но вместо того польских басен и недосказательных включений с избытком внесено»¹.

В целом, несмотря на существенные недостатки, первая печатная книга по русской истории свидетельствовала о больших изменениях в освещении исторических событий, происходивших в XVII в., в период перехода от знаний к науке.

Занимая промежуточное место между летописной и научной исторической работой, произведения, подобные «Синопису», отражают заметный рост исторической мысли в XVII в. и показывают, как по мере расширения исторической проблематики, увеличения общественно-политической, практической значимости истории, развития критики источников и внедрения прагматической системы изложения пробивают себе путь сквозь толщу

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 84.

средневековой идеологии ростки дворянской исторической науки.

В этом смысле XVII век в русской историографии принято считать переходным периодом от донаучных летописных сводов к научным историческим исследованиям.

И если социально-экономическое и политическое развитие страны в XVII в. вызвало к жизни петровские преобразования первой четверти XVIII в., то развитие исторической мысли создало историографические предпосылки к возникновению исторической науки в нашей стране в период этих преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

«Временник Ивана Тимофеева», М.—Л., 1951.

Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея России. Новый летописец, ПСРЛ, т. XIV, первая половина, СПб., 1910.

Синопис или краткое описание о начале словенского народа... СПб, 1810.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, М., 1955, стр. 89—105.

С. Л. Пештич. «Синопис» как историческое произведение. Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской лит-ры АН СССР, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 284—298.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. МГУ, 1957, стр. 109—137.

РАЗДЕЛ II

РАЗВИТИЕ ДВОРЯНСКОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ (XVIII век)

ЛЕКЦИЯ 6

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В НАУКУ. ОСНОВОПОЛОЖНИК РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В. Н. ТАТИЩЕВ

Основные особенности эпохи. Развитие исторических знаний в России в первой половине XVIII в. Василий Никитич Татищев и его «История Российская». Извращенная оценка взглядов В. Н. Татищева в дореволюционной историографии.

XVIII век открывает новую главу в истории нашей Родины и знаменует серьезные сдвиги как в социально-экономическом, так и в культурном развитии страны. Важное значение в этот период имела преобразовательная деятельность Петра I. Она была вызвана назревавшими потребностями экономической, политической и культурной жизни России. В чем же заключались эти потребности?

В области экономической XVIII век характеризуется максимальным развитием крепостничества как по территориальному распространению, так и по числу закрепощенного населения. В то же время зарождаются и развиваются элементы буржуазной экономики, а феодально-крепостническая хозяйственная система начинает разлагаться, затем вступает в полосу кризиса, приведшего в середине XIX века к ее падению и замене новой, капиталистической системой.

В области политической XVIII век отличается расцветом абсолютистской монархии. Главной политической опорой абсолютизма был феодал-помещик; он же, имея монопольное право на труд закрепощенного населения и на землю, играл руководящую роль в экономике. Одновременно с этим формировался новый класс — торговый, а позднее и промышленной буржуазии.

В феодально-крепостническом абсолютистском государстве XVIII в. были заложены зачатки буржуазной экономики. В этом и состоял переходный характер абсолютистского Русского государства XVIII века. «Современная историография показала, — писал Карл Маркс, — что абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»¹.

В социальном отношении новая эпоха связана с ростом антикрепостнических движений и восстаний, с одной стороны, и стремлением нарождающихся общественных классов — торговой и промышленной буржуазии — отвоевать свое место в дворянском государстве, с другой.

Войны XVIII в. с Польшей и Швецией вскрыли отсталость России в экономическом, промышленном, военном и культурном отношениях. Это представляло большую опасность как для самого государства, так и для господствующего класса — помещиков и крупного купечества. К началу XVIII в. интересы растущего государства и единого всероссийского рынка, интересы помещичьего класса и нарождавшейся буржуазии требовали преодоления этой отсталости. Ответом на эти потребности и были реформы Петра I. Петровские преобразования справедливо считаются переломным моментом в жизни России. Они явились важной вехой и в развитии общественной жизни страны. Ускорив экономическое развитие России, реформы способствовали обновлению общественных отношений, а затем и общественного сознания.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, изд. 2-е, стр. 306.

Смелая и решительная ломка старого расколола верхушку российского общества на два враждебных лагеря — поборников старины и сторонников Петра. Приверженцы старины считали петровские реформы нарушением вековых устоев народной жизни и всеми силами противодействовали им. Главную роль в этой оппозиции играло духовенство, объявившее Петра антихристом. Сторонники Петра, наоборот, восторженно приветствовали его преобразовательную деятельность, сами участвовали в ней, обосновывали ее необходимость и расчищали путь развитию новых, прогрессивных элементов в жизни страны.

Наиболее образованные и передовые деятели петровской эпохи В. Татищев, Ф. Прокопович, А. Кантемиров, И. Посошков, видя отсталость России в экономическом, политическом и культурном отношениях, горячо одобряли реформы Петра и требовали их расширения. Будучи идеологами класса помещиков и нарождавшегося купечества, они отражали передовые тенденции своей эпохи. Слова Петра «Мы — новые люди во всем» были их знаменем.

В многообразной деятельности Петра — по организации учебных заведений, созданию первой газеты, переводу иностранных книг, распространению русской научной литературы — вопросы истории, призванной обосновать и исторически подкрепить петровскую внешнюю и внутреннюю политику, занимают одно из главных мест.

✓ В первой половине XVIII в. в России начинает развиваться историческая наука. Ее становление было связано с общими успехами в развитии науки и культуры и проходило в напряженной борьбе передового, светского, рационалистического с реакционным, церковным, догматическим. Успехи светских наук и развитие светской школы в период петровских преобразований нанесли серьезный удар церковной идеологии и облегчили процесс превращения исторических знаний в науку.

▲ Сущность этого превращения сводится к следующему. Историки с рационалистических позиций стремятся философски осмыслить и обобщить исторические факты и события, определить смысл и направленность истории. На место провиденциализма и теологии приходит рационализм и принципы причинности. Происходит расшире-

ние тематики исторических исследований, предметом их становятся история торговли, промышленности, проблема происхождения русского государства.

Широкое привлечение новых источников и литературы сопровождается их критикой; используются данные вспомогательных исторических дисциплин и смежных отраслей знаний. Историки стремятся определить теоретический и практический смысл истории. Переводится большое количество иностранных работ по всеобщей истории, таких как «Введение в историю Европейскую» Самуила Пуффендорфа, «Анналы» Цесаря Борония, «Феатрон или Назар исторический» Вильгельма Стратемана. Издаются переводы Юлия Цезаря, Иосифа Флавия, «Книга Квинта Курция о делах, содеянных Александром Великим, царем Македонским», книга Шхонебека «История о орденах или чинах воинских» и многие другие. Все чаще и чаще делаются попытки определить задачи истории с точки зрения феодального класса.

«Попытка осмыслить в плане феодальной идеологии, с позиций господствующего класса задачи истории, уяснить себе ее воспитательную роль, ее значение для практической деятельности, — пишет Л. В. Черепнин, — указывает на то, что история становилась самостоятельной отраслью знания, что исторические произведения начинают отделяться по своему содержанию, характеру и целям от произведений литературы, публицистики и т. д.»¹

В связи с ростом интереса к прошлому своей страны в 1709 г. Петр I поручил дьяку Полицарпову написать историю России. Задачи, поставленные перед ним, были таковы: «Понеже его царское величество желает ведать российский государства историю, и о сем первое трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано... И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание да имаши получить немалую милость; от гнева же сохрани тебя Боже!»². Дьяк Полицарпов писал по тому же принципу, что и Грибоедов, поэтому не справился со своей

¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 159.

² П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 317.

задачей. Его работа, законченная в 1715 г., была забракована Петром I.

В это же время была сделана вторая попытка создания истории России. Секретарь русского посла в Швеции князя Хилкова Алексей Ильич Манкиев в 1716 г. написал «Ядро российской истории». Эта работа явилась новым видом исторического произведения, свидетельствующим о больших сдвигах, происшедших в развитии исторических знаний в XVIII веке. Манкиев использовал, кроме летописей, акты и вещественные источники, стремясь устранить искажения русской истории, попавшие в «Синописис» из польских хроник. В его работе явственно выступают элементы критического отношения к источникам. Русская история освещается в тесной связи с такими событиями мировой истории, как взятие Константинополя, открытие Америки, революция в Англии и т. д.

Уже своим построением «Ядро российской истории» существенно отличалось от «Синописиса». Оно делилось на семь книг, каждая из которых разбивалась на главы. Деление на книги в основном соответствовало наиболее характерным и крупным периодам русской истории, выделенным позже Татищевым.

В первой книге автор стремился решить вопросы о происхождении русского народа и Русского государства; он считал, что история Руси начинается с Рюрика, положившего начало самодержавной власти. Вместе с тем он признавал доваряжский период в истории восточных славян. Изложение в последующих книгах посвящено истории самодержавной власти, которая обещивается, по мнению автора, твердый порядок и проходит в своем развитии следующие этапы: от Рюрика до Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо; от нашествия татаро-монголов до ликвидации их власти при Иване III; от Ивана III до смерти Федора Ивановича; от Бориса Годунова до Михаила Романова; от Михаила Романова до царствования Петра I по 1712 год.

Защищая интересы крепнувшего самодержавия, Манкиев дает отрицательную характеристику народным восстаниям и волнениям, старательно затушевывает остроту социальных противоречий. Он отказывается от объяснения исторических событий с точки зрения боже-

ственного промысла. М. Н. Тихомиров указывает, что «в объяснении исторических событий Манкиев стоит на прагматической точке зрения, поэтому совершенно неправильно рассматривать взгляды Манкиева на историю, как на простое продолжение историографии XVI—XVII вв.»¹.

К сожалению, работа Манкиева была напечатана только в 1770 г., что несомненно снизило ее значение в развитии исторической науки. Создание подобных работ показывает, что уже в первой четверти XVIII в. намечались серьезные сдвиги в русской историографии. Одновременно с появлением новых видов исторических произведений интенсивно собирались, а затем публиковались исторические источники. В 1720 г. Петр I предложил специальным указом: «Во всех монастырях и епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие курьезные письма оригинальные, также и исторические рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать... и те переписанные книги прислать в Сенат»². Специальный указ 17 мая 1721 г. предписывал собирать старопечатные книги. Такой же указ был дан в 1722 г. по церковной администрации.

Все это способствовало развитию исторических знаний, которые превращались в историческую науку. Философской основой этой науки был рационализм. На место божественной силы, действиями которой ранее объясняли историческое развитие, теперь ставили человеческий разум. Провиденциализм летописца уступал место рационализму историка. Здравый смысл человека становился основным критерием научного суждения историка, свои руководящие принципы он черпал из практической деятельности. Он видел, что воля человека и политическая организация играют решающую роль в общественной борьбе и поэтому стремился объяснить исторические события с помощью более реального начала. Прежняя связь истории с церковью сменялась связью ее с политикой и не случайно история становилась практической, политической наукой, а все значительные историки являлись политическими деятелями своей эпохи.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 173.

² П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 318.

Замена божественного начала в объяснении истории положениями человеческого разума — здравым смыслом и психологическими моментами — была крупным шагом вперед. Это заставило человека ближе приглядеться к реальному содержанию и к практическому значению конкретной исторической действительности.

Стремление к разумному объяснению фактов отражало начало кризиса феодальной системы и зарождение буржуазных отношений. Но это зарождение происходило в недрах феодального общества, в условиях господства феодального строя. Рационализм как идеалистическая философская теория отражал внутреннюю противоречивость этого переходного периода.

В целом историческая наука XVIII в. была дворянской, защищавшей интересы крепостников-помещиков. Лишь в конце века в работах Н. И. Новикова и С. Е. Десницкого появляются буржуазные историографические тенденции, а первый русский революционер А. Н. Радищев кладет начало революционной исторической мысли.

Типичным представителем дворянской исторической науки второй четверти XVIII в. был Василий Никитич Татищев. Разносторонне образованный человек, ученый-историк, он был также политическим деятелем, администратором и военным специалистом, инженером и автором географии России. Фигура крупного ученого, писателя и философа Татищева характерна для просвещенного русского дворянства эпохи петровских преобразований. Исторические взгляды Татищева определяются характером политической деятельности, а изучение отечественной истории дает материал для политических выводов. Расценивая историю как обобщение опыта прошлого, В. Н. Татищев подчеркивал, что она нужна во всех областях человеческого знания и практической деятельности. Ни одно правительство, считал он, без знания истории не может правильно выполнять свои государственные функции.

Глубоко убежденный в огромной роли исторической науки в жизни страны, Татищев подготовил публикацию исторических источников, положил начало исторической географии, написал «Историю Российскойскую», впервые сознательно применив метод критического изучения источников и использовав все достижения русской и за-

пдноевропейской науки. Значение деятельности этого историка еще полностью не показано.

Родился Татищев в 1686 году. Он принадлежал к старому дворянскому роду, был родственником царицы Прасковьи, вдовы соправителя Петра I Ивана V. С 18 лет Татищев находился в ближайшем окружении Петра, участвовал в Северной войне (во взятии Нарвы, в Полтавской битве), выполнял дипломатические поручения и одновременно учился. Окончив артиллерийское училище, открытое Петром I, он был послан для продолжения учебы в Германию.

В 1719 г. Петр I поручил Татищеву составить географию России. Не успев выполнить это поручение, как в 1720 г. был послан в качестве инженера-строителя горнорудных заводов на Урал, а с 1734 г. стал главным начальником всех уральских и сибирских заводов. Татищев разработал горный устав, резко увеличил добычу руды и построил на реке Исеть крупный Уктусский завод с рабочим поселком, давшим начало Екатеринбург. Здесь он открыл ряд школ, в частности, созданная им арифметическая школа (в настоящее время Свердловский индустриальный техникум) отмечала в 1945 г. свое 225-летие.

В 1737 г. Татищев был поставлен во главе уральской экспедиции по устройству Оренбургского края. Здесь он упорядочил административное управление и построил город Оренбург.

После столкновения со ставленником Бирона Шембергом Татищев попал в опалу. В это время он усиленно занимался философией, историей, глубоко изучал различные источники.

В 1741 г. Татищев был назначен губернатором Астрахани, где наладил широкие торговые связи с Персией и построил ряд укреплений. В 1745 г. вновь попал в опалу и последние пять лет провел в своем подмосковном имении Болдине, занимаясь наукой.

Умер Татищев 15 июля 1750 года.

Вскоре после смерти историка в Болдине произошел пожар, уничтоживший все его книжное и рукописное богатство. Сохранилось лишь то, что было в чужих руках. Это обстоятельство очень осложнило изучение наследия Татищева.

Татищев был сторонником крепостничества и защит-

ником самодержавия. Ликвидацию крепостничества он считал вредной не только для помещиков, но и для крестьян. Если бы младенцу, писал он, дать свободу и допустить его к огню, то он обжегся бы, и «была б его воля ему погибелью»¹. Поэтому человеку и в зрелом возрасте «на себя единого надеяться не безопасно». Учитывая это, подчеркивал историк, «воле человека положена узда неволи для его же пользы»². В своих работах Татищев доказывал, что для таких обширных стран, как Россия, наилучшей формой государственного правления является монархия. Вместе с тем он считал необходимым внести изменения в самодержавную форму правления, учредив двухпалатный сенат. В этом отношении он отражал интересы нарождавшейся буржуазии.

Вся научная и практическая деятельность Татищева была направлена на укрепление государства помещиков и купцов, вследствие чего он признавал крепостнические отношения вполне естественными. Общество, по его мнению, целесообразно делится на сословия, которые имеют разные функции: одно должно управлять государством и защищать его, другое — заниматься торговлей, промышленностью и ремеслом, а третье — обслуживать два первые. Доказывая законность крепостного права, Татищев в то же время говорил о невыгодности труда крепостных и этим объективно выражал интересы нарождавшейся буржуазии.

Основное внимание в своих исторических работах Татищев уделял роли государственной власти и взаимоотношениям между властью и народом. Эти вопросы он решал в духе прославления самодержавия. На примерах русской истории Татищев пытался доказать исконность привилегий дворянства. Вместе с тем патриотизм и просвещение он признавал необходимыми условиями обеспечения порядка и процветания страны.

В своем понимании исторического процесса Татищев стоял на рационалистических позициях. Руководящим и определяющим началом в истории народов он считал просвещенный разум. «...Все деяния от ума или глупости производят»³ — писал он. Благополучие обще-

¹ В. Н. Татищев. Разговор о пользе науки и училищ, М., 1887, стр. 140.

² Там же.

³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 92.

ства, по его мнению, зависит от господства в нем разума. Считая историю выражением заложенного в ней разумного начала, Татищев в основу своей концепции кладет развитие русского самодержавия. Связь этой концепции с конкретным историческим материалом устанавливается через последовательный ряд исторических систем: история человечества, история народа-государства, история единичных человеческих действий. Каждая система существует независимо от других.

История человечества, по мнению Татищева, это развитие человеческого разума, «всемирного умопросвещения», которое подобно развитию отдельного человека. «...Что касается до наук и разума прежних народов, то мы, взирая на известные нам древние действия, равно можем о них сказать, как о единственном человеке», — считает Татищев.

«Способы всемирного умопросвещения разумею три, — пишет он. — Первое — обретение букв, чрез которые возымели способ вечно написанное в память сохранить...», второе — принятие христианства, и третье «чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление, чрез которое весьма великое просвясчение мир получил»¹. Так развитием культуры определяются четыре возраста истории человечества: младенчество, юность, мужество и старость. Главное здесь в признании прогрессивного развития определяющим началом исторического процесса.

Вторая тема — история страны. Ее развитие Татищев усматривает в существующем государственном строе.

Третья тема — история, слагающаяся из действий отдельных людей. Связь между ними Татищев видит в индивидуальной психологической обусловленности. «История есть слово греческое, то самое, значит, что у нас деи или деяния..., нет никакого приключения, чтоб не могло деянием назваться, ибо ничто само собою и без причины или внешнего действия приключиться не может. Причины же всякому приключению разные, яко от бога или от человека...»².

Здесь впервые вводится принцип причинного объяснения, понятый чисто рационалистически. Все рассмо-

трение истории у Татищева распадается на повествование об исторических событиях и общую социологическую концепцию, оторванную от конкретного развития истории.

Другой характерной чертой исторических взглядов Татищева является практицизм. Он, как уже отмечалось, все время стремится убедить правительство и частных лиц в огромной практической пользе истории. Он доказывает, что царский титул в тексте присяги непонятен для человека, не знающего исторического процесса складывания государства, что трудно дать правильное административное деление страны, не зная исторически сложившихся территориальных границ, и т. д. Правительство, считал Татищев, лишь на основании обобщения исторического опыта «о настоящем и будущем мудро рассуждать может»¹. Историческое знание дает опыт и администратору, и богослову, и юристу; нравственное значение истории заключается в том, что она показывает, «яко мудрым, правосудным, милостивым, храбрым, постоянным и верным честь, слава и благополучие, а порочным, несмысленным лихоимцам, скупым, ропким, превратным и неверным бесчестие, поношение и оскорбление вечное последуют...»².

Таким образом, рационализм и практицизм — наиболее характерные черты исторических взглядов Татищева.

Основной работой Татищева является «История Российская», разделенная автором на пять частей и доведенная до конца XVI века.

По содержанию и характеру изложения «Историю Российскую» можно разделить на две части. В начале первой книги автор дает «Предъизвещение», в котором излагает методологические принципы и освещает современное ему состояние исторической науки. Затем идет конкретный исторический материал. В первой книге, состоящей из двух частей, Татищев исследует основные проблемы древней истории восточнославянских племен, а в трех последующих на основе летописных сводов и других источников освещает в хронологическом порядке политическую историю Руси до 1577 года.

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 92.

² Там же, стр. 79.

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 80.

² Там же, стр. 82.

Определяя в «Предъизвещении» значение и методы исторической науки, Татищев подчеркивает особую важность изучения родной истории: «Что собственно о пользе русской истории принадлежит, — пишет он, — то равно, как о всех протчих, разуметь должно и всякому народу и области знание своей собственной истории и географии весьма нужные, нежели посторонних. Однако же должно и то за верно почитать, что без знания иностранных, своя не будет ясна и достаточна»¹. Таким образом, устанавливалась связь в изучении национальной и всемирной истории.

Далее Татищев ставит перед историками политическую задачу. От историка требуется, чтобы он «о прошедшем обстоятельно знал и о будущем из примеров мудро рассуждал». Изучение истории России должно показать, «сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалется и гинет»². В этих словах — главная идея дворянского историка, который впервые в русской историографии попытался философски обосновать причины возникновения самодержавного государства.

В 45-й главе первой части дается схема общего хода развития русской истории: «Славяне, — пишет автор, — всегда имели самовластных государей», и это «для приобретения общей пользы и славы и сохранения спокойности и безопасности весьма им было нужное и лучшее правительство»³. Когда в удельный период монархия пала и «учинилась аристократия, но беспорядочная», государство пришло в упадок, его сила была возрождена лишь Иваном III, который «Монархию возставил»⁴.

Всю русскую историю Татищев сводил к истории самодержавия. Ее конкретная периодизация определялась развитием монархии. Первый период — с IX в. до 1132 г. (до смерти Мстислава I) — «господство самовластия». Второй период — с 1132 по 1462 г. — удельный: «междоусобие и великое кровопролитие». Третий период — с царствования Ивана III до 1613 г., когда Иван III

«опровергнув власть татарскую паки совершенную Монархию возставил»¹.

Татищев пытается определить качества, необходимые историку. Сообщая два распространенных мнения об этом («Одни мнят, что не потребно более как довольное читание и твердая память, а к тому внятной склад», другие считают «невозможно не во всей философии обученному истории писать»), он делает вывод: «Но я мню околько первое скудно, столько другое избыточествено»².

Считая, что историку «много книг как своих, так иностранных читать и что читал, то испамятовать нужно», Татищев перечисляет три условия, при соблюдении которых, по его мнению, можно стать «писателем истории». Это, во-первых, «свободный смысл, к чему наука логики много пользует», во-вторых «басен за истину... не принять, а паче беречься предосуждения и о лучшем древнем писателе», для чего «науку критики знать»; и в-третьих, — «как всякое строение требует украшения, так всякое сказание красноречия и внятного в сем сложения, которому наука реторика наставляет»³.

Понимая, что распространение исторических знаний и новые задачи требуют расширения источниковедческой базы, Татищев большое место во введении отводит источниковедению, этнографии, исторической географии, хронологии и генеалогии. «Нужно принадлежасчие к оной обстоятельства знать, бес которых история ясною и внятною быть не может, яко хронология, география и генеалогия.

Хронология, или летосказание — есть весьма нужно знать, когда что делалось. География показывает положения мест, где что прежде было и ныне есть. Генеалогия или родословие государей, ис чего можно уразуметь правильные наследства и домагательства»⁴.

На первый план Татищев ставит «правость писания» и требует критического разбора источников. «Яко строитель мог разобрать припасы годные от негодных, гнилые от здоровых, тако писателю истории нужно, — пи-

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. 1, стр. 81.

² Там же, стр. 367.

³ Там же, стр. 366.

⁴ Там же, стр. 366, 367.

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 367.

² Там же, стр. 82, 83.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Там же, стр. 82.

шет он, — с прилежанием рассмотреть, чтобы басен за истину не принять»¹. В связи с этим он впервые дает схему подразделения всех источников.

Говоря о двух категориях источников (одна — историописатели, другая — дипломатические документы), Татищев к источникам первой категории относит: 1) очевидцев и участников событий; 2) современников, получающих сведения от первых; 3) писателей, опирающихся на письменные материалы; 4) историков, пользующихся достоверными источниками. Им противопоставляются: 5) историки пристрастные и чужеземцы; 6) писатели баснословные.

Вопросы источниковедения Татищев выделяет особо. После перечисления и общей характеристики всех использованных источников он переходит к их конкретному описанию: определяет местонахождение, время и место возникновения, язык и стиль. Описывая источники, Татищев впервые освещает историю русского летописания и поднимает вопрос о предшественниках Нестора.

Таким образом, введение к «Истории Российской» охватило основные исторические проблемы своего времени и превратилось в своеобразную программу изучения истории России. К. Бестужев-Рюмин в работе «В. Н. Татищев» писал: «Таково это введение, свидетельствующее о любознательности, начитанности и широте ученых требований автора: география и этнография, политика и правоведение, философия и археология — все занимает его, все кажется ему важным на страницах истории. И этот человек стоит в самом начале нашей исторической науки и работает почти что один на поле, совершенно неразработанном»².

Приложение нового исторического понимания к конкретному освещению истории было огромной задачей, которую нельзя было выполнить в один прием. Нужно было прежде всего собрать и критически обработать исторический материал. С этого и начал Татищев. Четыре последующих части «Истории Российской» явля-

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 83.

² К. Бестужев-Рюмин. В. Н. Татищев. В кн. «Биография и характеристики», СПб., 1882, стр. 173.

ются сводкой летописного материала, выбранного автором из различных летописей. Это был, по словам С. М. Соловьева, «знаменитый татищевский свод летописей».

Свой «летописный свод» Татищев подверг двойной редакции — сначала наиболее точно воспроизвел текст на древнерусском языке, а затем перевел его на язык XVIII века. «Летописному своду» сопутствует и авторский текст, данный в виде примечаний. Примечания решают вопросы, поставленные автором во введении. Это по существу реальный комментарий к тексту — географический, хронологический и генеалогический. Здесь же имеются источниковедческие примечания.

Изложение конкретного материала в основном совпадает с периодизацией, данной Татищевым во введении. В первой книге, кроме введения, освещается история скифов, сарматов и славян до 860 года; во второй — до 1149 года (княжение Юрия Долгорукова в Киеве); в третьей — до нашествия татар в 1237 г.; в четвертой — до Ивана III. Последняя, пятая книга была найдена Погониным лишь в XIX в. и опубликована Бодянским в 1848 году. Русская история доводится в ней до 1557 года. Сохранились отдельные отрывки, относящиеся к концу XVI — началу XVII века, до 1613 года.

Определяя значение «Истории Российской», необходимо иметь в виду, что рукопись ее, представленная в 1739 г. в Академию наук, пролежала здесь более тридцати лет, и только в 1774 г. четыре части ее были напечатаны в типографии Московского университета. Последняя, пятая часть были издана, как только что указывалось, в 1848 году. За тридцать лет историческая наука шагнула вперед, были опубликованы важные источники, заканчивал свою многотомную историю России М. М. Щербатов. «Исторические труды Татищева в это время, — пишет М. Н. Тихомиров, — казались уже устаревшими, некритическими, и молодые русские историки того времени увидели в них только нагромождение источников»¹.

Между тем тщательное и объективное рассмотрение

¹ М. Н. Тихомиров. Новое о «Слове о полку Игореве». «Исторический мир», 1957, № 1, стр. 298.

«История Российской» показывает, что автор ее впервые в русской историографии поставил исторические явления в зависимость от общественно-политического устройства.

В. Н. Татишев написал также «Лексикон исторический, географический и политический», изданный в 1793 г., первым ввел в научный оборот такие важнейшие источники, как «Русская Правда» и «Судебник» 1550 г., снабдив их обширными комментариями. Оба они увидели свет через пятьдесят лет после того, как были представлены Татишевым в Академию наук. Известны его «Описание Сибири», «Примечания на гл. 1-ю «Истории Сибири» Миллера и другие.

В. Н. Татишев, являясь основоположником русской исторической науки, замечателен еще и тем, что он наряду с изучением истории русского народа проявлял большой интерес к «малым народам» России, чего нельзя сказать о последующих представителях дворянской историографии. В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ», написанном в 1733 г. и опубликованном только в 1887 г., Татишев, излагая основы рационалистической философии истории и доказывая, что наука является орудием познания духовных и физических свойств человека, обращает внимание на историю татар и калмыков. История России в его представлении — это история основных народов, населяющих ее территорию, история их быта и культуры. Татишев подчеркивал, что татары, калмыки и черемисы «свои древности... имеют» и их необходимо изучать наряду с русскими древностями.

Исторические взгляды Татишева, содержавшие критику многих традиционных представлений, освященных церковным авторитетом, вызвали резкую критику современников и не получили правильной оценки в дореволюционной историографии. Татишева критиковали за тяжеловесность изложения, за «опровержение православной веры и закона». Н. М. Карамзин обвинял его в вымыслах и подлогах, объявил все ссылки Татишева на рукописи, неизвестные в XIX веке, вымышленными.

Взгляды Татишева на историю приписывали исключительно западноевропейскому влиянию, а немецких историков Байера и Шлецера ставили на две головы выше основоположника русской исторической науки.

«Нет никакого сомнения в том, — писал, например, К. Бестужев-Рюмин, — что общие воззрения, выраженные в сочинении Татишева, далеко не всегда плоды его самостоятельного мышления, что многое усвоено им от его европейских учителей»¹. В то же время, затушевывая монархическую сущность идеологии Татишева как представителя дворянской историографии, дореволюционные историки идеализировали его общественно-политические взгляды и изображали Татишева «борцом за общее благо».

Не прав был и С. М. Соловьев, утверждавший, что Татишев не мог «возвыситься до понятия об истории как науке народного и человеческого самопознания», что он смотрел на историю лишь как на науку «опыта для разных званий»². Однако тот же Соловьев признавал: «Заслуга Татишева состоит в том, что он начал дело, как следовало начать; собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями..., указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России, — одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей»³.

Впервые принципиально правильную общую оценку деятельности Татишева дал Г. В. Плеханов, охарактеризовавший его как теоретика абсолютизма и идеолога дворянства. Подчеркивая самостоятельность философских и общественно-политических взглядов Татишева и его значение в развитии русской общественной мысли, Плеханов писал, что он один «из самых интересных представителей того типа русских людей, который сложился под непосредственным влиянием Петровской реформы»⁴.

В советский период справедливость в отношении Татишева восторжествовала не сразу. Н. Л. Рубинштейн.

¹ К. Бестужев-Рюмин. В. Н. Татишев, стр. 100—101.

² См. П. Алефиренко. Социально-политические воззрения В. Н. Татишева. «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 104.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. 10 «Общественная польза», СПб., (6 г.), кн. IV, т. 20, стб. 1483.

⁴ Г. В. Плеханов. В. Н. Татишев. История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, М., 1925, стр. 57.

достаточно полно и глубоко осветив основы мировоззрения Татищева и его исторические воззрения, не сумел сделать закономерного вывода о нем как об основоположнике русской исторической науки. Более того, Рубинштейн в определенной степени противопоставил Татищева Миллеру и Шлецеру. Неудача Татищева, считал Рубинштейн, выдвинула Миллера, который «представлял нечто большее, чем простое продолжение Татищева», а «влияние Шлецера проходит через всю русскую науку...» и определяет ее развитие¹. Между тем сам Шлецер, высоко ценивший «Историю Российскую» Татищева, писал: «Он отец русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец явился первым творцом полного курса русской истории»².

В книге С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века» сделана сомнительная и, как показал А. Г. Кузьмин³, неубедительная попытка «подкрепить конкретным материалом характеристику В. Н. Татищева, данную Н. М. Карамзиным»⁴.

В настоящее время, благодаря работам М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. Н. Валка, А. И. Андреева и начатому в 1962 г. семитомному изданию «Истории Российской» Татищева, созданы все необходимые условия для всестороннего изучения и правильной научно-объективной оценки трудов крупнейшего русского историка первой половины XVIII века.

Советские историки, не анализируя Татищева, справедливо считают его основоположником русской исторической науки. Его «История Российская» подвела итог предшествующему периоду накопления исторических знаний и заложила основы русской исторической науки. «История Российская» В. Н. Татищева, — пишет М. Н. Тихомиров, — представляет собой крупнейший памятник русской историографии, и к Василию Никитичу Татищеву вполне можно применить его же собст-

венные слова, что он составил свой труд «к славе и чести любезного отечества»¹.

Исторические идеи В. Н. Татищева получили дальнейшее развитие в трудах М. В. Ломоносова. Его работы в области истории послужили основой формирования исторических взглядов М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, оказали определенное воздействие на Г. Миллера, А. Шлецера и Н. М. Карамзина.

ЛИТЕРАТУРА

В. Н. Татищев. История Российская в семи томах, т. I, М.—Л., 1962, «Преддзвучение о истории отечественной и собственно о русской», стр. 79—92.

А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн. В. Н. Татищев. История Российская, т. I, 1962, стр. 5—38.

А. Г. Кузьмин. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 214—218.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 169—189.
Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 138—186.

¹ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». В кн. В. Н. Татищев. «История Российская», т. I, М.—Л., 1962, стр. 33.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 107, 151, 165, 166.

² Неизвестные материалы о А. Л. Шлещере. «Исторический архив», 1960, т. 6, стр. 188.

³ А. Г. Кузьмин. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 214—218.

⁴ Там же, стр. 215.

ЛЕКЦИЯ 7

М. В. ЛОМОНОСОВ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

Патриотическая основа исторических интересов М. В. Ломоносова. «Древняя Российская история». Ломоносов — основоположник антинормализма в русской историографии. Ложная оценка М. В. Ломоносова как историка в дворянско-буржуазной науке.

Среди многих славных имен в истории русской науки особенно близко и дорого нам имя Михаила Васильевича Ломоносова. Он был живым воплощением русской науки и культуры во всем ее разнообразии и широте, богатстве и самобытности.

Дела и труды Ломоносова впервые решительно опровергли мнение заезжих иностранцев и отечественных невежд о неохоте и неспособности русских к науке. Ломоносов был естествоиспытателем, философом, поэтом, основоположником русского литературного языка, историком, географом, физиком, химиком, математиком и общественно-политическим деятелем.

Творческий гений Ломоносова расцвел в середине XVIII в., в период укрепления Русского национального государства и обострения классовых противоречий между помещиками и крестьянами. В это время в Россию проникло из-за границы много авантюристов, которые подвизались в государственном аппарате, в военных и научных учреждениях, насаждали чуждые русскому народу нравы и традиции. Передовым русским политическим деятелям, прогрессивным представителям русской науки и прежде всего Ломоносову пришлось вести

напряженную борьбу с иностранными проходимцами и их покровителями.

Гениальный ученый приложил немало труда, добиваясь отстранения иностранных невежд и реакционеров от руководства научными учреждениями, неустанно стремясь к развитию отечественной науки. В последние годы своей жизни он писал: «Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину»¹.

Горячая любовь к своему народу, настойчивое стремление всемерно содействовать экономическому и культурному прогрессу родной страны — вот чем прежде всего определялся интерес Ломоносова к истории. Изучение отечественной истории было для него такой же необходимостью, как занятия химией и физикой.

Ломоносов считал, что история — наука политическая, а поэтому налагает большую ответственность на занимающихся ею. Историк должен быть гражданином своей Родины, горячо любить ее, ставя свой труд и свою жизнь на службу отечеству. Определяя качества, необходимые историку, М. В. Ломоносов писал в 1764 году: «Сочинение Российской истории полной... дело не всякому историку посильное, ибо темного не мало было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии».

Прежде чем открыть доступ историку в государственные архивы, необходимо, по мнению Ломоносова, «смотреть прилежно:

- 1) Чтобы он был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния.
- 2) Природный россиянин.
- 3) Чтобы не был склонен в своих исторических сочинениях к шпионству и посмеянию»².

¹ История императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, т. II, СПб., 1873, стр. 726.

² М. В. Ломоносов. Полное собр. соч., (далее — Соч.,) т. 6, М.—Л., 1952, стр. 171.

История, считал Ломоносов, является средством прославления отечества, а в центре внимания историка должен стоять народ. История, писал он, — «дает бессмертие множеству народа» и переносит «минувшие деяния в потомство и глубокую вечность».

Русский историк обязан показать всему миру, что в России никогда не было «столь великой тьмы невежества»¹, как то рисовали Миллер, Байер и другие. Историк воодушевляет народ на великие дела в будущем и настоящем, на развитие науки, отвергает «досадительные и злостные» посягательства иностранцев. Он может поднять уважение к русскому народу, ибо «всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобным, унижать нас перед оными причины иметь не будет...»².

Исторические взгляды М. В. Ломоносова, выражая прогрессивные тенденции буржуазного развития страны в условиях господства крепостнических отношений, содержат демократические элементы. Однако было бы ошибочным не видеть тесной связи их с дворянской историографией. Не отрицая этой связи, нельзя в то же время причислять Ломоносова к дворянским историкам.

В своих исторических трудах Ломоносов призывал к преодолению отсталости России, к устранению ее зависимости в культурном и экономическом отношении от Западной Европы, к развитию производительных сил страны, к поднятию ее политической, экономической и военной мощи. При этом он не считал необходимым ликвидировать крепостное право, полагая, что «просвещенный мудрый монарх», образцом которого он считал Петра I, сможет совершить все преобразования, уничтожить «ночь варварства» и повести Россию по пути прогресса. В осуществлении этих реформ монарх, по мнению Ломоносова, будет опираться главным образом на народные массы, а не только на помещиков и купцов.

«Противоречивость и непоследовательность мировоззрения Ломоносова, — справедливо пишет Л. В. Черепнин, — заключается в том, что, хотя он и не выступал с критикой крепостничества как системы, объективно его экономические предложения, направленные на раз-

витие производительных сил страны, подъем промышленности, на ликвидацию отсталости, открывали пути буржуазным отношениям»¹.

Признание современниками Ломоносова как историка пришло к нему в ожесточенной борьбе с фальсификаторскими тенденциями немецких ученых. Историей он начал заниматься еще в юности, во время учебы в Московской и Киевской духовных академиях. Здесь было собрано много летописей и других письменных памятников, ознакомившись с которыми, Ломоносов ушел значительно дальше «Синописа» Гизеля в знании русской истории. Уже здесь у него возникли критические мысли по поводу работ Готлиба Зигфрида Байера, немецкого историка, работавшего в России и пытавшегося доказать неспособность русского народа к созданию своего государства и его полную зависимость от норманнов.

После возвращения из-за границы Ломоносов возобновил сбор и изучение источников по русской истории. С 1746 г. он занимается историей в Академии наук, состоит в исторических комиссиях и включается в члены Исторического собрания Академии наук. Крупнейший историк России Татищев обратился к нему с просьбой посмотреть в рукописи его «Историю Российскую». Ломоносов очень заинтересовался ею, вел обширную переписку с автором, добивался опубликования его «Истории».

Авторитет Ломоносова как историка возрос после его выступления в 1750 г. против диссертации Миллера «О происхождении народа и имени русского». Проявив глубокое знание древней русской истории, Ломоносов убедительно доказал, что диссертация враждебна русскому народу и должна быть запрещена. В своем отзыве Ломоносов показал себя квалифицированным историком, умело анализирующим источники и вскрывающим их политическое содержание. В отличие от Миллера, который «российских авторов с поношением опровергает»², Ломоносов широко использовал русские летописи и ставил их выше скандинавских саг и других иностранных источников. Он впервые выдвинул и обосновал ряд но-

¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 209.

² М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 19.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 170.

² Там же.

вых идей о происхождении славян, их автохтонности, о скифах как древних предшественниках славян, и т. д.

Ученый беспощадно бичевал мнимый объективизм Миллера, который, по его словам, с «особым довольством» описывал все неудачи славян и победы их врагов. Указывая на небывлицы, сочиненные Миллером по поводу русской истории, Ломоносов писал: «Ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то он бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»¹. И все это, продолжал Ломоносов, пишет «человек, который живет в России и от нея великие благоденствия имеет»².

Канцелярия Академии наук полностью согласилась с заключением Ломоносова и специальным указом постановила уничтожить диссертацию Миллера.

Ломоносов придавал большое значение исходу этого дела, видя в нем начало решительной борьбы с немецкими фальсификаторами русской истории. Миллера, одного из крупнейших немецких историков, работавшего в России, поддерживали немцы, засевшие в Академии наук, а также многочисленные и часто влиятельные русские вельможи — враги Ломоносова.

• Борьба между Миллером и Ломоносовым шла не только по конкретным вопросам русской истории, но и по поводу определения роли историка и его отношения к народу. По мнению Миллера, историк «должен казаться без отчества, без веры, без государя. Я не требую, чтобы историк рассказывал все, что он знает, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которых нельзя рассказывать... перед публикой...»³.

Подобная аполитичность и космополитизм решительно отвергались Ломоносовым. Он понимал, что по своим историческим взглядам Миллер был тесно связан с Байером и развивал его порочные теории. Ломоносов указывал, что выговор, полученный Миллером за политические ошибки, имевшие место в «Ежемесячных сочинениях», вполне заслужен, а ошибки не случайны, они — следствие его порочного метода. «Миллер пишет и печатает

на немецком языке смутные времена Годунова и Растригина, самую мрачную часть Российской истории; из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет известий и дел Российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было»¹.

Ломоносов считал, что историк не должен скрывать тяжелые времена в русской истории, но решительно протестовал против ее тенденциозного освещения. «Nec rapugicum postulo (не требую панегирика), — писал он, — но утверждаю, что нетерпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени»².

Поручение императрицы Елизаветы Петровны написать историю России, переданное Ломоносову в марте 1753 г. через влиятельного вельможу И. И. Шувалова, должно было подчеркнуть государственное значение его исторических работ, и Ломоносов горячо взялся за дело. К сожалению, до нас не дошли «манускрипты» Ломоносова и о масштабе и характере его работы можно судить лишь по отчетам, которые он представлял ежегодно в Академию наук. Ломоносов тщательно изучал отечественные и иностранные источники, освещавшие главным образом древний период истории русского народа. В 1754 г. он приступил к написанию первых глав своего труда. «Сочинен опыт Истории словенского народа до Рюрика: Дедикация, Вступление, глава I, о старобытных жителях в России; глава 2, о величине и поколениях словенского народа; глава 3, о древности словенского народа», — сообщал он³.

Составление истории Русского государства требовало напряженного труда. В 1754 г. Ломоносов писал Эйлеру: «Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но целиком уйти в историю»⁴. В 1757 г. была закончена первая книга, и в 1758 г. началось ее печатание. Шло оно крайне медленно, и чтобы хоть как-нибудь восполнить пробел, Ломоносов издал в 1760 г. «Краткий Российский Летописец с родословием». Медленное печатание объяснялось трудностью

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 21.

² Там же, стр. 42.

³ История императорской Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, т. I, СПб, 1870, стр. 381.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 562.

² См. М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 69.

³ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 574.

⁴ Там же, стр. 573—574.

набора, множеством поручений автору, его требовательностью, помехами немцев. После смерти Елизаветы Петровны в 1761 г. печатание окончательно затормозилось.

В 1763 г. Ломоносов представил новый вариант I тома со следующим пояснением: «Сообщается при сем для напечатания первый том Российской Истории, состоящий из двух частей, содержащий в себе российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, то есть до первого главного разделения самодержавства российского; следует еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе освободилась от татарского насилия...»¹. Ломоносов снял примечания и этим облегчил набор. Однако новый вариант печатался также крайне медленно и вышел в 1766 г., уже после смерти автора.

В типографии после смерти Ломоносова не оказалось оригиналов продолжения «Истории» и печатание ее прекратилось. Известно, что изложение в рукописи было доведено до 1452 г. Исчезли и примечания. Враги постарались скрыть их и уничтожить сами «манускрипты», опровергающие их «труды» по истории России. Кроме того, материалы Ломоносова имели политическое значение в напряженной обстановке борьбы с Пугачевым: показывая силу русского народа и его творческие возможности, они были нежелательны правительству. Поэтому возможно, что оно предпочло скрыть их, а затем уничтожить.

Из других работ Ломоносова по истории известны «Похвальное слово Петру I», выписки по истории царствования Петра I для Вольтера и «Записка о стрелецких бунтах».

Так как до нас не дошло большинство работ Ломоносова, очень трудно судить о тематике и вопросах, которые его интересовали. Из материалов, посланных Ломоносовым Вольтеру, видно, что его занимали крупные социальные движения в России — крестьянские войны под руководством Ивана Болотникова и Степана Разина, стрелецкие восстания XVII века. В центре внимания Ломоносова была деятельность Петра I. Он подчеркивал также значение Ивана Грозного, считая его прямым предшественником Петра.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 576.

Основной работой, характеризующей Ломоносова как историка, является «Древняя Российская История от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Посвященная древнейшему периоду русской истории, она отрицала норманскую теорию и показывала историю древних славян как основателей древнерусского государства. В этом отношении весьма характерно название первой части «О России прежде Рурика», говорящее о том, что ее автор не только не связывал начало России с призванием варягов, а считал, что она возникла значительно раньше на территории, населенной восточными славянами.

Таким образом, в отличие от общепринятого плана изложения русской истории от Рюрика и призвания варягов он посвятил значительную часть своей книги доваряжскому периоду, показав, что до варягов восточные славяне прошли большой исторический путь. С Рюрика начинается не история России, считал Ломоносов, а история «самодержавства Российского». Еще до Рюрика русский народ определил свое выдающееся место в Европе¹.

Ломоносов поставил вопрос о происхождении русского народа. Он указал, что процесс этот очень сложен, что в нем участвовали не только восточнославянские, но также скифские, сарматские и другие племена. Однако главную роль в этом процессе он отводил славянам, от которых пошла русский язык и культура. Славянам приписывал Ломоносов честь создания Русского государства и русской культуры. Он утверждал, что автохтонное население Восточной и Центральной Европы оформилось как славянское в междуречье Дуная и Днестра. Варягов он считал разбойничьими дружинами, которые быстро слились с местной феодальной верхушкой, приняв от нее язык и культуру. Нужды в призвании варягов у славян не могло быть. Поэтому, по мнению Ломоносова, не инициатором, а виновником призвания варягов следует считать Новгород, где распри боярских семей позволили варягам установить свое господство. Однако этот факт, в противоположность утверждениям немецких историков, Ломоносов считал второстепенным.

¹ М. В. Ломоносов. Соч., т. 6, стр. 28; Б. Д. Греков. Ломоносов-историк, «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 28.

Даже в шведских источниках, указывал он, не говорится о существовании Рюрика и его приходе на Русь.

Ломоносов убедительно показал, что термин «Русь» существовал на юге вне всякой связи с варягами. В области изучения древнерусской культуры, доказывая ее самостоятельность, он выдвинул ряд новых проблем, в частности, проблему возникновения русской письменности до крещения Руси. Придавая большое значение исследованию славянской мифологии, обрядов и празднеств, Ломоносов поднял также ряд новых вопросов истории русского языка, обратил внимание на огромную ценность древней русской живописи и искусства.

Ломоносов интуитивно подошел к более правильной периодизации русской истории, чем его предшественники, определив такие поворотные моменты ее, как конец княжения Ярослава и наступление феодальной раздробленности, монгольское завоевание в 30-х годах XIII в., освобождение от монгольского ига и образование Русского национального государства.

В этой связи интересно сопоставить периодизацию русской истории Ломоносова и Карамзина. Заметив, что Ломоносов в этом отношении значительно опередил Карамзина, Б. Д. Греков писал: «От карамзинской схемы ломоносовская выгодно отличается тем, что он никогда не забывает народа русского и тех народов, которые историческими судьбами тесно связаны еще с глубокой древности. Эта черта схемы Ломоносова делает ее более со звучной нашему времени, чем схема Карамзина»¹.

Будучи первым антинорманистом, Ломоносов положил начало научному изучению всеобщей истории в нашей стране. Отчетливо понимая, что разбить враждебную русскому народу норманскую теорию можно только на основе сопоставления русской истории с историей других народов, Ломоносов, как никто другой, был подготовлен к изучению всеобщей истории.

Глубокое знание русских и зарубежных источников в сочетании с передовыми, прогрессивными идеями позволили великому русскому ученому осветить древнерусскую историю на фоне мировой. «В этом отношении, — подчеркивают М. А. Алпатов и М. Н. Тихомиров, — труды Ломоносова на много лет опережали не только сов-

¹ Б. Д. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 32.

ременную ему, но и последующую дворянско-буржуазную историографию»¹.

Громоздкие, написанные в тяжелой малопонятной форме книги Татищева и Щербатова были недоступны читателям. Работа же Ломоносова «Древняя Российская история», созданная в популярной общедоступной форме, как учебник, длительное время была основным трудом по древнему периоду русской истории.

Исторические труды Ломоносова представляют выдающийся научный интерес и могут быть поставлены рядом с его замечательными работами в области естественных наук. «Историческое значение каждого русского великого человека, — писал Н. Г. Чернышевский, — измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма.. Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только Отечеству»². В этих словах — яркая характеристика Ломоносова как историка. Патриотическая страстность, широкий кругозор, глубокое знание отечественной истории, умение связать ее с всеобщей историей, стремление создать историю народа, а не царей, выдвигают Ломоносова в число прогрессивных представителей русской исторической науки XVIII века.

Несмотря на столь очевидный вклад ученого в развитие русской исторической науки, почти двести лет бытовала ложная оценка его как историка.

Критическая направленность исторических воззрений Ломоносова, антинорманизм, беспощадная борьба с засильем иностранцев в русской исторической науке XVIII в. привели к тому, что сразу же после смерти великого ученого Миллер и Шлецер объявили исторические работы Ломоносова случайными и бесполезными. И если в XVIII в. их высоко ценили, на них ссылались, им подражали, то в XIX — начале XX в. Ломоносова как историка почти забыли. О его работах хотя и упоминали, но как о самых незначительных, не представляющих интереса. Лишь историки-антинорманисты интересовались историческими трудами Ломоносова, называли

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 204.

² Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1953, стр. 167—168.

его исторические взгляды «русской системой» в отличие от «немецкой системы» Байера и Шлецера. Один из них славянофил Н. Савельев-Ростиславич писал в 1845 году: «Нельзя не удивляться пронизательности ума Ломоносова, который... силою собственного соображения вознесся до такой высоты, что мог построить такую замечательную теорию нашей и общеславянской истории»¹. Однако долгое время антинорманисты не развивали исторического наследия Ломоносова, а лишь механически переносили его мысли в свои труды.

Для большинства русских буржуазных историков XIX — начала XX в. типичны слова С. М. Соловьева, который писал о «неприготовленности Ломоносова к историческим занятиям вообще и к занятиям русскою историею в особенности»². Соловьев считал исторические обобщения и выводы Ломоносова надуманными и утверждал, что у него «не было ясного понимания предметов», и потому он не умел «схватить особенности в истории народа»³.

В интересной статье «Ломоносов-историк в оценке русской историографии» А. М. Сахаров обращает внимание на то, что при общей отрицательной оценке Соловьев «не мог не отметить и заслуг Ломоносова перед исторической наукой»⁴ в решении частных вопросов. Говоря о том, что они «блистательны по тогдашним средствам науки», Соловьев, будучи умеренным либералом, не разделял политической целеустремленности гениального русского ученого, ставил его ниже Щербатова и считал, что в целом в области истории Ломоносов «не мог представить никакой системы».

Вслед за Соловьевым русские буржуазные историки XIX — начала XX в. П. П. Пекарский, М. О. Коялович и другие утверждали, что Ломоносов не был историком по призванию и писали о его «необъективности» и «ненаучности».

¹ Н. Савельев-Ростиславич. Славянский сборник XXV, СПб., 1845, стр. 1.

² С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. Из кн. «Собр. соч.», б/г. стб. 1360.

³ Там же.

⁴ А. М. Сахаров. Ломоносов-историк в оценке русской историографии. Вестн. Московского ун-та, серия IX, История, 1961, № 5, стр. 8.

В. О. Ключевский в курсе историографии повторил эту оценку, считая, что основной труд Ломоносова «Древняя Российская история» «не оказал большого влияния ни на историческое сознание общества, ни на ход историографии»¹.

Идеолог реакционной русской буржуазии П. Н. Миллюков довел эту оценку до абсурда, заявив, что Ломоносов не был подготовлен к сочинению русской истории, которая была заказана «высшим обществом», и, стало быть, нечего искать в его «Древней Российской истории» научных достоинств. Это тем более верно, писал он, если сравнить труд Ломоносова с работами Байера, Миллера, Шлецера — «тремя знаменитыми исследователями нашей истории»².

Вслед за Миллюковым Н. А. Рожков полагал, что Ломоносов только из патриотических побуждений отвергал норманскую теорию, не имея никаких к тому оснований.

Значение исторических работ Ломоносова отрицали М. Н. Покровский и Г. В. Плеханов. Последний видел в нем придворного пиита, для которого история «никогда не была не только главным, но вообще серьезным призванием»³.

Замечательные мысли Ломоносова-историка, не понятые ни его современниками, ни ближайшими потомками, получили заслуженную оценку лишь в наше время, по мере становления и развития советской исторической науки.

Первым дал марксистский научный анализ и положительную оценку историческим трудам Ломоносова академик Б. Д. Греков, подчеркнувший, что многие мысли гениального ученого, казавшиеся нелепыми и необоснованными в XVIII в., получили подтверждение в работах советских историков и археологов. Показав патриотическую основу исторических интересов Ломоносова, Греков пришел к важному выводу о том, что «основным предметом ломоносовской «Истории» являются не князья, а народ в его исторической жизни»⁴.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. 8, М., 1959, стр. 409.

² П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I, М., 1898, стр. 71.

³ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. II, М., 1918, стр. 215.

⁴ Б. Д. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 26.

Но и после этого справедливого вывода имела место недооценка исторических взглядов Ломоносова. В частности, в книге Н. Л. Рубинштейна глава о Ломоносове немногим отличается от оценок, данных ему буржуазными учеными. Пять страниц отводится беглому пересказу работ Ломоносова, остальная часть главы посвящена Байеру, Фишеру и другим¹.

В «Очерках истории исторической науки в СССР» трудам Ломоносова посвящена часть IV главы «Развитие исторических взглядов в России периода дворянской империи первой половины XVIII века». Авторы ее М. А. Алпатов и М. Н. Тихомиров справедливо отмечают, что «Михаил Васильевич Ломоносов... не был историком-профессионалом, но его гениальный ум охватывал самые разнообразные отрасли знаний. Поэтому и в исторической науке Ломоносов выступает перед нами как великий ученый-новатор, а его «История» наметила такие вопросы, которые до сих пор привлекают внимание исследователей».

Л. В. Черепнин в книге «Русская историография до начала XIX века» подытожил все сказанное об исторических взглядах Ломоносова и подчеркнул, что главной заслугой его в области русской историографии является связь исторической науки с борьбой за экономическую, политическую и культурную независимость России.

ЛИТЕРАТУРА

М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии», М.—Л., 1952.

Б. Д. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34.

М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. «Вопросы истории», 1962, № 5, стр. 64—73.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 187—217.

А. М. Сахаров. Ломоносов-историк в оценке русской историографии. Вестник Московского ун-та, серия IX, История, 1961, № 5, стр. 3—18.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 86—98.

ЛЕКЦИЯ 8

ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Исторические особенности эпохи. М. М. Щербатов — представитель реакционной дворянской идеологии в русской историографии. Исторические взгляды И. Н. Болтина. Его оценка в русской историографии

Вторая половина XVIII в. в развитии русской исторической науки примечательна появлением различных направлений, которые по мере своего оформления вступают в борьбу между собой. Борьба направлений в русской историографии была обусловлена социально-экономическим развитием страны.

Вторая половина XVIII в. — это период формирования капиталистического уклада в недрах феодальной системы, период назревания кризиса феодально-крепостнической формации. Развитие капиталистического уклада, выражаясь прежде всего в расширении эксплуатации наемного труда, одновременно вело к усилению крепостнической эксплуатации. Помещики, стремясь в условиях развития товарно-денежных отношений повысить доходность своих имений, резко усиливали эксплуатацию крепостных крестьян, повышали оброк, увеличивали барщину, переводили значительную часть крестьян на месячину, при которой они становились фактически рабами. Подвергаясь непомерной эксплуатации, крестьяне выражали острое недовольство феодально-крепостнической системой, которое выливалось в стихийные волнения и бунты.

Наряду с усилением противоречий между крестьянами и помещиками рост капиталистического уклада во второй половине XVIII в. вел к усилению противоречий между дворянством и купечеством, между купечеством и крестьянством. Одновременно с обострением антагонизма между основными классами феодального общества усиливались противоречия внутри каждого класса, усложнялась классовая структура общества, углублялись в целом социальные противоречия в стране.

В этих условиях царское правительство издает указ за указом, стремясь укрепить экономические и политические позиции дворянства. Несмотря на эти меры, дворяне все с большим трудом отстаивали свои монопольные права от посягательств новой социальной силы — купечества. Рост экономической мощи купечества, усиление его притязаний на землю, на крепостных крестьян, проникновение в дворянское сословие — становились все более очевидными. Это обстоятельство, а главное, крестьянские восстания, оказывали определенное влияние на развитие дворянской идеологии и, в частности, на развитие исторической науки.

В соответствии с изменившейся расстановкой классовых сил складывались два направления в русской историографии. Одно представляли заядлые реакционеры и крепостники вроде князя М. М. Щербатова, отстаивавшие крепостное право и стремившиеся с помощью истории обосновать неизбежность экономического и политического господства дворян.

Представителями другого направления были А. Н. Радищев, просветители Н. И. Новиков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский и др. Они развивали просветительские идеи, высказывались за ограничение крепостного права, а А. Н. Радищев — за его ликвидацию. Если исторические взгляды просветителей — Новикова, Десницкого — отражали интересы развивающейся буржуазии и свидетельствовали о зарождении буржуазной историографии, то исторические взгляды Радищева отражали интересы угнетенного крестьянства и знаменовали зарождение революционного понимания истории.

Центральной фигурой реакционного направления в русской историографии второй половины XVIII в. является Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790 гг.). Пытаясь с помощью истории защитить господство поме-

щиков-крепостников, он выступил с обоснованием исконности крепостнических прав дворянства. Исторические взгляды Щербатова представляют интерес как показатель настроений консервативных кругов русского дворянства и характерны для определенного этапа в развитии дворянской историографии, связанного с эпохой назревания кризиса феодально-крепостнической системы. Поэтому вряд ли правильно поступили авторы соответствующей главы «Очерков истории исторической науки в СССР» Б. Б. Кафенгауз и Л. Г. Бескровный, уделив Щербатову всего две страницы¹.

Нужно сказать, что буржуазные и мелкобуржуазные историки Ешевский, Пыпин, Мякотин, Чечулин, Кизеветтер, Дьяконов, Милюков, рассматривая мировоззрение Щербатова, писали о нем как о либерале, гуманисте, «предвозвестнике общегражданских правовых отношений». Субъективно-психологическая характеристика мировоззрения Щербатова, отсутствие классового анализа, отрыв его взглядов от социально-экономических условий эпохи свойственны всем буржуазным историкам.

Эту либерально-буржуазную точку зрения не смог полностью преодолеть и Г. В. Плеханов, который считал, что «крепостнические убеждения не мешали Щербатову по-своему желать добра народу»².

Только советские историки — П. Г. Любомиров, Н. Л. Рубинштейн, Н. М. Дружинин, И. А. Федосов, Л. В. Черепнин — правильно определили место Щербатова как представителя реакционной дворянской идеологии в русской историографии.

Классовая направленность исторических взглядов Щербатова очевидна. Ратуя за нерушимый союз самодержавия с дворянством, Щербатов искал разрешения социальных противоречий в политической деятельности самодержавной власти и широком участии дворянства в управлении страной.

По своему политическому мировоззрению Щербатов — откровенный защитник крепостничества и ярый противник не только освободительных чаяний крестьянства, но даже самых осторожных либеральных начинаний среди дворянства. Будучи представителем крупного родовито-

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 208—210.

² Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Соч., т. XXII, М.—Л., 1925, стр. 217.

го дворянства, идеологом господствующего класса, Щербатов всемерно оправдывал крепостнические производственные отношения. Это оправдание содержится в его записках и выступлениях в качестве депутата от ярославского дворянства в екатерининской комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 г., а также в специально написанной им работе «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам или служителям, или сделать собственность имения» (1785 г.).

Щербатов выступал как сторонник монархической власти, ограниченной советом «мудрейших, родовитых дворян». В связи с этим он был недоволен самодержавной политикой Екатерины II и критиковал ее с позиций крупного реакционного дворянства в целях еще большего расширения его политических и экономических прав. Щербатов считал, что интересы и требования родовитого русского дворянства недостаточно удовлетворяются екатерининским правительством и это является основным тормозом в развитии экономики России. По существу это была критика самодержавия справа с целью усиления власти аристократических кругов.

Нужно сказать, что Щербатов был для своего времени глубоко образованным человеком. Хорошо зная западноевропейскую философию и историю, он в ряде работ часто демагогически использует радикальную фразеологию. Эта своеобразная маскировка и ввела в заблуждение многих буржуазных исследователей, увидевших в Щербатове чуть ли не проповедника идей французских энциклопедистов.

Философской основой мировоззрения Щербатова был рационализм, поставленный на службу реакционному дворянству. Определенное влияние на формирование его исторических взглядов оказали представители так называемого прагматического направления в историографии и прежде всего Давид Юм — автор истории Англии, известный в свое время субъективный идеалист и метафизик, сторонник компромисса между буржуазией и дворянством.

Основной работой Щербатова является семитомная «История Российская от древнейших времен», напечатанная в 1767—1791 гг. Заканчивается она 1610 г., хотя автор намеревался довести ее до Петра I. Из других его работ известна «Краткая повесть о бывших в России са-

мозванцах», написанная в 1774 г. в связи с восстанием крестьян под руководством Пугачева. В этой повести Щербатов стремился доказать, что явления, подобные пугачевскому восстанию, случайны и не вызваны никакими серьезными причинами. «Такая есть слабость народная, — пишет он, — что.. часто быв увлекаемы легкомыслием и новостью, в злейшие себя несчастья ввергают»¹. Книга о самозванцах отвечала насущным потребностям дворянства и была дважды переиздана — в 1778 и 1791 годах.

Определенной политической задаче отвечала также работа Щербатова «О древних чинах, бывших в России, и о должности каждого из оных» (1776 г.). В ней делалась попытка исторически обосновать политические права российского дворянства.

Наряду с изданием подобных, бесполезных для науки работ, заслугой Щербатова является то, что он собрал и опубликовал большое количество новых источников, таких как «Царственный летописец», «Царственная книга», «Летопись о многих мятежах», «История Швейцарской (шведской) войны», «Журнал или поденная записка Петра Великого» и другие. Щербатов пытался поставить вопрос о достоверности источников на основе здравого смысла. Придерживаясь юмовской методологии и принципов прагматизма, он излагает историю как причинный рассказ, в котором одно действие зависит от другого, причем конкретные причины того или иного действия, тех или иных исторических событий усматривает в действиях отдельного человека. Поэтому в основу причинных связей между отдельными событиями автор кладет психологию действующих исторических лиц. Эту психологию Щербатов понимает чисто рационалистически, как тождественную для всех времен и народов. «Внутренность человека всегда одинакова», — утверждает он.

Описывая исторические события, Щербатов стремился показать, почему данное лицо действовало так, а не иначе, какими интересами оно руководствовалось. В результате такого изложения за частными причинами и чисто психологическими связями исчезают общие связи,

¹ М. М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, стр. 5.

попытки осмыслить исторический процесс как целое. В этом отношении Щербатов делает шаг назад по сравнению с Татищевым, который стремился представить историю в целом. Кроме того, татищевская схема русского единогодержавия осложняется у Щербатова вопросом о дворянских правах и привилегиях. Сочетание этих двух элементов усложняло характеристику исторических событий и рождало противоречивые выводы и оценки.

Периодизация русской истории у Щербатова, не имея принципиальной основы, была чисто внешней, условной и в значительной мере повторяла «Степенную книгу». «История российская от древнейших времен» состоит из семи томов, каждый том делится на части и книги, а каждая книга — на главы. Деление на главы соответствует делению «Степенной книги» на отдельные княжения. Каждая глава кончается итоговой характеристикой князя, в чем сказывается также влияние «Степенной книги».

Фактическое освещение исторических событий начинается со второй книги, где излагается история Древней Руси от Рюрика до крещения Владимира Святославича. Третья книга заканчивается разделением русских земель между сыновьями Ярослава. Считая, так же как Ломоносов, 1054 г. началом нового этапа в развитии Русского государства, Щербатов закрепляет эту дату в русской историографии.

Четвертая книга целиком посвящена Владимиру Мономаху. Пятая заканчивает историю Киевской Руси Юрием Долгоруким. Здесь автор подводит итог киевскому периоду в специальной главе, характеризующей политическое устройство, законы, просвещение в Древнерусском государстве. Новый период, которому посвящена шестая книга, начинается с Андрея Боголюбского, т. е. с перенесения столицы из Киева во Владимир. Изложение здесь доводится до татаро-монгольского нашествия. Таково содержание первых двух томов.

Третий том открывается новым крупным разделом, посвященным периоду татаро-монгольского ига. Автор характеризует его двумя обстоятельствами — борьбой с татаро-монголами и восстановлением самодержавия.

Связующим звеном между третьим и четвертым томами является княжение Дмитрия Донского и его победа над татаро-монголами. В пятом томе освещается

«царский период» русской истории, причем этот период Щербатов, в отличие от Татищева, начинает не с Ивана III, а с Ивана IV, которому посвящен весь том. Здесь рассказывается о венчании Ивана IV на царство как событии, свидетельствующем о восстановлении русского единогодержавия. Вслед за Щербатовым почти все русские историки XIX в. выделяли эпоху Ивана Грозного как особый исторический этап. Весь период царствования Ивана IV Щербатов делит на две половины (составляющие соответственно первую и вторую части пятого тома) — до и после опричнины. Это деление определило в последующем трактовку деятельности Ивана Грозного Карамзиным, Погодиным, Иловайским и другими дворянскими и буржуазными историками.

Шестым томом заканчивается история династии Рюриковичей. Она пресекается смертью Федора Ивановича в 1598 году. Седьмой том должен был охватить весь период так называемой «смуты» до избрания Михаила Романова на царство. Как уже говорилось, этот том остался незаконченным.

Нужно отметить, что хотя щербатовская схема лишена внутреннего единства, его конкретная периодизация оказала заметное влияние на работы последующих историков. Освещение отдельных периодов русской истории Щербатов стремится дать в плане показа союза самодержавия с дворянством. Видя их единство в начальный период истории Московского княжества, он с особым удовлетворением подчеркивает единство князя с боярством при Дмитрии Донском и считает это одной из причин победы над татаро-монголами.

В том же плане рассматривается царствование Ивана Грозного. В первый период царь, окруженный советниками из бояр, правит мудро и справедливо. Во втором, погубив советников и предавшись пагубным страстям, он приводит государство к разорению. Отсюда политический вывод автора: сила Ивана Грозного — в совете боярском, слабость и вина его — в разрыве с боярством. Фактически эту мысль Щербатов взял из «Русского Хронографа» второй редакции. Эту тему обстоятельно развил затем Н. М. Карамзин.

Крестьянская война под руководством Пугачева, свидетелем которой был Щербатов, заставляет его в чисто реакционном плане оценить крестьянскую войну под ру-

ководством Ивана Болотникова. Основные причины ее и политической «смуты» в Русском государстве в начале XVII в. он усматривал в недовольстве мелкого служилого люда. Закрепощение крестьян, по мнению Щербатова, благотворно не только для помещиков, но и для самих крестьян, получивших хорошего и рачительного хозяина. Эта мысль Щербатова также надолго укрепилась в дворянско-буржуазной историографии.

Крайне противоречиво отношение Щербатова к Петру I и его реформам. В статье «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого», написанной в 1782 г., он говорит, что политика Петра на двести лет ускорила развитие России. Одновременно с этим он считает, что петровские преобразования привели к «повреждению нравов» в России и к умалению роли знатных боярских родов.

Говоря о значении исторических работ Щербатова, мы считаем, что не следует ограничиваться оценкой, данной в «Очерках истории исторической науки в СССР», где сказано: «История Российской» Щербатова, отстаивавшая крепостное право, была скоро забыта и оказала небольшое влияние на дальнейшее развитие русской историографии»¹. Приведенные слова не совсем точно характеризуют роль Щербатова в русской историографии. Щербатов ввел в оборот ряд новых источников, связал их в своей книге и с определенных классовых позиций попытался осмыслить многие события российской истории. Другое дело, что громоздкая и тяжеловесная по стилю «История» не пользовалась успехом у современников и была раскритикована Болтиным. Тем не менее появление ее составляет закономерный и определенный этап в русской историографии. «Истории» Щербатова, — пишет С. М. Соловьев, — принадлежит почетное место в нашей исторической литературе. Хотя собственный ход русской истории остается для него тайной; но... он останавливается на явлении, думает над ним, старается объяснить его, а известно, какую услугу науке оказывает тот, кто первый обращает внимание на известное явление, первый начинает объяснять его, хотя бы его объяснения были и неудовлетворительными»².

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 210.

² С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1360—1361.

Исторические взгляды Щербатова были ярким выражением крепостнических вожеланий русского дворянства. Отражая реакционные позиции феодального класса в новых условиях общественной жизни, они противостояли революционным идеям, проявившимся в исторических взглядах Радищева. В этом отношении справедливо писал А. И. Герцен: «Князь Щербатов и Александр Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию... Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны»¹.

Другой дворянский историк второй половины XVIII в. — Иван Никитич Болтин — оставил значительно больший след в русской историографии. Он современник Щербатова: родился на два года позже — в 1735 г., и умер через два года после его смерти — в 1792 году. Однако во взглядах этих современников на историю имеются существенные различия. Вместо щербатовского утомительного прагматического изложения русской истории Болтин ставит и пытается решить общие исторические вопросы: об отличии русской истории от западноевропейской, о происхождении русского народа, о возникновении крепостного права и т. д.

По своему мировоззрению И. Н. Болтин — типичный представитель просвещенного русского дворянства XVIII в., рационалист. Будучи сторонником ограничения крепостного права и установления точного размера крестьянских повинностей, он ставит вопрос о возможности освобождения крестьян «исподволь и постепенно».

Отношение Болтина к истории довольно оригинально. Он не получил систематического образования, но по внутреннему побуждению в течение всей своей жизни упорно учился, причем, читая отечественную и западноевропейскую историческую литературу, делал многочисленные выписки. Позднее он писал, что его суждения в области истории основаны «на выписках, учиненных через многие лета из древних летописей, грамот и других сочинений»².

Будучи генерал-прокурором военной коллегии, Болтин имел возможность читать материалы военного архива. Кроме того, находясь в дружеских отношениях

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, стр. 270.

² «Правда Русская», 1792 г., стр. VII.

с собирателем исторических материалов Мусиным-Пушкиным, он знакомился с его многочисленными коллекциями летописей, о которых писал: «Прочетчи их, много можно открыть относящегося до нашей истории, что поныне остается или в темноте, или в совершенном безвестии»¹. Так постепенно Болтин пополнял свои исторические познания и стал одним из крупнейших знатоков русской истории. Его выписки по отечественной истории пестрили именами Ломоносова, Татищева, Тредьяковского, Кантемира, Хераскова, Байера, Миллера, Щербатова, Герберштейна, имели многочисленные ссылки на издания Академии наук, Древнюю Российскую Вивлиофику, русские летописи и актовые материалы.

Наибольшее влияние на формирование исторических взглядов Болтина оказал Татищев. Из западноевропейских историков и философов Болтин упоминает Бэйля, Вольтера, Монтескье, Рейналя, Гельвеция, Лабрюйера и других. Знакомство с лучшими представителями русской и западноевропейской общественной мысли удачно сочеталась у Болтина со знанием России. «Родясь и большую часть века прожив в России, — пишет он, — почти ни одной провинции не оставил, в которой бы я не был»². И в своих исторических сочинениях Болтин постоянно использует знание страны.

Однако огромная эрудиция оставалась личным достоянием Болтина. Ему «было уже 50 лет, а в русской литературе еще не появлялось прямых следов, накопленных его многолетними трудами исторических знаний, — пишет В. О. Ключевский. — Вероятно, эти знания вместе с ним и умерли бы...»³. Но случилось событие, которое вывело Болтина из состояния пассивного накопления знаний и чисто любительского отношения к истории. Во Франции вышла написанная врачом Леккерком шеститомная «Естественная, нравственная, гражданская и политическая древняя и новая истории России». Эта была клеветническая работа, написанная

¹ И. Н. Болтин. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 251—252.

² Там же, стр. 160—161.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, М., 1959, стр. 141.

в хвастливом тоне, на основе поверхностного знания источников и ложной уверенности автора в понимании русских народных нравов и обычаев. «Немножко Дон-Кихотии, немножко Хлестаков, — писал о Леккерке Ключевский, — перехватил наскоро несколько известий у своего соотечественника Левека и несколько у русских своих корреспондентов, в том числе у князя Щербатова, и, исказив, как умел, сообщенное ему и им прочитанное, смастерил из всего этого многотомную книгу, в которой обещал изложить всестороннюю историю России, т. е. дал читателям кучу «всякой всячины», — как выразился Болтин»¹.

Недобросовестное отношение Леккерка к фактам, а главное, его враждебное отношение к русскому народу возмутили Болтина, и он написал двухтомные Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леккерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным». В этом труде Болтин показал себя выдающимся историком.

Касаюсь утверждения автора «Истории России» о том, что только особенная страсть к писательству может заставить писать о предметах, которых не знаешь, Болтин отметил, что сочинение Леккерка проникнуто ложью, клеветой и пустословием, к тому же отличается нелепостью суждений, бесчисленными и грубыми ошибками, он же, Болтин, пишет в защиту «правды и отечества».

Болтин показал, что Леккерк не понимает источников, не знает русских обычаев и языка, что его сочинение на две трети наполнено ненужными сведениями, взятыми у случайных авторов и произвольно перекроеными. Он опровергал основную мысль Леккерка о дикости русского народа в прошлом и невежестве в настоящем.

Разбирая книгу Леккерка, Болтин задел Щербатова. В ответ на эти критические замечания появилось «Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытые и явные охуления, учиненные его истории от господина генерал-майора Болтина, творца «Примечаний на историю древняя и нынешняя России Леккерка». Отдавая должное справедливой критике Болтина, Щер-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 141—142.

батов в то же время со многим не соглашается. В связи с этим в том же 1789 г. был опубликован «Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории...» на 180 страницах. В этом ответе Болтин, нисколько не ослабляя своих замечаний, критиковал теперь уже непосредственно Щербатова за неправильное толкование русских летописей и непонимание их языка. Он утверждал, что «История» Щербатова не соответствует затраченному на нее труду и бесполезна для последующих историков, потому что автор недостаточно знает Россию. Не удовлетворившись этим ответом, Болтин затем пишет «Критические примечания на первой и второй томы истории князя Щербатова».

Возникновение подобной полемики убедительно свидетельствует о том, что во второй половине XVIII в. складываются различные направления в русской историографии, усложняется и углубляется процесс развития исторической науки.

Наряду с критическим разбором работ Леклерка и Щербатова И. Н. Болтин принимал участие в публикации исторических источников. Он составил ценные комментарии к «Русской Правде» (1792 г.), участвовал в издании «Книги большому чертежу» (1792 г.), «Поучений Владимира Мономаха» (1793 г.).

Несмотря на то, что исторические работы Болтина носят преимущественно полемический характер и по существу являются лишь разбором сочинений других авторов, на основе критических высказываний в адрес Леклерка и Щербатова можно составить цельное представление о его мировоззрении. Как правило, Болтин высказывал свои суждения по наиболее общим и сложным вопросам русской истории. Для его замечаний характерно сочетание горячего патриотизма с прекрасным знанием отечественной истории и глубоким анализом поставленных проблем. Свою точку зрения на характер исторических работ он высказывает следующим образом: «Не краткость и не пространство составляют достоинства историка, но избрание приличных вещей, точность, беспристрастность в повествованиях, дельность и важность в рассуждениях, ясность и чистота в слоге»¹.

¹ Примечания на историю древняя и нынешняя России господина Леклерка..., т. I, 1788, стр. 278.

Болтин уделяет много внимания характеристике источников, их анализу и истолкованию. Резко разграничивая летописи и исторические сочинения в примечаниях на «Историю» Щербатова, он указывает: «Не все то пристойно для истории, что прилично для летописи, и не все то нужно ведать в настоящем веке, о чем Нестор уведомляет своих современников»¹.

Болтин высоко ценил письменные и вещественные источники и предупреждал: «Не меньше должно Исторiku и того опасаться, чтоб, объясняя темные места летописей, не устранился от подлинного их смысла, и не написать чего ни есть с обстоятельствами времени или местоположения несогласного»².

В определенной степени предвосхищая развитие буржуазной историографии, Болтин по-новому ставил некоторые вопросы исторического развития. Исторический факт у него терял свое самодовлеющее значение. Историк, по его мнению, не должен приводить всей суммы фактов. Он обязан определить, какие из них важны и существенны для общего понимания исторического процесса.

Болтин впервые в русской историографии выдвинул задачу подчинения конкретного фактического материала цельной исторической концепции. Он требовал понимания исторического процесса в целом и в этом отношении шел навстречу новой буржуазной исторической науке, хотя и оставался дворянским историком.

Если Щербатов и его предшественники в основе исторических событий видели действия отдельных лиц, то Болтин искал общие причины, общую закономерность, от которой зависит исторический процесс в целом. Он стоял за единство истории. «Прочтите первобытные века всех царств и республик, — говорил он, — и вы найдете у всех их нравы, поведение и деяния сходными». Все народы, считал этот оригинальный русский историк, развиваются по одним и тем же законам, они «во всех временах и во всех местах находились в одинаковых обстоятельствах, имели одинаковые нравы, сходные мнения и являлись под одинаковым видом»³. Это очень

¹ Примечания... на первый том «Истории» князя Щербатова, т. I, стр. 388—389.

² Критические примечания... на второй том «Истории» князя Щербатова; СПб., 1791, стр. 296—297.

³ Примечания на историю... Леклерка, т. I, стр. 242.

интересное высказывание, если учесть, что оно сделано в XVIII веке.

Болтин говорил о влиянии среды на развитие человеческого общества. Он утверждал, что не законы формируют нравы, а наоборот, нравы людей определяют те законы, которыми они управляются. В этом отношении Болтин выходил за рамки рационалистической философии и стоял на пороге исторической науки XIX века. Показательна его неудовлетворенность состоянием современной ему исторической науки. Россия, по его мнению, не имела «полной хорошей истории... не по недостатку к тому припасов, но по недостатку искусного художника, который бы умел те припасы разобрать, очистить, связать, образовать, расположить, украсить»¹.

Рассматривая конкретные вопросы русской истории, Болтин высказывал весьма прогрессивные для своего времени мысли. Например, опровергая мнение Леклерка о происхождении славян от гуннов, он в связи с этим дает обзор всех народов, населявших в древности Восточную Европу, и приходит к выводу, что славяне в древности были известны под именем венедов, генатов и даков. В противоположность утверждениям «нахального клеветника» Леклерка о том, что во времена Олега русские якобы были кочевым народом, а варяги являлись «первыми учителями русских» и создателями Древнего Русского государства, Болтин доказывал, что это неверно, и «если же и был он некогда таковым, то не прежде, как за несколько сот лет до завоевания Олегом Киева»².

По поводу варягов он пишет еще яснее: «Варяги не просвещеннее были русских, они, живучи в соседстве с ними, общие и одинаковые имели с ними познания...»³.

Не согласен он со Щербатовым в том, что христианство на Руси распространялось мирным путем. По мнению Болтина, оно насаждалось насильственно и встречало сопротивление со стороны славянских племен.

Интересны мысли этого дворянского историка о периоде феодальной раздробленности. Стремясь объяснить феодальную раздробленность взаимной враждой князей

и населения, считая эту вражду «главнейшей и едва ли не единственной причиной завоевания Руси» татаро-монголами, Болтин в то же время ошибочно полагал, что монгольское владычество не имело серьезных последствий для русского народа. «Оставив по городам баскаков и войско, татары правили Россией издали, а русские управляли своими законами»¹, — пишет он.

Применяя сравнительный метод, Болтин установил наличие в России тех же феодальных порядков, что и в Западной Европе. По его мнению, «феод» не что иное, как поместье, то есть пожалованная государем земля, доходами с которой пожизненно пользовался владелец. С течением времени помещики обратили поместья в вотчины, а затем, пользуясь «безначалием и нестроением», стали самовластными и независимыми.

Разумеется, Болтин был далек от понимания феодализма как определенной экономической категории.

В политическом строе удельной Руси Болтин видел те же феодальные черты. Он писал: «Наши древние удельные князья полным феодальным правом пользовались, точно таким, каким пользуются ныне германские князья; имели в подданстве своем князей, бояр, дворян; могли иметь войну друг с другом и с великим князем, хотя и признавали его за главу государства»².

Рассматривая проблему возникновения крепостного права в России, Болтин ставил его развитие в зависимость от злонамеренной воли дворян. Он писал: «Запрещение перехода обратили владельцы в свою пользу и распространили власть свою над крестьянами; стали принуждать их к платежу большого оброка и требовать от них работ излишних»³.

Со времен Петра I, по мнению Болтина, рекрутские наборы и подушная перепись привели к превращению крестьян в холопов. Однако процесс этот, как ошибочно утверждал Болтин, развивался вне прямой зависимости от законодательства. «Нет закона, — писал он, — делающего лично крестьян помещикам крепостными»⁴.

Касаясь эпохи Ивана IV, Болтин пытался объяснить его жестокость определенными историческими условия-

¹ Примечания на историю... Леклерка, т. II, стр. 542.

² Там же.

³ Там же, стр. 110.

¹ Примечания на историю... Леклерка, т. I, стр. 295.

² Примечания на историю... Леклерка, т. II, стр. 300.

³ Там же, стр. 209.

⁴ Там же, стр. 211.

ми. Имел он разум, считает Болтин, но помраченный крайним невежеством и суеверием, свойственным тогдашнему веку; имел он природу добрую, но испорченную плохим воспитанием и худыми примерами; кажется, что и сердце его не было столь жестоким, если бы родился он сто лет позже.

Реформы Петра I Болтин считал благотворными, но в то же время отрицал необходимость решительных и крутых преобразований. Он предпочитал им изменения медленные и постепенные.

О царствовании современной ему Екатерины II Болтин писал в плане безудержного восхваления. Он пытался доказать, что положение русских крестьян значительно лучше французских и немецких, что облегчение их участи «не от вольности, а от ограничения помещичьей власти зависит».

Болтин был убежденным монархистом. «Пусть мнит о вещах всякой по-своему, но делает только то, что повелевает законная власть»¹, — подчеркивал он и с этих монархических позиций рассматривал крестьянское восстание под руководством Пугачева, пытаясь умалить его значение.

Определяя место И. Н. Болтина в русской историографии, нужно отметить положительное значение многих его высказываний. Как современники, так и историки XIX в. ценили его остроумие, критический талант и оригинальный взгляд на русскую историю².

Крупнейший буржуазный историк XIX в. С. М. Соловьев подчеркивал, что «Примечания Болтина на Леклерка являются первой книгой, в которой проведен общий взгляд на развитие истории и делается первая попытка смотреть на историю как на науку народного самопознания, отыскать живую связь между прошедшим и настоящим и установить значение России в ряду европейских государств без отрицания ее особенностей».

В. О. Ключевский в статье, посвященной И. Н. Болтину, справедливо писал: «Поставленные Болтиным вопросы стали после него очередными задачами русской историографии, а высказанные им мысли незаметно проникли в общество и в литературу, оторвались от своего

источника и безыменными каплями затерялись в общественном сознании. У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин первый сказал это»¹.

Советские историки, признавая положительный характер многих высказываний Болтина, далеки от идеализации исторических взглядов этого последовательного монархиста, защищавшего интересы дворянского класса. Но не нужно забывать, что, способствуя своими критическими работами дальнейшему развитию дворянской исторической науки в России, Болтин был одним из ее ярких и типичных представителей.

ЛИТЕРАТУРА

М. Шербаков. История Российская от древнейших времен, т. I, СПб., 1794.

И. Н. Болтин. Примечания на историю древняя и нынешняя России господина Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. I, СПб., 1788.

В. О. Ключевский. И. Н. Болтин. Соч., т. VIII, М., 1959, стр. 133—163.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 116—150.
Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 218—246.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 163.

¹ Примечания на историю... Леклерка, т. II, стр. 364.

² См. В. С. Иконников. Исторические труды Болтина. СПб., 1902.

ЛЕКЦИЯ 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Условия возникновения просветительства в России. Исторические взгляды и деятельность Н. И. Новикова. Вопросы истории в работах С. Е. Десницкого и других представителей зарождающегося буржуазного направления в русской историографии второй половины XVIII в.

Развитие передовой общественно-политической и исторической мысли в России во второй половине XVIII в. связано с деятельностью славной плеяды просветителей: Н. Н. Поповского, А. А. Барсова, Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского, И. А. Третьякова, А. М. Брянцева, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, И. А. Крылова, А. Я. Поленова, А. А. Каверзнева, П. А. Словцова, П. С. Батурина и других.

Идеи русских просветителей второй половины XVIII в. отвечали на вопросы, поставленные всем ходом общественно-политического и экономического развития страны, в которой началось разложение феодально-крепостнической системы.

Развитие передовой общественно-политической, философской и исторической мысли, отражавшей процесс формирования буржуазной идеологии, происходило в ожесточенной борьбе с консервативными и реакционными течениями. Передовые люди России боролись за ограничение произвола крепостников, за демократизацию науки, за распространение в стране просвещения, за развитие материальных и духовных богатств, за

эмансипацию человеческой личности. Прогрессивно настроенные мыслители и писатели подвергали острой критике реакционный характер морали крепостников, преклонение их перед неограниченным самодержавным произволом.

Хотя сами просветители и не ставили своей целью ликвидацию феодальной системы, однако выдвинутые ими общественно-политические идеи шли вразрез с господствовавшими в стране порядками. Их деятельность по своему объективному содержанию подрывала феодально-крепостнические устои, способствуя вызреванию нового, капиталистического уклада.

Критическое отношение просветителей к существующему строю проявлялось в их взглядах на историю. Исторические воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. отражали формирование буржуазной идеологии. Новый буржуазный класс, начинавший пробуждаться к политической жизни, искал подтверждения своим претензиям в истории. Это нашло свое отражение во взглядах на историю Новикова, Десницкого, Козельского и других.

Николай Иванович Новиков (1744—1810 гг.) стремился с помощью истории бороться с реакционными идеями и распространять просвещение в своей стране. Не будучи подобно А. Н. Радищеву политическим борцом и революционным мыслителем, Новиков избрал путь мирной общественно-просветительной деятельности. Его политические взгляды проникнуты либерализмом. Новиков был сторонником конституционной монархии, ратовал за широкое участие третьего сословия в политической жизни и управлении государством. Пропагандируя на примере Англии конституционную монархию, он в то же время горячо сочувствовал буржуазной республике. Стремясь примирить науку и религию, идеи разума и мистического откровения, он широко пропагандировал прогрессивные идеи просветителей XVIII в. — Локка, Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро и других. Единственным источником общественного прогресса Н. И. Новиков считал просвещение и нравственное воспитание личности.

Противоречивость и непоследовательность общественно-политических взглядов Н. И. Новикова отражала реальные противоречия русской жизни конца века,

когда подымающаяся буржуазия вступила в борьбу с дворянством и его идеологией.

Несмотря на мирный характер просветительной деятельности, Новиков за свои передовые гуманистические убеждения в 1792 г. был заключен Екатериной II в Шлиссельбургскую крепость, в которой пробыл около пяти лет.

Горячий патриот своей родины, Новиков подчеркивал значение изучения отечественной истории: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, — писал он, — но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными»¹.

В связи с этим особенное внимание Новиков уделял сборанию и публикации памятников русской истории. Отыскивая их в частных, государственных, монастырских архивах, Новиков организовал издание «Древней Российской Вивлиофики». В 1773—1775 гг. было опубликовано десять частей этого ценного собрания исторических источников, а в 1788—1791 гг. оно было переиздано в двадцати частях. Обращаясь к читателям, автор писал, что они «с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов и их обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою»².

Публикация источников была большим патриотическим делом, с помощью которого Новиков стремился популяризовать русскую историю, бороться с невежеством и способствовать нравственному совершенствованию русского общества. По своим историческим взглядам Новиков примыкал к Ломоносову. Центральное место в истории он отводил народу, отвергая извечность крепостного права, считая просвещение важнейшим рычагом исторического прогресса. Новиков высоко ценил деятельность Петра I. К сожалению, его исторические взгляды изучены очень слабо.

¹ Н. И. Новиков. Избр. соч., М.—Л., 1951, стр. 373.

² Там же.

Примечательно, что Новиков сделал первую, хотя и весьма несовершенную попытку создать историографическую работу. Речь идет о его «Опыте исторического словаря о Российских писателях», изданного в 1772 году. В этом сочинении Новиков ставил своей целью всемерное прославление отечества, показ успехов науки и просвещения. «Не тщеславие получить название сочинителя, — пишет он в предисловии, — но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило»¹. В словаре в алфавитном порядке даются сведения о русских людях, оставивших заметный след в развитии науки и просвещения. Автор отмечает заслуги Нестора, Татищева, Авраамия Палицына, Крашенинникова, Ломоносова и других.

Основная заслуга Новикова в том, что он ввел в обиход огромное по тому времени количество самых разнообразных источников и тем существенно облегчил научную разработку отечественной истории. Новиков одним из первых обратил внимание на значение преемственности в накоплении источников и их использовании. «Отсюда, — пишет Л. В. Черепнин, — его забота об опубликовании исторических трудов прошлого и о создании словаря русских писателей — первого опыта сводного труда по истории исторической науки»².

Деятельность Новикова способствовала созданию предпосылок для возникновения буржуазного направления в исторической науке. Еще более наглядно элементы буржуазной идеологии обнаруживаются во взглядах основоположника истории русского права, первого русского ученого-юриста Семена Ефимовича Десницкого. Идеолог нарождавшейся русской буржуазии, он старался с помощью юридической схемы отстоять и защитить ее интересы. Обобщая факты русской и западноевропейской истории, Десницкий стремился установить закономерность в развитии государственных форм, связывая их с экономическими процессами и прежде всего с частной собственностью.

К сожалению, сохранилось очень мало сведений о жизни Десницкого и его политических взглядах. Достаточно сказать, что до сих пор неизвестен год его рожде-

¹ Н. И. Новиков. Избр. соч., стр. 277.

² Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в., стр. 289.

ния. Умер он в 1789 году. Первоначальное образование Десницкий получил в Троице-Сергиевской лавре, затем поступил в Московский университет, откуда в 1761 г. был командирован Академией наук в Англию, в Глазговский университет. Блестяще закончив его со степенью доктора прав и получив почетное звание английского гражданина, он в 1767 г. вернулся в Россию и стал читать лекции в Московском университете. Следует отметить, что Десницкий был первым русским профессором Московского университета. Лекции по римскому праву и русскому законоведению он читал на русском языке, что вызвало противодействие со стороны профессоров-иностранцев, читавших на латинском. Вопрос был передан на разрешение Екатерины II, которая не нашла в поведении Десницкого «ничего предосудительного».

О взглядах Десницкого можно судить по нескольким речам, из которых и состоит его научно-литературное наследство: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (М., 1768), «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности» (М., 1774), «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства» (М., 1778) и др.

Для философских воззрений Десницкого характерны материалистические тенденции, которые явственно обнаруживаются, например, в его отзыве о Платоне. «Светило древнего мира, — писал он, — знаменитый Платон, является рассказчиком побасенок и небывальщин сравнительно с Ньютоном, обогатившим науку действительными и великими открытиями»¹. Конечно, материализм Десницкого метафизичен, а в понимании общественных явлений он идеалист.

Тонко иронизируя над немецкими учеными философом Вольфом и юристом Пуффендорфом, Десницкий писал, что они «теряют время, трудящиеся в таких от чувств человеческих удаленных изобретениях»². Сравнивая их с пустой бочкой, которая делает много шума,

Десницкий насмешливо утверждал, что они всегда готовы изобрести квадратуру круга и перпетуум мобиле.

Особенно резко выступал он против Пуффендорфа, работы которого были основным руководством во всех учебных заведениях, где преподавалось право. О книге Пуффендорфа «Об обязанностях гражданина и человека» он писал, что этот труд «подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу»¹.

Десницкий считал, что государственная власть зависит от развития собственности, которая, по его мнению, сама подчинена законам общественного развития. «От введения собственности на земле, — писал он, — родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиновательства, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские»².

Всю историю человечества Десницкий делил на четыре периода: дикости («состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле»); пастушеский («состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское»); земледельческий (состояние «хлебопашественное»), торговый (состояние «коммерческое») ³. Каждый из этих периодов, по мнению Десницкого, закономерно развивался из предшествующего и каждому из них соответствовала особая форма собственности. Первый период близок к стадии первобытного коммунизма, в пастушеский период зарождается право собственности, пока только в форме права владения. Третий, земледельческий период, по Десницкому, характеризуется зарождением частной собственности на

¹ С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции. Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета, т. I, М., 1819, стр. 233.

² С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития. Речи..., т. IV, М., 1823, стр. 396.

³ Там же, стр. 381.

¹ См. М. Сухомлинов. История Российской академии. СПб., 1881, вып. V, стр. 5.

² См. М. Загряцков. Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого. «Вопросы истории», 1949. № 7, стр. 105.

землю, получившей законченную форму в «коммерческом» состоянии, т. е. в буржуазном обществе.

Поставив развитие права собственности в зависимость от изменений хозяйственной жизни, Десницкий в основу изучения общественно-политического строя кладет эволюцию частной собственности. Изучение этой эволюции, говорит он, объясняет различные стороны исторического процесса: «...По оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерить их различные преуспеяния в науках и художествах»¹.

В своем стремлении преодолеть идеалистическое представление о развитии общества, Десницкий, как буржуазный идеолог, не мог подняться до понимания производственных отношений, определяющих формы собственности. «Идеальными для него, — считает Л. В. Черепнин, — являются те «понятия», расцвет которых наблюдается в «коммерческом» состоянии, и он не мыслит их переходящего характера, их классовой ограниченности. Ограниченность буржуазной идеологии Десницкого заключается и в полном игнорировании тех революционных потрясений, которые связаны с изменением форм собственности и ее перераспределением»².

Аналогично Десницкий рассматривает историю семьи, ставя формы брачных отношений в непосредственную зависимость от развития хозяйства и частной собственности. Первоначальной формой брака, по мнению Десницкого, являлось многоженство. Затем, по мере перехода к оседлости и хлебопашеству, многоженство уступает место единобрачию. Считая идеалом буржуазную семью, Десницкий полагал, что своего полного развития брак достигает в «коммерческом состоянии», хотя в этот период вместе с ростом богатства растет и разврат. «В сем состоянии, — писал он, — по причине достатка, изобилия и роскоши великое рождается совершенство и развращенность народов, почему и супружество при таком случае с совершенством своим нередко иногда и на развратное мужа и жены житие походит примечается»³.

¹ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы... Речи... т. IV, стр. 381.

² Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 268.

³ С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества. Речи..., т. IV, стр. 319.

Связывая развитие брачных отношений с экономической эволюцией, Десницкий в этом вопросе, так же как и в ряде других, выступал против господствовавшей феодально-религиозной идеологии. В его отношении к религии, например, видны элементы материализма.

Горячий патриот своей Родины, Десницкий считал источником ее могущества всемерное развитие экономики и просвещения.

Значение Десницкого в русской историографии определяется прежде всего тем, что он создал цельную систему взглядов на общественное развитие, в основу которой стремился положить вопрос об эволюции хозяйственных отношений. Несмотря на идеалистический подход к истории, обращение Десницкого к изучению экономических вопросов говорит о том, что в его работах зарождались элементы буржуазной исторической науки.

О зарождении буржуазной исторической науки свидетельствовали также работы Я. П. Козельского, И. И. Голикова, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова и других представителей недворянского сословия.

Яков Павлович Козельский родился в 1729 г., умер после 1795 г. (точная дата его смерти неизвестна). Сын наказного сотника Полтавского казачьего полка, он после окончания университета при Академии наук в Петербурге преподавал в «Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе благородного юношества», затем служил секретарем 3-го департамента в Сенате, который ведал Академией наук и Московским университетом.

Я. П. Козельский известен как философ-просветитель, ученый-энциклопедист, резко отрицательно относившийся к феодально-абсолютистскому режиму в России. В поисках ответа на вопросы, связанные с общественно-экономическим развитием страны, он обращался к истории. Критикуя существующий феодальный строй с позиций сторонника теории естественного права и общественного договора, Козельский считал идеальными такие социальные отношения, при которых каждый человек имеет «гражданскую вольность и собственность имения»¹. В таком обществе, по мнению Козельского, человек,

¹ Я. Козельский. Философические предложения. В сб. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 525.

«будучи натурально не равен силою или разумом, другому делается равным по договору и по праву»¹.

Усматривая вслед за Руссо источник общественного неравенства в возникновении и развитии частной собственности, Козельский основывал свои утопические проекты идеального строя на существовании той же частной собственности. Его учение об обществе, таким образом, объективно означало признание капиталистического строя.

Так же как и Руссо, Козельский признавал теорию договорного происхождения государства, которая, несмотря на ее идеалистический характер, в тех исторических условиях давала возможность для прогрессивных выводов. Однако Козельский, писавший о возможности крестьянского восстания, боялся его, предпочитая мирный путь разрешения социальных противоречий.

Идеалист в области истории, Козельский рассматривал все отрицательные явления в общественном развитии как пороки, связанные с нарушением общественного договора и истинной, или «прямой добродетели». Нравственность народа и нравouchения Козельский считал одной из движущих сил истории. Правда, в отличие от дворянских историков Щербатова и других, он рассматривал нравственность не саму по себе, не в отрыве от внешней среды, а в неразрывной связи с ней. Поэтому в его исторических воззрениях этический фактор выступает движущим началом истории не сам по себе, а в связи с государственно-правовым. Изменение общественного строя он связывал с распространением просвещения и познания. В этом, по его мнению, и состоит «прямая добродетель» и «прямой разум»².

Козельский вместе с другими просветителями XVIII в. ошибочно полагал, что счастье и справедливость восторжествуют тогда, когда «обладатели философствовать или философы обладать станут»³.

Козельский не оставил специальных исторических работ, но в предисловиях и примечаниях к переведенным

¹ Я. Козельский. Философические предложения. В. сб. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I, стр. 525.

² Там же, стр. 412—413.

³ В. С. Дмитриченко. Общественно-политические взгляды Я. П. Козельского. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. философии. наук, Киев, 1955, стр. 11.

им иностранным трудам он высказал свое отношение к истории и ее задачам. Так, в предисловии к переводу «Истории Датской» Гольберга, критикуя автора за искажение многих исторических фактов, Козельский видел его заслугу в том, что «он сочинил свою историю из многих датских и других историков, разобрал в них сумнительные места и приписал при них свои мнения»¹. Здесь же он, выступая против засилия немецких историков в России, добавляет: «Желательно б было, чтоб, взирая на сие, и российскую историю писали природные россияне»².

Говоря о неправомерном, с его точки зрения, возвеличении Александра Македонского, который «объявил себя неприятелем всего света», не только разорил и ограбил много чужих народов, но был «разорителем собственной своей нации»³, Козельский считает подлинно великим историческим деятелем Петра I. По его мнению, Петр I — «герой по принуждению», воевавший «по причине властолубия своих соседей, а не по охоте», укрепил государство не только внешне, но и внутренне⁴.

В этом, как и в других высказываниях по вопросам истории, Козельский обнаруживает близость к Ломоносову, с одной стороны, а с другой — стремление с помощью исторических примеров и фактов способствовать развитию в России новых буржуазных отношений.

Представителем нового, купеческого класса в русской историографии был Иван Иванович Голиков (1735—1801 гг.). В своем многотомном труде «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (12 томов и «Дополнения» к ним в 18 томах), печатавшемся с 1788 по 1797 г., Голиков выступает с позицией торговой буржуазии. Он идеализирует Петра как рачительно-го и просвещенного монарха, всемерно заботящегося о развитии внешней и внутренней торговли. Петровская политика, по его мнению, всецело отвечает интересам

¹ Я. Козельский. Предисловие к переводу «Истории Датской» Гольберга. В сб. «Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I, стр. 626.

² Там же.

³ Я. Козельский. Предисловие к переводу «Истории славных государей и великих генералов с рассуждением о их поступках и делах, собранных господином Шофиним из сочинений Роллана Кривизера и других...», 1765, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 3.

народа; он умышленно не замечает ее крепостнической сущности.

Наиболее глубокую характеристику Голикова и его исторических взглядов дал Л. В. Черепнин. «...Чертами, характеризующими Голикова как историка, — пишет он, — является неуклонное собирательство нового архивного материала; изложение его в простой описательно-повествовательной форме, отличающейся известной примитивностью; панегирический тон изложения с умеренным восхвалением Петра I»¹.

Хотя приемы изложения и обработки источников у Голикова, как буржуазного историка, еще весьма несовершенны, однако по своему интересу к документу, по точности и конкретности изложения, наличию рассуждений по вопросам, касающимся буржуазного класса, он существенно образом отличается от дворянских историков.

Значительное количество работ, посвященных преимущественно местной истории, принадлежит другому представителю нарождавшейся буржуазной исторической науки — Василию Васильевичу Крестинину (1729 — 1795 гг.). Для него характерен интерес к истории отдельных городов, областей, богатых купеческих семей. Крестинин стремился воссоздать прежде всего историю «гражданскую» или внутреннюю, в противовес истории самодержавной власти у дворянских историков. Об этом свидетельствуют названия его работ: «Начертание истории города Холмогор» (1790), «Краткая история о городе Архангельском» (1792), «Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого» (1795) и другие.

Крестинин широко использовал документы монастырских и частных фамильных архивов. Его исторические взгляды содержат немало передовых по сравнению с дворянской историографией мыслей. В работе «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» (1784) он обращает внимание на такой вопрос, как участие населения Двинского края в защите родной земли, пишет о положительной роли монастырей на Двине. Считая прогрессивным явлением

¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 249.

присоединение Двинского края к России, он вместе с тем идеализирует самодержавную власть и ее политику¹.

Крестинин освещает историю Архангельска в XVIII в. в плане изменения городского управления и влияния этих изменений на развитие экономики и купеческого сословия. В показе истории крупных архангельских купцов он подчеркивает их силу, говорит об эксплуатации бедноты «первыми нашего посада капиталистами»². Считая это следствием естественного разделения общества на сильных и слабых, Крестинин признает неизбежность социального неравенства, и не помышляет о его ликвидации революционным путем. В исторических работах Крестинина обнаруживается характерная для русской буржуазии тенденция усилить свои позиции за счет союза с самодержавной властью.

Примечательным явлением в исторической науке второй половины XVIII в. был труд разночинца Михаила Дмитриевича Чулкова (1743—1793 гг.) «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия» (1781—1788 гг.). В этой капитальной семитомной работе рассматривается не только история торговли, но также история промышленности, транспорта, кредита и т. п.

Торговля, по мнению Чулкова, «пополняет государство прилежными и полезными жителями», способствует развитию науки, искусства, внутренне и внешне укрепляет государство. Отсюда высокое общественное значение купечества, которое он всячески превозносит. Купечество, пишет Чулков, «составляет благополучие общества не потому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но потому более, что сей класс ободряет земледельство, служит к обогащению обществу и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам»³.

¹ В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, 1784, стр. 25.

² В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, 1792, стр. 94.

³ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции..., т. I, кн. I, 1781, стр. 15.

Свою работу Чулков обильно снабжает документальными материалами из архивов Сената, Коммерц-коллегии, приводит различные указы, критически использует работы иностранных экономистов.

Таким образом, у представителей нарождавшегося в русской историографии буржуазного направления обнаруживаются и в тематике, и в выборе источников, и в освещении поставленных вопросов новые, отличные от дворянской исторической науки, черты.

ЛИТЕРАТУРА

С. Я. Десницкий. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, 1952, стр. 187—332.

Я. П. Козельский. Избранные произведения. Там же, стр. 411—659.

Н. И. Новиков. Избранные сочинения, М.—Л., 1951.

И. С. Бак. С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог, «Вопросы философии», 1955 г., № 1, стр. 58—67.

В. С. Дмитриченко. Общественно-политические и философские взгляды Я. П. Козельского. Автореферат канд. диссертации, Киев, 1955.

Г. Макогоненко. Нрк. Новиков. Русское просвещение XVIII в., М.—Л., 1951.

Очерки истории исторической науки, в СССР, т. I, стр. 215—227.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 247—277.

ЛЕКЦИЯ 10

ЗАЧИНАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ А. Н. РАДИЩЕВ

Истоки формирования революционного мировоззрения и исторических взглядов А. Н. Радищева. Основные особенности его общесоциальных воззрений. Освещение истории России с антисамодержавных, антикрепостнических позиций. Значение А. Н. Радищева в русской историографии.

Александр Николаевич Радищев — крупнейший мыслитель XVIII в., страстный борец против самодержавия и крепостничества, пламенный патриот русского народа, оставил неизгладимый след в развитии революционных идей в России. В области русской историографии он положил начало революционному пониманию истории.

Мировоззрение А. Н. Радищева является вершиной в развитии русской общественной мысли XVIII века. Его передовые взгляды оформились в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнического строя и становления буржуазных отношений в России.

Идеи Радищева, выросшие на национальной русской почве, впитали в себя все лучшее, что дала общественная мысль того времени как в России, так и в Западной Европе. Его революционное мирозрение оказало огромное влияние на умы не только современников, но и потомков. Поэтому буржуазные историки стремились всячески умалить революционизирующее значение его наследия. Они пытались представить Радищева идейным одиночкой, мысли которого не отражали русской действительности, а были взяты напрокат в Западной Европе.

Идеолог русского империализма, кадет П. Н. Милюков утверждал, например, что в эпоху Радищева в Европе не было страны, «которая была бы лучше застрахована от действительного влияния революционных идей на жизнь, чем Россия»¹. Все содержание философских и общественно-политических взглядов Радищева буржуазные историки, как правило, сводили к простому заимствованию идей Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Гельвеция, Гольбаха. Радищева называли тепличным растением, случайно попавшим из чужой, немецкой среды на русскую почву. «Русский образованный ум XVIII века, — писал В. О. Ключевский, — стал в трагикомическое положение: он знал факты одной действительности, а питался идеями другой; начала у него не сходились и не могли сойтись с концами»².

Каковы же действительные источники формирования мировоззрения Радищева, а равно и его исторических взглядов?

Жизнь и деятельность Радищева (1749—1802 гг.) совпала с новым периодом в общественно-экономическом развитии России. По мере формирования капиталистического уклада росли противоречия между новыми производительными силами и старыми феодально-крепостническими производственными отношениями. Возросший помещичий гнет тяжким бременем ложился на плечи народных масс. Крестьянство, задавленное непомерной эксплуатацией, усиливало борьбу против помещиков.

Антифеодальная война под руководством Емельяна Пугачева потрясла основы русской империи. Несмотря на неудачу ее, борьба продолжалась. Только с 1776 по 1797 г., т. е. за 20 лет, в России появилось десять самозванцев, которые называли себя Петром III и поднимали народ на борьбу за уничтожение крепостного права. Если развитие антифеодального движения в этот период объективно отражало начавшийся в России кризис феодально-крепостнической системы, то передовая русская общественная мысль отражала растущее недовольство крестьянства против гнета и произвола помещиков.

С 1790 по 1796 г., за шесть последних лет царствования

¹ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 3, СПб., 1903, стр. 374.

² В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V, 1937, стр. 196.

Екатерины II, тайная полиция в России зарегистрировала 17 сочинений, направленных против крепостного права и самодержавного произвола. Это говорит о том, что определенные исторические условия закономерно породили антикрепостнические и антимонархические выступления. Последняя четверть XVIII в. в русской истории — это период, особенно богатый такими выступлениями.

Протоиерей Самборский в письме к князю Салтыкову с испугом писал об этом: «Вольноглаголанье о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспалившееся примером Франции, предвещает нашему любезному отечеству наиужаснейшее кровопролитие»¹.

В 1783 г. 22-летний житель Харькова Иван Тревогин бежал во Францию. В Париже он составил утопический проект основания свободного царства на острове Борнео, так называемой «Империи знаний». Замыслы Тревогина несомненно выросли на почве отрицания русской феодально-крепостнической действительности. За свои мысли он попал в Бастилию, откуда был переправлен в Петропавловскую крепость и замучен царскими тюремщиками.

В числе «вольноглаголящих» противников крепостного права и царского самодержавия был Ф. В. Кречетов. В 1785 г. он основал «Всенародно вольно к благоденствию общество», целью которого было «народ довести до такой тонкости, чтобы свергнуть самодержавие и всем быть равными»².

В 80—90-х годах XVIII в. И. Г. Рахманинов, следуя примеру Н. И. Новикова, организовал в своей типографии печатание произведений западноевропейских философов-просветителей. Вместе с И. А. Крыловым он был связан с «Обществом друзей словесных наук», в котором состоял и Радищев.

В 1793 г. за критику монархической власти была конфискована и сожжена книга Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский».

В 1797 г., в разгар павловского террора, прапорщик Иван Рожков утверждал: «1-е, государи все тираны,

¹ «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». М., 1935, стр. 17.

² «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 487.

злодеи и мучители, и ни один совершенно добродетельный человек не согласится быть государем; 2-е, быв на вахт-параде, смотрел на то, как на кукольную комедию; 3-е, люди по природе все равны и не имеют права наказывать других за поступки, коим сами подвержены; 4-е, иконы суть идолы, и поклоняющиеся оным с отменным усердием все бесчестные люди»¹.

Приведенные примеры не только опровергают вздорные вымыслы буржуазных историков об идейном одиночестве Радищева, но и показывают историческую обусловленность его революционных убеждений.

Главную роль в формировании мировоззрения первого русского революционера сыграло резкое обострение классовой борьбы, ярчайшим проявлением которой была крестьянская война 1773—1774 годов. Обострение социальных противоречий и связанный с этим широкий размах антифеодального движения крестьянства лежали в основе перехода Радищева от мирного просветительства к революционному выступлению против самодержавия и крепостничества. Революционные события на Западе, Французская буржуазная революция и борьба североамериканских штатов за независимость ускорили оформление его революционных идей.

Опираясь на передовые взгляды своих предшественников М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского, используя достижения западноевропейских философов и мыслителей Руссо, Мабли, Рейналя, Монтескье, Гельвеция и других, Радищев под революционизирующим воздействием русской и западноевропейской действительности пришел к выводу о необходимости борьбы с самодержавно-крепостническим строем, неизбежности его ликвидации революционным путем, о решающей роли народных масс в революционном преобразовании существующего строя.

В философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанном в сибирской ссылке, Радищев развил и обогатил идеи материализма XVIII века. Решая материалистически основной вопрос философии, он писал: «Бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе»².

¹ См. В. Самойлов. Социально-политические взгляды А. Н. Радищева, «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 61.

² А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, стр. 59.

Материалист в понимании природы, Радищев считал основой всякого знания «вещественный мир» и подчеркивал, что кроме «телесности» ничего другого в природе нет. «Устремляй мысль свою; воспаряй воображение, — писал он, — ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела, ибо ты—она, все прочее—догадка»¹.

В теории познания русский революционер стоял на прочных материалистических позициях. Он был убежден в способности человеческого разума познать мир, раскрыть тайны природы. «Человек, — писал он, — имеет силу быть о вещах сведому» и способен использовать природу в своих целях.

Радищев выдвигал идею причинной обусловленности изменения всех явлений природы, включая мыслящего человека. Связывая все предметы, явления органической и неорганической природы в одно целое, он считал, что все развивается от простого к сложному в виде «лестницы веществ».

Касаясь философской основы мировоззрения Радищева, нужно иметь в виду, что его отдельные диалектические догадки «в понимании природы не были развиты в систему, и в целом он еще оставался в пределах механистического материализма, который был для того времени передовым философским учением»².

Революционная теория Радищева и материалистическая философия определили новаторский, прогрессивный характер его исторических взглядов.

Не будучи профессиональным историком, дворянский революционер не оставил специальных исторических исследований, не ввел в оборот новых источников. Его интерес к истории диктовался интересом борьбы против самодержавия и крепостничества. Исторические занятия Радищева, подчеркивал Л. В. Черепнин, — «это — органическая часть его деятельности как революционного писателя»³.

¹ А. Н. Радищев. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952, стр. 294.

² См. Историю философии, т. I, М., 1957, стр. 650.

³ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 289.

Исторические экскурсы, меткие замечания и наблюдения, интересные выводы по тем или иным вопросам истории содержатся во всех произведениях Радищева. Мы их находим в «Путешествии из Петербурга в Москву», и в философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», и в оде «Вольность», и в «Песне исторической». Они содержатся и в «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске», «Житии Федора Васильевича Ушакова», «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири», в заметках «К Российской истории» и других.

Общен исторические взгляды Радищева сложны и противоречивы; они обусловлены, с одной стороны, уровнем тогдашней исторической науки, а с другой — его революционными устремлениями и диалектическими догадками.

Радищев признавал революционные преобразования, их значение в развитии общества, пытался показать активную роль народных масс в истории. Для его общесторических воззрений характерны не только критика дворянской историографии, но и стремление преодолеть заблуждения просветителей в том, что изменение общественного строя зависит от распространения просвещения и освободительных идей. Не отвергая мирные, чисто просветительские представления, Радищев искал революционные пути общественного развития. Он считал, что не только идеи, но и человеческие действия изменяют мир. Свободу, писал он, нужно ждать «от самой тяжести порабощения», а не от советов поборников свободы.

Следует отметить, что во взглядах Радищева на историю встречаются отдельные стихийные диалектические догадки. Так, все явления природы и развитие человеческого общества он рассматривает как процесс, движимый внутренними противоречиями, борьбой противоположных сил. Конечно, стихийная диалектика Радищева тесно переплетается с метафизическими представлениями, но, тем не менее, в ней обнаруживаются проблески материалистического объяснения отдельных явлений истории.

Признавая развитие, Радищев считал, что оно идет не по восходящей прямой, а по кругу. Наряду с этой ограниченной точкой зрения мы встречаем у Радищева мысли о поступательном движении человеческой исто-

рии. Так, в трактате «О человеке» он говорит: «Сколько один народ от другого ни отличает, однако вообразить возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может быть он равен другому, что Индейцы, древние Греки, Европейцы суть по среде на стезе совершенствования»¹.

✓ По мнению Радищева, история движется борьбой двух общественных сил — стремлением народа к вольности и стремлением отдельных личностей к самовластию. Это по существу борьба двух противоположных форм верховной власти. Глубже понять процесс общественного развития и его внутренние причины Радищев, ограниченный условиями своего времени, не мог.

В «Песне исторической» он рассматривает историю древнего мира как конкретное воплощение своей схемы общественного развития. История Греции и Рима в его представлении это прежде всего длительная борьба древнего духа вольности с духом властолюбия.

Горячий патриотизм Радищева, его беспредельная любовь к своему народу рождают у него убеждение, что «закон природы», по которому на смену вольности приходит порабощение, будет уничтожен в России и развитие ее пойдет по новому пути. «Придет вождельно время», — пишет он, когда «встрещат заклыпы тяжкой ночи» и явится день «избраннейший всех дней»².

В целом представление Радищева об историческом процессе идеалистично. Но в его исторических взглядах встречаются попытки объяснить некоторые моменты исторического развития материалистически. Так, например, он говорит о влиянии среды на развитие человеческого общества. Правда, он имеет при этом в виду главным образом географическую среду.

Радищев критиковал Монтескье за его утверждение о том, что правление зависит от климата, он выступал против Руссо, считавшего, что демократическое правление возможно только в территориально малых странах. Стремясь объяснить процесс исторического развития, Радищев говорит об определяющем значении материальных условий. «Умственность человека..., — писал он, — образуется... обычаями, нравами, а первый учитель в изобре-

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 2, стр. 59.

² Там же.

тениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяется местоположениями¹.

В этом же плане он говорит о роли земледелия в процессе образования государств и делает вывод, что частная собственность на землю положила начало порабощению человека человеком. «Земледелие, — пишет он, — произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком»².

Подобные мысли созвучны высказываниям русских просветителей второй половины XVIII в., с той существенной разницей, что если Козельский и Десницкий связывали с развитием собственности нормальные начала социального деления общества, то Радищев усматривал в этом истоки противоречий между крестьянами и помещиками, с неизбежностью ведущие к революции.

В эпоху Радищева в дворянской исторической науке господствующей была схема развития самодержавной власти. Созданная в период укрепления дворянской монархии, эта схема существовала до появления буржуазной историографии и фактически в несколько измененном виде была перенесена в нее. Автор ее Татищев считал, что во времена Киевской Руси сложилась наследственная монархия. После смерти Мстислава (1134 г.) на месте монархии «сделалась аристократия или паче расчлененное тело». Иван III снова восстановил монархию.

В противовес этой господствовавшей схеме исторического развития Радищев выдвинул свою схему, в основе которой лежала мысль о порочности самодержавной власти. Он определял историю как борьбу свободы и самовластия. Не сумев вскрыть конкретные социально-экономические корни этого процесса, Радищев видел, что мир поделен на угнетателей и угнетенных, что борьба между ними составляет основное содержание исторического процесса.

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 2, стр. 64.

² Там же.

Радищев видел в народе неисчерпаемый источник революционной энергии, которая рано или поздно должна проявить себя. Ликвидация самодержавия должна произойти от «самой тяжести порабощения» и прежде всего потому, что эта тяжесть не может сломить силу народного сопротивления. «Русский народ, — писал Радищев, — очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не приклонился на жестокость»¹.

Предупреждая дворян о неизбежности крестьянского восстания, Радищев писал: «Чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем»². Он с нетерпением ждет «часа удобства», когда народные массы станут вершителями судеб своей страны. «Скоро бы из среды их изторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, — пишет он, — но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»³.

Как видим, Радищев считал, что народ не только имеет силы, необходимые для ликвидации самодержавия и крепостного права, но и может выдвинуть государственных деятелей, способных создать подлинно народную власть. Вот почему рядом с такими выдающимися личностями, как Александр Македонский, Марк Аврелий, Калигула, Кромвель и другие, он ставил Степана Разина — вождя крестьянской войны.

Решая вопрос о роли личности в истории, Радищев подчеркивал, что «обстоятельства делают великого мужа», что в иных условиях Кромвель «прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шлепами»; что «Фридрих II не на престоле остался бы в толпе посредственных стихоплетчиков», так же как «Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были»⁴.

Таким образом, появление великих людей, по мнению Радищева, обусловлено обстоятельствами объективной действительности. Сам ход истории, считал он, по-

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 272—273.

² Там же, стр. 320.

³ Там же, стр. 368—369.

⁴ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 2, стр. 128.

рождает великих людей и они появляются тогда, когда почва для этого «уготовлена». Говоря словами Радищева, «редко возмозагает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих». Потому что, если почва для появления великого человека не уготовлена, то «Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечетс я в темницу, друг ваш в Илимск заточаетс я. Но время, уготовление, отъемлет все препоны»¹.

В XVIII в. передовые западноевропейские историки рассматривали великих людей, главным образом, с точки зрения их врожденных способностей, определенных наследственных качеств и свойств. Радищев сумел подняться над таким представлением и отвести решающее место объективным условиям, конкретным историческим причинам.

Наряду с положительным решением вопроса о роли личности в истории Радищев приблизился к правильному решению и ряда других вопросов. Например, он уловил связь между самодержавием и интересами господствующего класса в русской истории. Оценивая крестьянскую войну под руководством Емельяна Пугачева или такие события, как борьба за независимость Америки и буржуазная революция во Франции, Радищев высказывал передовые, демократические мысли. Он утверждал, что крестьянское движение закономерно и обусловлено тяжестью порабощения крестьян. Он горячо приветствовал революцию 1789 г., считая ее также закономерным историческим событием; резко критиковал позакзную буржуазную демократию Америки.

Основные события отечественной истории Радищев освещал с точки зрения борьбы вольности и самовласти я. Он оценивал их с революционных позиций, отстаивая интересы трудящихся масс. Судить об этом прежде всего можно на основании выписок по русской истории². Эти выписки сопровождаются интересными замечаниями, которые показывают, какие события больше всего интересовали Радищева. Выписки он делал из летописей, из «Повести временных лет», из «Истории Российской» Татищева, из «Ежемесячных сочинений» за 1761 г. и т. д.

Одним из центральных вопросов русской истории, которым интересовался Радищев, был вопрос об эволюции

форм власти в России. В его выписках, в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» много внимания уделяется Новгородской средневековой республике. Новгородскую вольность Радищев всячески превозносит. «Известно по летописи,— пишет он,— что Новгород имел народное правление. Хотя у них были Князья, но мало имели власти... Народ в собрании своем на вече был истинный Государь... В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для разсуждения о вещах общественных»¹.

Считая Новгород народной республикой, а вечевой колокол «палладиумом народной свободы», Радищев идеализировал эту своеобразную феодальную республику. В результате этого он не видел положительного значения присоединения Новгорода к Москве.

Радищев считал, что со времен Киевской Руси русский народ был свободен, но затем самодержавная власть уничтожила эту свободу. Свобода народа в прошлом служит залогом освобождения его в будущем.

Другой вопрос, привлекавший внимание Радищева в русской истории, это происхождение крепостного права. По его мнению, в древности славяне не только обладали политической свободой, но и не знали крепостнического гнета, крепостной зависимости. «В начале общества, — пишет он, — тот, кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее, пользуется ею исключительно»².

Главными виновниками закрепощения крестьян Радищев считал дворян, которые захватили землю и заставили крестьян работать на себя. «Мудрые правители нашего народа, — пишет, заблуждаясь, Радищев, — истинным подвизаемы человеколюбием... старались положить предел стоглавному сему злу», но благодаря сопротивлению дворянства «немощны были на разрушение оков гражданския неволи»³ — крепостное право утвердилось, «земледельцы и доднесь между нами рабы»⁴.

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 262, 264.

² Там же, стр. 315.

³ Там же, стр. 312—313.

⁴ Там же, стр. 313.

¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 199.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 32—40.

В данном случае Радищев не уловил связи и тесного сотрудничества дворянского класса и самодержавной власти в процессе закрепощения крестьян. «Во взглядах Радищева на происхождение крепостного права в России, — отмечает Л. В. Черепнин, — много ошибочного, объясняемого и идеалистическими предпосылками в подходе к этому вопросу, и недостаточным знанием источников. Но ценной является общая направленность идеологии Радищева, интересовавшегося происхождением крепостного права в целях борьбы с ним»¹.

Показывая усиление крепостнического гнета, Радищев видит его пагубные последствия не только для крестьян, но и для «дворянства наследственного», в прошлом гордого «своими преимуществами в государстве нашем... Но ныне обветшалым и в презрение впадшим»².

Относясь к общественному развитию как к прогрессивному процессу, Радищев отмечает в русской истории не только отрицательные явления, но и то положительное, что свидетельствовало о ее движении по пути прогресса. Он, например, дает положительную оценку деятельности Ивана III: «Претерпев многие перемены, разрозненная на уделы Россия наследством Владимира святого, стала наконец соединена при царе Иване Васильевиче, который истребил остатки вольности новгородской, отверг путь к последовавшим над шведами завоеваниям и покорением царства Казанского и Астраханского возбудил государственных силы, всегдашним разделением от ига татарского в недействие пришедших. Введением лучшего в судах и в воинстве порядка он положил основание того величества, которого Россия достигла»³.

Ивана Грозного Радищев обвинял в самовластии, в окончательном уничтожении новгородской вольности, но в то же время отмечал и положительное в его царствовании. Грозный в его изображении «гордый, зверский, но умный властитель», укрепивший независимость Русского государства и являвшийся предшественником Петра. По сравнению со Щербатовым, который давал

¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 302.

² А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 312—313.

³ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 3, стр. 41.

отрицательную и противоречивую оценку Ивану IV, Радищев глубже и правильнее понимал эту эпоху.

В оценке петровской эпохи Радищев впервые в русской историографии обратил внимание на то, что преобразования первой четверти XVIII в. были подготовлены в XVII столетии. Характеристика самого Петра I, данная Радищевым, свободна от того безудержного славолюбия, которое бытовало в современной ему дворянской историографии.

В 1790 г. в «Письме к другу, жительствоющему в Тобольске», Радищев рассказывает об открытии в 1782 г. памятника Петру I и в связи с этим перечисляет всех так называемых великих императоров, которые, по его мнению, не могут за свои дела именоваться великими. Александр Македонский — «разоритель полусвета», Константин запятнал себя «в крови сыновей», Людовик XIV «тщеславный и кичливый». Всем им, имевшим «великие пороки», Радищев противопоставляет Петра — «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно»¹.

Исторические заслуги Петра I Радищев видит в том, что он основал Петербург, поднял русский флаг на берегах Невы и Финского залива, привел в действие богатые силы России, расширил ее пределы и «дал первый стремление столь обширной громаде»².

Указывая на все эти заслуги Петра I, Радищев не склонен их преувеличивать. Он подчеркивает деспотизм российского императора, «властного Самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества»³.

Считая, что открытие памятника не только дань памяти великого человека, но прежде всего прославление неограниченной монархической власти, Радищев заключает: «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое утверждая вольность частную»⁴.

С большим гражданским пафосом Радищев в «Слове о Ломоносове», включенном в «Путешествие из Петербурга в Москву», прославляет великого русского уче-

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 150.

² Там же, стр. 148.

³ Там же, стр. 150—151.

⁴ Там же, стр. 151.

ного. Имя его, считает Радищев, будет жить пока «слово Российское ударять будет слух». Называя Ломоносова великим и славным мужем, подчеркивая его происхождение из народа, Радищев ставил его многогранную деятельность значительно выше деятельности русских царей и полководцев.

Яркую картину народной деятельности и народного героизма Радищев увидел и показал на примере завоевания Сибири. В упомянутой работе «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» Радищев, в противовес Миллеру, который оправдывал колониальный гнет царизма, главное внимание обращал на быт и нравы местных народов и резко осуждал стремление царизма к их порабощению. В этом он коренным образом разошелся с официальной дворянской исторической наукой.

Описывая деятельность Ермака, Радищев восхищается его личными качествами, неустранимостью и твердостью, распространяет эти качества на весь русский народ и видит в них залог великого будущего России. В духе действительного, революционного патриотизма он восклицает: «О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное»¹.

Таким образом, движущее начало в русской истории Радищев видел в деятельности народа, а не царей и полководцев. Народная борьба против крепостного права, революция — вот что, по его мнению, должно освободить Россию.

Сделав на основании изучения русской истории такой вывод, Радищев зовет крестьян к восстанию. «Богатство сего кровопийца ему не принадлежит..., — говорит он о помещике, — сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершилось его мучительство...»².

Исторические взгляды Радищева открывают новую страницу в историографии.

Являясь отражением назревавшего кризиса феодально-крепостнического строя, они составляют важный этап в развитии русской исторической науки, знаменуя зарождение революционного понимания истории.

Начав с определения самодержавной власти как противоестественного состояния, Радищев стремился установить социальные причины и пути уничтожения эксплуатации человека человеком.

Важнейшей заслугой его в русской истории является определение исторического процесса как борьбы противоположностей, несмотря на наивное, стихийно-диалектическое толкование этой борьбы. Увидев, что в мире есть две силы — угнетатели и угнетенные, и сделав вывод, что угнетенные преобразуют мир, Радищев стремился превратить историю из науки о прошлом в руководство к революционным действиям в будущем. История интересовала его прежде всего как процесс, ведущий со всей необходимостью к ломке несправедливых общественных отношений.

Такое определение истории в сочетании с признанием решающей роли народных масс свидетельствует о том, что Радищев явился основоположником революционного понимания исторического процесса в русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

А. Н. Радищев. Письмо к другу, живущему в Тольском... Полное собр. соч., т. 1, М., 1938, стр. 145—151.

А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, там же, стр. 225—392.

А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. Полное собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, стр. 145—163.

Б. Б. Кафенгауз. А. Н. Радищев об истории России. Ученые записки МГУ, вып. 156, труды кафедры истории СССР, 1952, стр. 66—80.

В. Н. Котов. А. Н. Радищев и его революционное понимание истории. Наук. зап. Київського ун-ту, т. II, вип. 2, Іст. зб. № 3, 1952, стр. 103—125.

Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 289—305.

¹ А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 2, стр. 147.

² А. Н. Радищев. Полное собр. соч., т. 1, стр. 326.

**КРИЗИС ДВОРЯНСКОЙ И УТВЕРЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ. ОФОРМЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ**
(первая половина XIX века до 60-х годов)

ЛЕКЦИЯ II

**Н. М. КАРАМЗИН — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
РЕАКЦИОННОЙ ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Особенности эпохи и дальнейшее развитие исторической науки. Формирование мировоззрения Н. М. Карамзина. «История государства Российского» и ее содержание. Место Н. М. Карамзина и его «Истории» в русской историографии

Первая четверть XIX в. характеризуется дальнейшим развитием капиталистического уклада в России. Рост производительных сил выражается в развитии промышленности; увеличивается число постоянных рабочих из оброчных крестьян и разорившихся ремесленников, совершенствуются их производственные навыки, расширяется применение машин.

Однако дальнейший рост капиталистических производительных сил упирался в существующие феодальные производственные отношения. Нарушение соответствия между господствующими производственными отношениями и характером растущих производительных сил приводило к разорению крестьянского хозяйства, к сужению внутреннего рынка и выражалось прежде всего в резком усилении борьбы крестьян против помещиков. В первой четверти XIX в., по неполным данным, произошло более 300 крестьянских выступлений. Известно 150 случаев ввода в помещичьи имения воинских команд для подавления крестьянских волнений. После Отече-

ственной войны 1812 г. антифеодальное движение крестьянства еще более возросло.

Обострение экономических и социальных противоречий обусловило усиление политической реакции царизма, а все это вместе взятое привело к первому в истории России выступлению против самодержавной власти. Ввиду того, что силы русской буржуазии в недрах феодального строя были слабы, носителями буржуазной идеологии, борцами за торжество капиталистических производственных отношений выступили дворянские революционеры. Восстание 14 декабря 1825 г. положило начало дворянскому этапу освободительного движения в России.

Вполне закономерно, что углубление кризиса феодально-крепостнической системы, обострение классовой борьбы, усиление политической реакции в сочетании с пробуждением национального самосознания после победоносного окончания Отечественной войны, — все это усложнило и усилило идеологическую борьбу и способствовало дальнейшему развитию исторической науки. Развитие это шло в направлении кризиса дворянской историографии и возникновения буржуазной, которая вследствие политической дряблости русской буржуазии не могла полностью противопоставить себя дворянской и вскоре сомкнулась с ней на позициях защиты самодержавия.

Одновременно с этим в работах Герцена и Белинского оформлялось революционно-демократическое направление, впитавшее прогрессивные патриотические традиции русской историографии, идущие от Ломоносова, Радищева, декабристов и Пушкина.

Развитие в русской историографии дворянского, буржуазного и революционно-демократического направлений протекало в ожесточенной борьбе, которая была обусловлена борьбой общественно-политических течений, отражавших интересы основных классов русского общества. XIX век характеризуется значительным усилением интереса к русской истории различных общественных кругов, дальнейшим совершенствованием методов исследования, широкой публикацией источников и в результате всего этого — появлением новых фундаментальных работ по отечественной истории. Теперь уже не только в Московском, но и в Казанском, Харьковском,

Петербургском университетах были открыты историко-филологические факультеты, созданы исторические общества.

В 1804 г. возникло Московское общество истории и древностей российских при Московском университете. Членами его были наряду с представителями Московского университета Карамзин, Шлецер, Бантыш-Каменский, Малиновский, Калайдович, Мусин-Пушкин и другие. Общество издавало периодический орган—«Чтения в Московском обществе истории и древностей», а также «Ученые записки Московского университета».

В 1805 г. открылось Казанское общество любителей отечественной словесности, в 1817 г. — Харьковское общество наук, а в 1839 г. — Одесское общество истории и древностей.

Вокруг графа Н. П. Румянцева (1754—1826 гг.) сложился кружок любителей русской истории, члены которого проделали большую работу по разысканию и публикации исторических источников.

В 1817 г. началась необычайно плодотворная археологическая работа П. М. Строева (1796—1876 гг.), который по праву считается создателем русской археологии.

К. Ф. Калайдович (1792—1832 гг.) положил начало изучению и публикации этнографического и фольклорного материала.

К этому же времени относится развитие археологии, исторической географии и других вспомогательных исторических дисциплин.

Все это создавало прочную материальную базу, на которой происходило дальнейшее развитие русской исторической науки.

Появление исторических трудов Н. М. Карамзина, наиболее откровенного и последовательного идеолога самодержавия, защитника крепостничества, проповедника общественного «благонравия», не случайно.

Один из выдающихся представителей дворянской историографии, Николай Михайлович Карамзин жил с 1766 по 1826 год. Он всесторонне развил монархическую концепцию русской истории и придал ей реакционно-охранительный характер в соответствии с интересами самодержавия в условиях начавшегося кризиса феодально-крепостнического строя. Социально-экономи-

ческие условия первой четверти XIX в., страх перед Французской буржуазной революцией определили реакционную сущность исторической концепции Карамзина, привели его к идеализации прошлого, к защите и оправданию существующего строя.

Выходец из старинного дворянского рода, Н. М. Карамзин получил образование в Московском университетском пансионе, слушал лекции в университете. Вначале он решил поступить на военную службу, куда был записан еще в детстве, но вскоре вышел в отставку и, поселившись в Москве, стал заниматься литературной деятельностью.

После полугодового путешествия по Германии, Швейцарии, Франции и Англии (1789—1790 гг.) он пишет «Письма русского путешественника», в которых восхваляет западноевропейскую культуру и отстаивает идеи просвещенного абсолютизма. Восторженно отзываясь о реформах Петра I, благодаря которым русские «в несколько лет почти догнали Европу»¹, Карамзин в то же время считал недопустимой и вредной насильственную ломку существующего порядка. «Всякие насильственные потрясения, — пишет он, — губительны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»².

В письме из Парижа по поводу «Русской истории» Левека Карамзин определил свои общеисторические взгляды, сохранившиеся у него в несколько измененном виде на всю жизнь. «Должен по справедливости сказать, — пишет он, — что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, т. е. писанной с философским умом, с критикой, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы! Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только для русских, но и чужестранцев.. Что неважно, то сократить, как сделал Юм в английской истории; все черты, кото-

¹ Н. М. Карамзин. Соч., т. IV, М., 1803, стр. 193.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, 1903, стр. 13.

рые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно»¹.

Стремление следовать юмовскому принципу прагматического повествования и литературно-живописующий стиль сохраняются у Карамзина до конца жизни. Его общенсторические воззрения осложняются затем под влиянием Французской буржуазной революции и крестьянских волнений в России политическим консерватизмом и национализмом. В 1802 г. Карамзин просит Александра I назначить его, подобно Миллеру и Щербатову, историографом с жалованьем и правом доступа к архивным материалам. 31 октября 1803 г. специальным указом эта просьба Карамзина была удовлетворена, и он начал работу над «Историей государства Российского», которая оборвалась со смертью историка в 1826 году. Последний, неоконченный двенадцатый том «Истории» доведен до 1612 года.

Главная цель, которую ставил себе этот типичный дворянский историк, заключалась в стремлении путем красочного исторического рассказа внушить читателю реакционно-монархические идеи. Задачи научно-исследовательского порядка, поставленные в этот период на повестку дня, находились у него на втором плане. Освещая историю с позиций дворянской аристократии, Карамзин стремился отвлечь читателя от острых социальных конфликтов современности и внушить ему мысль о покорности и смирении. «История, — утверждал он, — мирит с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях..., питает нравственное чувство, и... располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»².

В предисловии к «Истории государства Российского» Карамзин так определил свое политическое кредо: «Мы... одного желаем — да не изменится никогда твердое основание нашего величия... правила мудрого Самодержавия и Святой Веры...»³. Таким образом, основной целью его

¹ Н. М. Карамзин. Соч., т. IV, СПб., 1834, стр. 163—164.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. 13.

³ Там же, стр. 20.

работы было прославление самодержавия. В соответствии с этим центральной темой «Истории государства Российского» становится история царской монархии.

Стремление Карамзина в литературно-живописной форме изложить русскую историю вступало в противоречие со все более утверждавшимся в исторической науке требованием документального обоснования исторического рассказа. Историк, стоявший на позициях реакционной дворянской историографии, вынужден был идти навстречу этому требованию. И Карамзин находит выход в делении своей истории на две самостоятельные части — литературно-художественное повествование с политико-назидательными сентенциями и обширные примечания критического характера. В примечаниях, помещенных в конце каждого тома, даются выписки из источников, делаются весьма ценные критические замечания по поводу использованных документов.

В связи с тем, что многие источники, приводимые Карамзиным в примечаниях, впоследствии погибли, эта часть его работы представляет наибольшую ценность, не утраченную до настоящего времени. Нужно сказать, что по сравнению со своими предшественниками Карамзин привлек значительно больше источников. Им использованы Ипатьевский, Лаврентьевский, Троицкий и Хлебниковский списки летописей, Кормчая книга, церковные уставы, Судебник 1550 г., многочисленные историко-литературные памятники, среди них «Слово о полку Игореве» и «Поучение Владимира Мономаха», описания иностранных путешественников — Герберштейна, Плано Карпини, Контарини, Таубе и Крузе, Маржерета и т. д. Правда, в угоду логической стройности прагматического повествования и риторическим красотам стиля Карамзин сплошь и рядом отступает от источников, а там, где ему нужно обосновать свою монархическую точку зрения, просто искажает их.

Общее содержание исторического процесса определяется у Карамзина его политической схемой, заимствованной у Татищева. Наиболее четко она сформулирована в его «Записке о древней и новой России», написанной в 1811 г. в противовес проекту государственных реформ Сперанского. «Россия основалась победами и единона-

чалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», — говорит он¹.

Идею единовластия Карамзин делает основным стержнем истории России. «Было время, — пишет он, — когда она, рожденная, возвеличенная единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим европейским державам...»². После этого наступило «разделение нашего отечества и междоусобные войны. ...Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровью и слезами народа. Порядок, спокойствие... непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий. Нашествие Батыево испровергло Россию»³. Затем Иван III восстановил единовластие, и «Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями... возстал в новом величии»⁴. «Отселе, — считал Карамзин, — история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие»⁵.

Карамзин, писавший в новых условиях, дополняет татищевскую схему русского самодержавия историческим обоснованием исконности дворянских прав и привилегий. В соответствии с этим он утверждает: «Дворянство и Духовенство, Сенат и Синод, как хранилище законов, над всеми — Государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание Российской Монархии»⁶.

Так, стремясь поправить пошатнувшееся положение дворянства, Карамзин вслед за Щербатовым вводил новый элемент в старую схему дворянской историографии.

Если история самодержавия определяет у него основное содержание исторического процесса, то связь между отдельными событиями русской истории дается в плане психологического повествования. При этом, как справед-

ливо отмечал Н. Л. Рубинштейн, «психологизм для Карамзина не только средство объяснения фактов, но и самостоятельная литературная тема, характер литературного стиля. Исторический факт превращается в психологический сюжет для литературного творчества, уже несколько не связанного документальным обоснованием»¹.

Периодизация русской истории у Карамзина определяется развитием самодержавной власти. Во вводной части «Истории государства Российского» он критикует периодизацию, данную Шлецером. Последний, как известно, усматривал пять периодов в истории России: Россия рождающаяся — от 862 г. до смерти Владимира; разделенная — от Ярослава до нашествия монголов; угнетенная — от Батыя до Ивана III; победоносная — от Ивана III до Петра I; Россия процветающая — от Петра I до Екатерины II. Назвав шлецеровскую периодизацию «более остроумною, нежели основательною»², и показав ее слабые места, Карамзин пишет: «Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на древнейшую — от Рюрика до Иоанна III, на среднюю — от Иоанна III до Петра, и новую — от Петра до Александра»³.

Характерной особенностью первого периода он считает систему уделов, второго — единовластие, и третьего — изменение гражданских обычаев⁴.

Соединив таким образом два периода первоначальной схемы, взятой у Щербатова, Карамзин в конкретном освещении русской истории не соблюдает периодизации, данной им во введении. Все изложение делится у него на главы, соответствующие великим княжениям.

После введения и краткого перечня использованных источников Карамзин описывает в первом томе в главе «О народах, издревле обитавших в России. — О славянах вообще» древнейший период русской истории. Согласно сообщениям греческих и римских писателей, говорит он, «великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными

¹ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 10.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 176.

³ Там же, стр. 177.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 198.

⁵ Там же, стр. 3.

⁶ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 131.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 178.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. 20.

³ Там же.

⁴ Там же.

народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками»¹

Упомянув о скифах, готах, венедах и гуннах, Карамзин приводит летописные известия о расселении восточных славян и делает вывод об их происхождении: «...Ежели славяне и венедаы составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юг от моря Балтийского»². Связывая начальный период русской истории с расселением восточных славян и отвергая утверждения Шлецера о варварстве восточнославянских племен, Карамзин признает норманскую теорию и считает, что Рюрик «основал монархию Российскую»³.

В следующем томе Карамзин рассказывает о дроблении Киевского государства после смерти Ярослава. «Древняя Россия, — пишет он, — погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие»⁴. И здесь же объясняет причину этого: «Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленную на малые области»⁵.

Дальнейшее развитие Руси Карамзин связывал с личными достоинствами князя Андрея Боголюбского, стремившегося спасти Русскую землю установлением единовластия. Со смертью его вновь начались княжеские усобицы, которые привели к завоеванию Руси татаро-монголами.

Рисуя тяжелые последствия татаро-монгольского ига, Карамзин склонен видеть в этом главную причину возвышения Москвы. «Нашествие Батыево, — пишет он, — куча пепла и трупов, неволя, рабство столь долговременное — составляют, конечно, одно из величайших бедствий... однакож и благотворныя следствия оногo несомнительны... Москва же обязана своим величием ханам»⁶. Без ханской власти, утверждает Карамзин, Литва, Польша, Венгрия и Швеция разделили бы Русскую землю.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. 21.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 76—77.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, стр. 34.

⁵ Там же.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 183.

Иван Калита и Семен Гордый, по мнению Карамзина, «начали спасительное дело единодержавия»¹, преимущественно «умом, нежели силою»², Дмитрий Донской на Куликовом поле мечом доказал возрождение Руси.

Создателем монархической державы Карамзин считает Ивана III, которого он в связи с этим всячески превозносит. При Иване III, пишет он, «издыхающая Греция отказывает нам остатки своего древнего величия; Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств. Москва украшается великолепными зданиями. Земля открывает свои недра, и мы собственными руками извлекаем из оных металлы драгоценные. Вот содержание блестящей истории Иоанна III, который имел редкое счастье властвовать сорок три года, и был достоин оногo, властвуя для величия и славы россиян»³.

Иное дело Иван Грозный. Разделяя вслед за Щербатовым его царствование на два периода, Карамзин обрушивается на царя за разрыв с боярством, за стремление править без мудрых советчиков.

Сосредоточив все внимание на истории самодержавия, воплощенной в личностях князей и государей, Карамзин проходит мимо истории народных масс и социальных движений.

Определяя значение «Истории государства Российского», необходимо остановиться на той оценке, которая была дана ей в XIX столетии. Появление этого исторического произведения было крупным событием в идейной жизни русского общества и вызвало оживленную полемику, которая продолжалась во второй половине XIX и даже в начале XX века. Интерес к работе Карамзина объяснялся отчасти легкой, доступной формой, в которой она знакомила широкие круги русского общества с отечественной историей.

Главная причина споров вокруг «Истории государства Российского» заключалась в том, что ее монархическая, реакционно-охранительная концепция была превращена в официальную концепцию русской истории и использовалась для борьбы против передовых и революционных

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. IV, стр. 156.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, стр. 1.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 3—4.

идей не только в области исторической науки, но и в области общественно-политической мысли. Придворный историограф стал идейным обоснователем господствующего режима и критические выступления против него воспринимались как критика существующего строя. Поэтому его работа всячески превозносилась реакционными помещичьими кругами и русским правительством. На Карамзина опирались представители официальной народности, столпы воинствующего национализма 80-х годов, славянофилы.

По-иному отнеслись к «Истории государства Российского» представители либерального дворянства. Подобострастное выражение Карамзиным верноподданнических чувств в сочетании с решительным протестом против каких-либо изменений государственного строя вызвало недоброжелательные отклики министра Козодавлева, канцлера Румянцева, Сперанского¹.

Резко критиковали реакционную идеологию Карамзина декабристы. Особенно четко их точку зрения выразил Н. Муравьев в записке «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина». Выступая против утверждения Карамзина о том, что «история народов принадлежит царю», Муравьев писал: «История принадлежит народам»². Если Карамзин осуждал борьбу нового со старым, то Муравьев видел в ней основу общественного развития, считал ее движущей силой истории. Подвергая резкой критике положение Карамзина о том, что задача истории мирить людей с «несовершенством видимого порядка вещей», Муравьев писал: «Не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом»³.

С аналогичными замечаниями выступил известный польский историк и активный деятель польского освободительного движения И. Лелевель. По его мнению, Карамзин, описав историю государства, а не жизнь народа, лишил историю ее основного содержания. Указывая на тенденциозный монархический характер «Истории», Лелевель отмечал, что даже не стремясь придать сво-

ему произведению видимость беспристрастия, автор окрашивает его в «один яркий цвет Единодержавия и Самодержавия»¹. Ослепление монархической идеей привело Карамзина к признанию роли варягов в образовании Древнерусского государства. В противовес Карамзину Лелевель утверждал, что славяне находились на более высокой ступени общественного и культурного развития и задолго до варягов «соединены были в одно политическое целое»².

Отношение буржуазно-либеральной историографии к Карамзину с наибольшей полнотой высказал С. М. Соловьев. В статье «Н. М. Карамзин и его «История государства Российского» он писал, что «Карамзин и его великая деятельность есть уже явление из мира прошедшего», что его взгляды на задачи, предмет и метод исторического исследования относятся полностью к XVIII веку. То новое, что сравнительно с Татищевым и Щербатовым внес Карамзин, Соловьев не считал шагом вперед в развитии исторической науки.

Подробно проанализировав содержание «Истории государства Российского», установив в ней фактические ошибки и искажения источников, Соловьев усматривал главную беду Карамзина в том, что он не понимал объективной закономерности русской истории — перехода от родовых отношений к государственным. Соловьев осудил отрицательное отношение Карамзина к Ивану Грозному и Петру I, его неправильное понимание основной причины объединения русских земель вокруг Москвы.

Наиболее последовательными критиками реакционных взглядов Карамзина на историю были революционеры-демократы В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. Уловив близость между Карамзиным и славянофилами, В. Г. Белинский подчеркивал, что его «История» прославляет самодержавную Россию, видя в ней все «безусловно великим, прекрасным, мудрым и образцовым». Заслугой Карамзина Белинский считал не то, что он создал истинную историю России, а то, что он открыл русскому обществу отечественную историю, достигнув этого «не столько в качестве исторического, сколько в качестве превосходного беллетристического таланта»³.

¹ См. И. А. Кудрявцев. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в русской историографии. Автореф. канд. диссертации, М., 1955, стр. 3, 19.

² «Литературное наследство», т. 59, М., 1954, стр. 582.

³ Там же, стр. 585.

¹ См. И. А. Кудрявцев, указ. работа, стр. 4.

² Там же.

³ Там же.

Н. Г. Чернышевский, отмечая высокие литературные достоинства карамзинской «Истории», вместе с тем считал ее лишенной какого бы то ни было научного значения. Отрицание объективной закономерности исторического развития, приукрашивание истории в монархическом плане, реакционные идеалистические идеи — все это дало основание Чернышевскому причислить этого дворянского историка к антинаучному «риторическому направлению» в историографии.

В советской историографии обстоятельная и в целом правильная характеристика Карамзина как реакционно-представителя дворянской исторической науки впервые была дана Н. Л. Рубинштейном¹.

В кандидатской диссертации И. А. Кудрявцева «История государства Российского» Н. М. Карамзина в русской историографии» обстоятельно показано отношение к Карамзину представителей различных исторических школ и направлений XIX и начала XX века.

Таким образом, советские историки раскрыли классовую сущность исторических взглядов Карамзина и, показав реакционную роль его монархической концепции, вместе с тем отметили источниковедческое и историографическое значение его работы.

Подведя своеобразный итог достижениям русской исторической науки XVIII в., Н. М. Карамзин обогатил и значительно обновил ее источниковедческую базу. Находясь на крайне правом крыле дворянской историографии, он является одним из основоположников официально-монархического, крепостнического направления в русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I—XII. Историография истории СССР, стр. 130—144.
Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 166—188.
С. М. Соловьев. Н. М. Карамзин и его «История государства Российского», В кн. С. М. Соловьев. Собр. соч., том доп. СПб., 1901, стб. 1389—1540.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 166—188.

ЛЕКЦИЯ 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ. А. С. ПУШКИН

Источники формирования мировоззрения декабристов. Основные особенности их исторических взглядов. Патриотизм декабристов и отношение к отечественной истории. Декабристы — преемники Радищева и предшественники русских революционных демократов в историографии. Влияние декабристов на А. С. Пушкина и его исторические взгляды

В. И. Ленин, начиная периодизацию русского революционного движения с декабристов и называя их дворянскими революционерами, писал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹. Естественно, что к изучению движения декабристов было приковано внимание многих историков.

Этого, к сожалению, нельзя сказать об исследовании идеологии декабристов и, прежде всего, их исторических взглядов. Собственно историческим взглядам декабристов до 1950 г. не было посвящено ни одной работы, а в тех работах, где о них упоминалось, они получили ложную оценку. Так, например, В. И. Семевский в книге «Общественно-политические идеи декабристов», изданной в 1909 г., и М. В. Довнар-Запольский в книге «Идеалы декабристов», вышедшей двумя годами позже, считали идеи декабристов простым заимствованием западно-европейских идей, а их исторические исследования — любительскими упражнениями, лишенными значения.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 30, стр. 315.

Уже в советское время, в 1924 г., эту либерально-буржуазную точку зрения повторил по существу С. А. Покровский в статье «Общественно-исторические теории в политических планах декабристов». Н. М. Дружинин в книге «Декабрист Никита Муравьев», изданной в 1938 г., лишь между прочим говорит о Муравьеве как историке. Н. Л. Рубинштейн в своей «Русской историографии» вовсе не упоминает о декабристах-историках, и это серьезное упущение. Он не сумел увидеть, что носителями передовой исторической науки в России уже с конца XVIII в. были не представители официальной дворянской историографии, а прогрессивные общественно-политические деятели.

В последнее десятилетие появился ряд работ, в которых обстоятельно и глубоко освещаются взгляды декабристов. К ним прежде всего следует отнести монографию ленинградского историка С. С. Волка¹ и кандидатскую диссертацию Б. Г. Кокошко². В «Очерках истории исторической науки в СССР» есть соответствующая и в целом удачная глава, написанная А. В. Предтеченским³. В «Историографии истории СССР» глава, принадлежащая В. Е. Иллерицкому, отличается стройностью и глубиной изложения⁴.

Исторические взгляды декабристов составляют важный этап в развитии русской историографии и могут быть правильно поняты только в связи с конкретной социально-экономической обстановкой.

В конце XVIII — начале XIX ст. в России по мере роста капиталистического производства и развития буржуазных отношений назревал глубокий кризис крепостничества, отражением которого была острая общественная и идейно-политическая борьба. Часть господствующего дворянского класса после бурных событий 1812 г., в условиях углубления кризиса крепостничества поняла необходимость изменения существующего строя. Лучшие представители этого класса с оружием в руках сде-

¹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. АН СССР, М.—Л., 1958.

² Б. Г. Кокошко. История России в освещении декабристов. Автореферат канд. диссертации. Иркутск, 1954.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, 1955, стр. 288—304.

⁴ Историография истории СССР, стр. 144—158.

ляли первую в истории России попытку повернуть страну на новый, буржуазный путь развития.

Свое стремление к революционному преобразованию страны декабристы обосновывали историческими фактами и примерами. Интерес к прошлому рождался у них из революционной борьбы с крепостничеством и самодержавием в настоящем. Выступая с критикой самодержавно-крепостнической России, декабристы не могли не бороться с официальной дворянской историографией, представленной прежде всего трудами Н. М. Карамзина. По меткому замечанию одного из современников декабристов П. А. Вяземского, само восстание 14 декабря 1825 г. было примером «критики вооруженной рукой» тех монархических взглядов, которые проповедовал Карамзин в своей «Истории государства Российского»¹.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что декабристы не были дилетантами в области истории, а хорошо знали прошлое своей страны, имели разностороннюю историческую подготовку. Так, например, глубоким знатоком истории и археологии был П. И. Пестель. Н. М. Муравьев еще в 15-летнем возрасте не только хорошо знал труды Щербатова, Болтина, Голикова, но и собрал целую коллекцию русских летописей, которые тщательно изучал. Двадцати лет он напечатал превосходно написанную биографию Суворова, а затем составил критический обзор «Истории государства Российского» Карамзина. Эта рукописная рецензия благодаря острым замечаниям получила широкую популярность среди современников. Полностью напечатана она была только в 1954 году².

Н. А. Бестужев был историографом русского флота и написал оригинальный экономический трактат «О свободе торговли и промышленности». Историей русского флота занимался декабрист Д. И. Завалишин. А. О. Корнилович написал ряд статей о петровской эпохе, он был прикреплен к известному военному историку Д. К. Бутурлину для розыска архивных материалов. В. Д. Сухо-

¹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, стр. 442.

² Записка Никиты Муравьева «Мысли об истории государства Российского Н. М. Карамзина». «Литературное наследство», 1954, т. 59, стр. 569—598.

руков по официальному поручению составил «Историческое описание земли Войска Донского».

Значительный интерес представляют исторические повести А. А. Бестужева, военно-исторические статьи П. А. Муханова, «Опыт о хронологии» В. И. Штейнгеля, «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки. Некоторые декабристы, как например, С. П. Палицын и В. Ф. Раевский, преподавали историю, А. А. Бестужев работал в Московской архивной коллегии иностранных дел.

Любовь к истории не угасла у декабристов и в далекой сибирской ссылке. В своих воспоминаниях они рассказывают, что в Чите был организован своего рода вольный университет, в котором читали лекции Н. М. Муравьев — по военной истории, Н. А. Бестужев — по истории русского флота, М. М. Спиридонов — по истории средних веков, А. О. Корнилович — по русской истории и т. д.

Братья Бестужевы, которые были крупными этнографами, в период ссылки опубликовали ценную этнографическую работу о сибирских и кавказских народах; Ф. Н. Глинка напечатал прекрасную статью о первобытной культуре; М. С. Лунин написал ряд историко-публицистических статей. Приходится удивляться не малочисленности этих работ, а тому, что они были написаны в таких чрезвычайно тяжелых условиях. Вполне понятно, что большинство из них не сохранилось. Н. М. Муравьев, боясь обыска, сжег сочинения свои и М. С. Лунина. Холодным осенним утром 1833 г., растапливая сырыми дровами печку в Братском остроге Иркутской губернии, сжег свою рукопись «Краткой истории русской» П. Муханов¹; бесследно исчезли исторические работы Г. С. Батенькова, диссертация В. К. Кюхельбеккера о Карамзине и многие другие рукописи.

Все это затрудняет изучение исторических взглядов декабристов. Вместе с тем, исследуя их, необходимо учитывать, во-первых, ту эволюцию, которую они претерпели, и, во-вторых, существенные различия в философских и социально-политических воззрениях декабристов. Однако, несмотря на эти различия, любовь к родине, ненависть к самодержавию и крепостничеству, свойственные всем декабристам, позволяют найти общие черты в их

взглядах на историю. «В одном ряду оказались поэтому,— пишет С. С. Волк,— столь различные люди, как решительный революционер Пестель и нерешительный теоретик Н. Муравьев, увлекающийся республиканец Рылеев и уравновешенный монархист Батеньков, материалист Барятинский и идеалист Бобрищев-Пушкин, порывистый тираноборец Каховский и осторожный штабист Трубецкой, неверующие братья Борисовы и перешедший в католичество Лунин, близкий к революционному демократизму Горбачевский и сторонник военных революций С. И. Муравьев-Апостол, безродные и малопоместные «славяне» с лощеными полковниками «Юга» и родовитыми князьями «Севера»¹.

Говоря о мировоззрении, а равно и исторических взглядах декабристов, следует подчеркнуть определяющую роль в их формировании русской действительности с ее глубокими социально-экономическими противоречиями, политическим бесправием и бедственным положением трудящихся масс. Размышления над этой действительностью углублялись под воздействием резкого контраста между героическим подвигом народа в 1812 г. и тяжелым крепостническим гнетом и самодержавным произволом, царившим в стране. Революционные выводы и стремление к смелым практическим действиям укреплялись под влиянием Французской буржуазной революции и национально-освободительного движения в Западной Европе, а также знакомства русских офицеров во время заграничных походов с нарождавшимся буржуазным строем в Европе.

Революционизирующее воздействие на формирование мировоззрения декабристов оказала и передовая русская общественная мысль XVIII в., и прежде всего революционные идеи Радищева. «Декабристов,— отмечает М. В. Нечкина,— вызвала к жизни не только объективная задача, созревшая в базисе, но и подготовила русская идейная жизнь предшествующих поколений»². Нельзя не отметить и влияния на дворянских револю-

¹ С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 31.

² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, М., 1955, стр. 92.

¹ См. С. С. Волк. Указ. монография, стр. 73.

ционеров западноевропейских философов и мыслителей Руссо, Мабли, Рейналя и других.

Общеисторические воззрения декабристов сложны и противоречивы.

Вслед за Радищевым, декабристы считали, что все явления в жизни общества взаимно связаны. Н. И. Тургенев прямо требовал, чтобы историк рассматривал каждое историческое явление «с точки зрения того, когда и как это явление возникло, какие этапы в своем развитии оно прошло и какие имело последствия, каковы его стремления и характер ныне»¹. Это по существу не что иное, как приближение к принципу историзма. Требуя соблюдения этого принципа, декабристы критиковали Карамзина за его стремление модернизировать историю, «наряжать древних славян в дворянские фраки» и «мерить прошлое собственным аршином»².

Многие из декабристов пытались подходить к изучению общества с точки зрения его непрерывного развития. А. Бестужев и А. Поджио считали одним из важнейших принципов развития борьбу старого с новым. А. Поджио говорил: «Никакие противодействия не помешают водвориться новому строю, и это новое побеждает, если не мирным, так вооруженным путем»³.

Справедливость требует отметить, что большинство декабристов не считало революцию закономерным явлением, а революционные взрывы неизбежными в развитии общества. Боязнь крестьянского восстания толкала дворянских революционеров к признанию эволюционного пути общественного развития. «Перевероты снизу от народа опасны, — писал Батеньков⁴. Только Пестель и его сторонники понимали, что революция не является делом случая или воли отдельной исторической личности, что это необходимое явление в развитии общества.

Несмотря на свою дворянскую ограниченность, многие декабристы говорили о классовой структуре общества. Разумеется, они не могли правильно объяснить происхождение классов, но видели ненависть одного класса

¹ Н. Тургенев. Россия и русские, т. II, М., 1907, стр. 106.

² Сб. «Памяти декабристов», т. II, М., 1926, стр. 218; А. Мицкевич, Собр. соч., т. IV, СПб., 1902, стр. 85.

³ А. Поджио. Записки декабриста, М., 1930, стр. 44.

⁴ М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. М., 1906, стр. 164.

к другому. Больше того, некоторые из них считали, что история движется борьбой этих классов, борьбой народа с его угнетателями. Так, например, Пестель утверждал: «Главное стремление нашего века состоит в борьбе между Массами Народными и Аристокрациями всякого рода, как на Богатстве, так и на правах наследственных основанными»¹.

В целом декабристы были идеалистами в области истории. Главным в развитии общества большинство из них считало просвещение, «общее мнение», «дух времени». Некоторые из них верили в божественный промысел, в сверхъестественные силы. Н. С. Бобрищев-Пушкин писал, что все делается «как бог велит, который сам располагает происшествиями мира и которому никто из людей ни указать, ни воспротивиться не в силах»².

Конечно, наиболее последовательные дворянские революционеры пытались отойти от такого чисто религиозного понимания истории. А. П. Барятинский в споре с идеалистом Н. С. Бобрищевым-Пушкиным, отвечая на афоризм Вольтера «Если бы бог не существовал, его следовало бы выдумать», говорил: «Если бы бог даже существовал, его надо было бы отвергнуть»³.

Многие из декабристов стремились найти материальные причины общественного развития. Чаще всего такие попытки были неудачны, но, тем не менее, они были. Так, Рылеев и Фонвизин наивно считали, что географические условия определяют политический строй страны; значение экономики подчеркивали Муравьев и Бестужев. Н. Муравьев, отвергая обычное представление о причинах падения Рима, указывал, что «причины его бедствий лежат в нем самом», в неравномерном распределении богатств, росте паразитических слоев населения и чудовищном развитии рабства.

Подчеркивая значение социальных и экономических основ общества, Лунин писал: «Заниматься политическим устройством государства прежде чем обеспечить социальное могущество — это венчать здание, у которого нет фундамента»⁴. Он же предупреждал, что прогнив-

¹ Восстание декабристов. Материалы, т. IV, М.—Л., 1927, стр. 91.

² М. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 287.

³ Н. Павлов-Сильванский. Материалисты 20-х годов. Соч., т. II, СПб., 1910, стр. 260.

⁴ Декабристы на каторге и в ссылке, 1925, стр. 279.

ший общественный строй России и крепостное право тормозят развитие страны, больше того, угрожают ее политической независимости. «Нельзя сомневаться, — вторил Лунину Якушкин, что распределение земельной собственности у каждого народа определяет более нежели что-нибудь и образ общественного существования этого народа»¹.

Являясь противниками феодализма, декабристы в то же время не идеализировали буржуазное устройство общества. Вместе с Радищевым и Пушкиным они утверждали, что господство буржуазии не приносит народу подлинной свободы. Пестель, Якушкин и Бестужев смело разоблачали показную буржуазную демократию. Бестужев в своем оригинальном трактате «О свободе торговли и промышленности», написанном в 1831 г., продемонстрировал «блестящие краски» богатства и нищеты Англии, вскрыл печальные результаты промышленного переворота для широких слоев народа и показал, что скопление богатства в руках немногих ведет от подъема к упадку и кризису. Отстаивая республиканский строй для России, даже самые умеренные из декабристов, как например, Тургенев, понимали, что в Англии хорошо и свободно живут только представители высших классов. Вслед за Радищевым декабристы критиковали показной характер молодой в то время американской буржуазной демократии.

Следует отметить, что некоторые декабристы были близки к правильному решению вопроса о значении переломных идей в развитии общества. В этом плане примечательны высказывания Лунина: «Политические идеи, — писал он, — в постоянном развитии своем имеют три вида. Сперва являются как отвлечения и гнездятся в некоторых головах и книгах; потом становятся народной мыслью и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством, требуют непременно удовлетворения и, встречая сопротивление, разрешаются революциями»². Высказав столь материалистическую мысль, Лунин, сосланный в далекий Акатуй, писал оттуда, определяя революционизирующее значение идей де-

кабристов: «От людей можно отделаться, но от их идей — нельзя»¹.

Анализируя опыт войны 1812 г., декабристы понимали, что не герои, не полководцы и тем более не цари решали ее исход. Истинным героем в войне был русский народ, он решил судьбу своего отечества. В своих исторических работах некоторые из них теоретически признавали выдающееся значение народа. Лунин писал: «Дух народный — неперемненное условие всех коренных переворотов... Не князья, а народ освободил Русь от татарского ига»². Декабрист Крюков, в полном противоречии с собственной революционной практикой, писал: «С народом все можно, без народа ничего нельзя»³.

Признание декабристами роли народа в истории было неглубоким и непоследовательным. Будучи дворянскими революционерами, они, как уже отмечалось, боялись народной инициативы, боялись крестьянского восстания. «Страшно далеки они от народа»⁴, — указывал В. И. Ленин. Их теоретическое признание роли народных масс было обусловлено борьбой против дворянской официальной историографии. Требуя создания истории, нужной и полезной народу, декабристы приближались к положительному решению вопроса о роли масс в прошлом. Если Карамзин в предисловии к своей работе писал: «История народа принадлежит царю»⁵, то в противовес этому Н. Муравьев и Н. Тургенев утверждали: «История народа принадлежит народу и никому более! Смешно дарить ею царей»⁶.

Выступая против дворянских историков, Н. Бестужев писал: «До сих пор история писала только о царях и героях... науки государственные относились только к управлению и умножению финансов, но о народе, о его нуждах, его счастьях или бедствиях, мы ничего не ведали, и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств, обширность торговли, богатство купечества и банков за благосостояние целого на-

¹ Сб. «Декабристы», кн. 2, М., 1938, стр. 428.

² М. Лунина. Соч., и письма. Пггр. 1923, стр. 82.

¹ М. Лунина. Соч. и письма, стр. 66.

² Там же, стр. 79.

³ См. С. С. Волк., Указ. монография, стр. 121.

⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 261.

⁵ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, М., 1903, стр. 6.

⁶ Н. Тургенев. Дневники, т. III, Пгтр, 1924, стр. 114—115.

рода; но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляет из народа, что его благоденствие есть богатство государственное и что без его благоденствия богатство и пышность других сословий есть только язва, влекущая за собой общественное расстройство»¹.

Декабристы говорили о классовой тенденциозности официальных историков своего времени, о том, что происхождение крепостничества будет затемняться и искажаться до тех пор, «пока историю пишут не крестьяне, а помещики», у которых голос совести заглушается «звуком металла, рабством доставляемого»². Отсюда декабристы делали вывод, что напрасно ждать от представителя официальной историографии «чтобы он сказал правду о рабстве»³.

Таким образом, декабристы решительно выступали против монархических, крепостнических тенденций официальной дворянской историографии. Это особенно ясно обнаруживается при рассмотрении отношения декабристов к русской истории.

Пламенная любовь к Родине, чувство глубокого уважения к своему народу роднят декабристов с Ломоносовым и Радищевым и позволяют считать их достойными предшественниками русских революционных демократов.

Декабристы осуждали распространенное среди дворянства пренебрежительное отношение ко всему русскому и рабское преклонение перед всем иностранным. А. Бестужев гневно писал: «Русский барин пил кумыс с ханами Золотой Орды, носил кунтуш при самозванце, одетый же в мундир, он грудью полез в немцы. С царствования Екатерины II этот барин привык жить парижскими обносками и обедками»⁴. Подобные же мысли высказывали Раевский, Штейнгель, Глинка и другие декабристы.

В 1812 г. декабристы убедились в искренности народного патриотизма и по достоинству оценили лицемерное отношение к Родине многих дворян. Когда Александр I спросил своего адъютанта, будущего декабриста С. Вол-

конского, каково настроение народа, Волконский ответил: «Каждый крестьянин герой». «А дворянство?» — спросил царь. «Государь! — воскликнул Волконский, — стыжусь, что принадлежу к нему. Было много слов, а на деле ничего»¹.

Декабристы ненавидели все, что угнетало народ, что мешало его развитию. Они мечтали увидеть свободным и счастливым «русский народ, первый в свете по славе и по могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного»².

Выделяя демократическую линию в истории русской культуры, А. Бестужев писал, что народ, который дворяне водили на ошейниках, будто гончих, который они ценили часто ниже гончих, презирал своих владельцев, ничего не заимствовал от них и оттого «до сих пор сохранил свою поступь, поговорку, свой сбычай, свой оригинальный характер»³.

Декабристы особенно решительно выступали против попыток дворянских историографов умалить роль таких полководцев, как А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Александр Невский и другие. Они подчеркивали, что русский народ спас Европу от татарского нашествия, от наполеоновской тирании.

Отразив в своих работах рост национального самосознания после Отечественной войны 1812 г., декабристы сумели по-новому прочесть ряд страниц русской истории. Вслед за Радищевым они считали национальной особенностью славянского быта вечевое демократическое устройство, оставшееся как пережиток в сельских общинах. Всю русскую историю они рассматривали сквозь призму борьбы общинной, вечевой свободы с княжеской и самодержавной властью, борьбы народа с произволом и насилием бояр и помещиков.

Вслед за Ломоносовым и Радищевым декабристы выступали против антинаучной норманской теории. Многие из них отмечали, что русские племена по своему политическому и культурному развитию стояли значительно выше, чем морские бродяги варяги. Об этом писал Н. Бестужев в «Опыте истории российского флота», ука-

¹ Н. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 93.

² Н. Тургенев. Записки 1819 года. Сб. исторических материалов..., вып. 4, СПб., 1891, стр. 444.

³ Н. Тургенев. Россия и русские, т. II, стр. 106.

⁴ А. Бестужев. Соч., т. IV, ч. XI, СПб., 1847, стр. 192.

¹ С. Волконский. Записки. СПб., 1902, стр. 193.

² С. С. Волк, указ. монография, стр. 284.

³ А. Бестужев. Соч., т. IV, ч. XI, стр. 213.

зывая во введении на высокий уровень культуры восточных славян.

Наиболее последовательно и глубоко вскрыл лживость норманской теории М. С. Лунин. Он отрицал возможность добровольного подчинения народа разбойникам варягам, не признавал достоверность рассказа о призвании Рюрика, считая его легендарным. Известно, что летописцы, в частности Нестор, в угоду определенным политическим интересам своего времени, использовали эту легенду и вписали ее в летопись. Лунин показал политические корни ее происхождения. Легенда нужна была потомкам Рюрика, считал он, чтобы склонить умы на свою сторону и придать законность своему владычеству. Лунин верно определил отношение Карамзина к норманской теории и объяснил, почему этот реакционный дворянский историк стал ярким защитником варяжского происхождения русских. «Сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время, — писал он, — для выгоды правительства, которое всегда ищет опоры в мнении народном»¹.

Будучи идеалистами в области истории, ограниченными условиями своего времени, декабристы не понимали сущности феодального строя. Они идеализировали Древнюю Русь, полагая, что тогда существовало добровольное и справедливое распределение обязанностей—князя и дворяне ходили на войну, а крестьяне охотно несли повинности.

Подобно Радищеву, декабристы идеализировали Новгород и его вечевое устройство, не видя в Новгородской средневековой республике классовых противоречий. Новгород в их глазах был образцом народовластия. Бестужев, например, утверждал, что простой народ там пользовался одинаковыми правами с прочими сословиями. Анализируя вечевое устройство, декабристы не сумели правильно оценить включение Новгорода в состав Русского централизованного государства. Они ошибочно считали это событие вредным, нанесшим серьезный ущерб Новгороду.

Одним из центральных пунктов борьбы декабристов с реакционно-монархической историографией был вопрос о происхождении самодержавной власти. Декабристы

в противовес официальной науке утверждали, что самодержавие всегда носило реакционный характер. Это была явная ошибка, допущенная в пылу полемики. Отрицательно относясь к самодержавию вообще, декабристы тем самым отрицали прогрессивную деятельность московских князей XV—XVI столетий, недооценивали значение объединения русских земель в централизованное государство, игнорировали роль таких выдающихся исторических деятелей, как Иван III и Иван IV.

Исключением были Н. Тургенев и М. Лунин. Тургенев видел в царствовании Ивана III «счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России, по причине уничтожения уделов»¹ Лунин, правильно оценив эту эпоху, указывал, что решающую роль в ликвидации татаро-монгольского ига сыграли народные массы. Большинство декабристов отрицательно относились к царствованию Ивана Грозного. Правда, они осуждали не столько самого Грозного, сколько принцип самодержавной власти в его лице.

Декабристы впервые в русской историографии обратили внимание на роль боярской Думы и земских соборов и особенно охотно подчеркивали, что Михаила Романова «избрал на царство народ». Если в русской истории возможно было избрание нового царя народом, считали они, то почему невозможны такие выборы и в период междоцарствия, после внезапной кончины Александра I. Так декабристы стремились использовать исторические факты для обоснования своей революционной практики.

Декабристы решительно выступили против утверждения дворянских историков, и прежде всего Карамзина, о добровольном закреплении крестьян. По их мнению, виновниками установления крепостного права на Руси были дворяне, помещики. Правда, многие из декабристов отрицали наличие в древности свободного землевладения, говорили о прирожденной склонности крестьян к бродяжничеству, которая была якобы пресечена прикреплением их к земле.

Столь же противоречиво было отношение декабристов к крестьянскому движению. Многие из них рассматри-

¹ М. Лунин. Соч. и письма, стр. 23.

¹ Н. Тургенев. Дневники, т. III, стр. 123.

вали крестьянские выступления под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева и других вождей как бессмысленные бунты, отрицательные моменты в русской истории. Барон Штейнгель, например, считал крестьянскую войну под руководством Пугачева «отвратительным эпизодом» в царствовании Екатерины II. Он удивлялся, что Пушкин «выдал из-под своего пера отдельную историю о существе злодее»¹.

Лишь немногие декабристы, например, Поджио, Сухоуков, Тургенев, считали причиной крестьянских выступлений непосильный крепостной гнет. Поджио прямо писал об огромном подвиге Пугачева, который хотел освободить не только себя, но и миллионы своих братьев².

Особым вниманием декабристов пользовался Петр I. Они подчеркивали его заслуги, указывали на органическую связь его реформ с предшествующим развитием России. Нужно сказать, что подобную оценку деятельность Петра I нашла лишь через тридцать лет, в работах крупнейшего русского буржуазного историка С. М. Соловьева.

Некоторые декабристы осуждали тенденцию Петра I к слепому заимствованию им всего в Западной Европе. Штейнгель писал: «Перенимая науки и все полезное, неприметно стали перенимать мелочные обыкновения, бесполезное и, наконец, даже вредное»³. Декабристы не понимали классовой сущности и классовой обусловленности петровских реформ. Многие из них, в частности Фонвизин и Тургенев, считали, что целью Петра было не благосостояние народа, а лишь развитие Российской империи. Фонвизин спрашивал: «Русский народ сделался ли от того счастливее?» и отвечал: «Бесправное большинство — простолюдины — остались в тех же нищих избах и в том же бесправном положении, что и до Петра»⁴. Отмечая деспотизм Петра, Фонвизин подчеркивал, что он ничего не сделал для освобождения крепостных крестьян, но, поверстав их в первую ревизию, поставил их наравне с кабальными людьми и усугубил тяготевшее над ними рабство.

¹ В. Штейнгель. Записки. Сб. «Общественное движение в начале XIX в.», т. I, СПб., 1905, стр. 423—424.

² А. Поджио. Записки декабриста, стр. 80.

³ С. С. Волк. Указ. монография, стр. 410.

⁴ Там же, стр. 411.

Рассматривая послепетровскую эпоху, в частности, царствование Анны Иоанновны, декабристы резко критиковали губительную власть Бирона. Они сорвали маску человеколюбия с Екатерины II, показали, что она закрепила Украину и дала непомерные права и вольности дворянству.

«Дети 12-го года» — декабристы особенно внимательно изучали историю Отечественной войны. «События великой войны содействовали созреванию социальных представлений и политических взглядов шедшего к революционной борьбе поколения, — пишет М. В. Нечкина. — Война гораздо глубже, гораздо острее поставила перед молодым, пробуждающимся сознанием вопрос о родине, ее судьбе, путях ее развития»¹.

Активные участники Отечественной войны Ф. Н. Глинка, М. А. Фонвизин, М. Ф. Орлов, П. А. Муханов, В. И. Штейнгель создали интересные работы по истории войны 1812 г., в которых показали ее народный характер, высказали верные мысли о причинах победы и ее значении.

Михайловский-Данилевский считал войну 1812 г. личным подвигом Александра I; Надлер, связывая победу с помощью всевышнего, писал: «Народ и царь русские лишь потому устояли в беспрецедентной борьбе с непоборимым..., что...вступили в борьбу с твердым упованием на помощь Всевышнего. И...помощь Всемогущего спасла их вопреки всем громадным преимуществам противника»².

Подобным промонархическим, теологическим суждениям официальной историографии декабристы противопоставили свою точку зрения. Не царь и не полководцы, а народ русский уничтожил захватчиков, считали они. «Все распоряжения и усилия правительства, — писал И. Якушкин, — были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгнувшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ попрежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с арми-

¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I, стр. 108.

² Надлер. Император Александр I и идея Священного союза, т. II, стр. 383.

ей из древней столицы. По Рязанской дороге направо и налево поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну слава богу, вся Россия в поход пошла! В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле»¹.

Сознательное участие народных масс в борьбе за Родину, их решающая роль в спасении Отечества от порабощения противопоставлялись в сознании декабристов тяжелой, безрадостной жизни крепостных-рабов. Связывая историю с современностью, они делали вывод «крепостное право — мерзость»².

Здесь, как правильно отмечает В. Е. Иллерицкий, «в исторических взглядах декабристов проявилась характерная особенность воззрений всех революционных деятелей: умение связать историю с современностью»³.

Еще более характерно в этом смысле стремление самих участников декабристского движения написать его историю.

В противовес лживой правительственной версии, изложенной в «Донесении» Следственной комиссии и затем усиленной в книге барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», М. Лунин и Никита Муравьев стремятся дать правдивое освещение событий, связанных с восстанием 14 декабря 1825 года. Первый составляет «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год», а затем вместе с Н. Муравьевым пишет «Разбор донесения тайной следственной комиссии». Авторы его опровергают официальную ложь николаевского правительства и стремятся показать историческую обусловленность, смысл и значение своего выступления против самодержавия и крепостничества.

Не чтение иностранных книг и прогулки по Европе, а протестное «положение государства и общества» вызвали к жизни движение, которое «рассеяло едва ли не общий предрассудок о невозможности другого, кроме существующего порядка, — писали декабри-

ты, — и убедило народ, что раболепство перед лицами должно замениться повиновением закону»¹.

Большую источниковедческую и историографическую ценность представляют воспоминания Якушкина, Басаргина, Горбачевского, Поджою. В них содержатся материалы, рисующие процесс вызревания революционных идей декабристов, историю создания тайных обществ, их программные документы.

Конечно, декабристы не смогли преодолеть дворянской ограниченности в оценке собственного революционного выступления. Но они первыми начали создание объективной истории декабризма.

Декабристы не смогли научно осмыслить исторический процесс, тем не менее они были на голову выше официальных дворянских историков. В области историографии они являлись идейными преемниками Радищева. Выступая против реакционных идей официальной историографии, они поставили ряд новых проблем, которые не были решены ни дворянской, ни буржуазной исторической наукой.

Представления декабристов о вече и общинном строе славян сыграли важную роль в изучении начального периода русской истории. Декабристы вскрыли политические корни норманизма и отбросили норманскую теорию. Осудив защиту крепостничества и самодержавия такими монархическими историками, как Карамзин, они первыми в русской историографии указали на важное значение сословно-представительных учреждений в XVI—XVII ст. Они же подчеркнули органическую связь петровских реформ с предшествующей историей.

Борьба декабристов с дворянскими историками оставила глубокий след в русской исторической науке. Способствуя углублению кризиса дворянской официальной историографии, она оказала большое влияние на передовых представителей исторической науки и, прежде всего, на А. С. Пушкина и его отношение к истории.

Исторические взгляды Пушкина являются составной частью его мировоззрения, которое сложилось в период общественного подъема первой четверти XIX века. Отечественная война пробудила патриотизм Пушкина, а общественное движение двадцатых годов, связанное с вос-

¹ И. Д. Якушкин. Записки. М., 1926, стр. 11.

² Там же, стр. 16.

³ Историография истории СССР, стр. 156.

станием декабристов, сделалю его патриотизм революционным и действенным.

А. И. Герцен, подчеркивая органическую связь творчества Пушкина с движением декабристов, писал: «Громадный заговор охватил всю образованную Россию. Члены его заседали в царском совете и квартировали в военных лагерях. Среди них находились знаменитые генералы, блестящие офицеры, литераторы, аристократы, ученые. Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцелярии, даже школы были полны посвященных в тайну заговора или, по меньшей мере, сочувствующих ему. Новая, подвижная, лихорадочная жизнь поглощала всех. Все очнулись, почувствовали в себе бодрые, юношеские, победоносные силы, все вздыхали о свободе и верили, что так же, как победили Наполеона, победят и Александра — и все ошиблись. А, ведь, это были единственные прекрасные годы в жизни России со времени многих-многих веков.

И совершенно естественно, что в этот период подъема и мечтаний явился великий русский поэт, Пушкин»¹.

Разделяя основные идеи декабристов, Пушкин находился на передовой линии дворянского этапа в истории русского освободительного движения. Всем своим творчеством он звал к борьбе с царизмом.

Исторические взгляды Пушкина были ограничены его дворянскими позициями и уровнем современной ему историографии. Тем не менее для многих суждений поэта характерно, как отмечает Д. В. Черепнин, стремление преодолеть ограниченность дворянской исторической науки. «Такое преодоление, — пишет исследователь — происходило иногда не столько путем теоретического пересмотра распространенных исторических концепций, сколько путем правдивого отображения средствами художественного реализма картин исторической жизни. Поэтому из творчества классиков литературы иногда можно лучше познать историю, чем из работ некоторых малодаровитых их современников — историков-профессионалов»².

Великий русский поэт проявлял глубокий интерес к русской истории. В его произведениях широко и разно-

образно представлены важнейшие события из истории русского народа. Так, Киевской Руси посвящены «Песнь о вещем Олеге», план поэмы о Мстиславе, фрагменты трагедии о Вадиме; легендарная эпоха русских богатых людей отражена в «Руслане и Людмиле»; централизованное Русское государство изображено в «Русалке», «Борисе Годунове», поэтическом отрывке «Какая ночь! Мороз трескучий!», в песнях о Степане Разине, в набросках повести о стрельцах, о боярской дочери и др. Петру и его преобразованиям посвящены «Полтава», «Арап Петра Великого», «Медный всадник», «Стансы», «Пир Петра Первого» и многие другие произведения. Такое крупнейшее событие в русской истории, как восстание крестьян под руководством Емельяна Пугачева, нашло отражение в «Капитанской дочке». Много произведений Пушкина посвящено войне 1812 г., движению декабристов и другим событиям отечественной истории.

Пушкин оставил две большие исторические работы: «Историю Пугачевского бунта» и незаконченную «Историю Петра», множество исторических записок, заметок, планов, выписок, набросков и т. д.

Во время работы над «Полтавой» Пушкин решил написать «Историю Украины», составил план и подготовил краткий очерк природных условий и древнейшей истории Украины.

Оценивая богатство исторических картин в произведениях Пушкина, А. М. Горький писал: «Его произведения — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, — все они суть гениальные иллюстрации к русской истории»¹. Пушкин хорошо знал русских историков XVIII — начала XIX в., а также основные труды английских, французских и немецких историков и философов. Для него характерен глубокий интерес к различным эпохам всемирной истории, стремление уловить черты своеобразия отечественной истории, развивающейся в неразрывной связи с всеобщей.

Задачу исторической науки Пушкин видел в раскрытии причинности исторических явлений. Он стоял на чистоту рационалистических позициях, усматривая основную

¹ А. М. Горький. О Пушкине. Газ. «Известия» от 24 сентября 1936 г.

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, Птгр., 1919, стр. 231.

² Л. В. Черепнин. История в творчестве А. С. Пушкина. «История СССР», 1963, № 9, стр. 26.

причину исторического развития в просвещении, в разуме.

Особенным вниманием Пушкина пользовалась отечественная история. В ней он видел, прежде всего, величие русского народа, считал ее захватывающе интересной, полной славных и значительных событий. Многие из них, как справедливо подчеркивал с чувством большой национальной гордости Пушкин, имели всемирно-историческое значение. «Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»¹, — говорил он. О людях равнодушных к отечественной истории Пушкин писал: «Дикость, подлость и невежество не уважать прошедшего, пресмыкаться перед одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей отечества»².

Особенно возмущали Пушкина люди, которые искажали русскую историю. Это касалось прежде всего иностранных историков. «Простительно, — писал он, — выходцу (иностранцу — В. А.) не любить ни русских, ни Россию, ни историю ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцов»³.

Русская история, считал Пушкин, должна разрабатываться своими историками. «Какое поле — эта новейшая Русская история! — восклицал он. — И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять»⁴.

От занимающихся историей Пушкин требовал добросовестного изучения эпохи, умелого использования источников. Главное — чувство подлинного историзма, умение уловить и показать особенности и колорит прошлого. Критикуя подражателей Вальтер Скотта за смешение эпох, Пушкин писал: «В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. IX, Л., 1928, стр. 244.

² Там же, стр. 311.

³ См. Н. М. Степанов. Исторические воззрения А. С. Пушкина. Л., 1949, стр. 27.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. XVI, М.—Л., 1949, стр. 168.

запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений»¹. Очень интересны его отзывы об исторических произведениях Рылеева, Загоскина, Лажечникова, Погодина и других историков и литераторов.

Историзм Пушкина не был объективизмом. Не случайно он писал, что Разин «единственное поэтическое лицо русской истории». Прежде чем приступить к созданию того или иного исторического произведения, Пушкин производил архивные изыскания, изучал мемуары современников, использовал исторические исследования.

Возражая против чаадаевского утверждения о «нашей исторической ничтожности», Пушкин писал: «Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могут привести к единству, оба Ивана... как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? И (положа руку на сердце), — писал Пушкин Чаадаеву, — разве не находите вы чего-то значительного и в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»².

Л. В. Черепнин усматривает в этих словах своеобразную периодизацию русской истории, внешне похожую на карамзинскую. Не отрицая в данном случае влияния Карамзина на Пушкина (известны его восторженные оценки «Истории государства Российского», как создания «великого писателя и подвиг честного человека»), нужно согласиться с Л. В. Черепниным в том смысле, что «в данном случае нельзя говорить о простом воспроизведении карамзинских воззрений на русский исторический процесс»³.

Пушкинская схема лишена основной идеи придворного историографа о благотворной роли самодержавия в русской истории, а приписываемая Пушкину извест-

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. 5, ГИХЛ, стр. 77.

² См. Л. В. Черепнин. История в творчестве А. С. Пушкина, стр. 27.

³ Там же.

ная эпиграмма на Карамзина¹ говорит о том, что поэт не разделял политических позиций последнего.

Пушкинская оценка петровских реформ и личности Петра I свидетельствует о том, что Пушкин и здесь ближе к Радищеву, нежели к Карамзину. В содержательной статье Б. Б. Кафенгауза «Пушкин о Петре I» убедительно показано, что противоречия в суждениях Пушкина о времени Петра и его реформах только кажущиеся, они объясняются сложностью образа Петра и стремлением Пушкина передать многогранность этой исторической эпохи. «Полемизируя с Мицкевичем, видевшем в Петре только деспота, — пишет Кафенгауз, — отойдя от Карамзина, осуждавшего петровские преобразования, Пушкин близко стоит к революционной точке зрения Радищева на Петра I. Пушкинская сложная и глубокая трактовка эпохи петровских преобразований является его заслугой как поэта, историка и мыслителя»².

В стихотворениях «Стансы» (1826), «Пир Петра I» (1835) Пушкин показывает Петра как идеального государя, образец для настоящего и будущего. В «Заметках по русской истории XVIII в.» он говорит о времени Петра как о революционной эпохе, а о нем самом — как о жестоком тиране.

Здесь и в последующих произведениях Пушкин, с одной стороны, характеризует Петра как преобразователя России, а с другой — как деспота и крепостника. В 1834 г. в статье «О ничтожестве литературы русской» он пишет, что в эпоху Петра «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и благотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы. Петр не успел довершить начатое дело. Он умер в полную пору мужества, во всей силе своей творческой деятельности. Он умер, но движение, переданное мощ-

¹ См. Б. В. Томашевский. Эпиграммы Пушкина на Карамзина. Пушкин, исследования и материалы, т. I, М.—Л., 1956, стр. 215, А. С. Пушкин. Полное собр. соч. в шести томах, т. VI, М., 1934, стр. 378—379.

² Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I. «История СССР», 1961, № 3, стр. 160.

ною его рукою, долго продолжалось в огромных составах Государства»¹. Здесь Пушкин отмечает положительное, прогрессивное значение петровских реформ. В «Заметках по русской истории XVIII века» подчеркивается деспотизм Петра. «В самом деле, — писал Пушкин, — история представляет около него всеобщее рабство... все состояния, скованные без разбора, были равны перед его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось...»². Дальнейшее развитие мысль о деспотизме и самовластии Петра получила в «Медном всаднике», в «Материалах для истории Петра Великого».

Здесь пушкинское понимание двойственности и сложности действий Петра выражено наиболее четко: «Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»³.

Следует подчеркнуть, что пушкинская оценка Петра I была в значительной мере навеяна радищевским «Письмом к другу, жительствующему в Тобольске». В свою очередь мысли Пушкина о петровской эпохе были развиты Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым.

Меткую и справедливую характеристику дал Пушкин царствованию Екатерины II. «...Со временем, — писал он в «Заметках по русской истории XVIII века», — история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России»⁴.

Далее Пушкин подробно характеризует темные сто-

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. XIII, стр. 623.

² А. С. Пушкин, т. VIII, стр. 122.

³ А. С. Пушкин. Соч., т. IX, стр. 143.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. VI, 1954, стр. 61.

роны екатерининского времени. Он считает, что «развратная государыня развратила свое государство», «закрепостила вольную Малороссию и польские провинции», жестоко расправилась с передовыми русскими людьми — Радищевым, Новиковым, Княжниным, и «нанесла сильный удар просвещению народному»¹. В заключение, касаясь раболепного восхваления Екатерины II современниками, Пушкин пишет: «Простительно было фарнейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна»².

Тему народного движения Пушкин развивает в «Истории села Горюхина», в «Дубровском», в «Капитанской дочке», в «Истории Пугачева». Вопреки традициям официальной историографии, он пытался правильно осмыслить и оценить крестьянские выступления. Характеризуя народное движение против крепостнического гнета как закономерное явление, Пушкин старался вскрыть его конкретные причины. По его мнению, восстание крестьян под руководством Пугачева было грандиознейшим событием в русской истории. Это — «мятеж, поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов».

Пушкин доказывал, что крестьянские восстания неизбежны постольку, поскольку существуют противоречия между помещиками и крестьянами. Пугачев у Пушкина — талантливый организатор стихийного крестьянского движения, направленного против дворян. «Весь черный народ был за Пугачева... Однако дворянство было открытым образом на стороне правительства»³.

Наряду с перечисленными вопросами Пушкин рассматривал и другие события русской истории, в частности, его очень интересовала Отечественная война 1812 года. Он подчеркивал выдающуюся роль в ней русского народа, заслуги Кутузова и одновременно тонко иронизировал по поводу дворянского «квасного» патриотизма. «Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществе решительно верх, и гостинные

наполнялись патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все заклились говорить по-французски; все закричали о Минине и Пожарском и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни»¹.

Отличительной чертой Пушкина как историка является его внимание к истории других народов многонациональной России. Он интересуется историей Украины, Кавказа, Камчатки, Прибалтики и прочих районов Российской империи. В этом отношении его взгляды резко отличаются от шовинистических, великодержавных взглядов официальных историков, писавших только об истории русского народа.

Подводя итоги рассмотрению исторических взглядов декабристов и Пушкина, необходимо отметить, что заложенные Радищевым основы революционного понимания истории были развиты ими в 20—30-х годах XIX в., в новых условиях дворянского этапа революционного движения в России.

Исторические взгляды декабристов имели важное значение в развитии передовой русской исторической мысли от Радищева к революционным демократам 40—60-х годов XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

- М. С. Лунин. Сочинения и письма, Птгр., 1929.
Н. М. Муравьев. Мысли об истории государства Российского
Н. М. Карамзина. «Литературное наследство», т. 59, М., 1954.
Н. Тургенев. Россия и русские. «Библиотека декабристов», Киев, 1908.
А. С. Пушкин. История русского народа, сочинение Николая Полевого, т. I, М., 1829. В кн. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 119—127.
Историография истории СССР, стр. 144—158.
Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 288—310.
С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов, М.—Л., 1958.
Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре I, «История СССР», № 3, 1961, стр. 150—160.
Л. В. Черепнин. История в творчестве А. С. Пушкина, «Вопросы истории», № 9, 1963, стр. 25—44.

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. VIII, стр. 357.

¹ А. С. Пушкин. Полное собр. соч., т. VI, стр. 61—62.

² Там же, стр. 63.

³ Там же.

ЛЕКЦИЯ 13

РЕАКЦИОННАЯ ДВОРЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 30—50-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Реакционное официальное направление русской историографии. М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов. Борьба революционных демократов против извращения истории России представителями официальной историографии. Отражение кризиса дворянской историографии в исторической теории славянофилов. Историки славянофильской школы А. Н. Попов, И. Д. Беляев

30—50-е годы XIX века ознаменовались в истории России рядом новых социально-экономических и политических явлений, которые определяли характер и особенности развития исторической науки.

Старая, доживавшая последние дни феодальная Россия стояла на пороге капиталистического строя. В последнее десятилетие существования крепостного права в стране непрерывно нарастало массовое крестьянское движение, таившее в себе опасную для господствующего класса возможность ликвидации крепостничества революционным путем.

Отражением массового крестьянского движения в общественно-политической жизни страны было формирование революционно-демократической идеологии, представители которой вступили в борьбу с защитниками феодально-монархического строя. Царское правительство стремилось всеми способами и средствами остановить революционное движение. После подавления восстания декабристов в 1825 г. в России воцарилась жесточайшая политическая реакция.

На службу гибнущему крепостничеству и самодержавной власти было мобилизовано все: церковь, армия, школа, университеты, журналы и газеты. Соответственно на защиту реакционных принципов дворянско-монархической идеологии была призвана официальная историческая наука, обязанная в духе уваровской формулы — «православие, самодержавие и народность» — истолковывать историю России.

Обоснование происхождения Русского государства с позиций антинаучной норманской «теории», реакционное противопоставление России Западной Европе, идеализация самодержавной власти и крепостничества, отрицание классовой борьбы в стране, игнорирование роли народа в истории, искажение в реакционно-охранительном духе народной борьбы за национальную независимость, извращение истории Отечественной войны 1812 г. и характера декабристского движения — таковы основные черты реакционной официальной историографии 30—50-х годов XIX века. Наиболее видными представителями этого охранительного направления были такие историки-идеалисты и ярые реакционеры, как М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, А. М. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович, М. Н. Корф и другие.

Михаил Петрович Погодин (1800—1875 гг.) — историк, публицист и реакционный политический деятель. Защите самодержавия и крепостничества он всецело подчинял и свой метод исследования и исторические факты. Его имя в науке было символом реакционности и беспринципности. С. М. Соловьев писал о нем, что в русской истории он лишь «удачливый наездник», а по характеру «мелочный торгаш». «Погодин, — отмечал он, — менее всего был призван быть профессором, ученым; его призвание — площадная деятельность».

С 1830 по 1845 г. Погодин был профессором истории в Московском университете. В 1831 г. в связи с польским восстанием 1830—1831 гг. он написал статью «Исторические размышления об отношении Польши к России», которая понравилась официальным кругам. В 1841 г. Погодин перешел на службу в Министерство народного просвещения, где проявил большое рвение в защите официальной идеологии «православия, самодержавия и народности».

Первой работой М. П. Погодина в области истории

была статья «О происхождении Руси» (1825), в которой отстаивалась норманская теория возникновения Древнерусского государства. В посвящении Карамзину автор писал: «У вас начал я учиться добру и языку истории, позвольте посвятить Вам в знак искренней благодарности первый труд мой»¹.

В 1842 г. он опубликовал в журнале «Москвитянин» обращение к молодежи, в котором призывал не верить тем «неучам, наглецам, невеждам», которые утверждают, что «Карамзин устарел и что у него учиться нечему». Погодин звал молодежь бежать толпами «к этому чистому источнику русского ума...»².

Если труды Карамзина способствовали формированию реакционно-охранительных взглядов Погодина, то его методы изучения истории сложились под сильным влиянием Шлецера. Больше того, в таком важном вопросе, как происхождение Древнерусского государства, Погодин был фактически продолжателем Шлецера. Определенное влияние на Погодина оказала идеалистическая философия Шеллинга, о чем свидетельствует его философско-историческая работа «Исторические афоризмы» (1836).

Общественно-исторические взгляды Погодина весьма противоречивы. В одном случае он утверждает, что развитие человечества — единый целостный процесс, а в другом говорит о полной противоположности истории России и Западной Европы. Источником этого противоречия была невозможность согласовать реакционные идеи с научными принципами изучения истории.

Отсюда следует, что если в работах Погодина, посвященных отдельным вопросам русской истории, можно найти кое-что положительное, то в целом он, подобно Карамзину, исходил из того, что «русская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия»³.

В 1845 г. Погодин собрал все свои работы по русской истории и издал их под общим названием «Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории в 7 томах» (1846—1859). В основу историческо-

го исследования он стремился в соответствии с духом времени положить так называемую «математическую методу», т. е. приблизить историю к точным наукам. Но это было чисто формальное, внешнее приближение, за которым скрывались вера в божественную силу и защита самодержавия путем прямой фальсификации истории.

Погодин выписывает из источников параллельные места, сопоставляет их, не делая никаких выводов. Суммирование показаний источников для Погодина не отправной момент исторического анализа, а конечный итог всей исследовательской работы. «Историк ничего не выносит от себя, он лишь суммирует то, что дано в источнике», — утверждал Погодин. Защищая принцип православия, он писал: «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как российская... перст божий ведет нас»¹.

В соответствии с идеей закономерности, выдвинутой в XIX в., Погодин ищет однородные явления в русской и западноевропейской истории. Однако из страха перед революционным движением он впадает в противоположную крайность и делает вывод о том, что «начало европейских государств есть завоевание; начало русского — добровольное призвание»². Начало же государства, утверждает Погодин, есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории и решает судьбу его навеки веков³.

Следовательно, исторические судьбы России противоположны историческим судьбам Запада. Сущность исторического прошлого и настоящего России, по мнению Погодина, — «любовь и единение», а в Европе — «вражда и розги». Основой этой «любви и единения» являются «православие, самодержавие и народность», с помощью которых Россия спасет мир. Будущее России — в ее прошлом: «Кто помешает русскому царю решать судьбу Европы, судьбу всего человечества, при известных условиях?... Вот какое будущее открывается при первом взгляде на Россию в одну минуту ее бытия!

¹ М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю. Историко-критические отрывки. М., 1846, кн. I, стр. 10.

² См. П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, стр. 317.

³ Там же.

¹ И. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VI, стр. 42.

² «Москвитянин», 1842, № 2, стр. 7.

³ М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю. Историко-критические отрывки. М., 1846, кн. I, стр. 16.

Какое же прошедшее соответствовало этому блистательному, почти бесконечному будущему»¹.

В отношении Погодина к народу яснее всего виден смысл защищаемой им «народности». Презирая народ, он в то же время боится его и всячески пытается доказать, что русский народ отличается покорностью, равнодушием и безграничной преданностью престолу.

«Философия истории Погодина, — пишет В. И. Пичета, — сводилась к оправданию охранительной внешней и реакционной внутренней политики в России»². Отсюда его стремление доказать, что в России все должно быть иначе, что здесь не будет ни борьбы классов, ни революции, ни буржуазного государства, потому что самодержавие имеет народный характер и опирается на православие. «Семян западной революции в России не было, — говорит Погодин, — следовательно, мы не должны были бояться западных революций»³.

Различие между Западом и Россией Погодин, как уже отмечалось, видел в том, что Русское государство возникло в результате завоевания, а призвания варягов. А раз не было завоевания, значит, нет классов и классовой борьбы, считал Погодин. «У нас не было ни победы, — говорил он, — ни покорения, и не началось никакого различия в правах..., не началось ни дворянства, ни рабства, в европейском смысле... Наш народ был посажен на легкий оброк, а западный осужден на тяжелую барщину»⁴.

Основы этого различия между Россией и Западом, по мнению Погодина, лежат в различии народного характера. Начав с народа, который добровольно призывает князя и потому сохраняет свои права, Погодин приходит к противоположному результату — государство получает всю полноту власти, а народ в соответствии с теорией официальной народности полностью ему подчиняется. И главным качеством его становятся «безусловная покорность и равнодушие». Покорность народа служит основанием всемогущества самодержавного государства.

¹ М. Погодин. Древняя русская история, стр. 4.

² В. И. Пичета. Введение в русскую историю, 1923, стр. 115.

³ М. П. Погодин. Историко-политические письма, М., 1874, стр. 202.

⁴ М. П. Погодин. Древняя русская история, т. I, стр. 87—88.

Сводя все первоначальные действия народа к призыванию варягов и созданию государства, Погодин дальнейшее развитие русской истории объясняет влиянием внешних сил, направляемых богом. Норманнами, считает он, был создан первый период русской истории, монголы определили переход к единодержавию Ивана III, реформы Петра и влияние европейских идей обусловили последний, новый период русской истории.

У Погодина нет и не могло быть сколько-нибудь научно обоснованной периодизации истории России. Крайне противоречиво освещает он и основные этапы русской истории. Называя первоначальный период истории Киевской Руси норманским, Погодин начинает изложение с призвания варягов. Все создание государства, войска, культуру, даже былинный эпос он связывает с варягами. В удельный период князья своими усобицами чуть не погубили основанный норманнами государственный порядок. Затем, считает Погодин, московские князья, ослабив с помощью татарских ханов враждебных Москве удельных князей, восстановили государственную власть.

Укрепление монархии Погодин связывает с Петром I, который, по его мнению, начал новый «европейский» период русской истории. Петра этот реакционный историк восхваляет прежде всего за то, что он, не переставая быть русским, с помощью иностранцев укрепил и просветил Россию.

Стремясь внушить читателю мысль о том, что всякое преобразование в стране должен начинать сам государь, Погодин пишет: «Переворот государственный, революцию... начинает у нас первый император». С эпохи Александра I начинается, говорит он, период «первенства России в Европе» и кончается «европейский период русской истории».

Если общая концепция русской истории, которую пытался создать Погодин, была бесплодной и противоречивой, то в разработке отдельных конкретных вопросов ее он сыграл некоторую положительную роль. В диссертации «О летописи Нестора», опубликованной в 1834 г., Погодин, в противовес представителям скептической школы, доказывает подлинность и достоверность сообщаемых в ней сведений. В статье «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» По-

годин выступил против утверждения Карамзина о единовременном закрепощении крестьян и высказал мысль о постепенном закрепостительном процессе. Он впервые опубликовал сочинение И. Т. Посошкова «О скудости и богатстве», псковские летописи, собрал коллекцию древних рукописей, составившую так называемое Погодинское собрание.

Отмечая эти положительные факты в деятельности Погодина, необходимо подчеркнуть, что в целом его противоречивые исторические взгляды свидетельствуют о тупике, в который зашло в середине XIX в. официальное дворянское направление в русской историографии.

Реакционно-идеалистические взгляды отличали автора официального учебника русской истории Николая Герасимовича Устрялова (1805—1870 гг.), который фактически вернулся к прагматическому изложению политической истории, без попыток ее научного анализа. Свои общеисторические принципы он изложил в работе «О системе прагматической русской истории» (1836). Критикуя Карамзина, Устрялов декларативно заявлял, что историк должен показать, «какие были главные общие явления, как одно явление уступало место другому, как переходила Русь постепенно из известного положения в другое, отличное»¹. По его мнению, переходы от одного исторического периода к другому являются результатом действий людей, обладающих властью, поэтому «главные действователи», или монархи, должны стоять в центре внимания историка.

Развитие России Устрялов противопоставлял развитию Западной Европы, категорически отрицая возможность сопоставления отечественной истории с какой-либо другой. Во «Введении» к четырехтомной «Русской истории» он писал, что в многовековой отечественной истории «два элемента, религия и самодержавие, слившиеся с русской жизнью, остались неприкосновенными»² и служат залогом процветания страны.

Считая, что русская история носила мирный, безмятежный характер, чем в корне отличалась от западно-европейской, Устрялов в условиях резкого обострения классовой борьбы безапелляционно утверждал: «Усвоив

лучшие плоды европейской гражданственности, без вредных плевел, одушевляемая отличительным свойством народного характера, беспредельною преданностью вере и престолу, Россия была непоколебима среди всеобщего потрясения западных государств французскою революциею...»¹.

Объясняя почему только учебники Устрялова были допущены Министерством просвещения для изучения русской истории, А. И. Герцен справедливо отмечал, что они написаны «по трафаретам министерства Уварова и по мотивам Николая Павловича»².

Говоря о реакционном официальном направлении в русской историографии, следует подчеркнуть, что в борьбе с ней развивалась и крепла революционно-демократическая историческая концепция. Идеология революционной демократии противостояла всем формам и проявлениям идеологии господствующего помещичьего класса. Продолжая традиции Радищева и декабристов, на борьбу с официальной историографией выступили В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Успешное развитие передовой исторической науки они связывали с революционно-демократическими идеями, противопоставляя их реакционным идеям самодержавия, православия и народности, пропагандируемым Погодиным, Устряловым и другими, им подобными. Революционеры-демократы стремились превратить историческую науку в средство политического воспитания передовых представителей русского народа. Они умело разоблачали научную бесплодность тех историков, которые подобно Погодину «пишут историю по идее, заранее принятой ими, и, желая во что бы то ни стало уложить факты на прокрустово ложе своего воззрения, искажают их»³.

Наряду с официально-охранительным направлением в русской историографии в 40-х годах XIX в. серьезным препятствием для дальнейшего развития исторической науки стала славянофильская идеология. Являясь по своим классовым основам дворянской, она отражала стремление помещичьего класса сохранить политическую и экономическую власть. Славянофилы были оппозиционно

¹ Н. Устрялов. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836, стр. 40.

² Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. I, СПб., 1838, стр. 19—20.

¹ Н. Г. Устрялов. Русская история, ч. I, стр. 20.

² А. И. Герцен. Соч., т. XIV, стр. 297.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 447.

настроены по отношению к отдельным частным сторонам самодержавного правления и стояли за ограничение деспотической монархической власти. Осознавая необходимость отмены крепостного права, они стремились осуществить ее сверху, руками помещиков. Славянофилы осуждали слепое подражание Западу, однако их учение о «самобытности» русской истории и откровенная враждебность к революционному движению в Западной Европе были в своей основе националистическими и реакционными.

Идеология и политическая позиция славянофилов вызвали резкую критику со стороны революционно-демократического лагеря. Сущность славянофильской теории, по словам Герцена, окутана «дымом ладана» и густой оболочкой «иконописных» идеалов.

Обращаясь к вопросам истории, славянофилы пытались с помощью прошлого обосновать свои реакционные политические взгляды. Хотя они и твердили о «самобытности» своих исторических взглядов, но фактически руководствовались, с одной стороны, реакционно-мистической философией Шеллинга, а с другой — взглядами Карамзина.

История развития мира, по мнению Шеллинга, «есть непрерывное доказательство бытия бога». Наряду с этим положением славянофилы восприняли и другие стороны идеалистической философии, выводя из нее учение об общине и всемирно-исторической роли славянской народности. Вслед за Шеллингом они утверждали, что в истории каждого государства раскрывается «дух народа». В неискаженном виде он выявился в допетровской Руси в «истинно национальных» началах религиозности, смирения, общинности. Петр I своими реформами извратил и подавил эти качества русского народа.

Отсюда шло противопоставление истории России истории Западной Европы, в котором славянофилы были близки к Погодину. Такое антинаучное противопоставление возникло в связи с попытками славянофилов обосновать свои реакционные политические идеи о некапиталистическом пути развития России и ненужности революции.

В истории человечества они видели два пути развития: путь «внутренней правды» и путь «внешней правды». Первым путем идут славяне, которые нашли силу внут-

ренней правды в русской земельной общине, где все связано узами взаимной поддержки, где способности, счастье, личные интересы добровольно подчиняются общему благу, т. е. где царствует внутренняя правда, выражающаяся внешним образом в народных обычаях и сходках. Сельская община, по мнению славянофилов, и является той ячейкой, из которой развилась русская государственная и историческая жизнь.

Второй путь свойственен Западной Европе, где преобладает внешний закон, ослабляющий нравственное достоинство человека, приучающий его быть правым только перед законом. Человечество же, по мысли славянофилов, стремится «осуществить нравственный закон на земле»¹.

Жизнь людей на Западе, писал И. В. Киреевский, в 30-х годах XIX в., характеризуется «внутренней пустотой». Они связаны лишь «наружной связью внешних выгод». Одно там осталось существенное у человека — это промышленность, которая управляет миром без веры и поэзии. Она... соединяет и разделяет людей, она определяет отечество, она обозначает сословия, она лежит в основании государственных устройств, она движет народами, она объявляет войну, заключает мир, изменяет нравы, дает направление наукам, характеру—образованности; ей поклоняются, ей строят храмы...»².

История, нравы и положение в России представлялись славянофилам противоположным положению в промышленной Европе. «Россия — земля совершенно самобытная, — писал Аксаков, — вовсе не похожая на европейские государства и страны»³. Корни этой самобытности славянофилы видели в нравственных устоях русского народа, в православной церкви. Вместительней самобытных начал была, по их мнению, община. Отсюда основной чертой, определившей характер русской истории, было отсутствие завоевательных начал и земельной собственности, что в свою очередь исключало классовую борьбу. Сохраняя общину, славяне «призывают государство на защиту, складывается добровольный союз земли

¹ К. С. Аксаков. Полное собр. соч., М., 1889, т. I, стр. 56.

² И. В. Киреевский. Полное собр. соч., т. I, М., 1911, стр. 246.

³ К. Аксаков. Соч., т. I, стр. 16.

и государства»¹. Этот союз исключает столкновения народа и государства. Между ними сложились «отношения свободные, разумные, не рабские и потому обеспеченные от всякой революции»².

В идиллических тонах рисует К. С. Аксаков жизнь в допетровской Руси: «Народ пахал, промыслял и торговал. Государство поддерживал он денгами и в случае нужды становился под знамена... Государство или государь с неограниченной никаким условием властью блюл тихую жизнь Земли... Все люди, не пахавшие, не промыслявшие, не торговавшие, не выборные от Земли, составляли так сказать дружину государеву и назывались людьми служилыми... таким образом, в России не было ни одного человека, пользующегося даром своими выгодами (тем менее по праву)»³.

Создавая такие теории, славянофилы стремились возродить общественный строй и нравы допетровской Руси, восстановить патриархальное единство между властью и народом, между помещиками и крестьянами и укрепить сельскую общину, как противоядие против классового расслоения крестьянства.

В исторических взглядах славянофилов ярко отразился их страх перед прогрессивным развитием России, перед возможностью ликвидации экономических и политических привилегий дворянства путем революции.

Основные элементы славянофильской теории русского исторического процесса сводятся к следующей схеме. Русский народ, проникнутый общинным духом и обладающий такими нравственными качествами, которые извоблают его от классовой борьбы, развивается отличным от Западной Европы путем. Особые качества русского народа предохраняют страну от революции и выражаются в мирной жизни всех классов общества под властью неограниченной монархии. Общественное единство, нарушенное Петром I, восстановится в том случае, если высшие классы русского общества проникнутся духом самобытной русской народности и обратятся к «нравственному закону».

Славянофильская идея противопоставления народа государству наиболее ярко выражена в работах К. С. Ак-

сакова. В статьях «Об основных началах русской истории», «О русской истории» и других Аксаков доказывал, что народ и государство — два разных исторических начала. Он так определяет их функции: «Неограниченная власть — царю, полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — царю, свобода мнения и слова — народу»¹. Отсюда «два двигателя и условия во всей Русской истории: Земля и Государство»², причем если на Западе народ стремится захватить в свои руки функции государственной власти, то в России нет незаконного смещения этих различных начал. Конституция здесь не нужна, считает Аксаков, так как она заменена добровольным соглашением между государством и народом.

Вслед за А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским К. С. Аксаков развивал идею общинного начала как второго элемента славянской самобытности. Эта теория возникла в процессе полемики с западниками в плане противопоставления ее родовой теории государственной школы.

Фетишизируя общину, Аксаков и другие представители славянофильского течения изображали ее в качестве абстрактной, внеисторической категории. Община, утверждал Аксаков, это «нравственный союз», людей, «торжество духа человеческого»³. Превратив, таким образом, общину из специфической формы организации крестьянского быта в абстрактную категорию «братства», Аксаков отождествлял понятие «община» и «земля» и считал, что вся Русская земля есть одна большая «община». Отсюда русский народ у него становился носителем общинных начал с древнейших времен до XIX века.

Такие высказывания вызвали законное возражение Соловьева, обвинившего Аксакова и других славянофилов в антиисторизме, в том, что они фактически отрицают идею исторического развития.

Характерно, что в тех случаях, когда народные массы активно выступали против государственной власти, славянофилы, противопоставлявшие идею народа идее государства, считали это анархией и спешили доказать

¹ К. Аксаков. Соч., т. I, стр. 60.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 21, 22.

¹ К. Аксаков. Соч., т. I, стр. 284.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 280.

необходимость возвращения восставших под власть закона.

В сведения исторического развития к одной, заранее данной, идее — причина отсутствия у славянофилов общих работ по русской истории. Историки-славянофилы А. Н. Попов и И. Д. Беляев в своих работах не могли совместить конкретные исторические факты с абстрактными внеисторическими идеями славянофильского учения.

Александр Николаевич Попов (1821—1877 гг.) был членом-корреспондентом Академии наук, оставил многочисленные исторические работы. Первая работа, написанная в 1847 г., — «Шлецер. Рассуждение о русской историографии», — была целиком проникнута славянофильской идеологией и обращена против представителей «западничества» в русской исторической науке. В ней высказывалась типично славянофильская точка зрения на петровскую эпоху, европеизация противопоставлялась национальным традициям Московской Руси. Остальные работы Попова носили описательный характер и освещали «не дух народный», а деятельность государства и его внешнюю политику. В двух работах, посвященных крестьянскому движению под руководством Степана Разина («Материалы для истории возмущения Степана Разина» и «Бунт Степана Разина»), приводятся лишь основные факты, без какого-либо анализа и показа причин и значения восстания.

Другой представитель этого течения Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873 гг.) последовательно отразил славянофильскую идеологию в своих работах по истории крестьянства. Он был историком русского права и написал ряд работ по истории Московского государства — «Служилые люди в Московском государстве», «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразований Петра Великого». Все они, как и его «Рассказы из русской истории», изданные в чехословацких томах, не выходят за рамки простого повествования. Единственная попытка воплотить теоретические принципы в конкретном изложении была сделана Беляевым в статье о русской общине и в наиболее известной работе «Крестьяне на Руси». В этой первой серьезной работе по истории русского крестьянства был использован большой фактический материал. Положительной

стороной ее является обстоятельная характеристика законодательства о крестьянах, показ отношений между ними и помещиками, освещение жизни и быта крестьян.

Тема народности, выдвинутая славянофилами, положительно сказалась на освещении Беляевым положения русского крестьянства и характеристике отношений между помещиками и крестьянами. Автор стремится проследить развитие крепостного права в России. Правда, проблему закрепощения он решает в историко-юридическом плане, в результате чего образуется разрыв между процессом развития крепостных отношений и юридическим оформлением их.

Исходя из славянофильского учения о формальном разрыве между народом и государством, Беляев считал государство единственной действующей силой и творцом крепостного права, а его оформление относил к царствованию Петра I. До XVIII в., по Беляеву, сохранялось разделение функций между народом и государством, Петр его нарушил, подчинив народную жизнь государственному закону. До конца XVII в. крестьяне сохраняли право располагать своим трудом и личностью. Существовавшее согласие между помещиками и крестьянами было нарушено государственной властью в 1649 г. (Соборным уложением) и окончательно уничтожено петровским законодательством, разорвавшим союз между отдельными сословиями русского народа и превратившим крестьян в холопов.

В целом в области истории славянофилы ничего нового и положительного создать не могли; их взгляды, идеализирующие прошлое, выражали кризис дворянской историографии. Определенную пользу, правда, принесли их занятия этнографией и фольклором, изучение духовной культуры народа, его быта, нравов и художественного творчества. Но идеалистическая порочность и реакционная сущность общеисторической концепции славянофилов мешала им связать этнографию с историей и ограничивала самую сферу этнографических наблюдений. Славянофилы не создали и не могли создать ни одной общей работы по истории России.

Идея об исторической закономерности была чужда этим представителям вырождавшейся дворянской историографии. Идеализация прошлого в угоду реакционным

политическим взглядам исключала создание ими чего-либо положительного в исторической науке.

Дальнейшее развитие русской историографии шло в плане оформления буржуазного направления в работах Каченовского, Арцыбашева, Полевого и его окончательного становления в трудах Кавелина и Соловьева.

ЛИТЕРАТУРА

- М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю. Историко-критические отрывки, кн. I, М., 1846, стр. 1—18.
Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I, IV, СПб., 1855—64.
И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 1903.
Историография истории СССР, стр. 164—175.
Г. В. Плеханов, М. П. Погодин и борьба классов. Соч., т. 23, М.—Л., 1926, стр. 45—101.

ЛЕКЦИЯ 14

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ЕЕ ОСНОВОПОЛОЖНИК С. М. СОЛОВЬЕВ

Становление буржуазной исторической науки. М. Т. Каченовский, Н. С. Арцыбашев, Н. А. Полевой, К. Д. Кавелин и обоснование теоретических принципов либерально-буржуазной историографии. Основоположник буржуазной исторической науки С. М. Соловьев

Как уже отмечалось, в первой половине XIX в. в России в недрах старого, феодального строя развивался новый, капиталистический уклад. Этот процесс сопровождался возникновением буржуазного класса и оформлением буржуазной идеологии. Буржуазия стремилась исторически обосновать свое право на место «под солнцем», что вело к иному, чем в дворянской историографии, пониманию истории. Закономерность возникновения капиталистических отношений и буржуазного класса определила становление новой буржуазной исторической науки, отличительной особенностью которой было признание закономерности развития истории.

Понимание истории как единого внутренне обусловленного процесса было важнейшим достижением буржуазной исторической науки в период ее подъема. Немецкая классическая философия в лице Гегеля дала философское обоснование буржуазной идеи исторического развития. Заслуга Гегеля «состоит в том, — указывал Ф. Энгельс, — что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения

история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий..., она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей»¹.

Но так как Гегель идеалистически связывал содержание мира и закономерность его развития с развитием идей, его философская система сводила сущность истории к движению «абсолютного духа», мирового разума. Человечество, по мнению Гегеля, является воплощением «абсолютного духа», который воплощается то в одном, то в другом народе, постепенно развивается, движимый стремлением познать самого себя, освободиться от материальных определений. Затем от бытия вне себя «абсолютный дух» переходит к бытию в себе, и тогда его торжество означает конечную цель прогресса. Всякое данное состояние культуры, философии, права, религии, морали есть определенная стадия в развитии духа.

Гегель утверждал, что «абсолютный дух» воплощается не в каждом народе; есть народы исторические (персы, греко-римляне, германцы) и неисторические (китайцы, славяне). Детство, по Гегелю, «абсолютный дух» провел в Персии, юность — в Греции, возмужал в Риме и состарился в стране романо-германцев, где он нашел высшее выражение в Прусском государстве, дальше которого идти некуда. Те же народы, которые «абсолютный дух» покинул, умирают и сходят с исторической сцены.

Из этой схемы вытекало, что для историка интересно изучать прежде всего идейную жизнь общества, т. е. развитие «абсолютного духа». Гегель учил, что если в отдельных людях «дух» находится в рассеянии, то в государстве он возвращается к своему единству. «Государство, — писал он, — есть действительность нравственной идеи», поэтому историк на первое место должен ставить изучение государственной власти и правовых отношений.

В тесной связи с этим находился интерес гегельянцев к государственным деятелям, отражавшим степень раз-

вития духа. Сам Гегель восторженно отзывался о деятельности Ахиллеса, Аристотеля, Александра Македонского, Цезаря, Наполеона, культивируя роль личности в истории и игнорируя роль народных масс.

Гегелевская философия оказала серьезное влияние на формирование буржуазной исторической науки в России. Ярче всего это проявилось в развитии государственной школы. Но прежде чем говорить о ней, необходимо отметить, что в целом развивавшееся в России буржуазное течение в историографии сыграло большую положительную роль, которая наиболее заметна в первой половине XIX в. и в первое десятилетие после реформы.

Буржуазные историки стремились доказать непрерывность исторического процесса, показать последовательный, поступательный ход его развития. Принцип историзма — лучшее, что смогла выдвинуть буржуазная историография в России в период своего кратковременно-го подъема. В силу своей классовой ограниченности, буржуазные историки были неспособны вскрыть действительную закономерность общественного развития.

Мы рассмотрим процесс становления и развития буржуазной исторической науки, новые проблемы, поставленные представителями этой науки, идеалистический характер и научную ограниченность буржуазной историографии, общую антидемократическую направленность дворянских и буржуазных историков.

Прежде всего остановимся на характеристике так называемой «скептической школы», во главе которой стоял Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842 гг.). Каченовский воспитывался в Харьковском коллегиуме, где изучил греческий, латинский, французский и немецкий языки. Закончив коллегиум, он служил до 1801 г., затем поступил библиотекарем и управляющим канцелярией к графу А. К. Разумовскому, бывшему тогда попечителем Московского университета.

Литературно-научную деятельность М. Т. Каченовский начал в качестве редактора крупнейшего русского журнала «Вестник Европы», в котором он работал с 1804 по 1830 год. В этом журнале Каченовский напечатал свои важнейшие исторические работы. Кроме того, с 1805 г. он преподавал в Московском университете, сначала философию, а с 1821 г. историю.

Исторические взгляды Каченовского сложились под

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 19, М., 1961, стр. 206.

влиянием Щербатова и Болтина, а его космополитические заблуждения объясняются влиянием Шлецера и Нибура.

В русской историографии Каченовский примечателен критикой основных положений, выдвинутых официальной дворянской историографией. Эта критика касалась, главным образом, начального периода русской истории.

Уже в своей ранней работе — «Параллельные места в русских летописях», написанной в 1809 году, Каченовский требовал строго критического отношения к русским летописям. В 1818—1819 гг. он написал «Письма к другу от киевского жителя», в которых разобрал предисловие к «Истории государства Российского» Карамзина и подверг критике его методологические принципы.

Каченовский упрекал Карамзина в том, что он черпал факты для своего труда «из мутных и весьма скудных» источников древнейшей истории России. «Литературному щегольству» и морализирующим сентенциям Карамзина он противопоставлял принцип научной достоверности, выдвинутый буржуазной исторической наукой. «Требую от историка, — писал Каченовский, — чтобы он показывал мне людей такими точно, какими они действительно были»¹.

В 30-х годах критическое отношение Каченовского к дворянской историографии становится еще более резким и определенным. В середине 1829 г., в связи с выходом последнего тома «Истории государства Российского» Карамзина, он пишет рецензию, в которой по существу подводит итог развитию предшествующей историографии. Основная задача ее состояла, по его мнению, в том, чтобы критикой работ дворянских историков расчистить путь для новой исторической науки, которая должна показать своеобразие каждой эпохи в последовательности и закономерности исторического развития. Сам Каченовский этой задачи не решил. Он лишь положил начало исторической критике, без ее позитивных созидательных результатов.

В работах «О баснословном времени в Российской истории» (1833) и «Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской правде» (1827—1829) Каченовский объявляет киевский период истории баснословным, а все све-

дения Начальной летописи вымышленными и ложными. Он пишет о низкой культуре восточнославянских племен, о примитивности их общественного строя. Истинная русская история, по его словам, начинается с XII—XIII веков. Начальную летопись и «Русскую правду» Каченовский относит к XIII—XIV векам.

Исходя из идеи взаимодействия народов, Каченовский говорит об извечной зависимости Руси от Западной Европы. Основываясь на том, что древнейшие письменные памятники нашей истории новгородского происхождения, а новгородцы были в тесных сношениях с Западом, он утверждал, что решающую роль в складывании Древнерусского государства, его общественного строя и культуры сыграли варяги.

Здесь вместо правдивого освещения древнерусской истории Каченовский возрождает космополитическую теорию Миллера, Байера и Шлецера, которые изображали Киевскую Русь варварской страной, полностью зависимой от «высококультурной» Западной Европы.

Такие антинаучные выводы являлись результатом недостаточности исторических знаний Каченовского и были опровергнуты последующими исследователями.

Говоря об этих заблуждениях, нужно подчеркнуть то положительное, что внес Каченовский в русскую историографию. Заслугой его является то, что он провозгласил новые методологические принципы подхода к источникам, поставил задачу сравнительно-исторического и философского методов их изучения. Каченовский вошел в русскую историографию как основатель направления, именуемого «скептической школой». С его именем фактически связано возникновение первой школы в русской исторической науке. Однако «Каченовский — средняя величина, — пишет М. В. Нечкина, — он провел маленькую бороздку на поле русской историографии и сошел со сцены»¹.

К представителям этого же направления можно отнести Николая Сергеевича Арцыбашева (1773—1841 гг.) Арцыбашев в ряде статей — «О степени доверия к Истории, сочиненной князем Курбским» (1811), «Замечания на Историю государства Российского Карамзина» (1828),

¹ М. В. Нечкина. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922, стр. 10.

¹ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 235.

«О свойствах царя Ивана Васильевича» (1811) резко критиковал Карамзина. Он стремился к критике факта, к возможно более точной передаче текста источника. Наиболее известным результатом его работы явилось «Повествование о России», вышедшее в трех томах. В «Очерках истории исторической науки в СССР»¹ ошибочно указаны четыре тома, хотя четвертый том до сих пор не опубликован.

Кроме Арцыбашева, последователями Каченовского были Сергей Михайлович Строев, Николай Владимирович Станкевич и другие. Большая часть критических работ последователей «скептической школы» не утвердилась в науке, однако ценным в них было стремление отыскать историческую закономерность. Об этом ясно говорит Станкевич, видевший в своей работе возвышенную цель и стремившийся «открыть какой-нибудь важный закон, общий всему человечеству»².

Если последователи «скептической школы» своим критическим отношением к источникам подрывали основы дворянской историографии и тем самым способствовали развитию буржуазного источниковедения, то Николай Алексеевич Полевой (1796—1846 гг.) сделал первую попытку дать цельное изложение русской истории с позиций буржуазного историка. В своих исторических работах он уже прямо говорит о буржуазном развитии России.

Сын небогатого купца, Н. А. Полевой родился в Иркутске в 1796 г., но большую часть детства и юности провел в Курске. Здесь он познакомился с тридцатитомной работой местного купца И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» и под ее влиянием приобрел склонность к занятиям литературой и историей. Систематического образования Полевой не получил, и этим отчасти объясняется эклектический характер его мировоззрения. В 1825 г. он создал один из блестящих журналов того времени «Московский телеграф». В этот период своей деятельности Полевой, отрицательно относясь к революционным идеям, отстаивал необходимость экономического и культурного развития России.

Позднее, после закрытия журнала «Московский телеграф», Полевой совершил закономерную для либе-

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 337.

² Там же.

рального буржуазного деятеля эволюцию — начал всемерно восхвалять в своих казенно-патриотических драмах и исторических работах сильную государственную власть и утверждать необходимость для историка руководствоваться мыслью, что «все представляемое нам в минувших событиях было развитием воли и судьбы божественной»¹.

Теоретические взгляды Полевого, крайне эклектические и непоследовательные, сложились под влиянием идеалистической философии Шеллинга и идей буржуазных историков Запада: Нибура, Гизо, Тьери и других.

В статье «Об истории государства Российского», напечатанной в 1829 г., Полевой писал, что эта книга устарела, что Карамзин — «литератор, философ, историк прошедшего века, прежнего, не нашего поколения», и что «истинная идея истории недоступна Карамзину»². Подлинная история, считал он, должна освещать единый всемирно-исторический процесс, включающий в себя историю отдельных стран и народов. «Условия всеобщей истории определяют, каковы должны быть частные истории»³.

Установив в предшествующей историографии три направления — поэтическое, героическое и нравственное, — Полевой отвергает их как ложные, выдвигая в противовес им научный принцип исторической закономерности. «Уроки истории, — писал он, — заключаются не в частных событиях, которые можем мы толковать и преобразовать по произволу, но в общности, в целостности истории, в созерцании народов и государств как необходимых явлений каждого периода каждого века»⁴.

В соответствии с изменением задачи исторического исследования Полевой изменяет и тему изучения. «Истории государства Российского» Карамзина он противопоставляет свою шеститомную «Историю русского народа» (1829—1833). В предисловии к ней он пишет: «Название книги «История русского народа» показывает существенную разницу моего взгляда на Историю отечества от всех донныне известных... Я полагаю, что в словах:

¹ Обзорение русской истории до единовластия Петра Великого. Сочинение Николая Полевого. СПб., 1846, стр. XIX—XX.

² «Московский телеграф». 1829, ч. XXVII, стр. 467—500.

³ Там же.

⁴ Н. Полевой. История русского народа, т. I, 1829, стр. XV.

«Русское государство» заключалась главная ошибка моих предшественников: Государство Российское начало существовать только со времени ига монгольского... При таком взгляде изменяется совершенно вся древняя история и может быть только история российского народа, а не история русского государства»¹.

Так выступал Полевой против основной схемы дворянской историографии. Наряду с этим он провозгласил новые методы изучения истории. Требуя исторической критики и научной достоверности, он писал: «Беспристрастный и безмолвный, при делах, которые сами за себя говорят, я старался только распространяться в изыскании причин, старался указывать читателям на все, что вернее и лучше может представить сущность каждого события, характер каждого исторического лица и нигде не позволял себе суда и умничания исторического»². По своей классовой направленности требование научной объективности по существу отрицало значение работ дворянских историков, прославлявших самодержавную власть.

Следует сказать, что Полевой, выдвинув принципы буржуазной исторической науки, не мог их воплотить в конкретном изложении русской истории. Уже в вопросах периодизации он постепенно сползает на рельсы старой дворянской схемы происхождения самодержавного государства, хотя и пишет, что «не принял для периодов Истории Русского народа ни деления Шлецерова, ни деления Карамзина и... главы Истории делил не княжениями, но событиями»³. Стремясь подчеркнуть связь русской истории с мировой, Полевой называет первый период русской истории — с 862 по 1054 г. — периодом «норманской феодальной системы»; феодализм как юридическую категорию он усматривает и во втором периоде — с 1055 по 1224 г., определяя его как «феодализм семейный». Третий период, составляющий содержание четвертого и пятого томов его истории, охватывает у него татаро-монгольское иго и завершается 1462 годом. С Ивана III начинается период единодержавия, продолжающийся до

¹ Н. Полевой. История русского народа, т. I, 1829, стр. XVI—XVII.

² Там же, стр. XLIV.

³ Там же, стр. XVII.

Петра I. «Петр начал пятый европейский период Русской истории», — считал Полевой¹.

Для содержания последних — пятого и шестого — томов характерны пересказ внешней истории и освещение деятельности Ивана Грозного без всякой попытки показать внутренний процесс развития и сущность народной жизни.

Отношение Полевого к русской истории весьма противоречиво. В одном случае он утверждает, что исторический процесс закономерен, а в другом — говорит о том, что в истории господствует произвол отдельных личностей, преобладают случайности. Так, рассказывая о разделе русской земли между сыновьями Ярослава, он совершенно справедливо пишет: «Могло ли быть все это иначе? Никак: бесполезна и ничтожна была бы история, если бы она показала нам, что каждое из событий иначе быть не могло, если бы она льстила нас небывальными картинами счастья, а не показывала нам в самых бедствиях начал добра и зла»². В другом месте той же «Истории русского народа» он говорит: «Совершенно отличен мог бы быть ход событий, если бы Изяслав, Святослав и Всеволод мирно блюли завет отца; или Святослав, сын Изяслава, не был так ничтожен и черен душою; или дети Мономаха: Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Георгий — были подобны отцу своему...»³. Не случайно в эпиграмме на Полевого один из его современников, отмечая эти противоречия, писал:

«Увы! Российский наш Леклерк
Упал, смутился и померк
За то, что посвятил Нибуру
Двенадцать книг. Чего? Сумбуру»⁴.

Попытки Полевого научно критиковать текст источников обнаруживают свойственную всей буржуазной исторической науке ограниченность, а порой и полную научную беспомощность. «Так, — указывает Н. Л. Рубинштейн, — у него в летописном тексте уличи превратились в суличи (искажение летописного текста: «а с уличи и тиверцы...») и переехали на реку Сулу»⁵.

¹ Н. Полевой. История русского народа, т. I, 1829, стр. XVIII.

² Н. Полевой. История русского народа, т. II, 1830, стр. 285.

³ Н. Полевой. История русского народа, т. III, 1831, стр. 12.

⁴ «Московское обозрение», кн. I, 1859, стр. 32.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 251—252.

Говоря о противоречивости основного труда Н. А. Полевого «История русского народа», В. Г. Белинский отмечал, что ее писал не историк, а журналист, которого интересовала не критика источников, а критика предшествующих исторических систем, произведенная чисто по-журналистски. Белинский считал, что Полевой не понимал русской истории. «Ему казалось, что смутный хаос, образовавшийся в его голове из идей Гердера, Шеллинга, Гизо, Тьери, очень удобоприложим к русской истории»¹.

Отмечая сходство идей в последних томах «Истории русского народа» и «Истории государства Российского», Белинский, а также Чернышевский в то же время не считали бесполезной работу Полевого. Она подрывала позиции дворянской историографии, ставила вопрос о взаимосвязях русской и мировой истории, отрицала теорию слепого заимствования Россией всего западноевропейского.

Говоря о дальнейшем развитии буржуазной исторической науки, необходимо учитывать, что начавшийся кризис крепостничества создал благоприятную почву для расцвета помещичье-буржуазного либерализма. Либерально настроенные помещики, как известно, составляли очень небольшую часть своего класса. Считая возможной отмену крепостного права, они не допускали и мысли об уничтожении помещичьего землевладения, самодержавной власти, дворянских привилегий.

С другой стороны, русская буржуазия, заинтересованная в отмене крепостного права, не стала революционной силой. Слабая экономически, трусливая политически, она была связана с самодержавием и видела в нем средство защиты от революционных выступлений народа. В связи с этим в русской буржуазной историографии складывалось особое течение, называемое «государственной школой», или «историко-юридическим направлением». Сущность этого направления, представленного такими либерально-буржуазными историками, как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и на определенном этапе С. М. Соловьев, сводится к следующему. В центре исторических интересов представителей государственной школы находится государственная власть, как венец творения, высшая и последняя цель общественного развития.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 332.

При наличии существенных расхождений в конкретном освещении русской истории представителей государственной школы объединяла идея восхождения исторического процесса от рода к государству. В основе этой идеи лежала гегелевская философия, согласно которой «объективный дух», став «нравственным духом», проходит в своем развитии три стадии: первая — семья, основанная на природном чувстве, вторая — гражданское общество; третья — государство, в котором «воплощаются сознание и воля народа, как единого целого»¹.

Отсюда делается вывод о решающей роли государства в истории народа. «Государство, — писал один из основоположников этой теории, Б. Н. Чичерин, — призвано к осуществлению верховных начал человеческой жизни; оно как самостоятельное лицо играет всемирно-историческую роль, участвует в решении судеб человечества»². Исходя из этого положения, Чичерин в противовес утверждениям революционных демократов о классовой борьбе как основном содержании исторического процесса пытался нарисовать картину всеобщего социального мира.

Обоснование теоретических принципов либерально-буржуазной историографии мы находим в работах одного из представителей государственной школы Константина Дмитриевича Кавелина (1818—1885 гг.). Кавелинская концепция русского исторического процесса представляет собой, по словам Герцена, «политико-сентиментальные сентенции, изображающие русский народ скотом, а правительство умницей».

Основной специальностью Кавелина было русское гражданское право и судопроизводство. Занимаясь публицистической деятельностью, он по своим либеральным общественно-политическим взглядам противостоял революционным демократам — Чернышевскому и его сторонникам. «...В отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому..., — писал В. И. Ленин, — точнейший прообраз отношения кадетской партии либеральных буржуа к русскому демократическому движению масс»³.

¹ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866, стр. 389.

² Там же, стр. 402.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 22, стр. 84.

Рассматривая общие вопросы русской истории с позиций истории права, Кавелин решает их в духе либерально-буржуазной идеологии. Фактически он создает не конкретную историю России, а лишь общую схему. Об этом свидетельствуют названия его статей: «Взгляд на юридический быт древней Руси» (1846), «Краткий взгляд на русскую историю» (1864), «Мысли и заметки о русской истории» (1866) и другие.

Историографические связи Кавелина, его отношение к предшественникам определяются тем, что он, с одной стороны, высоко ценит критические начала, а с другой — признает заслугой Карамзина создание схемы государственного развития России. Такое противоречивое отношение к предшествующей историографии объясняется либеральной идеологией Кавелина. Кавелин — первый представитель государственной школы в русской историографии. Весь процесс исторического развития он сводит к трем этапам. Первый этап характеризуется господством родовых отношений, второй — вотчинными отношениями, третий — государственными.

Родовой строй является, по мнению Кавелина, исходным моментом русской истории. Распад кровного родового начала ведет к созданию территориальной общины и вотчинного владения, устраняя в результате внутреннего развития вмешательство варяжских дружин. Возникает, по словам Кавелина, «естественная преемственность быта юридического после родового». Если созданная Кавелиным схема перехода родового строя в вотчинный устраняла вмешательство варягов, то схема перехода вотчины в государство устраняла роль монголов в процессе складывания Московского государства.

Этот же принцип органического развития государственного начала привел Кавелина к переоценке исторической роли Ивана Грозного и опричнины. Он признает только двух крупных деятелей в русской истории — Ивана IV и Петра I, причем если предшествующие историки объясняли деятельность Ивана IV его жестокостью и становились на сторону боярства, то Кавелин сочувствует планомерной борьбе с боярством за утверждение самодержавия, за идею государства. Сопоставляя Ивана IV с Петром I, Кавелин писал: «...Оба равно живо создавали идею государства и были благороднейшими, достойнейшими ее представителями; но Иоанн сознавал

ее как поэт, Петр Великий — как человек по преимуществу практический»¹.

Таким образом, Кавелин создал довольно цельную либерально-буржуазную концепцию русской истории. Эта концепция идет в основном от истории государства, но в то же время пронизана идеей внутреннего органического развития. Нужно сказать, что цельность кавелинской схемы нарушается противопоставлением истории России и западноевропейских стран. Между ними, по его словам, «нет ни одной черты сходной и много противоположных»².

Наряду с признанием закономерности исторического развития России, выраженной в истории государства, у Кавелина постепенно складывается идея самобытности русской жизни, порожденная страхом революции. Этим же страхом определяется и антидемократизм Кавелина, утверждавшего, что «кроме сильной монархической власти, никакой иной власти в России быть не может. Все мечтания о представительстве, о конституции — химера. Европа и Россия — это два отдельных мира. Европа выработала город; горожанин, буржуа — вот ее типичный представитель. Россия — мужицкое царство... Наша интеллигенция... это налет на народной жизни... Народные массы у нас не сформировались еще, не осели; они в периоде формирования. Это какая-то этнографическая протоплазма, калужское тесто»³.

Как видим, не даром В. И. Ленин говорил о Кавелине, как об «отвратительнейшем типе либерального хамства»⁴.

В слабости народа, считал Кавелин, сила государства, являющегося организующим началом. Таким образом, утверждения Кавелина о расчлененности и неорганизованности народа обосновывают главенствующую роль государства в истории. Это обоснование государственного начала в либерально-буржуазной историографии получилось типично идеалистическим — государство выступало как самодовлеющая сила, как действующее начало исторического развития, само создающее свою историю.

Другим представителем государственной школы был

¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, 1897, стр. 47.

² Там же, стр. 6.

³ «Вестник Европы», 1886, № 10, стр. 745—746.

⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч. т. 21, стр. 259.

один из идеологов либерализма Борис Николаевич Чичерин (1828—1904 гг.), ставший позднее злейшим врагом марксизма и пролетарского движения. Философ и правовед, он занимался одновременно и русской историей. В наиболее законченной форме общенациональная концепция Чичерина изложена в его работе «О народном представительстве», посвященной земским соборам (1866). Всю историю России он изображает как последовательный ряд замкнутых и сбросованных друг от друга форм политической организации. Родовой строй Киевской Руси сменяется вотчинным устройством Московской Руси, петровские преобразования приводят к установлению государственной власти.

Чичерин считал, что нельзя преувеличивать значение родовых отношений, ибо с приходом варягов они были разрушены. Он же отводил князьям главную роль в древнерусской истории, утверждая, что «князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части»¹.

Отрицая теорию классово-борьбы, Чичерин пытался доказать, что отдельные классы, возникающие в результате неравномерного распределения богатства, не противостоят друг другу, а «незаметно переходят один в другой», причем если низшие классы по своей природе склонны к подчинению, то высшие стремятся к власти, а средние их уравнивают. Вся общественная жизнь, по утверждению Чичерина, определяется не развитием производства и борьбой классов, а развитием государства. Так, крепостное право является результатом созидательной государственной деятельности, а не социальных противоречий феодализма. По воле той же государственной власти может начаться раскрепощение крестьян.

Особые природные условия России, а главное, готовность народа всем жертвовать для царя и отечества, определяют, по мнению Чичерина, особое развитие русской истории². В этом пункте своей теории Чичерин близок к Погодину и славянофилам; отличие только в том,

что славянофилы противопоставляли общинные начала русской истории индивидуалистическим началам западноевропейской, а он объявлял «союзное начало» главным в Западной Европе. Для России же, по его мнению, характерны отсутствие сословий и «одиошные блуждающие лица».

Ближе всех подошел к реализации принципов историзма в конкретном изложении истории крупнейший представитель русской буржуазной исторической науки Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879). Отражая интересы отечественной буржуазии в эпоху поднимающегося капитализма, С. М. Соловьев является основоположником буржуазной исторической науки в России. Его историческая концепция сложилась в середине 50-х годов и получила дальнейшее развитие в третьей четверти XIX века.

Сын священника, С. М. Соловьев получил светское образование. Он закончил Московскую гимназию и очень рано начал заниматься историей. В Московский университет Соловьев пришел после разгрома студенческих кружков Белинского и Герцена и не принимал никакого участия в общественно-политической жизни. Его исторические взгляды вначале складывались под сильным влиянием М. П. Погодина, занимавшего в университете кафедру русской истории.

В университетский период Соловьев подходил к изучению истории с церковно-монархических позиций, идеализировал николаевский режим и феодальное государство. Однако в 50-х годах XIX в. под влиянием поражения царизма в Крымской войне и других симптомов краха николаевской монархии он становится на шаткие позиции буржуазного либерализма.

Критическое отношение Соловьева к николаевскому режиму во время Крымской войны переросло в резкое осуждение «нового Навуходоносора» Николая I и его «казарменной системы». Противник крепостного права, считавший его «позором, лежавшим на России», Соловьев писал, «что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, обновить дальнейшее гниение»¹.

¹ Опыты по истории русского права Б. Чичерина. М., 1858, стр. 285.

² Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 413.

¹ «Записки С. М. Соловьева». Пгг., «Прометей», б/г, стр. 150.

Но страх перед крестьянской революцией пересиливал недовольство крепостничеством и «николаевской тюрьмой». «Крестьяне, — предупреждал Соловьев, — не будут долго сносить своего положения, станут сами отыскивать свободу, и тогда дело может кончиться страшной революцией»¹. Осуждая крестьянские выступления, историк в общественном движении 60-х годов видел лишь бессмысленное отрицание существующего строя без каких-либо элементов созидания и положительной деятельности. Очевидно, не случайно в работах Соловьева нет ни одного упоминания о Белинском, Чернышевском, Добролюбове или Щапове, а в «Записках» о них говорится вскользь, как о людях, обладавших такими качествами, которые в благоустроенном обществе «ведут к виселице»².

По своим политическим взглядам Соловьев — типичный либерал, убежденный сторонник буржуазной монархии, постепенных реформ и мирного урегулирования социальных конфликтов.

Наиболее созвучной таким политическим позициям была философская теория Гегеля. Прочитав в 40-х годах «Философию истории», Соловьев не только восторженно отнесся к ней, но и принял на вооружение гегелевскую идею закономерности исторического развития как диалектического процесса раскрытия мирового разума.

Идеологу либеральной буржуазии Соловьеву импонировало утверждение Гегеля о противоестественности революционного общественного преобразования Германии, о том, что для высших ступеней общественного развития единственно приемлемым является путь постепенного реформирования.

Признавая закономерность революции, Гегель, как известно, не считал ее наиболее радикальным средством решения назревших исторических задач. Так, положительно оценив французскую революцию, он в то же время отдавал предпочтение немецкой реформации, которая избавила Германию от аналогичной революции. Стремясь все свести к вопросам самосознания и даже религиозного сознания, Гегель писал: «Принцип, исходящий из того, что оковы могут быть сброшены с права и сво-

боды без освобождения совести, что революция возможна без реформации, ошибочен»¹.

Глубокие диалектические догадки Гегеля об истории как непрерывном процессе изменения и поступательного развития на каждом шагу искажались его исходными идеалистическими предпосылками. Соловьев воспринял наиболее существенные стороны гегелевской теории с их противоречиями. Так, идеалистическую диалектику Гегеля он положил в основу своей теории борьбы родового и государственного начал, как важнейшего фактора, определившего ход русской истории.

Соловьев разделял мысли Гегеля о влиянии географической среды, о разъединяющей роли гор и соединяющей роли рек, о влиянии умеренного климата на развитие свободы.

Совершенно очевидным было влияние на русского историка гегелевской идеи народного духа, воплощающегося в государстве, нравах, праве, искусстве, религии и науке, а также глубокой догадки о взаимоотношениях между народом и великими личностями, по которой последние, как «доверенные лица всемирного духа», творят историю, исходя не из себя, а из запросов исторической необходимости.

Круг исторических интересов Соловьева сложился в переломную эпоху смены феодального способа производства капиталистическим.

Изучая работы предшествующих историков, Соловьев пришел к убеждению, что все они не соответствуют задачам исторической науки XIX века. «Когда История Государства Российского блестящим образом закончила труды XVIII в., — писал он о Карамзине, — XIX в. выставил новые требования. Главным препятствием к разумению содержания отечественной истории служило то обстоятельство, что различные эпохи ее изображались одинаковыми красками, события времен давних представлялись, характеры действующих лиц в этих событиях оценивались по понятиям времен новых, на историю смотрели преимущественно как на художественное словесное произведение»².

¹ Гегель. Философия истории. Соч., т. VIII, М., 1935, стр. 419.

² Биографич. словарь профессоров Московского университета, т. I, М., 1891, стр. 401.

¹ «Записки С. М. Соловьева». Пггр., «Прометей», б/г, стр. 159.

² Там же, стр. 172.

Нетрудно заметить, что уже здесь Соловьев подходит к принципу историзма, т. е. к идее преемственного исторического развития. «Первое дело, которым должна была теперь заняться наука, — писал он, — состояло в том, чтобы уничтожить это смешение эпох, восстановить каждую из них с соответствующим ей характером, уяснить, таким образом, поступательный ход истории, преемство явлений, естественный законный выход одних явлений из других, последующих из предыдущих»¹.

Широкий размах источниковедческой и археологической работы в России создал реальные условия для решения Соловьевым этой задачи. В 1845 г. он защитил магистерскую диссертацию — «Об отношениях Новгорода к великим князьям», а через два года докторскую — «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». В этих работах в противовес погодинскому выпячиванию внешних факторов (варяжского и монгольского завоеваний) Соловьев стремился осветить процесс образования Русского централизованного государства с точки зрения его внутренней закономерности. Так, в магистерской диссертации он пытался вскрыть причины перехода от периода Киевской Руси к периоду Северо-Восточной удельной Руси. В основе этого перехода, по мнению историка, лежало закономерное движение от родового союза к победе государственного начала.

Подобные взгляды определили окончательный разрыв Соловьева с Погодиным и сблизили его с либерально-буржуазной группой историков, возглавляемых Грановским.

Отражая развивавшуюся буржуазную идеологию, Соловьев в противоположность революционным демократам и их взглядам на историю движущей силой исторического процесса считал не народные массы, а правительство, которое, по его словам, «какая бы ни была его форма, представляет свой народ».

В то же время он решительно выступал против славянофильской идеализации прошлого, называя ее философией застоя в истории. Возражая против утверждения

¹ Биграфич. словарь профессоров Московского университета, т. I, М., 1891, стр. 401.

славянофилов об особых путях исторического развития России, Соловьев вместе с тем признавал относительное своеобразие русской истории. Будучи сложившимся либерально-буржуазным историком, он в 1851 г. приступил к созданию цельной и законченной истории России.

Каждый год вплоть до 1879, т. е. до смерти Соловьева, выходило по одному тому его капитальной «Истории России с древнейших времен». Таким образом, благодаря поистине титанической работоспособности этого выдающегося буржуазного историка впервые все знания об истории России были сведены в научную систему. Для многих поколений его «История с древнейших времен» была своеобразной энциклопедией отечественной истории.

Рядом статей Соловьев положил начало изучению русской историографии.

Задумав свою «Историю России с древнейших времен» как работу, призванную заменить устаревшую «Историю государства Российского» Карамзина, Соловьев уделял большое внимание критике этого официально признанного общего труда по отечественной истории в статьях «Н. М. Карамзин и его «История государства Российского».

Одновременно с этим он определил свое отношение к другим русским историкам в историографической работе «Писатели русской истории XVIII века», в статьях о Каченовском, Шлецере, Грановском и др.

Общетеоретические взгляды на русскую историю Соловьев изложил в «Началах Русской земли», в полемических статьях против славянофилов и в предисловии к первому тому «Истории».

После поражения царизма в Крымской войне в условиях складывающейся революционной ситуации встал вопрос о ликвидации крепостного права, о проведении буржуазных реформ. «Исторические письма» Соловьева, написанные в 1858 г., были обоснованием таких реформ с позиций либеральной буржуазии.

По существу, проблема буржуазных реформ была центральной в исторической концепции Соловьева. В связи с этим главное внимание он уделял эпохе Петра I, считая его реформы основным рубежом в развитии России и прообразом тех реформ, которые необходимо было провести в середине XIX в. С позиций либе-

ральной буржуазии Соловьев критиковал период николаевского правления и усматривал в нем предпосылки к проведению реформ. «Все, — писал он, — начиная с самого верха, стремились выйти из положения, созданного Николаем». Подчеркивая историческую обусловленность реформ, он не считал Александра II возможным преобразователем.

Убежденный сторонник реформистского пути, Соловьев называл революции «болезненными припадками» и категорически утверждал, что в развитии скачков быть не может, что «народы в своей истории не делают прыжков».

Идеалом Соловьева являлась буржуазная монархия. Он был сторонником сильной государственной власти, исключающей возможность народных движений, к которым относился резко отрицательно, отстаивая великодержавную националистическую политику русской буржуазии. Так, отражая передовые идеи подымающейся буржуазии, историческая концепция Соловьева в то же время содержала черты классовой ограниченности буржуазной науки — антидемократизм, национализм и т. д.

Основной же положительной особенностью исторических взглядов Соловьева являлась идея органического внутреннего развития. «История есть процесс органического внутреннего развития», — говорил он. Его любимыми словами, выражающими идею закономерности истории, были слова «естественно и необходимо». Само представление о закономерности истории носило у Соловьева, конечно, чисто внешний, абстрактный характер и выливалось в идеалистическую теорию прогресса как развития цивилизации, нравственного просвещения и самопознания.

В то же время он ставил задачу раскрытия внутренних связей между отдельными периодами русской истории. Отсутствие связей между периодами, по его мнению, являлось главным недостатком существовавших схем русской истории. «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внеш-

нему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время»¹, — писал Соловьев в предисловии к первому тому своей «Истории».

В плане этого требования он говорит о единстве, закономерности русской истории и истории Западной Европы. Но такую связь Соловьев усматривает в развитии государства и государственной власти, в духе народа.

Говоря о единстве в развитии России и Западной Европы, Соловьев, как уже отмечалось, стремился показать и своеобразие русского исторического процесса. В России, считал он, в отличие от государств Западной Европы не было феодализма, не было церкви, стремившейся подчинить себе государственную власть. Географические условия определяют это своеобразие. На западе горы разделяли территорию на отдельные, изолированные части, в России равнина обусловила большую подвижность русского народа и необходимость непрерывной борьбы с кочевниками. Отсюда жизненно необходимыми условиями существования народа были колонизация и укрепление степи. Это в конечном счете и определило, по мнению Соловьева, необходимость создания сильного централизованного государства. Государство должно было организовать общественные силы для борьбы с внешней опасностью и поставить все слои населения себе на службу.

Таким образом, исторические взгляды Соловьева характеризуются прежде всего своеобразным переплетением теории органического развития и государственной школы. Это переплетение было результатом идеалистического подхода к истории и рождало противоречивые оценки в конкретном освещении русской истории. «Три условия имеют особенное влияние на историю народа: — писал Соловьев, — природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий и влияний, идущих от народов, которые его окружают».

Первый из упомянутых факторов — природа страны или географические условия — был в эпоху Соловьева общепризнанным среди историков государственной шко-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I, М., 1959, стр. 55.

лы. Для них это было единственное и решающее условие, определяющее весь ход исторического процесса. Соловьев отличался от типичных представителей государственного направления тем, что он к этому фактору добавлял ряд других.

Касаясь второго фактора, который, по его словам, определяет историческое развитие, Соловьев пытается показать историческое происхождение этнографических особенностей, т. е. их постепенное развитие. Однако общая идеалистическая основа исторической концепции не позволила ему достаточно последовательно и верно решить этот вопрос.

В рассмотрении воздействия третьего фактора — «хода внешних событий» — Соловьев вкладывает свое понимание органического развития. «Ход внешних событий» в его представлении — это все многообразие исторической действительности в ее внутренней взаимобусловленности. Здесь перед нами наиболее сильная сторона исторических взглядов Соловьева. Закономерность исторического процесса он стремится обнаружить не в действии каких-либо внешних сил, а в самом историческом развитии, взятом в его внутренней цельности. «Обязанность историка, — пишет Соловьев, — показать причины, почему одно начало действует на первом плане, а другие действуют слабо, медленно... историк, увлекшись каким-нибудь сочувствием, не смеет перемещать явления по произволу, не смеет выставить на первом плане то, что на нем не находится, ибо настоящее сейчас же обнаружит фальшь: настоящее есть... проверка прошедшего, и наоборот...»¹.

В соответствии с поставленной в предисловии к первому тому задачей освещения русской истории в ее внутренней обусловленности, с точки зрения раскрытия связей между отдельными периодами и событиями, Соловьев считал «предметом первой важности... смену старого порядка вещей новым, переходом родовых княжеских отношений в государственные, отчего,—по его убеждению,—зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка...»².

¹ С. М. Соловьев. Соч., стб. 895.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стр. 57.

Теория борьбы родового и государственных начал, лежащая в основе органического развития русской истории, была большим научным достижением Соловьева и отличала его историческую концепцию не только от дворянской историографии, но и от государственной школы. Конечно, в силу ограниченности буржуазной идеологии здесь не могло быть подлинно научного объяснения истории и ее закономерностей с точки зрения развития производительных сил и классовой борьбы.

Поскольку же политическая надстройка приобретала самодовлеющее значение, а ее действительная социально-экономическая обусловленность и классовое содержание оставались в тени, теория органического развития Соловьева соприкасалась с принципами государственной школы. Однако, в отличие от типичных государственников Кавелина и Чичерина, Соловьев подчеркивал значение борьбы с кочевыми народами Востока и роль колонизации восточно-европейской равнины в историческом развитии русского народа.

У Чичерина географические условия обусловили разрыв между обществом и государством, они устраняли народ как действующую силу и выдвигали на первый план государство. Соловьев тоже преувеличивал значение географического фактора в русской истории, подменив им социально-экономические предпосылки, но само обращение к его изучению было значительным шагом вперед. Влияние географической среды не устраняет у него действия народных сил и их развития, не определяет непосредственно становление государства, а само осуществляется с их помощью; источником развития государственной организации Соловьев считал рост народных сил в связи с географическими условиями. Так, например, касаясь роли географических условий в перемещении центра русской государственности с юго-запада на северо-восток, историк связывал эту роль с влиянием на размещение населения и образование экономических ресурсов.

«Важное значение в нашей истории», — по мнению Соловьева, имела колонизация. Он прямо писал, что «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹. Направление колонизации, в котором

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, стр. 648.

Соловьев видел «направление общего исторического движения»¹, он связывал с расположением речных систем, упрощенно полагая, что они влияли на «распространение русской государственности».

Основными принципами периодизации истории России Соловьев считал развитие государства и степень европеизации, как пути к «народному самопознанию». Изображая государство в идеалистическом, либерально-буржуазном духе не как аппарат классового насилия, а как надклассовый орган просвещения и воспитания народа, Соловьев в основу своей периодизации положил тезис о государстве, которое помогает народу осознать себя как нацию и идти вперед по пути прогресса, через просвещение плодами европейской цивилизации. В центре такой схемы стоял Петр I и его реформы.

В предисловии к первому тому «Истории России...» историк намечал следующие переломные вехи.

С IX до второй половины XII в., когда между членами княжеской семьи «начинают господствовать родовые отношения».

Со второй половины XII до конца XVI в., когда происходит «постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные» и «родовые отношения уступают место государственным».

Начало XVII в., когда возникла страшная смута, грозившая «юному государству разрушением..., нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных направлениях».

XVII — первая половина XVIII в., когда «государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всю Землю» и положено «начало важнейших преобразований», знаменовавших «государственную жизнь России среди европейских держав».

Со второй половины XVIII до середины XIX в., когда появилась потребность в заимствовании плодов европейской цивилизации не только с целью материального благосостояния, но и духовного, нравственного просвещения, «потребность вложить душу в приготовленное прежде тело».

С середины XIX в. начинается новая эпоха, когда

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, стр. 648.

«просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к самопознанию»¹.

Характер изложения и распределение материала в «Истории России...» подчинены основному принципу соловьевской концепции о ведущей роли государства и привилегированных классов в просвещении народа.

Деление на отдельные тома и главы отражало влияние дворянской историографии и было произведено по княжениям и царствованиям. Например, второй том, освещающий период от времени Ярослава (1054) до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкого (1228), делится на главы: I — «О княжеских отношениях вообще»; II, — «События при жизни сыновей Ярослава I (1054—1093)»; III — «События при внуках Ярослава I (1093—1125)»; IV — «События при правнуках Ярослава I, борьба князей с племянниками в роде Мономаха и борьба Святославичей с Мономаховичами до смерти Юрия Владимировича Долгорукова (1125—1157)», и т. д. В том случае если деятельность князя или царя заслуживала, по мнению историка, особого внимания, ему отводилось несколько глав. Например, Ивану III посвящено пять глав², Василию III — три главы³, Ивану Грозному — семь⁴, и т. д.

Как правило, помимо основных глав, характеризующих политическую историю и внешнеполитические события, Соловьев посвящал отдельные главы «внутреннему состоянию русского общества» за определенный период или в правление отдельных князей и царей.

Весьма показательна структура этих глав. Вначале историк описывает политический строй и положение господствующих сословий, затем экономику, состояние производящего класса и в конце церковь, законодательство, просвещение. Вот, например, о чем говорится в пятой главе девятого тома «Внутреннее состояние Московского государства в царствование Михаила Романова»: значение нового царя; следствия смутного времени для вельможества московского; местничество; судьба Годуновых, Шуйского, Ляпуновых, Пожарского, Мини-

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 55—59.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. III, гл. I—V, стр. 7—217.

³ Там же, гл. I—III, стр. 218—352.

⁴ Там же, гл. II—VII, стр. 422—724; кн. IV, гл. I, стр. 7—189.

ных; устройство военное; состояние городов; торговля и промышленность; состояние сельского народонаселения; распространение русских владений в северной Азии; состояние церкви; законодательство, состояние правосудия, народное право; просвещение и литература. При такой структуре вряд ли можно ожидать объективного и всестороннего освещения общественного развития страны.

И все же именно эти главы, насыщенные огромным фактическим материалом и дающие последовательную характеристику политической, социально экономической и культурной жизни России на разных этапах истории представляли большой интерес и научную ценность. «В многотомном исследовании Соловьева, — отмечает Л. В. Черепнин, — впервые в русской исторической науке были даны целостные картины экономической жизни, социального строя, государственного аппарата, внутренней и внешней политики, материальной и духовной культуры русского общества со времени образования Древнерусского государства до второй половины XVIII в.»¹

В решении ряда основных проблем русской истории Соловьеву принадлежит новое и подчас последнее слово в буржуазной историографии.

Изучая вопрос о зарождении государственности на Руси, Соловьев справедливо говорит о вредных следствиях «того одностороннего взгляда, по которому варяги были исключительными действующими в начальном периоде нашей истории»². Он убедительно показал, что влияние норманской народности было незначительным, что она не составляла «господствующего народонаселения относительно славян» и не стояла выше их «на ступенях общественной жизни»³. Критикой «норманского завоевания и господства» Соловьев в сильной степени подорвал корни антинаучной «норманской теории».

Но идеалистические представления о родовом, лишенном сословности славянском быте вынуждали его доказывать, что государственное начало к нам принесли норманны. Вера в государство как надклассовую силу, олицетворявшую всеобщее благо, привела Соловьева

к такому ошибочному выводу. «Роды, столкнувшись на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, третьего судью, а таким мог быть только князь из чужого рода»¹. И в итоге, в полном противоречии с собственным утверждением о «незначительном влиянии» норманнов, Соловьев пишет о том, что «призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всеобщее, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала, власти»².

Следовательно, Соловьев в конечном счете признавал основное положение «норманской теории» о возникновении Древнерусского государства.

При объяснении того, каким образом в родовом быту появились сословия, историк вновь обращался к варягам. Он утверждал, что варяжская «дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему родовому»³.

Ошибочно отрицая наличие феодализма в древней Руси, в противоположность древнегерманскому феодализму, Соловьев, однако, внес крупный вклад в изучение отечественной истории тем, что в отличие от Карамзина и его последователей, считавших, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны»⁴ для историка, он уделил серьезное внимание изучению событий первого этапа феодальной раздробленности.

✓ Если до Соловьева в науке еще бытовало утверждение Карамзина о том, что подлинная история России

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 128.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 226.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, СПб., 1842, стр. X.

¹ Л. В. Черепнин, указ. статья, стр. 39.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. I, стр. 275.

³ Там же, стр. 272, 273.

начинается с Ивана III, то он вынес эту грань в XI—XIV века.

Рассматривая, как в дальнейшем «начинается борьба нового порядка вещей со старым, государственных отношений с родовыми и оканчивается торжеством первых над последними»¹, — Соловьев рисовал «особую жизнь» в Северо-Восточной Руси, где не было «разделения труда», «больших городов», связи между отдельными областями, а главное, немногочисленное население, разбросанное по громадной равнине, не имело «сознания общих интересов». В таких условиях единственной силой, способной стянуть «раздробленные таким образом части» оказалась «правительственная централизация». Она, по словам историка, «восполняет недостаток внутренней связи, уславливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбредлось; это хирургическая повязка на больном теле, страдающем потерей внутренней связи, внутренней сплоченности»².

Под очевидным влиянием гегелевской теории Соловьев освещал борьбу родового и государственного начал в русской истории, прежде всего в плане саморазвития идеи государственности. Он внимательно следил за ходом политической истории, тем самым «ходом событий», которому он приписывал значение важнейшего объективного фактора исторического процесса. Во многих случаях он улавливал связь между явлениями, которые происходили в разных частях Русской земли, стремился показать процесс образования единого государства как общерусский.

Сравнивая историю Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, Соловьев правильно отмечал, что центр исторической жизни переместился в XIII—XIV вв. в Северо-Восточную Русь, где вокруг Москвы «вследствие внутренних движений» складывается единое русское государство. Вопреки укоренившемуся в дворянской науке карамзинскому утверждению о том, что «Москва обязана своим величием ханам», Соловьев отрицал влияние татаро-монгольской власти на формирование рус-

ской государственности. Вместе с тем он недооценил отрицательную роль татаро-монгольского ига в развитии экономики русских земель, а также значение борьбы с ним как ускоряющего фактора объединительного процесса. Правда, само падение татаро-монгольского владычества Соловьев правильно связал с образованием мощного Русского централизованного государства.

Не видя экономических и социальных предпосылок объединения русских земель, историк сделал немало интересных наблюдений и выводов, касающихся возвышения Москвы и образования Московского государства. Так, в оценке деятельности Ивана III он подчеркивал, в противовес Карамзину, что объединение русских земель под властью великого князя московского было не столько результатом его личной деятельности, сколько итогом всего предшествующего развития русской истории. Наряду с внутренними причинами объединения русских земель Соловьев обращал внимание на благоприятные внешнеполитические обстоятельства.

В соответствии с теорией борьбы «родового» и «государственного» начал, Соловьев одним из первых в русской исторической науке уловил закономерный характер мероприятий Ивана IV по укреплению самодержавной власти. XVI столетие, в его представлении, было временем, когда «старое с новым начало сводить последние счеты»¹.

Соловьев писал о влиянии личных качеств Ивана IV на ход исторических событий, но в то же время подчеркивал историческую обусловленность борьбы с боярством, которая, по его мнению, способствовала упрочению государственного начала. Видя в опричнине орудие борьбы крепнущей самодержавной власти с боярской знатью, Соловьев не мог вскрыть классовую сущность политики Ивана IV и роль опричнины в развитии крепостничества.

В царствование Федора, считал Соловьев, произошло «одно из самых важных в истории русских сословий явление»² — законодательное оформление крепостного права. Связывая прикрепление крестьян к земле со специальным указом правительства Федора Иоанновича,

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, стр. 656.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 625.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 707.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. IV, стр. 296.

Соловьев видел в этом вынужденную меру, вызванную природными условиями и государственными потребностями.

Ввиду слабой заселенности огромных земельных пространств между землевладельцами шла борьба за рабочие руки. Стремясь предотвратить запустение поместий, получаемых дворянами и детьми боярскими за службу, правительство прикрепило крестьян к земле. «Государство, — писал историк, — давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог»¹.

Поставив прикрепление крестьян к земле в зависимость от усиления государственной централизации, Соловьев сделал заметный шаг вперед в изучении проблемы возникновения крепостного права. В то же время, обусловив закрепощение нуждами государства (понимаемого как общенародное), он затушевывал классовый характер закрепостительного процесса и солидаризировался с Чичериним, который с целью исторического оправдания крепостничества выдвинул теорию закрепощения всех сословий в общегосударственных интересах.

Внутренние противоречия общеисторической концепции Соловьева отчетливо обнаруживаются в характеристике так называемого «смутного времени». Признавая закономерность образования крепостнического государства, либерально-буржуазный историк отрицал закономерность классовой борьбы крестьянских масс. Бурные события «смуты», в основе которых были глубокие социальные конфликты, рассматривались им с точки зрения борьбы государственных начал с анархическими, как разрушение и восстановление государственного порядка.

В крестьянской войне, польско-шведской интервенции и ожесточенной борьбе внутри господствующего класса за власть Соловьев видел насильственный перерыв в органическом ходе русской истории. История пошла «по пути незаконному» и поэтому лишилась какого-либо смысла. После «смуты» законное движение возобновилось, но с той точки, на которой в конце XVI в. остановились Рюриковичи.

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. IV, стр. 296.

Говоря о бесплодности «смуты» XVII в., историк как бы подводил читателя к мысли о бесперспективности и обреченности революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством в XIX в., стремясь исторически оправдать свои либерально-буржуазные убеждения.

Дальнейшее освещение русской истории, примерно с 50-х годов XVII в., относится к пореформенному периоду в творчестве Соловьева и будет рассмотрено в одной из последующих лекций¹.

Вклад Соловьева в развитие русской историографии определяется стремлением объяснить историческое развитие, исходя из внутренних причин. Принцип историзма, поиски закономерностей исторического развития пронизывают всю его работу, однако там, где нужно сказать о конфликте государства с народом, о народных движениях, проявляется ограниченность Соловьева как буржуазного историка. Он считает народные движения анархией, бессмыслицей, с которой следует бороться. Истории народных движений нет места в тесных идеалистических рамках исторической концепции либерально-буржуазного историка.

В заключение следует отметить, что Соловьев в до-реформенный период подвел итоги развитию русской исторической науки первой половины XIX в. и поставил перед ней ряд новых проблем. Его научная деятельность оставила глубокий след в русской историографии, явилась крупным шагом вперед по сравнению со взглядами предшествовавших ему дворянских историков и свидетельствовала об утверждении буржуазной исторической науки в России.

Отмечая большой положительный вклад, который внес этот историк в развитие русской буржуазной исторической науки, Н. Г. Чернышевский писал, что у Соловьева «мы встречаем строго ученый взгляд новой исторической школы»², которая противостоит как дворянской истории Карамзина, так и скептической школе и Полевому. Однако исторические воззрения этого бур-

¹ См. лекцию 23, стр. 448—466.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, 1947, стр. 181.

жуазного историка ограничены его классовыми позициями. Не С. М. Соловьев, а революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и А. Н. Добролюбов были действительными выразителями назревших задач в исторической науке середины XIX в., в эпоху резкого обострения классовой борьбы в России.

Краткое рассмотрение исторических взглядов С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и других представителей буржуазной науки показывает, что их интересы в области истории определялись либерально-буржуазной идеологией и идеалистическими позициями. В середине XIX в. в России окончательно оформилась буржуазная историография. В ней отразилось стремление буржуазных кругов русского общества доказать благотворность капиталистического развития России и необходимость ускорения его путем реформ сверху. Буржуазные историки, в отличие от дворянских, не идеализировали старину, не преклонялись слепо перед крепостнической идеологией. В частности, Соловьев рассматривал историю как закономерный процесс, обусловленный внутренними причинами. Однако и Соловьев, и другие буржуазные историки, отмечая черты принципиального тождества исторического развития России и Западной Европы, постоянно стремятся противопоставить историю России истории Западной Европы. По их мнению, особенности истории России заключались в своеобразных географических условиях, в длительной борьбе с кочевниками, в насущной необходимости колонизации обширных территорий. Для того чтобы преодолеть все эти неблагоприятные условия, нужна была сильная государственная власть. Конечным результатом развития России должно было быть утверждение в ней капиталистического строя.

При всем различии подхода к истории буржуазных и дворянских историков между ними легко обнаружить черты принципиального сходства. Это сходство заключается в антинародной, антиреволюционной направленности их стремлений. И тех и других роднила ненависть к революционной демократии, выдвигавшей программу

социально-политических преобразований России с помощью народной революции.

Буржуазные либералы в борьбе против революционной демократии вступали в союз с крепостническим лагерем, потому что, как указывал В. И. Ленин, они «хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. «Либералы,— подчеркивал В. И. Ленин,— ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»¹.

Подобные политические убеждения находили свое отражение и в буржуазной исторической науке. И буржуазные и дворянские историки единодушно прославляли сильную государственную власть. Стремясь предотвратить народные выступления, они представляли ее в качестве самодовлеющего фактора исторического развития. Рассматривая самодержавную власть как надклассовую силу, которая якобы заботится о всех классах и нужна всем социальным слоям, буржуазные историки считали всякое выступление против нее анархическим, антигосударственным, а поэтому резко отрицательно относились к революционной борьбе народа.

Таким образом, буржуазная историография, сделавшая крупный шаг вперед по сравнению с дворянской в изучении истории с точки зрения ее внутреннего закономерного развития, в силу своей классовой ограниченности была еще очень далека от цельного, подлинно научного понимания исторического процесса. Буржуазные историки, указывал В. И. Ленин, «в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»².

Таковы основные выводы, вытекающие из рассмотрения буржуазной историографии дореформенного периода.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 175.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 57.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Д. Кавелин. Мысли и заметки о русской истории. Собрание сочинений, т. I, СПб., 1897, стр. 583—676.
- Н. А. Полевой. История русского народа, т. I, М., 1829.
- С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I, М., 1959, стр. 55—59; кн. III, т. 5, гл. V, 1960, стр. 142—217; кн. VII, гл. I, стр. 7—189.
- Историография истории СССР, стр. 175—187.
- Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 347—366.
- Л. В. Черепнин. Соловьев, как историк. В кн. «С. М. Соловьев. История России...», кн. I, М., 1959, стр. 5—51.

ЛЕКЦИЯ 15

ОСНОВАТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В. Г. БЕЛИНСКИЙ И А. И. ГЕРЦЕН

В. Г. Белинский — зачинатель революционно-демократического движения в России. Исторические взгляды Белинского. Освещение истории России. Борьба А. И. Герцена против самодержавно-крепостнической идеологии. Формирование и развитие его исторических взглядов. Проблемы русской истории в освещении Герцена. Место Белинского и Герцена в русской историографии.

В 40-х годах XIX века на арену освободительного движения в России наряду с дворянскими революционерами выступают разночинцы. Это были выходцы из различных социальных групп: мещанства, духовенства, купечества, чиновничества. Революционеры-разночинцы стояли значительно ближе к народу, нежели дворянские революционеры. Они являлись зачинателями революционно-демократического движения в стране, носителями демократической идеологии. «В это время, — писал А. М. Горький, — уже являлись люди с гордой, самонадеянной силой, они шли вперед своим путем, не спотыкаясь о развалины прошлого, — а свой путь в ту пору мог быть лишь один — к народу, к массе крестьянской, значит, прежде всего — против крепостного права...»¹.

---

¹ М. Горький. История русской литературы, М., 1939, стр. 153.

В условиях господства теории «официальной народности» самостоятельное изучение отечественной истории и правдивое освещение ее приобретали политическое значение и становились актом идейной борьбы против реакционного лагеря. Совершенно естественно, что передовые представители русского общества обращаются к истории в интересах борьбы с реакционным лагерем. с крепостничеством и самодержавием.

В развитии прогрессивной исторической мысли в России Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848 гг.) и Александр Иванович Герцен (1812—1870 гг.) выступили непосредственными продолжателями лучших традиций своих предшественников — Ломоносова, Радищева, декабристов и Пушкина.

Уже в первом выдающемся произведении Белинского — «Литературные мечтания», написанном в 1834 г., ставится вопрос о взаимосвязи исторического развития отдельных народов, о месте русского народа в истории человечества и особенностях русской истории. Содержание исторического процесса Белинский, вслед за Гегелем, видел в последовательном самораскрытии абсолютной идеи через разнообразие судеб отдельных народов. Целью общественного развития он считал совершенствование разума путем распространения знаний, просвещения. Но это совершенствование человечества и каждого народа в отдельности происходит, по мнению Белинского, в плане диалектического развития, связано с борьбой нового со старым.

Мысли по поводу истории, высказанные в «Литературных мечтаниях», получили дальнейшее развитие в многочисленных рецензиях Белинского на сочинения исторического характера. Только в 1835 г. он опубликовал 20 таких рецензий.

Белинский стремился превратить историческую науку в средство политического воспитания передовых представителей народа. По его мнению, историк должен показывать прежде всего не деятельность правящей верхушки, а деятельность самого народа.

Указывая на общественно-политическое значение исторической науки, Белинский писал: «Наш век — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы на-

ши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве»¹.

Правильно понимая идейно-политическую значимость исторической науки, Белинский ставил перед ней целый ряд новых задач. «В том-то и заключается трудность условий исторического таланта, — указывал он, — что в нем должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческой способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени»².

Знание исторических фактов, по мнению Белинского, само по себе бесполезно. Оно необходимо для того, чтобы сделать определенные выводы, определенные заключения. «Знание фактов только потому и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей — сор для голов и памяти»³, — утверждал он.

Задачу исторической науки Белинский видел в том, «чтобы подвести многообразие частных явлений под общее значение, открыть в многообразии частных явлений органическую связь, взаимодействие и отношения и проследить в последовательности многообразных явлений развитие живой идеи, составляющей их душу»⁴.

Для историка, считал Белинский, необходимо философское образование, «ибо история не только искусство, но еще и наука, многосложная, многосторонняя, которая, обнимая собою историю народа, в то же время обнимает и историю права, его искусства, его науки, а без современно-философского образования можно ли иметь прямое и верное понятие о праве, искусстве, науке и проч.»⁵.

Великий революционер-демократ решительно боролся с тенденциозностью и фальсификацией истории, беспощадно разоблачал их.

Выступая против фальсификаторской тенденции официальной историографии, Белинский считал, что пере-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 37.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 401.

³ Там же, стр. 453.

⁴ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 530.

⁵ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 403.

довые историки должны освещать историю с позиций последовательной защиты интересов народных масс.

Белинский требовал, чтобы в исторических трудах прежде всего раскрывались общая закономерность, внутренняя необходимость, внутренний смысл событий. Будучи историком-идеалистом, он видел этот внутренний смысл в диалектически развивающейся идее.

Нужно сказать, что идея закономерности исторического процесса была тогда уже не нова. Многие буржуазные историки, как Гизо, Тьерри, Минье в Западной Европе, Соловьев и Кавелин в России, выдвигали ее. Заслуга Белинского заключается в том, что эту идею он связал с неизбежностью революции. Его историзм был обращен в будущее, заключал в себе идею революционного преобразования существующего строя.

Революционно-демократический характер исторических взглядов Белинского определяется прежде всего пониманием истории как результата борьбы противоположных начал. Общество, отмечал он, является «единством противоположностей, которых борьба и взаимные отношения составляют его жизнь»¹. Отсюда вытекало признание революции как необходимого элемента развития.

Преувеличивая вначале роль великих людей, роль героев в истории, Белинский затем правильно решал этот вопрос. «Каждый великий человек,— отмечал он,— совершает дело своего времени, решает современные ему вопросы, выражает своей деятельностью дух того времени, в которое он родился и развивался»². В соответствии с этим Белинский утверждал, что успех ожидает только того великого человека, который благодаря своей гениальности сумел уяснить тенденцию своего времени, уяснить интересы народа и добиться их удовлетворения. «Имя гения — миллион, потому что в груди своей носит он страдания, радости, надежды и стремления миллионов»³.

Подчеркивая решающую роль народных масс в истории, Белинский писал: «Люди, которые презирают народ, видя в нем только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в рабстве и го-

лоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе. Подобным мыслям следовало бы родиться только в лесах, выходить из крепколобых голов звериных»¹.

В статьях и рецензиях, написанных Белинским в 40-х годах, встречаются мысли о важном значении материальных потребностей в жизни общества. «Историк должен показать, — пишет он, — что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если бы человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, — он навсегда остался бы в животном состоянии»².

Будучи сторонником технического прогресса, Белинский указывал, что краеугольным камнем здания общества является промышленность. В письме к Боткину в 1847 г. он писал: «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом»³.

Эти отдельные материалистические догадки говорят о том, что в последние годы своей жизни революционер-демократ Белинский испытывал неудовлетворенность тесными рамками идеалистического толкования истории. Однако социально-экономическая отсталость России не давала ему возможности стать на позиции исторического материализма.

Тем не менее общеисторические взгляды Белинского, сложившиеся в борьбе с официальной историографией, показывают, что он вместе с Герценом по праву считается зачинателем революционно-демократического понимания истории. При освещении вопросов отечественной и всеобщей истории Белинский творчески сочетал конкретное и всестороннее изучение исторических явлений с их теоретическим анализом и обобщением, стремился раскрыть их внутреннее содержание и взаимосвязь, определить характер и тенденцию в развитии этих яв-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. IV, стр. 414.

² Там же, стр. 505.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 277.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XI, стр. 162, 163.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 463.

³ В. Г. Белинский. Письма. т. III, СПб., 1914, стр. 331.

лений. Задачи борьбы с самодержавием и крепостничеством выдвигали вопросы отечественной истории на первый план. Но Белинский понимал, что история России — неотъемлемая часть всемирной истории.

Отмечая выдающуюся роль России в истории человечества, Белинский в то же время стремился использовать уроки и опыт мировой истории для определения путей развития своей страны. Горячий интерес его к истории западноевропейских народов определялся прежде всего стремлением использовать их опыт революционной борьбы. В отношении Белинского к истории Западной Европы красной нитью проходит мысль о решающей роли народных масс. Наряду с этим он с уважением относился ко всем прогрессивным представителям западно-европейской общественной мысли.

Решение многих вопросов всемирной истории имело большое значение в борьбе против славянофилов. Это также определяло глубокий интерес Белинского к всеобщей истории. Он был знаком со всеми крупнейшими работами в этой области, глубоко знал труды выдающегося историка-просветителя Грановского, внесшего заметный вклад в изучение всеобщей истории, критиковал работы ряда буржуазных историков Запада — Ф. Гизо, О. Тьерри, Э. Гиббона, Л. Ранке и других.

С позиций революционного демократизма Белинский подходил к наиболее злободневным как в научном, так и в политическом отношении вопросам западноевропейской истории в рецензиях на учебные пособия Ф. Лоренца, С. Смараглова, на сочинения Ф. де-Шампани «Кесари» (1842) и книгу Ф. Ансильона «Изображение переворота в политической системе европейских государств с исхода пятнадцатого столетия» (1840).

Наряду с этими и другими рецензиями особенный интерес представляют письма Белинского, в которых он излагал свои взгляды на всеобщую историю.

Определяя задачи в изучении всемирной истории, Белинский выдвигал идею безграничного прогресса человеческого общества. Он писал: «Задача всеобщей истории — начертать картину развития, через которое человечество из дикого состояния перешло в то, в каком мы его видим теперь. Это необходимо предполагает живую связь между современным и древним, теряющимся во мраке времени, — словом, предполагает непрерывную

нить, которая проходит через все события и связывает их между собой, давая им характер чего-то целого и единого... так что в них все последующее необходимо выходит из предыдущего, а все предыдущее служит источником последующего»¹.

В противоположность представителям дворянской буржуазной историографии Белинский рассматривал историю во всей ее совокупности — политическую, гражданскую, экономическую историю и прежде всего историю народов.

Белинский стремился уловить отличительные особенности древней, средней и новой истории в общественном устройстве, в нравах, в состоянии литературы и искусства.

Сущность взглядов Белинского на историю Греции и Рима сводится к стремлению показать ее как борьбу противоположностей, борьбу народа за свое освобождение. На примерах римской и греческой истории Белинский старался воспитать у читателей чувство патриотизма, любовь к свободе и, самое важное, готовность к самоотверженной борьбе за освобождение своего народа.

Хотя Белинский придерживался ошибочной точки зрения относительно происхождения классов, связывая его с завоеванием, тем не менее он правильно считал, что государство патрициев и их политическая власть, их преимущества и привилегии определялись имущественным положением. Усматривая главное противоречие между патрициями и плебеями в земельной собственности, он понимал, что частная собственность определяет эксплуатацию человека человеком.

Белинский был близок к правильному пониманию роли государственной власти, роли римского права как сословных институтов, выражавших определенные классовые интересы. Конечно, он не мог решать вопросы римской истории в духе исторического материализма. Гибель Римской империи он связывал с падением нравов и в то же время подчеркивал, что могущество Рима было основано прежде всего на паразитическом высасывании жизненных соков из покоренных народов. Эта

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 458.

паразитическая основа существования Рима и обусловила, по мнению Белинского, его крушение.

Средневековье Белинский рассматривал как период развития феодализма, причем подчеркивал, что в сравнении с древним периодом в средние века происходил упадок просвещения и культуры, личность порабощалась церковью, свободная мысль преследовалась. Все это он связывал с необузданным деспотизмом феодалов, с их классовыми интересами. Белинский писал, что средние века, были эпохой «дикого невежества, кровавых войн, беспорядка и смешения».

Вместе с тем Белинский указывал, что в средние века создавались условия для дальнейшего развития человечества. Важную роль в переходе от феодальной раздробленности к централизации он усматривал в борьбе классов, или, как он писал, в сословной борьбе.

В истории нового времени Белинский сосредоточивал свое внимание на важнейших революционных событиях и наиболее прогрессивных моментах. Так, например, он неоднократно подчеркивал, что французская буржуазная революция нанесла сокрушительный удар феодализму.

Белинский резко критиковал капиталистический строй Западной Европы, решительно осуждал эксплуатацию трудящихся масс, в которых видел подлинных носителей прогресса. С большим сочувствием он следил за революционной борьбой французского народа. «Искры добра еще не погасли во Франции, — писал он. — они только под леплом и ждут благоприятного ветра, который превратит бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его умразуму. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова... и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками... Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества»¹.

Таким образом, вопросы всеобщей истории Белинский стремился решать с позиций революционного демо-

кратизма и выступал в русской историографии решительным сторонником освобождения народов от социального и национального гнета.

Основное внимание Белинский уделял отечественной истории. Здесь наиболее полно и отчетливо проявилось понимание им насущных задач исторической науки. Вместе с Герценом он сформулировал главные положения революционно-демократической концепции, развитой и углубленной затем Чернышевским и Добролюбовым.

В русской истории его интересовали прежде всего те события, в которых проявлялись творческие силы народа. Не ограничиваясь рецензиями и статьями по русской истории, он касался ее в своих замечательных обзорах русской литературы. Недаром Чернышевский писал, что Белинский в своих годичных обзорах обращал на труды «по русской истории такое же внимание, как и на произведения изящной словесности»¹.

Белинский хорошо знал летописные памятники, актовые материалы и постоянно подчеркивал необходимость широкой публикации их.

Он вскрыл монархическую сущность исторических взглядов Карамзина, разоблачил попытки Погодина популяризировать свои реакционные и антинаучные утверждения в учебных пособиях по русской истории. Еще в 30-х годах он отмечал наиболее существенные недостатки «скептической школы», критиковал Каченовского за его нигилистическое отношение к древнему периоду русской истории. Революционно-демократические взгляды Белинского на русскую историю коренным образом отличались от взглядов Полевого и Каченовского, родоначальников буржуазного направления в историографии.

В 1841 г., за десять лет до выхода в свет «Истории России» С. М. Соловьева, он писал, что «русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере»².

Всю историю России Белинский делил на древнюю, среднюю и новую. Одновременно с этим он различал в ней две эпохи — допетровскую и послепетровскую.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 298.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 295.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 505.

Первая делилась на периоды: древний, удельный, период татарского ига и начала централизации России, период укрепления Московского государства.

Касаясь древнего периода, Белинский решительно отбрасывал норманскую теорию. Норманны, писал он, «не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве»¹. В критике норманской теории он был продолжателем патриотических традиций, заложенных Ломоносовым и развитых декабристами.

В истории Киевской Руси Белинский подчеркивал героизм древнерусского народа в борьбе с Византией, печенегами и половцами. Он правильно определил прогрессивное значение принятия христианства и одновременно с этим опроверг клеветнические утверждения славянофилов о врожденной религиозности русского народа.

Об удельном периоде Белинский писал: «Идея удельного периода русской истории должна быть ни чем иным, как идеею расширения России во вне, — и только те факты должны быть изложены..., которые могут служить к уяснению этой идеи»². Он усматривал ошибку дворянских историков в том, что они говорили о коренном различии между удельной Русью и феодальной Западной Европой. Правда, при сравнении удельной Руси с феодальной Европой сам Белинский совершал ошибку. Он считал, что в этот период на Западе шла ожесточенная классовая борьба, а в удельной Руси ее не было. Борьбу между удельными князьями он считал бесплодной и бесполезной.

Период феодальной раздробленности Белинский рассматривал упрощенно, считая удельную Русь самой естественной и простодушной системой в мире³. Он не смог понять истинных причин ликвидации Древнерусского государства, дробления его на отдельные княжества.

В противовес вздорным утверждениям славянофилов о добровольном подчинении русских татарам, Белинский видел основную причину татаро-монгольского владычества в ослаблении сил русского народа, вызван-

ном междоусобными раздорами удельных князей. Он с горечью отмечал тяжелые последствия татаро-монгольского нашествия: «Под татарским игом нравы грубеют: вводится затворничество женщин, отшельничество семейной жизни... Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом исторической жизни старой Руси, тоже было следствием татарского ига»¹. Татаро-монгольское владычество, по его мнению, прервало естественный ход экономического и культурного развития страны.

Антинаучной формуле Карамзина («Москва обязана своим величием ханам») и взглядам буржуазного историка Соловьева, игнорировавшего роль народных масс, Белинский противопоставил свой вывод о решающей роли русского народа в борьбе с татаро-монгольским владычеством. Кульминационной точкой этой борьбы была, по его мнению, Куликовская битва, в результате которой русский народ под руководством славного патриота великого князя Дмитрия Донского «мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью»². Белинский отмечал, что победа русского народа над татаро-монголами имела всемирно-историческое значение.

Последний период допетровской Руси — период укрепления Московского государства — отличался, по мнению Белинского, тем, что он отражал «усилие русского племени стать государством, укрепиться в определенных гражданских формах»³.

Белинский ошибочно считал, что Русское государство сложилось только при Петре, что в допетровской Руси не было ни борьбы классов, ни различных сословий. Однако, в противоположность официальной историографии, он правильно определял роль Ивана III и Ивана IV, отмечал прогрессивное значение присоединения Новгорода к Москве.

В противоположность славянофилам Белинский доказывал, что общинный строй не является особенностью только славянских племен и что Новгород не был патриархальной общиной без внутренних социальных про-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 296.

² Там же.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. VI, стр. 374.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 405.

² В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 404.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 296.

тиворечий. По его мнению, вечевой строй Новгорода не обеспечивал защиты народных интересов.

Особое внимание Белинский уделял царствованию Ивана IV и Петра I. Вопреки мнению Карамзина и Полевого он доказывал неизбежность борьбы Ивана Грозного с боярством и закономерность введения им опричнины. Он писал о Грозном как о предшественнике Петра. Вместе с тем демократическая направленность исторических взглядов Белинского позволила ему сделать вывод, что и Грозный в своей исторически-обусловленной социальной политике не проявлял никакого внимания к облегчению участи народа.

Белинский дал правильную оценку деятельности Бориса Годунова, подчеркнув его крепостническую политику.

Начало XVII в., борьба русского народа с польско-шведской интервенцией выделяется Белинским в отдельный период. Неиссякаемые силы народа были, по его мнению, тем «зерном жизни», которое в это тяжелое для России время обеспечило движение ее вперед, по пути самостоятельного и независимого развития.

Превосходство Белинского над официальными историками особенно ярко проявилось в оценке им такого выдающегося события, как воссоединение Украины с Россией. В этом историческом акте он справедливо усматривал усиление могущества русского и украинского народов, закономерную неизбежность и прогрессивный характер объединения их в едином государстве «Слившись навеки с единокровною ей Россией, — писал он, — Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность»¹.

Петровские преобразования для Белинского являлись гранью между старой и новой Россией. Он считал их закономерными и исторически обусловленными. «Учись или умирай: вот что было написано кровью на знамени его борьбы с варварством»², — писал он относительно Петра.

Решая вопросы, связанные с деятельностью Петра I, идеалистически, Белинский тем не менее отмечал ее

прогрессивное значение: «Полтавская битва была не просто сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была проверка действительности замыслов... великих»¹.

В противовес утверждениям славянофилов об искусственном и антинародном характере петровских реформ, Белинский считал, что они стали прочной основой дальнейшего подъема русской национальной культуры.

Белинский не был свободен от идеализации личности Петра, когда говорил, что «мало конной статуи на Исакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского!»². Но, несмотря на это, характеристика петровских преобразований, содержащаяся в работах Белинского, была выше тех оценок, которые давали им реакционные дворянские историки. Так, Щербатов писал «о повреждении нравов» в результате петровских реформ, а Карамзин считал, что Петр внедрил в России ненужное. Конечно, Белинский был далек от того, чтобы вскрыть классовую сущность петровских реформ, определить социальную природу государства, укрепляемого Петром. Тем не менее петровские реформы были для него не продуктом гениальности царя, а ярким выражением творческих сил и возможностей русского народа, который, по его мнению, вынес на своих плечах всю тяжесть этих реформ. «Вся реформа его, — писал он, — была тяжким испытанием для народа, годиною трудною и грозною»³.

О послепетровском периоде Белинский говорит значительно меньше. Характеризуя царствование Анны Ивановны, он с негодованием писал о засилье иностранцев, о «тирании ужасного Бирона». Белинский с глубочайшим уважением относился к деятельности М. В. Ломоносова, подчеркивая ее основополагающее значение в истории русской науки и культуры. «Ослепительно и прекрасно было это явление, — писал он о Ломоносове, — оно доказало собой... что русский способен ко все-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 413.

² Там же, стр. 282.

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 289.

² Там же, стр. 237.

³ Там же, стр. 286.

му великому и прекрасному не менее всякого европейца»¹.

Много внимания уделял Белинский славным событиям 1812 года. Решающей силой в разгроме наполеоновских полчищ он считал народные массы. Кутузов для него — «представитель нравственного могущества своего народа». Победа над Наполеоном имела, по мнению Белинского, всемирно-историческое значение, она открыла эпоху, с которой началась новая жизнь для России. Он писал: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 г.»².

Последующее 30-летие было для Белинского уже современностью, которую он рассматривал как своеобразный итог всей предшествующей истории. Анализируя противоречия русской действительности, он стремился определить перспективы дальнейшего развития своей страны. Изучение прошлого и анализ настоящего давали ему материал для революционно-демократических выводов, для обоснования необходимости политических преобразований России в будущем. «Мы вопрошаем прошедшее, — писал Белинский, — чтобы объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»³.

Более сложную эволюцию претерпели исторические взгляды Александра Ивановича Герцена.

Они определялись его борьбой против самодержавно-крепостнической идеологии и были неотделимы от политической, публицистической и революционной деятельности одного из крупнейших представителей революционной демократии XIX в., который, по словам В. И. Ленина, «поднял знамя революции»⁴ в России.

В 30—40-е годы XIX в. официальная историография усиленно пропагандировала легенду о спасительной роли самодержавия, православия и крепостничества. Распространенной в это время была концепция Карамзина — «все зависит от воли самодержца, который,

подобно искусному механику, движением перста дает ход громадам»¹.

Герцен выступил против подобных антинародных, монархических взглядов на русскую историю. Признав заслуги Карамзина в собирании и систематизации исторических фактов, он критиковал этого дворянского историка за его систему взглядов, называя ее самодержавно-крепостнической. Карамзинская история, писал Герцен, это история официальной царской России, «которая держала донельзя народ в крепостном состоянии»².

Выступая против славянофилов, идеализировавших допетровскую Русь, Герцен называл их «славянобесами, славяноблудниками — тупыми, коварными, противными, дикими и бесчеловечными». От них, писал он, «веет застенком, рваными ноздрями, эпитимьей, покаянием, Соловецким монастырем. Попадись этим господам в руки власть, они заткнут за пояс III отделение»³. Герцен обвинял их в «перековыркивании смысла истории», в том, что «они не знают настоящей России; это — оборотни и мертвецы... они свихнули свое понимание лицемерным православием и поддельной народностью»⁴.

В то же время он бичевал Погодина за его низкопоклонство перед Западом, называл этого монархического историка «прязным» за неразборчивость в средствах борьбы.

Автора учебника по русской истории Устрялова Герцен считал апологетом николаевской России. Устрялов писал свои исторические работы о Петре I, саркастически замечал Герцен, подобно уголовному следователю над Петербургским периодом истории.

Внимательно следя за выходом в свет 29-томной «Истории России» Соловьева и отмечая научные заслуги этого крупнейшего буржуазного историка, Герцен упрекал его в пресмыкательстве перед самодержавной властью, в антидемократизме и национализме. С возмущением он писал, что до сих пор историки изображают Степана Разина и Емельяна Пугачева «разбойниками с большой дороги».

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. I, стр. 331.

² В. Г. Белинский. Соч., т. XII, стр. 89.

³ В. Г. Белинский. Соч., т. X, стр. 398.

⁴ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 261.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, г. VIII, стр. 105.

² А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XVI, стр. 548.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. III, стр. 421.

⁴ Там же.

Гневной статьей разразился Герцен по поводу монархического пруда Корфа «О восшествии Николая I на престол». В этой статье он клеймил реакционера Корфа за его «чудовищное византийское раболепие, подъяческую вульгарную лесть и бюрократическую подлость» в отношении к палачу декабристов Николаю I.

Таким образом, Герцен был историком, который с дворянско-революционных, а затем с революционно-демократических позиций боролся с самодержавно-крепостнической идеологией и ее отражением в историографии. Основным источником формирования его исторических взглядов была противоречивая русская действительность последних десятилетий существования крепостного права. Усиление массового крестьянского движения, рост демократической борьбы разночинцев, революционная ситуация 1859—60 гг., отмена крепостного права в 1861 г. — ставили перед Герценом, как революционным борцом, задачу теоретического обоснования необходимости коренных преобразований в России, проще говоря, задачу определения исторических перспектив дальнейшего развития страны.

В сложном и длительном процессе развития исторических взглядов Герцена можно выделить три этапа: 20—30-е, 40-е и 50—60-е годы.

В 20—30-е годы Герцен формировался как политический деятель и революционный мыслитель, как наследник декабристов. Его исторические взгляды на этом этапе только начали складываться. Будучи студентом Московского университета, Герцен проявлял большой интерес к всеобщей и русской истории. Он обстоятельно изучал работы французских буржуазных историков, «Древнюю российскую историю» Ломоносова, «Историю государства Российского» Карамзина, «Историю русского народа» Полевого.

Восприняв прогрессивные идеи Ломоносова и то положительное, что было в работе Полевого, Герцен критически отнесся к «норманизму» Карамзина и его монархическим тенденциям. В 1834 г. он вместе с Огаревым, Кэтчером, Сазоновым, Лахтиным и Сатиным задумал создать научно-философский, исторический журнал. Задачи его определялись стремлением, как говорилось в программе, «следить за человечеством в главнейших фазах его развития, для сего возвращаться иногда к бы-

лому, объяснить некоторые мгновения дивной биографии рода человеческого и из нее вывести свое собственное положение. обратить внимание на свои надежды»¹.

Оказавшись после окончания университета в первой ссылке (1835—1839 гг.), Герцен особенно много времени уделял изучению русской истории. Определенным толчком к размышлениям над судьбами России было «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, которое Герцен прочитал в Вятке. Твердо веря в великое будущее своей страны и не разделяя пессимизма Чаадаева, Герцен оценил его письмо как «выстрел, раздавшийся в темную ночь»².

В период первой ссылки Герцен исследует такие вопросы отечественной истории, как законодательство Русского государства, памятники культуры Северо-Восточной Руси, быт и культура народов Поволжья, пишет историко-этнографический очерк «Вотяки и черемисы» (1837), шире знакомится с работами Тьерри, а в 1839 г. начинает изучать «Историю немцев» Менделя. Из ссылки он возвращается уже вполне сформировавшимся политическим деятелем и историком-мыслителем.

В 40-х годах происходит дальнейшее развитие исторических взглядов Герцена. Под влиянием действительности и Белинского он постепенно преодолевает ограниченность дворянского революционера и все прочнее утверждается на позициях революционного демократа.

40-е годы, по определению В. И. Ленина, были исходным этапом исканий правильной революционной теории в России. Герцен вместе с Белинским, борясь с официальной монархической и либеральной идеологией, начинает поиски такой теории. В этот период он, по выражению Ленина, поднялся на такую высоту, что стал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. «Герцен, — писал В. И. Ленин, — вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»³.

В период второй ссылки (1841—1842 гг.) он готовился к написанию диссертации «О Петровском перевороте», принимал активное участие в борьбе против По-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. I, стр. 59.

² А. И. Герцен. Былое и думы, 1946, стр. 287.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 256.

година, Шевырева, славянофилов. Его исторические интересы были весьма широки. Он изучал «Историю контрреволюции в Англии» Армана Корреля, «Историю десяти лет» Луи Блана, «Историю XVIII века» Шлосера, «Деяния Петра Великого» Голикова, «О России в царствование Алексея Михайловича» Григория Котошихина и многие другие работы.

Общеисторические взгляды Герцена выражены в разборе публичных лекций Грановского. Он отстаивал принцип исторической закономерности и делал вывод о единстве исторического развития Европы и России, о неизбежности падения самодержавия и крепостничества.

Завершающим этапом в развитии исторических взглядов Герцена была его заграничная революционная деятельность в 1847—1870 гг. Основным на этом этапе было осмысливание уроков революции 1848 г. в Западной Европе и окончательный переход на позиции революционного демократизма под влиянием первой революционной ситуации в России.

Наблюдая за назреванием буржуазной революции, Герцен питал надежду на то, что она откроет эру социализма во Франции и в других странах Европы. Когда же революция 1848 г. привела к торжеству буржуазного либерализма, Герцен разочаровался в возможности социалистических преобразований в Европе, и это разочарование привело его к «духовной драме», которая, по словам В. И. Ленина, «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»¹.

В поисках силы, способной установить социальную справедливость, Герцен ошибочно останавливается на русской общине, начинает разрабатывать теорию «русского социализма», которая оказала серьезное влияние на его исторические взгляды.

Герцен был глубоко убежден в недолговечности буржуазного строя, во временном характере капиталистического способа производства. «Мир буржуазии,— писал

он,— истощился так скоро и не имеет в себе более возможности обновления»¹.

Постепенно преодолевая свои либеральные иллюзии, Герцен все глубже осознавал необходимость революционного переворота. Историю он считал острым оружием в борьбе с самодержавием и крепостничеством. Из 22 томов Полного собрания сочинений А. И. Герцена (600 печатных листов) четвертая часть приходится на исторические работы, такие как «Былое и думы», «С того берега», «О развитии революционных идей в России», «Исторический очерк о героях 1825 года и их предшественниках по их мемуарам», «Русские немцы и немецкие русские», «Россия и Польша» и другие. Говоря о своем интересе к русской истории, Герцен подчеркивал: «Я люблю Россию потому, что знаю ее»².

Главная задача исторической науки, по мнению революционера-демократа Герцена, заключается в раскрытии прогрессивного хода истории, в определении закономерности исторического процесса, в установлении перспектив развития человечества и отдельных народов. В противовес утверждению Карамзина о том, что история не терпит оптимизма, Герцен считал одним из основных исторических законов закон прогрессивного поступательного развития общества от низшей стадии к высшей. Объективную основу неодолимого исторического прогресса он видел в борьбе противоположных начал.

Наиболее яркое выражение эта закономерность находит в революциях, в ходе которых осуществляется «открытое противодействие старому и водворение нового». «Сколько социализм ни ходит около своего восторга, у него нет другого разрешения, кроме лома и ружья»³,— утверждал Герцен.

Убежденность в неодолимости прогресса лежала в основе исторического оптимизма Герцена. Надо сказать, что при всей глубине проникновения Герцена в сущность общественного развития он в целом оставался идеалистом в области истории. Считая, что развитие человечества является процессом его духовного обога-

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XV, Птгр., 1920, стр. 6.

² А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. V, Птгр., 1919, стр. 361.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. X, Птгр., 1919, стр. 117.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 256.

шения, он в соответствии с этим делил всю историю человечества на периоды, в основе которых лежало развитие мысли — классической, романтической, реалистической. В то же время Герцен сознавал огромное значение деятельности народных масс. «Народы, — писал он, — эти колоссальные действующие лица всемирной драмы — исполняют дело всего человечества, как свое дело»¹.

С правильным определением роли народных масс в истории связано решение вопроса о роли личности. Если вначале Герцен несколько переоценивал роль выдающихся исторических деятелей, то впоследствии, преодолев это заблуждение, он пришел к выводу, что «личность создается средой и обстоятельствами». «Гениальные натуры, — писал он, — почти всегда находятся, когда их нужно»².

В решении основных вопросов исторического развития Герцен приближался к Белинскому и высказал ряд материалистических догадок. Так, например, он обращал внимание на роль экономических интересов общества. «Все несчастье прошлых переворотов, — считал он, — состояло именно в упущении экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтобы занять свое место. Тут — одна из причин, почему великие слова и идеи остались словами и идеями, и что хуже всего — страшно выговорить: надоели»³.

В конце жизни Герцен, осознавая смысл развертывающейся на его глазах борьбы пролетариев и буржуазии, пришел к выводу, что революция в будущем не сможет «шагу идти дальше... не касаясь экономического вопроса»⁴.

Отмечая значение экономических проблем в развитии общества, Герцен в противовес официальной историографии, толковавшей, как он писал, «о фасаде, о гербах, о заборах и сеньях, о границах и церемониалах», считал, что новая историческая наука должна «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические»⁵.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. III, М., 1954, стр. 86.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. V, стр. 163.

⁴ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XVIII, стр. 135—136.

⁵ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. IX, стр. 522.

Эти революционно-демократические принципы дали возможность Герцену глубоко и обстоятельно проанализировать конкретные вопросы русской истории. Он рассматривал ее диалектически, как процесс сложный и противоречивый, тесно связанный с развитием всеобщей истории. История России, по мнению Герцена, это история народа, а не самодержавно-дворянского государства. Подчеркивая, что она полна противоречий и тяжелых конфликтов, Герцен писал: «У нас везде грязь по колено и болото по пояс, эта грязь в русской истории всегда от дождя крови»¹.

Понимая тяжелое положение народа, Герцен питал безмерную любовь и безграничное уважение к нему. «Я страшно люблю Россию и русских, — писал он, — наша жизнь без остатка вся принадлежит русскому народу. Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу. Я работаю для него, он работает во мне»².

В произведениях Герцена получили отражение все важнейшие этапы, все актуальнейшие проблемы отечественной истории, начиная с древнейших времен и кончая первой половиной XIX века. В русской истории он видел три периода: киевский, московский и петербургский. Это, конечно, идеалистическая периодизация, в которой не учтены социально-экономические особенности. Но рассматривая каждый из периодов в отдельности, Герцен стремился показать роль народа, сочувствовал борьбе угнетенного крестьянства.

Основываясь на изучении древнерусских летописей, Герцен считал Киевскую Русь могучим славянским государством и решительно отбрасывал норманскую теорию. «Норманны, — говорил он, — в очень ограниченном числе пришедшие царить над нами, вскоре слились с подданными и потонули в славянском элементе»³.

Герцен не видел, что в Киевской Руси господствовала территориальная сельская община с имущественным неравенством ее членов и ошибочно переносил сюда патриархально-семейную общину, характерную для высшей ступени родового строя. Идеализируя общественный строй Древнерусского государства, он пишет:

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XX, стр. 105.

² А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XVII, стр. 371.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. I, стр. 31.

«Вообще в древней Руси мы не встречаем никакого отдельного, привилегированного обособленного класса»¹.

Герцен считал, что русское государство до XIV в. по уровню своего политического и культурного развития не уступало европейским государствам. «Ничто не дает права предполагать, — писал он, — чтобы оно стояло ниже их до XIV столетия»². Только вследствие татаро-монгольского владычества, длившегося около двух столетий, Европа смогла обогнать Россию.

Подчеркивая, что татаро-монгольское иго не сломало воли русского народа к сопротивлению, Герцен показывал процесс «перехода от феодальной раздробленности к самодержавной централизации, от Ивана Калиты через Ивана III к Грозному». Он правильно отмечал огромную роль Москвы в собирании сил для ликвидации татаро-монгольского владычества, в создании предпосылок для образования единого Русского централизованного государства. «Москва всегда становится в уровень с обстоятельствами, когда над Россией гремит гроза»³. Отмечая политическое первенство и прогрессивную роль Москвы, Герцен писал: «Около XVI столетия в России образуется средоточие, около которого тяготеют и кристаллизуются все разнородные части государства, это средоточие — Москва»⁴.

Подчеркивая организующую роль Москвы, Герцен показал, что объединительные тенденции появляются при Василии III и Иване III. «Необходимость централизации уже при них, — пишет он, — была очевидна. Без нее нельзя было бы ни свергнуть монгольского ига, ни спасти единство государства»⁵.

Правильно указав ряд причин установления централизованной монархии, Герцен не видел экономических предпосылок объединения, не различал классовой структуры общества и социальных противоречий. Он не понимал необходимости укрепления надстройки феодального общества и считал, что московское самодержавие было не единственным возможным путем развития Рос-

сии. Другим путем, по его мнению, был путь вольного общинного развития.

Считая деятельность Ивана IV прогрессивной, направленной на укрепление Русского государства, он вместе с тем оценивал самого Грозного, с одной стороны, как государственного деятеля, а с другой — как самовластного тирана. «Грозный, — пишет он, — самое трагическое лицо в истории человечества — великий ум, сердце гены и ирония, почерпнутая из глубокого презрения людей и своего народа»¹.

Герцен восхищался действиями казаков Ермака и теми русскими людьми, которые несколько позже дошли до Берингова пролива, «провидевши возможность поставить Русь лицом к лицу с Северо-Американскими Соединенными штатами»². Он близко подошел к научному объяснению причин крестьянских войн XVI—XVII вв., считая, что они были вызваны усилением крепостничества. Степана Разина Герцен справедливо называл народным вожаком, а крестьянское восстание под руководством Пугачева считал величайшим событием, равным по своим последствиям французской революции 1789 года.

Герцен в целом правильно вскрыл предпосылки и прогрессивное значение преобразований Петра, который, по его мнению, «клином вбил нам просвещение». Правда, он до некоторой степени идеализировал Петра, когда писал: «Цари как Петр Великий стали впереди своего народа и повели его к образованию». В то же время он отмечал преувеличенное внимание Петра ко всему иностранному, а также то, что он «усилил права дворянства и еще крепче стянул цепи крепостничества»³.

Герцен правильно осветил основные моменты в развитии русской общественной мысли, определил роль Ломоносова, Новикова, Радищева и других выдающихся деятелей XVIII века.

Подчеркивая бессмертный подвиг народных масс в Отечественной войне 1812 г., он в то же время указывал, что народ, освободив страну от внешнего врага, остался в прежнем положении, и это привело к восстанию декабристов.

¹ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 313.

² Там же, стр. 314.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. I, стр. 61.

⁴ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VIII, стр. 32.

⁵ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 318.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. II, стр. 339.

² Там же.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. V, стр. 360.

Герцен первый правильно оценил восстание декабристов, увидел ограниченность их мировоззрения и деятельности. Определяя главные причины поражения декабристов, революционер-демократ отмечал: «Невозможны уже были никакие иллюзии: народ остался безучастным зрителем 14 декабря»¹. В то же время он увидел главное, в чем была заслуга декабристов: «14 (26) декабря действительно открыло новую фазу нашего политического воспитания... Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз»².

Работы Герцена о декабристах замечательны тем, что он делает в них вывод о необходимости привлечения народа к революционной борьбе. Исключительно сильно звучат его слова: «До тех пор, пока мы будем принимать народ за глину, а себя за ваятелей и с нашего прекрасного высока лепить из него статую, мы в народе ничего не встретим, кроме упорного безучастия или обидно сострадательного повиновения»³.

30—40-е годы XIX в. были для Герцена современностью. Правда, грань между историей и современностью он считал весьма условной. «Мы не бежим от настоящего в прошедшее, потому что знаем, что последняя страница истории есть наша современная действительность»⁴.

Сыграв крупную роль в русской истории второй четверти XIX в., Герцен оставил произведение, в котором мастерски запечатлел все важнейшие события этого периода, дал яркую характеристику людей той эпохи и, что самое важное, показал главные тенденции исторического развития России. Его труд «Былое и думы», став подлинной энциклопедией русской жизни середины XIX в., является для нас важнейшим историческим источником. «Герцен первый русский мыслитель, — писал А. М. Горький, — до него никто не смотрел так разносторонне и глубоко на русскую жизнь... Для нас он интересен как некая правдивая мысль, которая на протя-

жении почти сорока лет отмечала и оценивала все разнообразные явления русской жизни»¹.

Гневно заклеив в «Былом и думах» николаевскую Россию, Герцен после кратковременного отступления к либерализму выдвинул лозунг: «Независимость Польше, земля крестьянам, свобода России!». О царствовании Александра II Герцен остроумно говорил, что это то же «николаевское время, но разведенное патокой».

Таким образом, Герцен внес очень ценный вклад в развитие революционной исторической мысли в России. Об этом можно сказать его же словами: «Мы с тобой, — писал он, обращаясь к Огареву, — принадлежим к тем старым пионерам, к тем «сеятелям», которые вышли рано, поутру, лет сорок назад, чтобы распахать землю, по которой пронеслась дикая николаевская охота на людей, раздавив все — плоды и почки. Семена, которые достались в наследство небольшому числу наших друзей и нам от наших великих предшественников, мы бросили в новые борозды, и ничто не погибло»².

Хотя Белинский и Герцен не смогли создать подлинно научной исторической концепции, их революционно-демократические и патриотические взгляды на отечественную историю явились ценным вкладом в развитие передовой русской исторической мысли.

Творческое усвоение уроков отечественной истории было для Белинского и Герцена сильным и действенным оружием в их непримиримой борьбе с официальной дворянской историографией. В процессе этой борьбы, развивая традиции Радищева и декабристов, они сформулировали основные принципы революционно-демократического понимания истории и, исходя из этого, анализировали главные события русской и всеобщей истории.

Понимая ее как процесс закономерного и прогрессивного развития, подчеркивая решающую роль народных масс, Белинский и Герцен с революционно-демократических позиций осветили политическую историю самодержавного государства, вскрыли классовую природу крестьянского антифеодального движения, осветили значение революционной деятельности Радищева и декабристов, внесли серьезный вклад в изучение истории рус-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII, стр. 214.

² Там же, стр. 200—201.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 353.

⁴ Там же, стр. 394.

¹ М. Горький. История русской литературы, стр. 206.

² А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 394.

ской культуры и показали приход разночинцев в освободительное движение в России.

Герцен уступал Белинскому в демократической последовательности своих убеждений, в признании неизбежности революционных преобразований. Но он имел возможность более обстоятельно и глубоко рассмотреть многие проблемы отечественной и всеобщей истории. В эмиграции, свободный от цензурных ограничений, он мог писать об истории России XVIII—XIX веков, стал основоположником истории русского освободительного движения, оставил непревзойденный памятник мемуарной литературы «Былое и думы».

Место Белинского и Герцена как зачинателей революционно-демократического направления в русской историографии определяется высокой идейностью, неподдельным патриотизмом, смелостью научных и политических исканий, а главным, необычайной энергией и последовательностью в защите интересов русского народа с помощью исторической науки. «Полнее сознавая прошедшее, — писал Герцен, — мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего, глядя назад, шагаем вперед...»¹.

Передовые взгляды Белинского и Герцена на историю оказали плодотворное влияние на дальнейшее развитие революционно-демократического направления в русской историографии. Они легли в основу исторической концепции их ближайших преемников — Чернышевского и Добролюбова.

ЛИТЕРАТУРА

✓ А. В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полное собр. соч., т. 21, стр. 255—262.

В. Г. Белинский. «История Малороссии» Николая Марковича. Полное собр. соч., т. VII, М., 1955, стр. 44—65.

В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1846 года. Полное собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 7—50.

А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собр. сочинений в тридцати томах, т. VII, М., 1956, стр. 137—263.

В. Е. Иллерицкий. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963.

Историография истории СССР, стр. 188—220.

Н. М. Пирумова. Исторические взгляды А. И. Герцена, М., 1956.

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. III, стр. 177.

ЛЕКЦИЯ 16

ОФОРМЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Борьба представителей революционно-демократического направления против помещичье-буржуазного либерализма и крепостнической реакции. Основные черты революционно-демократической концепции истории Чернышевского. Исторические взгляды Добролюбова. Место Чернышевского и Добролюбова в домарксовской историографии.

Деятельность выдающегося революционера и мыслителя дореволюционной России Николая Гавриловича Чернышевского (1828—1889 гг.) протекала на рубеже двух эпох — феодальной и капиталистической. В середине XIX в. наша страна переживала острый политический и экономический кризис, обусловленный наличием крепостного права, которое мешало становлению капиталистического способа производства. Ленинские слова о том, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»¹ — краткая, но очень яркая характеристика положения страны перед реформой.

В условиях глубокого кризиса крепостничества вполне закономерным было обострение борьбы между двумя основными классами — помещиками и крестьянами, достигшее такой силы, что в стране сложилась первая в ее истории революционная ситуация. Происходило резкое размежевание борющихся классов и группировок. На

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 173.

одном полюсе концентрировались либералы, блокировавшие с крепостниками в страхе перед крестьянской революцией, на другом — революционеры-демократы. Первые стояли за постепенное проведение реформ, за сохранение помещичьего землевладения, за то, чтобы переложить всю тяжесть преобразования сельского хозяйства на плечи «освобожденных» крестьян. Революционные демократы боролись за революционное уничтожение крепостнических порядков, за народную революцию.

Общественно-политическая борьба прогрессивного и реакционного лагерей находила свое отражение в историографии. В исторической науке сталкивались две противоположные точки зрения на общественное развитие. Дворянско-буржуазные историки пытались с помощью исторических фактов защищать старое, отжившее, ликвидировать угрозу крестьянской революции.

Против официальной дворянско-буржуазной историографии, защищавшей самодержавно-крепостнические порядки, Чернышевский выдвинул оригинальную революционно-демократическую теорию общественного развития. Эта теория возникла на почве русской действительности середины прошлого столетия и впитала в себя все лучшее, что было создано передовыми представителями как русской, так и западноевропейской общественной мысли. Историческая концепция Чернышевского отражала растущее революционное движение крестьянских масс против феодально-крепостнического строя. Глубоко убежденный в том, что Россия «выступит мощно, самобытно и спасательно для человечества»¹, Чернышевский в противовес теориям официальной историографии стремился создать такую научную теорию развития общества, которая способствовала бы революционному преобразованию страны.

Еще во время учебы в семинарии Чернышевский был знаком со всеми крупнейшими работами как русских, так и западноевропейских историков. В его дневнике постоянно упоминаются имена Щербатова, Татищева, Карамзина, Ломоносова, Радищева, Гизо, Тьерри, Минье, Ролана, Гильома, Монтескье, Шлоссера, Нибура, Руссо и других. Из 63 сочинений, написанных им в семинарии, 40 были посвящены историческим темам.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 48.

Расширяя и углубляя свои исторические знания в период учебы в Петербургском университете, Чернышевский к моменту окончания его, как писал один из современников, «владел самыми обширными сведениями по истории, — это был его любимый предмет, его специальность. Он рисовал сцены из истории французской революции или из эпохи Возрождения, изображал характер древних Афин или двора византийских императоров»¹.

Изучая историю с позиций защиты интересов угнетенного класса, Чернышевский считал предметом исторической науки не деяния великих людей, королей и полководцев, а жизнь и борьбу народных масс. В связи с этим, высказывая неудовлетворенность состоянием исторической науки XIX в. он писал, что в сущности вся история «продолжает быть по преимуществу сборником отдельных биографий, а не рассказом о судьбе целого населения, то есть скорее похожа на сборник анекдотов, прикрываемых научною формою, нежели науку в историческом смысле слова»².

Выступая против тенденциозного, узкоклассового подхода к истории представителей дворянской и буржуазной историографии, Чернышевский стремился расширить содержание предмета исторической науки за счет включения в нее новых элементов. «Жизнь рода человеческого, — писал он, — как жизнь отдельного человека, слагается из взаимного проникновения очень многих элементов: кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства, не менее важны нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование...»³.

Чернышевский считал, что историческая наука должна объяснить человеку мир для того, чтобы он мог изменить его⁴.

Используя историю как острое оружие политической борьбы с реакционно-самодержавной идеологией, Чернышевский шел в русской историографии по пути, проложен-

¹ См. Н. Н. Разумовский. Педагогические идеи Н. Г. Чернышевского, М., 1948, стр. 11.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 357.

³ Там же, стр. 356.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Избр. соч., М., 1934, стр. 125.

ному его предшественниками Радищевым, Белинским и Герценом.

Эта преемственность исторических взглядов революционера-просветителя XVIII в. Радищева, крупнейших революционных демократов Белинского и Герцена и их гениального продолжателя Чернышевского отвергалась дворянскими и буржуазными историками, так же как факт существования самостоятельной революционно-демократической концепции истории. Между тем самое общее сравнение исторических взглядов Радищева, Белинского, Герцена и Чернышевского убеждает в наличии довольно определенной и четко выраженной прогрессивной, демократической линии в русской историографии, которая идет от Ломоносова к Радищеву, находит свое дальнейшее развитие в работах Белинского и Герцена и, получив наиболее яркое выражение в трудах Чернышевского, создает предпосылки для торжества марксистско-ленинской исторической науки в России.

Важнейшей чертой исторических взглядов великого русского революционера-демократа является пламенный патриотизм и глубокая вера в творческие силы народа. Эта черта определялась горячим желанием Чернышевского видеть Россию сильной и независимой, а русский народ — свободным и счастливым. «Любим мы родину свою, и хотим — добра ей, — писал он в статье «Полемические красоты»¹.

История для Чернышевского была источником непоколебимой веры в могучие творческие силы русского народа и его великое будущее. Изучая героическую борьбу народа, он делал вывод, что в каждом русском человеке живет чувство национальной гордости, основанное на том, что «не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские..., а спасителями, — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшиеся всем выстрелам, стеною, которую вполонину было разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона»².

В тесной связи с первой чертой находится вторая осо-

бенность исторической концепции Чернышевского, ее боевая партийность и политическая заостренность.

Идеолог революционного крестьянства, Чернышевский в области истории последовательно и решительно защищал интересы этого класса. Он беспощадно разоблачал мнимую объективность и беспристрастие официальной историографии. Опровергая утверждение Чичерина о том, что «дурно поступают те историки, которые пишут под влиянием современных политических событий», что «историк не должен вносить страстей настоящего в изображение прошедшего», Чернышевский писал: «Чичерин, по-видимому, не знает истинного смысла тех возгласов об историческом беспристрастии, которыми наполнены все реакционные книги. Реакционеры называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош... ни один, сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»¹.

Борясь против реакционных школ и устаревших направлений в исторической науке, Чернышевский был беспощаден к своим политическим врагам. «Я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки или литературы, или чего-нибудь такого не личного, а общего»².

Третьей чертой исторических взглядов Чернышевского является их последовательный демократизм и революционная целеустремленность, унаследованная от Белинского. Эта черта ставила Чернышевского на голову выше представителей западноевропейской исторической науки. Вся деятельность Чернышевского была подчинена борьбе за освобождение народа. Этим объясняется особый интерес, который Чернышевский проявлял к истории революционных эпох, к истории преобразований.

Четвертая черта его исторических взглядов — исторический оптимизм, вера в неизбежную победу прогрессивных сил. Глубокое и всестороннее изучение истории позволило Чернышевскому на основе смелых догадок своих предшественников создать теорию закономерного и про-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, стр. 756.

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, стр. 44.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 660, 661.

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. III, М.—Л., 1930, стр. 29.

грессивного развития общества. «История — это вера в прогресс», — говорил Чернышевский, твердо убежденный в том, что все передовое и прогрессивное неизбежно побеждает. В то же время, как диалектик, он улавливал противоречивый, скачкообразный характер общественно-го развития. «Путь, по которому несется колесница истории, чрезвычайно извилист и испещрен рывками, косо-горами и болотами, так что тысячи напрасных толчков перетерпит седок этой колесницы, человек, и сотни верст исколесит всегда для того, чтобы продвинуться на одну сажень ближе к прямой цели»¹.

Эти слова Чернышевского о противоречивом и скачкообразном характере исторического процесса стоят в прямой связи с его утверждением о том, что «девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы»², то есть во время революции.

Признание революции как необходимого и решающего элемента развития лежит в основе исторического оптимизма Чернышевского. В этом отношении он был твердо убежден, что тому, кто понял законы исторического прогресса, кто уяснил неизбежность смены одних периодов другими, можно с уверенностью смотреть в будущее. Веря в «наступление рассвета» на русской земле, Чернышевский не просто ждал его, он делал все для того, чтобы приблизить этот желанный час. История, по мнению Чернышевского, не бесстрастная наука о прошлом, а руководство к революционным действиям в будущем.

В соответствии с этой главной задачей, в осуществлении которой Чернышевский видел смысл всей своей жизни, находится пятая особенность его исторических взглядов — наличие в них элементов исторического материализма. Такими элементами следует считать: учение о единстве и закономерности исторического процесса, гениальные догадки об источниках прогресса, утверждение о решающей роли народных масс в истории и, наконец, классовый анализ характера и сущности отдельных исторических событий.

Крупнейший революционер, стоявший в центре освободительного движения 60-х годов XIX в., Чернышевский

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. V, стр. 221.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VI, стр. 13.

не мог не сделать попытки выйти за тесные рамки идеалистического толкования истории. Конечно, социально-экономические условия середины XIX в. не позволили ему перейти на позиции исторического материализма, однако несомненно то, что он стоял на пути к материалистическому пониманию истории.

Материалистическая идея общности развития всех народов была выдвинута и развита Чернышевским в ряде его работ, особенно таких, как «Очерки научных понятий по вопросам всеобщей истории», «Антропологический принцип в философии», «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Критика философских предубеждений против общинного владения».

В эпоху Чернышевского вопрос об общности или отличии в развитии России и Западной Европы приобретал большой политический интерес. Возражая представителям официальной историографии, пытавшимся показать особый характер русской истории, Чернышевский прежде всего критиковал различные теории, которые отрицали единство мировой истории, разбивали ее на историю отдельных рас и народов. «Все расы произошли от одних предков, — писал он, — все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»¹.

Исходя из этих материалистических принципов, Чернышевский вскрыл истинную подоплеку расовых теорий, их реакционный классовый характер. Так, например, рассматривая историю порабощения негров в Америке, Чернышевский показал, чей социальный заказ выполняют расовые лженаучные теории. Он писал: «Рабовладельцы были люди белой расы, невольники — негры; потому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории о коренном различии между разными расами людей»².

Чернышевский доказал, что не физические и не расовые качества, а «обстоятельства жизни, исторические условия» определяют историю того или другого народа. «В работе якутского семейства над изготовлением одежды лежит уже зародыш Манчестера, как в якутской землянке — зародыш Лондона»³, — замечает он.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. X, стр. 819.

² Там же, стр. 809.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, стр. 274.

Таким образом, не отрицая отличительных особенностей в развитии народов, Чернышевский делал вывод о единстве мировой истории. Исходя из этого, он рассматривал историю России в тесной связи с развитием всеобщей истории. «Русская история, — писал он, — понятна только в связи с всеобщей, объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории»¹.

Выступая против Чичерина, который утверждал, что перевес либерализма или демократии, победа революции или диктатуры в Западной Европе, — «все это вопросы, не имеющие для России жизненного значения», — Чернышевский убедительно доказывал на примерах Семилетней войны, французской революции и наполеоновских войн, что русская история тесно связана с западноевропейской. «Уже очень много лет, — писал он, — наша судьба связана с судьбою Западной Европы и каждое важное событие в ней отражается на нас... Вспыхнула французская революция и характер администрации у нас сделался решительнее, прямее и пружины действия перестали прикрываться философскими украшениями. Из революции вышел Бонапарт, и мы были запутаны в продолжительные войны, кончившиеся удачно, но разорившие Россию»². Продолжая перечисление столь неоспоримых фактов, Чернышевский заключает: «Этих слов уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствие (у Чичерина — В. А.) способности понимать положение России»³.

В 1861 г. Чернышевский подготовил к печати в «Современнике» рукопись Чаадаева «Апология сумасшедшего» и написал к ней предисловие и послесловие, в которых отвергал ошибочные утверждения Чаадаева, порочащие историю русского народа. Опровергая заключение Чаадаева о том, что в «нашей истории нет смысла», а потому «у нас нет истории», Чернышевский писал, что такое утверждение было вызвано, с одной стороны, мрачными условиями николаевской реакции, а с другой — низким уровнем исторической науки. В истории Карамзина, по которой Чаадаев пытался судить о прошлом России, есть,

по выражению Чернышевского, «нескладица и пустота», ибо Карамзин в угоду своим дворянским интересам грешил против историзма и изображал одинаковым образом совершенно различные исторические эпохи. «По Карамзину злодей Борис Годунов и злодей Святополк Окаянный говорят одинаковым языком, имеют одинаковые понятия и управляют обществом совершенно одинаково»¹, — писал Чернышевский.

Говоря о единстве закономерности в развитии русской и мировой истории, Чернышевский видит тут не только связь, но и определенный смысл. «Теперь русская история несколько разработана, и мы видим, что в ее развитии была связь, был некоторый смысл — хороший или дурной, это все равно, но был смысл»². Следовательно, по его мнению, глубоко ошибочен вывод Чаадаева о характере преобразований Петра I, о том, что «Петр Великий нашел свою страну листом белой бумаги, на котором можно написать сколько угодно»³.

Чернышевский оценивал петровские реформы «с точки зрения существенных интересов русского населения»⁴. Он считал, что и до Петра Россия имела свою историю, свои обычаи и нравы, а новшества петровские коснулись чисто внешней стороны. «Бороды сбрили, — писал он, — немецкие платья одели, но остались при тех же самых понятиях, какие были при бородах и старинном платье»⁵.

Вопреки утверждениям Н. Сладкевича о том, что Чернышевский осуждал увлечения Петра I иноземным⁶, следует отметить, что он видел чисто внешний характер петровских заимствований и поэтому обращал больше внимания на национальный характер реформ, чем на иноземные новшества. Важность петровских реформ Чернышевский усматривал прежде всего в том, какое влияние они оказывали на русскую жизнь. «Целью деятельности Петра, — говорил он, — было создание сильной военной

¹ Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1928, стр. 65.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. III, стр. 193.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты..., стр. 67.

⁶ Н. Сладкевич. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова, «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 43.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, стр. 268.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VI, стр. 657.

³ Там же, стр. 657—658.

державы, превращение России в европейскую страну»¹. В этой связи показательно упомянутое предисловие к письму Чаадаева. В нем революционер-демократ пишет о Петре I: «Он был истинно русский человек, не изменивший ни одному из важных в общественной жизни понятий и привычек, господствовавших у нас... Чтобы убедиться в этом, надобно только обратить внимание на то, как он действует. Способ его действия чисто национальный, без малейшей примеси западного характера»².

Развивая идею единства в истории Западной Европы и России, Чернышевский решительно выступал против слепого преклонения перед всем западноевропейским. Он призывал учиться всему действительно великому и хорошему в Западной Европе и одновременно с этим разоблачал западников, идеализировавших без разбора все западноевропейское. «Люди, восхищающиеся всем, что ныне делается во Франции», — говорил Чернышевский, — не заслуживают одобрения, «как бы громко ни кричали они о своем сочувствии к западной цивилизации, — потому что и во Франции, как повсюду, гораздо более дурного, нежели хорошего»³.

На основе закона общности развития России и Западной Европы Чернышевский определил, что в России, как и в Западной Европе, «главным источником нищеты и бедствий» является «не недостаточность средств к быстрому и коренному улучшению народного быта, а несправедливое распределение этих средств...»⁴.

Решив по существу материалистически вопрос о единстве истории и общности ее законов, Чернышевский установил прогрессивный характер действия этих законов и на этой основе разработал теорию закономерности исторического прогресса.

Диалектический подход к анализу общественного развития позволял Чернышевскому видеть основу развития в объективной необходимости, не зависящей от воли людей. Англо-французы, говорил он, начиная Крымскую войну 1853—1856 гг., стремились принести России как можно больше вреда, и, несмотря на это, «все мы видим,

¹ Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты..., стр. 69.

² Там же, стр. 68.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 723—724.

⁴ Там же, стр. 726.

что война принесла довольно значительную пользу России»¹. В «Письмах без адреса» характер этой пользы разъясняется следующим образом: «Крымская война сделала необходимостью освобождение крестьян... Военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны»².

Эти слова свидетельствуют не только о превосходном понимании Чернышевским современной ему действительности, ее мастерском анализе, — в данном случае мы имеем пример удачного распространения одного из законов диалектики на общественное развитие. Учение Чернышевского о закономерности исторического прогресса, в основе которого лежала идея противоречивого революционного развития, было высшим достижением передовой общественной мысли России в середине XIX века.

Исходя из этого учения, Чернышевский решительно отвергал реформистский путь развития России и делал вывод о необходимости народной революции. «Каждый год русские бабы и девки, — писал он, — по несколько раз трудятся над полотьем сорной травы на своих скудных полях, и каждый год сорная трава вырастает снова. Мы совершенно убеждены в необходимости полоть, но думаем, что подобное занятие вышеупомянутых баб и девок остается работою Данаид, пока их мужья не убедятся в необходимости переработать почву своих полей глупою пропашкою»³.

Наиболее сложным и противоречивым в произведениях Чернышевского является вопрос об источниках прогресса, о том, что лежит в основе закономерного развития истории. Великий русский мыслитель пытался найти законы, лежащие в основе исторической необходимости, и неизбежно вступал в противоречие с окружающей действительностью, которая в силу своей незрелости не давала достаточного материала для правильного материалистического решения этого вопроса.

Как просветитель, Чернышевский ставил прогресс в зависимость от распространения просвещения, от успехов науки и литературы. Такой чисто идеалистический взгляд

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 860.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. X, стр. 34.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 253.

на источники прогресса развит в его работах: «О причинах падения Рима», «Приложения к всеобщей истории», «Разбор сочинения Гизо», «История цивилизации», «Лессинг и его время», и многих других. В них Чернышевский прямо говорит, что «основная сила прогресса — наука, успехи прогресса соразмерны степени совершенства и степени распространенности знаний»¹.

Но было бы ошибкой на основе таких утверждений Чернышевского говорить, как это делают Плеханов и другие, о последовательности его идеалистических позиций. Разделяя просветительские взгляды, Чернышевский в то же время был крупнейшим революционным деятелем, и в этом его отличие от обычных просветителей. Когда дело касалось практических выводов о революционном преобразовании страны, Чернышевский понимал, что одно распространение знаний не принесет освобождения. Он делал большой шаг вперед в направлении материалистического определения источников прогресса, утверждая, что «стремление человека и потребности человека существуют независимо от литературы и науки».

В основу развития общественной жизни Чернышевский клал экономические условия, материальный быт и близко подходил к решению вопроса в духе исторического материализма, когда говорил «о материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих почти коренную причину всех явлений и в других, высших сферах жизни»².

Правильно поняв значение промышленного развития, Чернышевский в марте 1857 г. писал: «В наше время главная движущая сила жизни, промышленное направление, все-таки гораздо разумнее, нежели тенденции многих прошлых эпох»³.

Чернышевский был близок к признанию прогрессивной роли капитализма на определенных ступенях его развития. «Когда развивается промышленность — прогресс обеспечен». Поэтому нужно радоваться «усилению промышленного развития у нас»⁴, — говорит он о распространении капиталистической промышленности в России.

Без изменения экономических условий Чернышевский

не представлял себе коренного переустройства общества. Конечно, живя в стране, скованной цепями крепостнической системы, он не имел достаточно данных для того, чтобы четко определить само понятие экономических условий. Чаще всего под этим он понимал всю область материальных отношений, всю область материальной жизни. Несмотря на это, он сделал смелую попытку, независимо от Маркса, определить закон развития производства. В этом пункте своей теории Чернышевский наиболее близок к историческому материализму Маркса и Энгельса. Рассматривая труд исторически, он делал вывод об изменении его социальных форм в зависимости от изменений орудий производства. «Перемены в качествах труда, — пишет он, — вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»¹.

Показав, что переход от рабского труда к вольнонаемному был вызван изменениями в характере орудий производства, Чернышевский делал вывод, что дальнейшее изменение орудий производства неизбежно приведет к переходу от наемного труда к свободному, при котором работник будет сам хозяином своей судьбы.

Веря в победу нового социального строя, который принесет народу свободу и благосостояние, Чернышевский связывал победу с революционными изменениями, прежде всего в экономике. «Сущность социализма собственно относится к экономической жизни», — писал он².

Конечно, если исходить из этого высказывания, то можно прийти к выводу, что Чернышевский был историческим материалистом. Но такое яркое выражение материалистической тенденции не было у него последовательным и окончательным. В ряде других работ, в частности, в последних, относящихся к 1885—1889 гг., Чернышевский вновь выдвигает идеалистическое определение прогресса, связывая его с развитием науки и просвещения. Так, в статье «Общий характер элементов, про-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, стр. 645.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 357.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 860.

⁴ Там же, стр. 861.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IX, стр. 222.

² Там же, стр. 828.

изводящих прогресс», он лишет, что прогресс является результатом улучшения умственных и нравственных сил человека, а отличие человека от животного заключается в умственном развитии. Такие идеалистические срывы свидетельствуют о том, что Чернышевский не смог достаточно последовательно, материалистически решить этот важный вопрос. Правда, повторяем, в своих революционных выводах, в своих практических действиях Чернышевский руководствовался главным образом материалистическими тенденциями.

Что касается идеалистической трактовки им вопросов общественного развития, то исчерпывающее объяснение этого обстоятельства дал Энгельс: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов. Все его духовное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером... Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше»¹.

При конкретном анализе отдельных исторических событий Чернышевский улавливал их классовую сущность. Правда, он не совсем ясно определял понятие класса. Но ленинские слова о том, что «от его сочинений веет духом классовой борьбы»², достаточно определенно характеризуют эту сторону его исторических воззрений.

Чернышевский правильно утверждал, что основной движущей силой в истории является деятельность народных масс. «Как не рассуждать, — писал он, — а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массой народа»³. Нужно сказать, что вопрос о роли народа был центральным пунктом расхождения между революционно-демократической и либерально-монархической точками зрения на общественное развитие. Определяя свое отношение к этому вопросу с позиций революционной демократии, Чернышевский писал: «История должна знакомить нас с ходом развития

обществ и народов, а не только с военными событиями и сухими именами, не имеющими существенной важности для нравственной и экономической жизни народов»⁴.

На конкретных исторических примерах — борьбе против польских интервентов в 1612 г., Северной войне 1700—1721 гг., Отечественной войне 1812 г., Чернышевский показал, что народ добивался победы, но волею правящих классов лишался ее плодов.

Недооценку роли народа Чернышевский ставил в упрек Соловьеву, несмотря на признание его больших заслуг в развитии русской исторической науки. Он говорил, что у Соловьева нет народа, нет истории его развития, а главное, не показана решающая роль народа в русской истории.

Важнейшей особенностью русской истории, по мнению Чернышевского, является стремление народа к национальному единству. «Сознание национального единства», а не «провинциальные стремления», писал он, уничтожило раздробленность и объединило русские земли вокруг Москвы². В статье о Грановском Чернышевский писал: «Почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения»³. Это русский народ, говорил Чернышевский, избавил Европу от татарского нашествия, это он в героической борьбе сбросил власть татаро-монголов, это он «выручил Москву от поляков», спас Украину от порабощения, сокрушил непобедимых шведов и в борьбе с Наполеоном «завоевал своему государству первенство в Европе»⁴.

Указывая на решающую роль русского народа в истории, Чернышевский в то же время отмечал его бедственное и угнетенное положение. В «Письмах без адреса» он с горечью говорит: «Звали народ выручать Москву от поляков, народ пошел и выручил, и оставлен был в полужении, хуже которого не было прежде и не могло быть... Потом ему сказали: выручай Малороссию; он выручил, но ни ему, ни самой Малороссии не стало от этого лучше. Ему сказали: завоюй себе связь с Европой, он победил шведов и зовоювал себе вместе с балтийскими гаванями

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 441—442.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 25, стр. 94.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I, стр. 233.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, стр. 549.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 570.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 313.

⁴ Там же.

только рекрутчину и подтверждение крепостного права. Потом, по новым призывам, он много раз побеждал турок, захватил Литву, разрушил Польшу и опять-таки не получил себе никакой пользы. Двинули его против Наполеона; он завоевал своему государству первенство в Европе, а сам был оставлен все в прежнем положении»¹.

Давая такую характеристику истории русского народа, Чернышевский одновременно указывал, что в его время положение народа, особенно крестьянства, еще тяжелее. В статье «Суеверие и правила логики» он писал, что народ прозябает или дремлет в тяжелой летаргии, но когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает замечательную неутомимость и живость в работе. «Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми он вообще бывает подавлен»².

Чернышевский высказывал непоколебимое убеждение в том, что освобождение русского народа от крепостничества, от самодержавного гнета произойдет в результате крестьянской революции, а не убогих либеральных реформ. «Народ не думает, чтобы из чьих-нибудь забот о нем выходило что-нибудь действительно полезное для него»³, — писал Чернышевский, проявляя глубокий интерес к истории народных движений. Рассматривая вопросы, связанные с крестьянскими восстаниями, он, вопреки официальной историографии, называвший их бессмысленными бунтами, видел в них прежде всего выражение социального протеста угнетенных масс. Обобщая опыт крестьянской борьбы в России, он писал, что крестьяне, как главная революционная сила, должны начинать «доброе дело (т. е. восстание — В. А.) во всех местах в одну пору».

Чернышевский правильно понимал роль личности в истории и в этом отношении стоял значительно выше не только русских, но и западноевропейских буржуазных историков. Говоря в «Очерках гоголевского периода русской литературы» о значении Белинского, он так определял место личности в историческом развитии: «В делах, имеющих истинно важное значение, сущность не зависит

от воли или характера, или житейских обстоятельств действующего лица; их исполнение не обуславливается даже ничьей личностью. Личность тут является только служительницей времени и исторической необходимости. Кто вникает в обстоятельства, среди которых должна была действовать критика гоголевского периода, ясно поймет, что характер ее совершенно не зависел от исторического нашего положения; и если представителем критики в это время был Белинский, то только потому, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь он не таков, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себе другого служителя, с другой фамилией, с другими чертами лица, но не с другим характером: историческая потребность вызывает к деятельности людей и дает силу их деятельности, а сама не подчиняется никому, не изменяется никому в угоду»¹.

Нужно сказать, что Чернышевский не односторонне понимал зависимость личности от объективных условий. Он видел, что деятель, правильно понимающий исторический процесс, учитывающий потребности народных масс, может играть прогрессивную роль в общественном развитии. В этом отношении характерны его слова из статьи о Лессинге, написанной в 1857 году. Сильные личности, писал он, «характером своей деятельности дают тот или другой характер неизменному направлению событий, ускоряют или замедляют его ход и сообщают свою преобладающую силою правильность хаотическому волнению сил, приводящих в движение массы»².

Оценка преобразовательной политики Петра I, блестящая характеристика деятельности Белинского, данная в упомянутых очерках, анализ причин неудачи реформ Сперанского, беспощадная критика различных либеральных деятелей и многие другие примеры свидетельствуют о том, что Чернышевский правильно определял роль и место того или иного деятеля в истории, исходя прежде всего из того, какую пользу приносил он народу, насколько соответствовала его деятельность требованиям эпохи. «Во всех отраслях человеческой деятельности, — писал Чернышевский, — только те направления достигают бле-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. X, стр. 91.

² Из литературного наследия Чернышевского, Саратов, 1937, стр. 68—69.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. X, стр. 91.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 182—183.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IV, стр. 70—71.

стящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества. То, что не имеет корней в почве жизни, остается вяло и бледно, не только не приобретает исторического значения, но и само по себе, без отношения к действию на общество, бывает ничтожно»¹.

Глубина исторического анализа ярко проявилась у Чернышевского в определении значения и сущности реформы 1861 года. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — указывал В. И. Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»². Вскрывая крепостнический характер реформы, Чернышевский называл ее «заплатой на ветхом кафтане».

Определяя место Чернышевского в русской историографии, необходимо обратиться к известной ленинской оценке: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³.

Эта общая оценка мировоззрения Чернышевского, дополненная другим ленинским замечанием о том, что в трудах Чернышевского имеется «зачаток исторического материализма», позволяет утверждать, что, несмотря на идеализм во взглядах Чернышевского на развитие общества, в них проявляется сильная материалистическая тенденция; больше того, историческая мысль великого русского революционного демократа шла по тому пути, который в новых исторических условиях приводил к историческому материализму.

Исторические взгляды Николая Александровича Добролюбова (1836—1861 гг.), ученика и соратника

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 299.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 291.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 18, стр. 384.

Н. Г. Чернышевского по революционно-демократическому лагерю, почти полностью совпадают со взглядами последнего и поэтому их часто не отделяют друг от друга¹. Вместе с Чернышевским Добролюбов, теоретически обосновывая свою революционно-демократическую программу, внес значительный вклад в развитие прогрессивного направления в русской историографии, противопоставив свое оригинальное и передовое понимание истории реакционным взглядам либерально-монархических историков.

Мировоззрение Добролюбова складывалось в бурные годы, предшествовавшие отмене крепостного права.

Отстаивая идею крестьянской революции, Добролюбов решительно выступил против представителей славянофильства и юридической школы, которые с помощью исторических примеров пытались доказать ненужность и невозможность революции в России. Вместе с Чернышевским он стремился поставить историческую науку на службу своему народу, использовать ее в борьбе против самодержавно-монархического произвола. Добролюбов считал, что историки должны не только писать о народе, но и смотреть на историю глазами народа, что при анализе любого исторического события они прежде всего обязаны ставить вопрос: выиграли или проиграли от этого события народные массы².

Если интерес Добролюбова к истории определялся задачами борьбы за освобождение русского народа, то его исторические взгляды сложились, с одной стороны, под влиянием социально-политической обстановки в стране накануне реформы 1861 г., а с другой — под воздействием передовых представителей русской и западноевропейской историографии.

Из русских ученых — это Радищев, Белинский и Герцен, в некоторой степени Костомаров и Соловьев. У первых трех Добролюбов воспринял демократическую направленность исторических воззрений; у Костомарова, не разделяя его политических взглядов, отмечал стремление

¹ См. Н. Сладкевич. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 26—51; В. Е. Иллерицкий. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов — виднейшие представители революционно-демократического направления в русской историографии. «Историография истории СССР», стр. 235—258.

² Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. I, 1935, стр. 211.

к изучению народной жизни; Соловьева ценил за признаки им закономерности исторического развития, за обилие и точность фактического материала. Что же касается методологических принципов этих либерально-буржуазных историков, то Добролюбов не только не заимствовал их, но решительно отвергал.

В западноевропейской историографии Добролюбов хорошо знал работы Гизо — «Демократия во Франции» и «История цивилизации в Европе»; Тьерри — «Происхождение и развитие третьего сословия во Франции»; Луи Блана — «История Французской революции», и ряд других. В этих работах его привлекала идея классово-борьбы, являвшаяся краеугольным камнем революционно-демократического понимания истории. С большой похвалой Добролюбов отзывался о работах Шлоссера¹.

Наиболее известными историческими работами Добролюбова являются две статьи, посвященные разбору четырехтомной «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова, — «Первые годы царствования Петра Великого» и «Сведения о жизни и смерти Алексея Петровича»; статья, написанная в связи с выходом в Париже книги Н. А. Жеребцова «Опыт истории цивилизации в России», — «Русская цивилизация, сочинения г. Жеребцовым»; рецензия на дорожные заметки И. Бабста «От Москвы до Лейпцига» и др.

Кроме этого, Добролюбов написал более десяти рецензий на различные исторические работы. В его литературно-публицистических статьях имеется большое количество ценных высказываний по вопросам истории. Так, в критическом разборе работы Устрялова Добролюбов определяет содержание исторической науки. По его мнению, основным принципом, которым должен руководствоваться историк, является положение о решающей роли народных масс в историческом развитии. Это положение он формулирует следующим образом: «В общем ходе истории самое большое участие приходится на долю народа и только весьма малая доля остается для отдельных личностей»².

Для того чтобы история имела право на «серьезное ученое значение», утверждает Добролюбов, необходимо,

¹ См. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, стр. 522.

² Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 136.

чтобы в основу этой науки была положена мысль «об участии в событиях самого народа»¹.

Описывая внешнеполитические события, рассказывая о царях и полководцах, историки официального направления, считал Добролюбов, «на историческое развитие народа, на естественную, живую связь событий не хотят обращать ни малейшего внимания». Поэтому их работы, подобно сочинениям Устрялова, представляют собой не историю, «а какую-то плохо составленную всеобщую биографию великих людей...»².

Добролюбов требовал критического отношения к историческим источникам и в то же время предостерегал историков от чрезмерного увлечения официальными правительственными документами, ибо в них, по его мнению, или совсем не упоминаются или умышленно искажаются в интересах господствующего класса факты о жизни народа. Пользуясь подобными материалами, Устрялов извратил характер народных волнений при Петре I, объясняя их привязанностью народа к старине, недовольством петровскими новшествами. По мнению Добролюбова, народные выступления были вызваны «причинами, которые увлекали народные массы за Разиным, Пугачевым и которые зависели от недовольства обычным ходом жизни и существующими порядками»³. Поэтому историка должны интересовать «не генеалогические предания и не внешняя стройность государственной организации»⁴, а внутренняя жизнь народа, его быт и нравы.

Вместо этого дворянско-буржуазные историки, основываясь на официальных документах или на прямой фальсификации, пишут о «деятельности немногих, составляющих ничтожное меньшинство в сравнении с целым народом, о судьбах которого решительно нет известий, как будто его не существовало»⁵. Отсюда неспособность или нежелание историков государственной школы объяс-

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произ., т. I, 1945, стр. 194.

² Там же, стр. 124.

³ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. IV, стр. 203.

⁴ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произ., т. II, 1948, стр. 567.

⁵ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. IV, стр. 203.

нить многие противоречия между стройностью «государственного скелета и хаосом живой народной жизни»¹.

Говоря о необходимости изучения народной жизни, Добролюбов был близок к правильному пониманию классовой борьбы и ее значения в историческом развитии. По его мнению, «борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории», он говорит о разделении общества на трудящихся и эксплуататоров, о том, что в таком обществе, где вся власть принадлежит эксплуататорам, невозможно, чтобы «интересы государства и народа всегда были нераздельны и тождественны». Наоборот, «часто мы видим в истории, что... государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс...»², а поэтому «результат воззрения государственного бывает в истории чрезвычайно различен от результата народного»³.

В соответствии с таким пониманием общественного развития Добролюбов считал, что историческая наука «должна прежде всего исследовать и освещать, с одной стороны, права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах»⁴. Историк обязан горячо защищать интересы трудящихся масс, ибо главной тенденцией исторического развития является ликвидация эксплуатации и торжество свободного труда.

Находясь под определенным влиянием французской буржуазной историографии периода Реставрации, Добролюбов пошел значительно дальше ее крупнейших представителей в понимании классовой борьбы, в определении ее роли в истории.

О. Тьерри, являвшийся, по словам Маркса, «отцом классовой борьбы во французской историографии»⁵, после революции 1848 г. стал проповедовать классовый мир, отрицал наличие классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Он «стремился доказать, — писал Маркс, — что *tiersetat* (третье сословие — В. А.) включает в себя все сословия, кроме *noblesse* и *clerge*

(дворянства и духовенства — В. А.), и что буржуазия играет свою роль в качестве представительницы всех этих остальных элементов»¹.

Другой крупнейший представитель французской буржуазной историографии — Гизо в своей «Истории цивилизации в Европе» утверждал, что вся история французской цивилизации — это прежде всего история освобождения буржуазии. После революции 1848 г. он стал доказывать, что все классы во Франции являются «естественными глубокими элементами французского общества, а поэтому борьба пролетариата против буржуазии — ничем не оправданное зло»².

В противовес утверждениям этих историков Добролюбов, выражавший интересы народных масс, не считал буржуазию представительницей народа и сводил историю цивилизации не к истории освобождения буржуазии, а к истории освобождения трудящихся от всяческой эксплуатации, в том числе и от буржуазной.

Следует отметить, что вопрос о происхождении классов, о причинах эксплуатации Добролюбов решал идеалистически, ставя «дармоедство», или эксплуатацию, в зависимость от распространения и распределения знаний между людьми. «Ясно, — утверждал он, — что все это происходит именно от того, что количество знаний, распространенных в массах, еще слишком ничтожно, чтобы сообщить им правильное понятие о сравнительном достоинстве предметов и о различных отношениях между ними»³. В то же время Добролюбов понимал, что само по себе просвещение не уничтожит эксплуататорские классы. «...С развитием просвещения в эксплуатируемых классах, — пишет он, — только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации»⁴.

Единственным выходом из этого положения великий революционер-демократ считал «необыкновенные обстоятельства», т. е. крестьянскую революцию. В статье

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

² См. Г. Г. Караваев. Социологические воззрения Н. А. Добролюбова. Ученые записки ЛГУ, серия философ. наук, вып. 7, 1956, № 196, стр. 194.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произ., т. II, стр. 568.

⁴ Там же, стр. 185.

¹ См. А. В. Предтеченский. Исторические воззрения Добролюбова. Известия АН СССР, отд. обществ. наук, 1936, № 1—2, стр. 99.

² Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, стр. 124.

³ Там же.

⁴ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произ., т. II, стр. 567—568.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

«Народное дело» он писал: «Всеми средствами образованности, всеми преимуществами новейших открытий и изобретений владеют неработающие классы общества, которым нет никакой выгоды передавать оружие против себя тем, чьим трудом они до сих пор пользовались даром. Следовательно, без участия особенных необыкновенных обстоятельств нечего и ждать благотворного распространения образования и здравых тенденций в массе народа»¹.

В этой же статье были слова, не пропущенные цензурой, так как в них содержалось обоснование неизбежности революции. «Нет такой вещи, которую можно было бы гнуть и тянуть бесконечно; дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется. Так точно нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения»².

В рецензии на книгу Бабста Добролюбов, иронизируя по поводу утверждения автора о том, что Европа, наконец, поняла преимущества медленного прогресса путем гласности, общественного мнения и просвещения и что поэтому «никакие катастрофы впредь не увлекут ее», писал: «Мы очень желаем, чтобы Европа без всяких жертв и потрясений шла теперь неуклонно и быстро к самому идеальному совершенству. Но мы не смеем надеяться, чтобы это совершилось так легко и весело... Нам кажется, что совершенно логического, правильного прямолинейного движения не может совершить ни один народ при том направлении истории человечества, с которым она является перед нами...»³.

Если сравнить последовательную революционно-демократическую точку зрения Добролюбова с позиций историков либерально-монархического лагеря, то станет очевидной их диаметрально противоположность.

Соловьев считал, что революционные взрывы являются «болезненными припадками», что в общественном развитии не может быть скачков. Чичерин выступал против положения Маркса «о насильственном ниспровержении всего существующего общественного строя». «История показывает, — писал он, — что за ниспровержением существующего всегда следует реакция, кото-

рая восстанавливает связь с прошедшим. Прочно только то, что приготовлялось медленным историческим процессом»⁴.

Разоблачая реформистские тенденции либералов, показывая их смертельную боязнь революции, Добролюбов в условиях роста классовой борьбы крестьян против помещичьего гнета, так же как и Чернышевский, выступал за организацию народных сил, за крестьянскую революцию. Решительный сторонник революционного уничтожения самодержавия и крепостничества, он все свои надежды возлагал на крестьянские массы. Положительное решение вопроса о роли народных масс в прошлом означало признание того, что крепостной строй может быть уничтожен «снизу», в результате революционного движения крестьянских масс.

Преодолевая идеалистические заблуждения своего времени, Добролюбов видел в народе действенную и решающую силу исторического развития. Конечно, он был далек от понимания роли народа как важнейшего элемента производительных сил, но тем не менее он, как и Чернышевский, приближался здесь к материалистическому решению вопроса.

Понимая народ как совокупность трудящихся масс и противопоставляя его эксплуататорским классам, Добролюбов не различал классов (пролетариата и крестьянства) внутри «простого народа». Ошибка эта вполне понятна, если учесть, что в то время пролетариат в России только зарождался. И тем не менее, решение Добролюбовым вопроса о роли народных масс в истории значительно глубже всего того, что было сказано об этом в буржуазной историографии.

Добролюбов предполагал, что не идеи, не законы и умозаключения, а материальные интересы дают направление историческому развитию и в то же время, подобно Чернышевскому, высказывал идеалистические мысли о том, что движущей силой в развитии общества являются просвещение и литература. «Не случайные порывы, не призрачные стремления, развивающиеся по чужим фантазиям, а именно масса таких выработанных знаний,

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв. т. II, стр. 185.

² Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, стр. 108.

³ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. II, стр. 182.

⁴ Б. Н. Чичерин. История политических учений, ч. V, М., 1902, стр. 189—190.

проникших в народ, управляют ходом истории человечества»¹.

Хотя Добролюбов был идеалистом в области истории, однако там, где речь шла о насущных политических задачах современности, он понимал, что само просвещение зависит от общественного порядка, что без революционного изменения существующего строя невозможно нормальное распространение знаний в народе. Больше того, Добролюбов подчеркивал, что не отвлеченные идеи и теории ведут к улучшению материального положения, а реальные жизненные факты. «Материальная сторона, — писал он, — во всех житейских отношениях господствует над отвлечением..., люди, лишенные материального обеспечения, мало ценят отвлеченные права и даже теряют ясное сознание о них»². Материальные интересы и потребности народных масс, их борьба против эксплуататоров и являются, по мнению Добролюбова, определяющим фактором истории.

Добролюбов неоднократно отмечал, что дворянские и буржуазные историки, как правило, преувеличивают роль отдельных исторических деятелей. Так, Устрялов, по мнению Добролюбова, изображал Петра I в качестве единственной и первоначальной причины всех событий его царствования. Разбирая книгу Вашингтона Ирвинга «Жизнь Магомета», Добролюбов замечает, что нельзя изображать историю в виде какой-то всеобщей биографии великих людей. «Помилуйте, — возмущался он, — какая это история?» Личность всегда выражает «потребности общества и времени, не она образует общество, а общество образует ее»³.

В то же время Добролюбов, как и Чернышевский, считал, что хотя действия великих людей обусловлены историческими обстоятельствами, они могут оказывать определенное влияние на ход истории. В связи с этим он всемерно подчеркивал роль вождей крестьянских войн и других революционных движений. Такое последовательное революционно-демократическое решение вопроса позволило Добролюбову теоретически обосновать необходимость и неизбежность революционной борьбы пе-

редовых представителей русского общества во главе трудящихся масс за ликвидацию самодержавно-крепостнического произвола.

Интересуясь различными эпохами всемирной истории, Добролюбов ставил на первое место вопросы истории России. Он считал, что Россия в своем развитии проходит те же исторические этапы, что и Западная Европа: «Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестной надеждой, что наш путь будет лучше, что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже несколько не прискорбно для нас...»¹.

Добролюбов решительно выступал против антинаучной норманской теории. Он считал основополагающими в истории Древнерусского государства внутренние общественные факторы. Летописи, писал Добролюбов, упоминают князей, «которые вовсе не должны были приходить к роднею Рюрику»². В отличие от Герцена, не видевшего социального неравенства в Древнерусском государстве, Добролюбов, так же как и Чернышевский, отмечал, что по мере обогащения дружинников разорялись крестьяне. Между прочим, Добролюбов подметил, что летописи отражали интересы господствующего класса. «Историю народа по... летописям составить... невозможно», — считал он³, убежденный, что именно народные массы сыграли решающую роль в борьбе за независимость Древнерусского государства. Говоря о пагубном влиянии княжеских усобиц в удельный период, Добролюбов опять-таки подчеркивал значение героической борьбы народа с внешними врагами.

В противоположность славянофилам, идеализировавшим допетровскую эпоху как время «единения власти с народом» и благоденствия народного, Добролюбов указывал на процесс постепенного закрепощения крестьян, в результате чего происходили крестьянские восстания. «Глухое недовольство, — писал он, — стало раздражаться открытыми восстаниями, внутренние бес-

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, стр. 244.

² Н. А. Добролюбов. Избр. философ., произв., т. II стр. 471.

³ См. А. В. Предтеченский. Исторические воззрения Добролюбова, стр. 105.

¹ См. А. В. Предтеченский. Исторические воззрения Добролюбова, стр. 106.

² Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, стр. 248.

³ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. I, стр. 232.

порядки увеличивались с каждым годом»¹. Много внимания уделял Добролюбов изучению петровских реформ. Они, по его мнению, были вызваны определенными условиями и являлись закономерным результатом предшествующего развития России. В противовес Устрялову, считавшему Петра I «идеальным философом», с юных лет наметившим программу преобразования страны, Добролюбов писал, что петровские реформы «вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси»².

Величие Петра I Добролюбов видел в осуществлении преобразований, которые «были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа»³; в то же время он не идеализировал его, как Белинский и Герцен. Борясь против распространения реформистских иллюзий накануне 1861 г., Добролюбов указывал, что петровские реформы легли тяжким бременем на плечи простого народа. В отличие от дворянско-буржуазных историографов, изображавших Петра I сверхчеловеком, Добролюбов впервые назвал его человеком талантливым и энергичным.

В «послепетровской эпохе» Добролюбов отмечал, с одной стороны, усиление вследствие преобразований военной и экономической мощи Российской империи, а с другой — засилье иностранцев, слепое преклонение господствующих классов перед иностранной культурой, рост эксплуатации крестьян.

Причину крестьянского выступления под руководством Емельяна Пугачева Добролюбов видел в недовольстве народных масс «обычным ходом жизни и существовавшими порядками».

Решая многие другие вопросы отечественной истории с революционно-демократических позиций, Добролюбов стремился определить дальнейшие перспективы развития своей страны. Самоотверженная борьба русского народа с внешними врагами, его героические антифеодальные выступления, любовь к свободе, настойчивость, духовная одаренность убеждали Добролюбова в неизбежности революционного выступления народных

масс, которое должно привести к ликвидации самодержавной власти.

Один из крупнейших представителей революционно-демократического направления в русской историографии, Добролюбов оказал большое влияние на своих современников и на последующие поколения русских историков. «Тонкость критического чутья Добролюбова, яркая и свежая мысль, отличное знание исторической литературы, глубокий ум аналитика, чрезвычайная политическая заостренность, — пишет А. В. Предтеченский, — все эти качества делают его далеко незаурядным явлением в русской историографии»¹.

Вместе с Чернышевским Добролюбов сказал последнее слово в прогрессивной домарксовской русской исторической науке.

Слова Энгельса в письме к Паприц от 26 июня 1884 г. помогают определить роль исторической концепции Чернышевского и Добролюбова в развитии мировой исторической науки. В России, писал Энгельс, — «была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»².

Как мы видим, для исторических взглядов Чернышевского и Добролюбова характерны пламенный патриотизм и вера в революционные силы народа, последовательный демократизм и политическая целеустремленность, вера в неизбежность исторического прогресса и диалектический подход к решению ряда частных вопросов истории.

Решив целый ряд вопросов общественного развития материалистически, Чернышевский и Добролюбов стояли на пути к материалистическому пониманию истории.

Выдвинутая ими в 60-х годах XIX в. система взглядов была вершиной в развитии домарксовской исторической науки.

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, стр. 198.

² Там же, стр. 137.

³ Там же.

¹ А. В. Предтеченский. Исторические воззрения Добролюбова, стр. 115.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 389.

Историческая концепция Чернышевского и Добролюбова, направленная против реакционных выводов официальной дворянско-буржуазной историографии, сыграла важную роль в подготовке условий для торжества марксистско-ленинской исторической науки в России.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собр. соч., т. 1, стр. 289—292.

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. Полное собр. соч., т. 20, стр. 173—176.

В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полное собр. соч., т. 25, стр. 93—94.

В. И. Ленин. Пометки на книге Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», Ленинский сборник, т. XXV, стр. 206—244.

Н. Г. Чернышевский. «История России» С. М. Соловьева, т. IV. Полное собр. соч., т. II, 1949, стр. 399—405.

Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Полное собр. соч., т. III, 1947.

Н. Г. Чернышевский. Чичерин, как публицист. Полное собр. соч., т. I, 1950, стр. 644—669.

Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого. Полное собр. соч., т. III, 1936, стр. 114—212.

В. Е. Иллерицкий. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963.

Историография истории СССР, стр. 235—258.

А. В. Предтеченский. Исторические воззрения Добролюбова. Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1936, № 1—2, стр. 93—116.

РАЗДЕЛ IV

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНО-ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ (Вторая половина XIX в.)

ЛЕКЦИЯ 17

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОХИ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Особенности социально-экономического развития. Отражение классовых противоречий в исторической науке. Общая характеристика различных направлений. Возникновение марксизма — величайший революционный переворот в историографии. Развитие и распространение исторических знаний в пореформенный период. Исторические журналы и библиография. Возникновение специальных и вспомогательных исторических дисциплин.

Вторая половина XIX в., открывшая новый период в истории России — период победы и утверждения капиталистической формации, является также и новым важным этапом в русской историографии.

Дальнейшее развитие исторической науки на этом этапе было связано прежде всего с утверждением революционно-демократического и возникновением марксистского понимания истории.

Подлинно научное, марксистско-ленинское направление в русской исторической науке росло и крепло в упорной борьбе с враждебными течениями. Такими течениями были продолжавшая развиваться буржуазная наука и постепенно сливавшаяся с ней дворянская, ко-

торая, несмотря на привилегированное положение, находилась в состоянии глубокого кризиса.

Борьба возникших и быстро растущих марксистских начал с господствующей, но постепенно дряхлеющей буржуазно-дворянской историографией протекала в сложных условиях. Процесс разложения феодально-крепостнического строя и развития капиталистических отношений, резкое обострение классовых противоречий, приведшее к революционной ситуации 1859—1861 гг., поставили перед Россией историческую задачу ликвидации крепостного права.

Вслед за отменой крепостного права в 1861 г. самодержавное правительство было вынуждено провести ряд буржуазных реформ 60-х—70-х гг., которые обеспечили утверждение капиталистической формации в стране и определили эволюцию царизма по пути превращения его в буржуазную монархию.

Новые производственные отношения способствовали быстрому развитию капитализма во всех отраслях народного хозяйства. Однако темпы развития капитализма в стране тормозили феодально-крепостнические пережитки, экономической основой которых было помещичье землевладение, и связанное с ним политическое господство дворянского класса.

Крестьяне, ограбленные реформой 1861 г. и несшие двойное бремя — бремя феодальной и капиталистической эксплуатации, продолжали упорную борьбу против помещиков и царизма за полную ликвидацию остатков крепостничества. Борьбу крестьянства идейно возглавляли революционеры-демократы, начиная с Чернышевского и кончая революционными народниками.

Одновременно с крестьянским движением за землю по мере формирования промышленного пролетариата в стране разгоралась вторая социальная война, война между новыми классами — пролетариатом и буржуазией.

В пореформенной России имели место противоречия и между двумя эксплуататорскими классами: растущей буржуазией, которая постепенно захватывала ключевые позиции в экономике, и помещиками, сохранявшими политическую власть и огромные земельные владения. Это были не антагонистические противоречия. Помещики и

самодержавное государство поддерживали буржуазию, а последняя, смертельно боясь революционного движения трудящихся, не только была не способна к решительной политической борьбе с царизмом и помещиками, но охотно шла на соглашение с ними.

Против исторического анахронизма — самодержавной власти, ставшей тормозом экономического, политического и духовного развития России, выступал пролетариат, широкие слои крестьянства и угнетенных национальностей, революционно-демократическая часть интеллигенции. Обострение классовой борьбы, выразившееся в крестьянском движении и усилении революционно-демократической агитации, первые выступления рабочих привели к тому, что в 1879—1880 гг. в стране вновь сложилась революционная ситуация.

Вторая революционная ситуация, как и первая, не переросла в революцию. В стране не было силы, которая могла бы организовать и повести на революцию трудящиеся массы. Русская буржуазия еще в период реформы 1861 г. стала на путь соглашательства с царизмом, а пролетариат не имел необходимой организованности и политической сознательности.

В таких условиях царизм от политики либеральных буржуазно-помещичьих реформ шарахнулся в сторону реакционных контрреформ 80-х годов. Однако и они были бессильны остановить развитие революционного движения.

По мере роста рабочего движения широкое распространение в России получали идеи научного социализма. Возникали первые рабочие организации и социал-демократические кружки. Выступления пролетариата начинали приобретать массовый, организованный характер.

В 1895 г. В. И. Ленин создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который вошел в историю освободительного движения как первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение. «Союз борьбы», руководимый гениальным вождем российского пролетариата, осуществил переход от узкой кружковой пропаганды к массовой политической агитации, впервые в России соединил социализм с рабочим движением, и тем самым открыл новый, пролетарский период революционной борьбы.

Утверждение капиталистической формации, обостре-

ние социально-экономических противоречий и революционное движение трудящихся масс Российской империи во второй половине XIX в. нашли отражение в области идеологии и в том числе в историографии.

Развитие исторической науки в указанный период определялось взаимодействием и острой борьбой двух основных факторов, отражающих сущность социальных отношений и классовую борьбу: с одной стороны, реакционной политикой царизма, охранительной, религиозно-идеалистической идеологией господствующих классов, давлением грубой силы чиновничье-бюрократической машины самодержавного государства, с другой — бурным фрустом освободительного движения и могущественным влиянием передовых революционно-демократических, а затем марксистско-ленинских идей.

Если первый фактор определял характер деятельности и политическую направленность либерально-буржуазных и реакционно-помещичьих историков, составивших общий монархический лагерь, то влиянием второго объясняется наличие революционно-демократического течения в историографии, а главное, возникновение материалистического понимания истории, означавшего начало коренного переворота в исторической науке.

Вся деятельность передовых представителей революционно-демократического, а затем марксистского направления в историографии протекала в упорной борьбе с представителями либерально-монархического лагеря, отражая в исторической науке интересы эксплуатируемого большинства. Их было не много, они были в опале, но за ними было будущее.

Буржуазно-помещичьи историки, наоборот, преобладали, занимали командные позиции, но в своем упорном стремлении отстоять с помощью истории отживший самодержавно-крепостнический строй они, несмотря на отдельные достижения, завели к концу столетия официальную историческую науку в глубокий идеалистический тупик.

Отличительной особенностью представителей революционно-демократического течения в пореформенный период, по словам В. И. Ленина, было то, что это были «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический ха-

рактер»¹. Отстаивая в исторической науке интересы крестьянских масс, революционеры-демократы стремились показать решающую роль народа в истории, вскрывали монархическую сущность дворянско-буржуазной историографии и противопоставляли ей свое революционное понимание общественного развития.

Революционно-демократическая концепция истории, созданная Чернышевским и его соратниками в середине XIX в., несмотря на общую идеалистическую основу, содержала зачатки исторического материализма.

Учение Чернышевского о единстве закономерности исторического прогресса, в основе которого лежала идея противоречивости революционного развития, было высшим достижением не только русской, но и западноевропейской историографии домарксистского периода. Имея в виду прежде всего это, Энгельс в известном письме к Паприц писал о превосходстве русской исторической школы над французской и немецкой официальной историографией².

В 60—90-е годы XIX ст., наряду с Н. Г. Чернышевским, прогрессивный вклад в развитие общественно-политической, философской и исторической мысли вносят А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович, Д. И. Писарев.

Деятельность первого русского профессионального историка-демократа А. П. Шапова, который принадлежал к революционно-демократическому лагерю, — яркий пример, свидетельствующий не только о жизнеспособности передового, прогрессивного направления, но и о дальнейшем развитии и влиянии его на историческую науку.

Рассматривая основные направления русской историографии пореформенного периода, историческую проблематику, толкование узловых вопросов русской истории и отношение к источникам, недостаточно показать превосходство революционно-демократического направления над дворянским и буржуазным. Необходимо подчеркнуть, что революционеры-демократы были в области истории ближайшими предшественниками марксизма и

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 174.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 389.

своей борьбой с буржуазно-дворянской наукой расчищали почву для утверждения материалистической теории познания.

Дворянские историки не могли уже создать ничего положительного. Обнаружив реакционные начала еще в дореформенный период, дворянская историография отражала кризис крепостнической идеологии и ту деградацию помещичьего класса, которая характерна для него в капиталистических условиях.

В пореформенный период продолжали свою деятельность в русле официальной реакционно-монархической идеологии М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов. Их отличали повышенный интерес к политической истории, безудержное восхваление самодержавной власти, откровенные охранительные тенденции, ненависть к представителям революционно-демократического лагеря.

Одновременно с представителями старшего поколения дворянских историков, писавших по старым, дореформенным самодержавно-крепостническим канонам, в дворянскую науку 60—90-х годов пришли историки Д. И. Иловайский, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Ф. Дубровин, которые уже не могли удержаться на чисто дворянских позициях и отразили в своих работах влияние буржуазной историографии.

Своеобразным и новым явлением в развитии официальной исторической науки рассматриваемого периода было сближение дворянской и буржуазной историографии. Политической основой этого сближения были: защита самодержавной власти, страх перед растущим революционным движением, борьба с революционно-демократическими, а затем марксистскими идеями.

Свидетельством упадка и бесплодия пореформенной дворянской науки была деятельность историков вроде Н. К. Шильдера, которые ограничивались трудами по истории отдельных самодержцев.

В целом дворянская наука эпохи промышленного капитализма была пройденным этапом, вчерашним днем в русской историографии.

Конечно, и буржуазная наука не развивалась по непрерывной восходящей линии. Сложившись еще в первой половине XIX в., она нашла в капиталистической России относительно благоприятные условия для своего

утверждения в качестве господствующего направления в академической науке. Она же стала главным противником революционно-демократического и марксистского направлений.

В силу особенностей русской истории буржуазия в нашей стране так и не стала революционной силой. Еще не добившись ни экономического, ни политического господства, она перед лицом острых классовых противоречий в годы реформы пошла на компромисс с помещиками и царем и фактически уже тогда оказалась на консервативных позициях. Следовательно, процесс утверждения и победы капиталистической формации содержал в себе ощутимые черты либеральной непоследовательности буржуазной идеологии, наложившей отпечаток внутренней противоречивости и на развитие буржуазной исторической науки.

Философской основой этой науки в пореформенный период стала система позитивизма, создателем которой был Огюст Конт (1798—1857 гг.); автор шеститомного «Курса позитивной философии».

Возникшая в Западной Европе в период победы и утверждения капиталистического способа производства, позитивистская теория была одной из разновидностей идеализма. Основные тезисы позитивистской доктрины—отождествление объекта научного знания с ощущениями и отрицание познаваемости сущности явлений—были заимствованы у субъективного идеалиста Д. Беркли и агностика Д. Юма. Заявив, что его система стоит над идеализмом и материализмом и что «наука заменяет собой философию», О. Конт фактически переносил субъективный идеализм и агностицизм в науку, подрывал ее познавательную ценность и открывал путь религиозному объяснению действительности.

Общественное развитие, по Конт, — плавная, бесконфликтная эволюция, постепенный переход общества от примитивного состояния к высшим формам. Отводя в такой постепенной эволюции определенное место географической среде, климатическим условиям, плотности населения и расовым признакам, Конт считал решающей силой общественного прогресса разум, идеи. Рассматривая историю познания природы как последовательную смену «трех состояний человеческого ума» — теологического, метафизического и позитивного, Конт

ставил исторический процесс в зависимость от их смены.

Человеческое общество, возникшее из семейных связей, согласно его теории, проходит три стадии: военную, переходную, научно-промышленную, которые соответствуют теологической, метафизической и позитивистской стадиям развития ума. Последняя и есть высшая ступень общественной эволюции, означающая идеальное «статическое» состояние общества. Считая «промышленную», или капиталистическую, стадию вершиной, Конт был откровенным апологетом буржуазного строя, демонстрирующим сугубую метафизичность своей теории. Весь смысл теоретической и практической деятельности Конт видел в борьбе с материализмом, в ликвидации «революционного духа» и укреплении капиталистического строя.

Не случайно эта идеалистическая теория была взята на вооружение русскими буржуазными историками в эпоху утверждения капитализма в России.

Следовательно, консервативная политическая позиция русской буржуазии предопределяла, а позитивистская философия усиливала противоречивый характер развития буржуазной историографии 60—90-х годов.

В этот период С. М. Соловьев создает свою историю России — высшее достижение русской либерально-буржуазной науки. В. О. Ключевский, ее последний крупнейший представитель, обращается к изучению социально-экономической истории. Своими яркими, оригинальными исследованиями он безусловно способствовал более углубленному познанию отдельных сторон отечественной истории, и в этом смысле его деятельность была последним звеном восходящей буржуазной науки. В работах Ключевского уже содержалось отрицание единства закономерностей русской и западноевропейской истории, значительно ярче, чем у Соловьева, обозначился антидемократизм и великодержавный шовинизм.

Попытки Н. И. Костомарова поставить и решить злободневные вопросы истории народной жизни и народных движений были методологически беспомощны и не выходили за пределы культурно-бытовой характеристики народа и романтически выписанных картин разбушевавшегося «неистовства черни».

Наиболее ярким показателем внутренней противоре-

чивости и закономерной эволюции буржуазной историографии в направлении сближения с дворянской являлось окончательное оформление государственной школы как главного направления в академической науке. В работах ее представителей Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, В. И. Сергеевича и других, как в фокусе, концентрировались политические вожелания либеральной буржуазии и реакционного дворянства. И те и другие стремились найти в сильной государственной власти надежную защиту от растущего революционного движения народа. Отсюда вытекала главная черта государственных откровенная идеализация самодержавной власти как единственной движущей силы истории.

Несмотря на определенные достижения в изучении юридически-правовой истории, в показе роли сословий и государственных учреждений, в целом государственники уводили историческую науку от познания внутренних закономерностей исторического развития в сторону чисто внешней, формально-правовой интерпретации истории.

В узких идеалистических рамках государственной школы с ее преувеличенным вниманием к государству не было, да и не могло быть места творческой роли народных масс. В подмене истории народа историей государства был главный политический заряд этого направления в русской историографии, противостоящего революционно-демократическому, а затем материалистическому пониманию истории.

Подобной политической направленностью объясняется популярность государственной теории в академической историографии, секрет ее серьезного влияния на Соловьева, Ключевского, Милюкова и др. Даже такой внешне далекий от государственной школы историк, как Костомаров, с его националистической оппозиционностью к русскому самодержавию и стремлением к изучению истории народа, не смог выйти из этой наезженной колес официальной историографии.

Своеобразным отражением буржуазной идеологии в пореформенной историографии было мелкобуржуазное народническое течение.

Противоречивость и непоследовательность социологической теории народничества, по словам В. И. Ленина, были обусловлены двойственным положением мелкого

производителя, «который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает... «дифференцироваться от общества»,—и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие»¹. Изучая историю русского крестьянства, рабочего класса и освободительного движения, либерально-народнические историки, и прежде всего В. И. Семевский, внесли определенный вклад в науку. Однако в решении столь актуальных проблем они не смогли подняться выше уровня либерально-буржуазной науки и той же государственной школы. Сделав шаг назад от революционно-демократических принципов Чернышевского к субъективному идеализму Н. К. Михайловского, либерально-народнические историки растворили историю трудящихся масс в истории государства, а развитие освободительной борьбы свели к истории общественных идей.

Следовательно, ни буржуазная, ни народническая, ни тем более дворянская наука не могли в капиталистических условиях, осложненных крепостническими пережитками, создать подлинно научную концепцию русской истории.

Новые пути в русской историографии были связаны с утверждением пролетарского класса и его передовой, прогрессивной идеологией.

Теория исторического материализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, была исходным пунктом величайшего революционного переворота, положившего начало материалистическому периоду в русской историографии.

Заслуга основоположников теории исторического материализма не только в ее создании, но и в том, что они первыми начали изучать историю России на основе этой подлинно научной теории. Маркс «прямо дал ответ на вопрос, — писал В. И. Ленин, — какое приложение может иметь его теория к России»².

Первые шаги марксистской историографии в России относятся к началу 80-х годов.

Хронологически истоки русской марксистской историографии совпадают с заключительным этапом разночин-

ного движения и начальным этапом распространения марксизма в России и определяются временем от возникновения марксистских групп до появления работ В. И. Ленина (1883—1894 гг.).

Первым последователем К. Маркса в России был Г. В. Плеханов, начавший не только пропагандировать теорию исторического материализма, но и изучать на ее основе отдельные стороны русского исторического процесса.

Опираясь на революционно-демократические традиции Чернышевского, использовав положительное в деятельности Плеханова, В. И. Ленин в 90-е годы поднял знамя материалистического понимания истории в нашей стране. Значение этого величайшего подвига не только в развитии и обогащении теории исторического материализма Маркса и Энгельса, а прежде всего в том, что В. И. Ленин создал стройную научную концепцию русской истории. Это было начало нового, ленинского этапа в развитии русской и мировой исторической науки, связанного уже с эпохой империализма.

Таким образом, вполне правомерно считать 60—90-е годы в русской историографии переходным периодом, в течение которого завершалось развитие буржуазной идеалистической исторической мысли и в то же время закладывался фундамент марксистско-ленинской материалистической науки.

Говоря о симптомах кризиса буржуазной исторической мысли, эклектичности ее философских, теоретических основ, постепенном уходе от проблемы исторического синтеза, было бы неверно не видеть значительных достижений буржуазных ученых в пореформенный период. Эти достижения выражались в постановке и конкретном изучении новых важных проблем отечественной истории, прежде всего социально-экономического характера. История крепостного права, развитие промышленности, внутренняя и внешняя торговля, происхождение сословий, история государственной власти и органов местного самоуправления, вопросы местной истории, культурно-бытовой истории народа и другие проблемы изучались в это время на основе широкого круга разнообразных источников.

Освещение многих из указанных проблем было безусловным движением вперед в приближении к правиль-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 419.

² Там же, стр. 274.

ному пониманию русской истории и в этом смысле создавало предпосылки следующего, высшего этапа в историографии.

В. И. Ленин, с именем которого связано начало этого этапа, отмечая классовую ограниченность буржуазных ученых, писал, что буржуазным профессорам, являющимся учеными приказчиками класса капиталистов, «нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории...»¹. Но так как эти профессора способны «давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики..., задача марксистов... суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»².

В своих работах В. И. Ленин дал классические примеры критического использования ценных специальных исследований буржуазных ученых, главным образом второй половины XIX века.

Важным фактическим достижением буржуазных ученых изучаемого периода было также расширение и обогащение материальных основ науки. Накапливаются и вводятся в оборот многие новые источники, развиваются историография, источниковедение, другие специальные и вспомогательные исторические дисциплины — палеография, дипломатика, хронология, метрология, генеалогия, сфрагистика, геральдика и нумизматика.

Характерно, что именно в этот период происходит утверждение историографии как особой научной дисциплины. Возникшая в 50-х годах благодаря историографическим работам С. М. Соловьева, эта важнейшая историческая дисциплина получает дальнейшее развитие в трудах В. С. Иконникова, В. О. Ключевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича.

Историографическим работам буржуазных и дворянских историков противостояли меткие и вместе с тем глубокие критические высказывания революционных де-

мократов. Хотя революционеры-демократы и не оставили специальных историографических работ, тем не менее они сумели вскрыть многие существенные особенности буржуазно-дворянской исторической науки. В отличие от своих противников Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, А. П. Щапов обращали внимание прежде всего на политическую направленность и социальную сущность исторических исследований, что является их важной заслугой в разработке вопросов историографии.

Занимая в то время наиболее передовые позиции в историографии, революционеры-демократы первыми уловили общность основных принципов дворянской и буржуазной науки и подвергли их резкой, справедливой критике.

Постановка и изучение новых проблем в буржуазной науке вызвали в пореформенный период усиленное внимание к разысканию, анализу и публикации источников. Широкое развитие в связи с этим получили источниковедение, архивоведение, археография.

Расширение документальной базы исторических исследований выразилось прежде всего в использовании большой группы документов социально-экономического и административного характера, таких как писцовые и переписные книги, законодательные памятники, частно-правовые акты, ведомственная переписка, записки путешественников, статистические, мемуарные и эпистолярные материалы.

Совершенствовались приемы научной обработки источников; появились такие понятия, как внешняя и внутренняя критика документа; в историческую науку переносились методы буржуазного правоведения, статистики, литературоведения.

Разумеется, буржуазное источниковедение в этот, как и в последующий период, страдало методологической ограниченностью, связанной с идеалистической основой науки. Отрывая источник от социально-экономической среды, преувеличивая значение сравнительного метода в изучении исторических памятников, буржуазное источниковедение затемняло их классовую сущность и снижало научно-познавательную ценность. Тем не менее внесенный буржуазными источниковедами вклад в дело формальной критики и широкой публикации источников

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 18, стр. 363.

² Там же, стр. 363—364.

создал предпосылки для последующего более глубокого и всестороннего изучения и использования их.

Утверждение буржуазной исторической науки сопровождалось превращением архивного дела в одну из важных вспомогательных исторических дисциплин. Титанический труд С. М. Соловьева убедительно показал, какие поистине неисчерпаемые материалы содержат только центральные архивохранилища. Ученик создателя русской археографии XIX в. П. М. Строева историк русского права Н. В. Калачев выдвинул проект архивной реформы с целью упорядочения архивов и предотвращения гибели архивных материалов.

Стали читаться лекции по архивоведению, в университетах было введено преподавание «науки об архивах», появился периодический орган «Сборник археологического института»¹, в котором наряду с другими изданиями печатались первые очерки истории отдельных архивов, описания документального материала, описи и обзоры архивных документов.

Ведущую роль в публикации этих материалов играла Археографическая комиссия. Продолжается издание «Полного собрания русских летописей», печатаются «Памятники славянорусской письменности». В 70-х годах комиссия закончила выпуск пятнадцати томов «Дополнений к актам историческим» и приступила к изданию «Актов, относящихся до юридического быта древней России».

В 60—90-е годы началась более интенсивная публикация документальных материалов по истории народов Российской империи. Политические осложнения в западных губерниях и польское восстание 1863 г. заставили царизм усилить пропаганду великодержавных шовинистических идей. В связи с этим комиссия выпустила четырнадцать томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России», «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше», «Дневник Люблинского сейма 1569 года». Кроме этих сборников, проливающих свет на характер взаи-

моотношений между Московским государством, Украиной и Польшей, комиссия опубликовала материалы по истории Сибири.

Благодаря деятельности Археографической комиссии в научный оборот было введено огромное количество новых документальных материалов. Размах археографической работы во второй половине XIX в. был столь значителен, что уже не мог ограничиваться рамками одной организации. В Москве публикацию документов развернуло Общество истории и древностей российских, созданное еще в 1804 году. С 1846 по 1916 г. оно выпустило 256 книг «Чтений в Обществе истории и древностей российских», в которых наряду с документами печатались монографии, описания рукописей, материалы по вспомогательным историческим дисциплинам.

Вслед за Московским и организованным в 1866 г. в Петербурге Русским историческим обществом, выпустившим 117 томов сборников, возникают исторические общества и археографические комиссии на периферии. В 1864 г. создается Виленская, а в 1867 г. Кавказская археографические комиссии, начавшие разбор и публикацию местных архивов. Этим же занимаются «Историческое общество летописца Нестора в Киеве» (1873 г.) и Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878 г.).

В 80-х годах широкий размах археографической деятельности был увенчан созданием губернских архивных комиссий, многие из которых в своих трудах опубликовали ценные местные документальные материалы, например, Рязанская (27 томов), Нижегородская (18 томов), Вятская (около 40 выпусков), Пермская, Владимирская, Оренбургская, Таврическая и др.

Однако необходимо учитывать, что вся археографическая работа находилась под контролем царского правительства и его органов власти на местах. Отсюда тенденция к подбору и публикации таких документов, которые отвлекали бы читателя и исследователя от острых вопросов современности, классовых противоречий и революционной борьбы.

Развитие пореформенной буржуазной исторической науки сопровождалось появлением целого ряда исторических журналов, которые в связи с резким обострением общественной борьбы и столкновением различных исто-

¹ В 1871 г. II Археологическим съездом было принято решение о создании в Петербурге Археологического института для подготовки археографов и архивных работников. В то время письменные памятники не отличали от вещественных, и поэтому археология изучала все памятники прошлого.

рических школ и течений нашли многочисленных читателей.

Наиболее известными из них были возникшие во второй половине XIX в. и выходявшие вплоть до революции «Русский архив» (1863—1917), «Русская старина» (1870—1918), «Исторический вестник» (1880—1917) и др. Старейший и один из самых популярных дореволюционных исторических журналов «Русский архив» издавал и редактировал почти полвека (1863—1912 гг.) близкий к славянофильским кругам либеральный историк и пушкинист П. И. Бартенев. В этом ежемесячном журнале сотрудничали историки и литераторы Н. П. Барсуков, Д. И. Иловайский, Л. Н. Майков, С. А. Соболевский, В. Я. Брюсов, Н. О. Лернер.

В «Русском архиве» было опубликовано большое количество официальных и частных документов, извлеченных главным образом из личных и фамильных архивных фондов, а также мемуары, дневники, письма. Статьи и монографии, как правило, в нем не печатались. Наибольший интерес представляют опубликованные в журнале фактические материалы по истории внешней политики, о жизни и деятельности писателей, государственных и военных деятелей, дипломатов. Здесь можно также найти документы о восстании декабристов, возмущении Семеновского полка, подготовке и проведении реформы 1861 г., славянофилах и т. п. При журнале в разное время были подготовлены и изданы Бартечевым несколько ценных документальных сборников — «Осьмнадцатый век» в четырех томах (1868), «Девятнадцатый век» в двух томах (1872) и «Архив князя Воронцова» в 40 томах (1870—1897).

С 1870 г. начал выходить основанный М. И. Семевским (братом известного историка В. И. Семевского) журнал «Русская старина». После его смерти журнал редактировали такие промонархические историки, как Н. К. Шильдер и Н. Ф. Дубровин. В нем активно сотрудничали П. А. Ефремов, В. А. Бильбасов, А. П. Брикнер, Н. И. Костомаров, И. Е. Забелин, В. И. Семевский, Н. К. Шильдер, М. И. Богданович. Журнал, особенно первые 20 лет, когда его вел М. И. Семевский, выгодно отличался от «Русского архива» публикацией материалов и статей, характеризующих революционное и общественное движение. По заказу энергичного редактора

были написаны и опубликованы в журнале ценные мемуары декабриста М. А. Бестужева, записки Т. П. Пасека, П. А. Мурзакевича, Н. В. Берга, художников И. К. Айвазовского и Ф. Г. Солнцева, композитора А. Г. Рубинштейна. Здесь впервые увидели свет воспоминания и дневники декабристов В. К. Кюхельбекера, М. И. Муравьева-Апостола, Д. И. Завалишина, М. А. Фонвизина, материалы о А. И. Герцене, о польских восстаниях.

Основанный в 1880 г. историком Н. С. Шубинским ежемесячник «Исторический вестник», несмотря на консервативно-монархическую направленность, был едва ли не самым распространенным историческим журналом в дореволюционной России. Его издатель А. С. Суворин, прославившийся своим «беспардонным лакейством перед властью имущими», стремился прежде всего получить доход. Журнал был рассчитан на широкие читательские круги, поэтому в нем наряду с историческими повестями и рассказами Д. Л. Мордовцева, Г. П. Данилевского, Н. С. Лескова, Н. И. Костомарова помещались «увлекательные» исторические романы иностранных писателей. С научно-популярными статьями по истории, археологии и этнографии в журнале выступали И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, И. И. Дубасов, Д. А. Корсаков, С. Н. Шубинский. По мере роста революционного движения на страницах журнала все чаще и чаще появлялись реакционные, шовинистические и даже прямо контрреволюционные материалы.

Кроме отмеченных, в рассматриваемый период выходили и другие журналы, такие как «Древняя и новая Россия» (1875—1881), «Киевская старина» (1882—1906), «Кавказская старина» (1872—1873), «Живая старина» (1890—1916), журналы различных исторических обществ, а также многочисленные периодически издававшиеся сборники.

Расширение исторических знаний и их популяризация отразились на содержании общественно-литературных журналов «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Отечественные записки», «Мир божий», «Образование», «Современный мир».

Ареной столкновения революционно-демократического и либерально-монархического направлений в историо-

графии был «Современник», на страницах которого об-суждались все крупные исторические проблемы.

Рост публикаций привел к возникновению историче-ской библиографии. «Достигшая высокого уровня рус-ская историческая наука, — писал Н. В. Здобнов, — обо-гащенная публикацией огромного количества новых исто-рических актов, трудами Грановского, Соловьева, Ка-велина, Костомарова, Шапова и многих других истори-ков, работавших в центре и в провинции, предъявляла к библиографии повышенные требования»¹.

Возникновение научной исторической библиографии принято связывать с капитальным трудом братьев П. П. и Б. П. Ламбиных «Русская историческая библиогра-фия», которая печаталась на протяжении 1861—1884 го-дов. В этой фундаментальной работе с исключительной точностью перечислена вся отечественная литература по русской и всеобщей истории за десять лет — с 1855 по 1864 г., причем впервые включены работы по языкозна-нию, этнографии, статистике, географии, правоведению, истории литературы, науки и техники. Десять ежегодни-ков братьев Ламбиных охватили свыше 44 тысяч книг, журнальных и газетных статей.

Продолжателем дела Ламбиных был крупнейший представитель русской научной библиографии второй по-ловины XIX в. В. И. Межов (1831—1894 гг.). В конце 70-х годов, когда издание ежегодников Ламбиных пре-кратилось, Межов приступил к изданию «Русской исто-рической библиографии за 1865—1876 гг.» в восьми то-мах, вышедших в 1882—1890 годах.

Затем он начал библиографическое описание русской исторической литературы за первую половину XIX в., но успел издать лишь три тома «Русской исторической би-блиографии» за 1800—1854 годы. Несмотря на большое количество пропусков и ошибки, труд Межова исключи-тельно ценен, так как охватывает свыше 100 тысяч книг, журнальных и газетных статей и тысячи рецензий. Вме-сте с библиографией Ламбиных он описывает русскую историческую литературу за три четверти XIX в. и до сих пор сохраняет свое библиографическое значение.

Одновременно с общей исторической библиографией значительного развития достигла библиография по от-

дельным историческим проблемам и событиям, а также краеведческая и персональная историческая библио-графия.

Развитие археологии как особой отрасли историче-ского знания в рассматриваемый период также характе-ризуется большими успехами. Связаны они прежде всего с деятельностью созданной в 1859 г. в Петербурге Археологической комиссии, которая руководила архео-логическими раскопками, и Московского археологическо-го общества, основанного в 1864 г. А. С. Уваровым. Об-щество, начиная с 1869 г., периодически созывало всерос-сийские археологические съезды, объединявшие археоло-гов и археографов, издавало труды, в которых подводились итоги изучения древней истории России. Постепен-но расширялись районы археологических раскопок, со-вершенствовалась их методика, и по мере накопления вещественных памятников создавались предпосылки для превращения археологии из вещеведения в подлинную науку.

Большая заслуга в изучении античной истории Юга России принадлежит И. Е. Забелину, который был не только известным историком Московской Руси, но и вы-дающимся археологом, возглавлявшим в течение пятнадц-ати лет (1859—1874) Археологическую комиссию. За-белин достиг замечательных успехов в изучении скиф-ских древностей. Результаты его многолетних раскопок изложены в монументальной работе «Древности Геродо-товой Скифии» (1866—1872), в которой он подтвердил многие сообщения Геродота и внес неоценимый вклад в изучение истории скифов.

Серьезные раскопки в Херсонесе, начиная с 1888 г., вел в течение двадцати лет К. К. Костюшко-Валюжа-нич. Крупный представитель античной эпиграфики В. В. Латышев (1855—1921 гг.) составил полный свод греческих и латинских надписей Северного Причерно-морья.

Благодаря усилиям русских археологов, Северное Причерноморье стало к концу XIX в. одним из наиболее исследованных районов античного мира, хотя, как пра-вильно указано в «Очерках истории исторической науки в СССР», социально-экономические отношения рабовла-дельческого строя, своеобразии рабовладельческого спо-соба производства не интересовали археологов, изучав-

¹ Н. В. Здобнов. История русской библиографии до нача-ла XX века, изд. 2. АН СССР, 1951, стр. 366.

ших главным образом античные художественные древности¹.

60-е годы XIX в. в области археологии интересны прежде всего перенесением раскопок в центральные губернии. Курганные раскопки Д. Я. Самоквасова в районе Чернигова, Л. К. Иванковского в Петербургской губернии, где он вскрыл 5877 курганов, исследование славянских курганов и городищ талантливым русским археологом В. И. Сизовым, учителем московской гимназии, и многие другие раскопки имели большое значение для изучения древней истории России.

В 70-х годах открытием целого ряда неолитических стоянок (в Иркутске, в Гонцах около Лубен на Полтавщине, в Карачарове близ Муроме, в Фатьянове) было положено начало археологии первобытного общества. В 1881 г. А. С. Уваров издал первое описание первобытных древностей, довольно поверхностное и примитивное².

Забайкальский казак И. С. Поляков, став крупным ученым, объехал всю Россию и сделал множество зоологических, географических и археологических открытий, в числе которых — лучшая из палеолитических стоянок в Костенках на Дону. Он же одним из первых в Европе разработал методику открытия палеолитических стоянок по ископаемой фауне.

С присоединением Средней Азии началось и здесь интенсивное развитие археологии, связанное с именами Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского, Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова.

Накопление древних памятников создало необходимые условия для развития музейно-исторической работы. Начало ее было связано с открытием в Москве в 1883 г. Исторического музея.

В этнографической науке пореформенного периода особенно ярко проявилась борьба противоположных течений. В противовес господствовавшей в буржуазной этнографии мифологической школе, Чернышевский и Добролюбов отстаивали идею единства человечества, считали национальные особенности результатом действия исторических условий.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 320.

² А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, М., 1881.

Высказывания революционных демократов по основным вопросам этнографии оказали большое влияние на таких этнографов и собирателей фольклора, как П. Н. Рыбников, И. Г. Прыжов, И. А. Худяков. Не разделяя славянофильского преклонения перед патриархальной стариной, передовые ученые-этнографы под влиянием народнических теорий искали сближения с народом, в результате чего создали немало ценных сборников загадок, народных песен, былинного эпоса.

Важным этапом в развитии этнографии была Всероссийская этнографическая выставка 1867 г., показавшая значительные успехи отечественной этнографии.

К этому времени относится начало исторического изучения этнографического материала. В. И. Даль создает «Толковый словарь живого великорусского языка», И. Е. Забелин — «Историю русской жизни», возникают этнографические общества. Большую роль в этнографическом изучении Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока сыграли политические ссыльные И. А. Худяков, Д. А. Клеменц, Н. А. Виташевский, Ф. Кон, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и многие другие.

На Кавказе и в Средней Азии основная масса этнографических данных собиралась представителями гражданской или военной администрации. Обобщающей работой, созданной на основе этого «официального» этнографического материала, был капитальный труд генерала Н. Ф. Дубровина «Очерки Кавказа и народов, его населяющих», составлявший первый том «Истории войны и владычества русских на Кавказе».

Значительный этнографический материал дали путешественники русских ученых в Центральную Азию (Н. М. Пржевальского), Монголию и Китай (Г. Н. Потанина), Индию (И. П. Минаева), Африку (В. В. Юнкера), страны Южной Америки — Бразилию, Уругвай, Аргентину, Чили, Перу, Парагвай (А. С. Ионина), и особенно, Н. Н. Миклухо-Маклая на острова Тихого и Индийского океанов.

В третьей четверти XIX в. по мере проникновения позитивистских идей в этнографии утверждается эволюционистская школа с ее повышенным интересом к изучению общественной жизни народа, семейных и общинных отношений.

Из этой школы вышел крупнейший представитель до-

революционной этнографии Д. Н. Анучин (1843—1923 гг.), впоследствии преодолевший тесные рамки эволюционизма. Для его работ характерны строгий историзм и комплексное сочетание данных археологии, антропологии и этнографии. Анучин создал антрополого-этнографический музей при Московском университете, в котором антропологические, археологические и этнографические коллекции органически дополняют друг друга. Постоянно подчеркивая большое не только научное, но и воспитательное значение этнографии, этот передовой ученый считал главной задачей не бесконечное накопление сырого этнографического материала, а создание капитальных работ, посвященных отдельным народам и построенных на основе использования всех видов источников.

Бурное развитие этнографии и ее большое общественно-политическое значение помогают понять, почему именно данная отрасль исторической науки раньше других испытала властное влияние марксистских идей. Об этом влияния красноречиво свидетельствовали книги Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) и особенно блестящая работа М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879). Труды М. М. Ковалевского получили высокую оценку Маркса и Энгельса и оказали заметное влияние на русскую и западноевропейскую этнографическую науку.

Определенным показателем развития буржуазной исторической науки было выделение в качестве самостоятельных дисциплин исторической географии, истории культуры, экономической истории и дальнейшее совершенствование истории права.

Обособление исторической географии в самостоятельную дисциплину связано с деятельностью Н. П. Барсова, который издал в 1865 г. «Материалы для историко-географического словаря древней Руси», а в 1873 г. «Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи». Обе работы были своеобразным итогом почти столетнего изучения исторической географии, начатого еще И. Н. Болтиным. В 1865 г. был выпущен первый учебный атлас русской истории, принадлежавший Е. Е. Замысловскому.

Изучение исторической географии в пореформенный период характерно для таких историков, как А. П. Щапов, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров. Но особое значение приобрело оно в работах по истории отдельных районов России — Сибири, Урала, Поволжья, Поморья и Крыма.

Вследствие того, что изучение краевой истории было сосредоточено главным образом в руках местной администрации, преобладающими здесь были консервативно-охранительные тенденции. В целом идеалистические основы буржуазной науки определили эскизность и незавершенность сводных работ по исторической географии. В отличие от этнографии борьба направлений здесь отражалась очень слабо.

Начало выделению истории культуры положил А. Н. Пыпин своей четырехтомной «Историей русской литературы», в которой с либерально-буржуазных позиций рассматривались некоторые стороны истории культуры и общественной мысли.

В области экономической истории, кроме крупных представителей буржуазной науки — В. О. Ключевского и А. Н. Никитского, работали многие представители народнической историографии, прежде всего В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и В. И. Семевский.

Если специализация исторических знаний раньше всего обозначилась в истории права, связанного с деятельностью представителей государственной школы К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, В. И. Сергеевича, то здесь же ярче и резче всего сказалась ограниченность и внутренняя противоречивость буржуазной науки. Рассматривая сложные явления общественной жизни не в связи с их социально-экономической основой, а в их правовом отражении, историки юридической школы искусственно разрывали единый исторический процесс.

Подводя итоги всему сказанному о развитии исторической науки в период промышленного капитализма, нужно подчеркнуть, что одним из наиболее очевидных признаков назревающего кризиса буржуазной науки был все более углубляющийся разрыв между богатством исторических знаний и скудостью их теоретического осмысления. Буржуазные и тем более дворянские историки, занимавшие господствующее положение в ис-

ториографии, были бессильны правильно теоретически осмыслить и обобщить накопленный ими огромный исторический материал.

Политический консерватизм и позитивистская идеалистическая философия исключали возможность научного исторического синтеза в эпоху промышленного капитализма, а в период его империалистической стадии с ее бурными революционными потрясениями с неизбежностью привели буржуазную историческую науку в состояние глубокого кризиса.

Единственный выход из этого кризиса лежал в русле прогрессивной пролетарской идеологии. Только передовые идеологи восходящего класса, вооруженные теорией исторического материализма, могли научно осмыслить и поставить на службу трудящимся все богатства исторических знаний, накопленные в домарксистской историографии.

Возникновение и утверждение в нашей стране марксистско-ленинской исторической науки, отражающей интересы подлинных творцов истории — трудящихся масс, было подготовлено самоотверженной борьбой революционных демократов во главе с Чернышевским и Добролюбовым, на знамени которых было написано: «Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории»¹.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собр. соч., т. I, стр. 274.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полное собр. соч., т. I, стр. 402—423.

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собр. соч., т. 18, стр. 363—364.

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полное собр. соч., т. 20, стр. 174—176.

Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века, изд. 2. М., 1951; часть пятая, § 9—10, стр. 365—415.

Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1961, гл. 16, стр. 223—235.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941; гл. 20, 21, стр. 343—367.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1950; гл. X—XII, стр. 548—838.

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 567.

ЛЕКЦИЯ 18

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Революционно-демократический лагерь после реформы. Н. Г. Чернышевский и его соратники о роли народных масс. Освещение истории с демократических позиций. М. Е. Салтыковым-Щедриным, Д. И. Писаревым, Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. В. Шелгуновым. Значение революционно-демократического направления в русской историографии.

После реформы 1861 г. дальнейшее развитие страны было неразрывно связано с борьбой либерально-монархической и демократической тенденций. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал В. И. Ленин 50 лет спустя после реформы, — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»¹.

Революционные демократы в эпоху кризиса крепостного строя и в первое десятилетие после его падения выражали интересы всех трудящихся, ибо пролетариат тогда еще не выделился как самостоятельный класс. Не случайно Чернышевский говорил о необходимости перехода власти к «самому низшему и многочисленному классу»²—земледельцам, поденщикам, рабочим, а свою экономическую теорию назвал «политической экономией

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 174—175.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 355.

трудящихся», без выделения из их среды какой-нибудь группы или класса.

Демократия и социализм в революционно-демократической идеологии сливались воедино, ибо такой последовательный борец за социализм, как пролетариат, еще не оформился, а мелкобуржуазная сущность крестьянского хозяйства еще не обнаружилась.

В основе социалистической программы революционных демократов лежало стремление крестьянства к освобождению от эксплуатации. В. И. Ленин называл русских революционных демократов идеологами крестьянской революции, а их утопический социализм, построенный на призрачной вере в сельскую общину и «социалистический» инстинкт крестьянина, — крестьянским социализмом.

Важно отметить, что революционные демократы не только не противопоставляли свою программу интересам складывающегося пролетариата, но стремились их учесть. Чернышевский внимательно следил за борьбой западноевропейского рабочего класса и считал, что она принесет победу социализму на Западе, а Герцен, по словам В. И. Ленина, «обратил свои взоры... к тому Интернационалу, которым руководил Маркс..., который начал *«сбирать полки»* пролетариата...»¹.

Все эти отличительные особенности революционно-демократической идеологии особенно ярко проявились в 60-е годы, после отмены крепостного права, когда разночинная интеллигенция возглавила освободительное движение.

Вокруг «Современника» — всероссийской трибуны революционной демократии, объединялась группа единомышленников Чернышевского, сильных своей преданностью делу освобождения народа, — Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович. В революционно-демократический лагерь входили М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев, А. П. Щапов.

Деятельность петербургского революционного центра во главе с Чернышевским находила поддержку русских революционных эмигрантов в Лондоне, группировавшихся вокруг Герцена и Огарева. Революционно-демократический натиск 60—70-х годов вовлек в движение не

только передовых представителей русского народа, но и прогрессивных деятелей других национальностей России.

Но революция не произошла. Подавив разрозненные крестьянские выступления, царизм в 1862—1863 гг. перешел в наступление на революционно-демократический лагерь. Были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич, Михайлов, Писарев. Царизм беспощадно преследовал любое проявление свободной мысли. Реакция и террор особенно усилились после выстрела Каракозова. «Что за нетопыри, что за совы, за вороны встрепенулись, поднялись и вылетели на белый свет, — писал в эти годы Герцен. — Откуда спустились, из каких богаделен, смиренных домов или кладбищ... этих прокаженных, не то светских архиереев, не то духовных генералов, пошедших, во имя царя и церкви, в крестовый поход против разума и образования и начавших нести богословско-полицейскую чушь, от которой и Россия уже отвыкла?»¹.

Однако вопреки всем усилиям царизма освободительное движение ширилось. Революционно-демократические идеи Чернышевского и его соратников оказывали сильное активизирующее воздействие на передовые, демократические слои русской интеллигенции, которая все решительнее переходила на сторону крестьянства и выступала против самодержавной власти.

Вождь революционной демократии в 1871 г., отбыв срок каторжных работ, был заточен в Виллюйском остроге, где в полной духовной изоляции, оторванный от мира, пробыл почти двенадцать лет. Но ни каторга, ни ссылка не сломили великого русского революционера. Отказавшись подписать прошение о помиловании, он остался верен своим убеждениям. В заледеневшей камере острога Чернышевский писал: «Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля делаться самим и устраивать свою жизнь все получше и получше»². Его каждодневный подвиг, подвиг революционера и мыслителя вдохновлял передовую русскую молодежь на борьбу с царизмом.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., в тридцати томах, т. XIX, АН СССР, 1960, стр. 197.

² Б. Рюриков. Виллюйские звезды. «Литературная газета» от 29 марта 1962 г.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 257.

Продолжением идеологии и тактики революционного демократизма 60-х годов было революционное народничество, с его борьбой против самодержавия, остатков крепостничества и верой в социалистический характер крестьянской революции. Но, как мы увидим позже, развитие капитализма в деревне и превращение крестьянина в мелкого буржуа накладывали либерально-анархическую печать на народническую теорию. Народники говорили о возможности некапиталистического развития России, отрицали решающую роль пролетариата, становившегося самостоятельной общественной силой. В теоретическом отношении они сделали шаг назад от Чернышевского.

Самоотверженная борьба революционно-демократического лагеря нашла свое отражение в исторической науке, где в пореформенный период окончательно утвердилась сильная своими демократическими основами и прогрессивной направленностью концепция Чернышевского и Добролюбова. Основные черты революционно-демократической концепции истории, выдвинутой Чернышевским и Добролюбовым, были рассмотрены в одной из предыдущих лекций¹.

В центре общественно-политических и исторических интересов русских революционных демократов была проблема народа и его пробуждения. Актуальность этой важной проблемы приобрела особую остроту в пореформенную эпоху в связи с расцветом либерализма. Кризис крепостничества и развитие капитализма вели к очевидному для всех банкротству реакционной крепостнической идеологии. «В эпоху 60-х годов, — пишет В. И. Ленин, — сила крепостников была надломлена: они потерпели, правда, не окончательное, но все же такое решительное поражение, что должны были ступать со сцены. Либералы, напротив, подняли голову. Полились либеральные фразы о прогрессе, науке, добре, борьбе с неправдой, о народных интересах, народной совести, народных силах и т. д., и т. д.»².

Идеализируя капиталистический строй и западно-европейскую буржуазную культуру, прославляя буржуазно-монархическое государство как основу просвеще-

ния и прогресса, идеологи либерализма считали народ «неоудухотворенной массой», неспособной изменить ход общественного развития. Вопрос о решающей роли народных масс в истории был одним из основных, по которому Чернышевский, Добролюбов и их соратники давали бой либерально-буржуазному лагерю. Интересы этой борьбы, тесно связанной, по словам Маркса, с революционным брожением народных масс в России¹, требовали пристального изучения истории народа и народных движений. В этот период в исторической науке преобладали работы либерально-буржуазных историков Соловьева, Кавелина, Чичерина и других, в которых народ изображался на протяжении всей истории слепо и покорно следующим за мудрой государственной властью, выступал как анархическое начало, препятствующее историческому развитию.

Антидемократическая направленность таких работ не могла не вызвать в среде демократически настроенной разночинной интеллигенции стремления противопоставить антинародным тенденциям официальной либерально-монархической историографии исторические исследования, доказывающие, что народные массы, как писал А. П. Щапов, «это свежая, непочатая почва для цветущего развития, вечный родник новых, свежих, самостоятельных сил национального прогресса»².

Отрицая роль народа в истории, дворянские и буржуазные историки в условиях роста освободительного движения стремились исказить термины «народ» и «народность», придавали им реакционно-охранительное толкование, чтобы затушевать антагонистические, классовые противоречия. Так, примыкавший к либералам А. Григорьев толковал слово «народ», как термин, определяющий все население страны. Народ, — считал он, — «собирающее лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных... Я употребляю слова: народность, народный — в смысле слов: национальность, национальный»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 147.

² А. П. Щапов. Соч., т. I, СПб., 1906, стр. 580.

³ Собр. соч. Аполлона Григорьева, вып. II, О национальном значении творчества А. Н. Островского. М., 1915, стр. 14—15.

¹ См. лекцию 16, стр. 273—302.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 294.

Касаясь подобного официально-охранительного толкования термина «народ» и стремления представителей господствующих классов отождествить его с термином нация, К. Маркс неоднократно писал о необходимости отличать понятие «народ», применяемое в буржуазной историографии, от его действительного содержания¹, а В. И. Ленин позже призывал к непримиримой борьбе «против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ», прикрывающего «непонимание классовых антагонизмов внутри народа»².

Представители революционно-демократической историографии не только сумели разглядеть неуклюжие маневры своих врагов, но и решительно выступили против либерального жонглирования словом «народ». «Мне всякий раз становится не по себе, когда я говорю о народе, — писал А. И. Герцен. — В наш демократический век нет ни одного слова, смысл которого был бы так извращен...»³. В его понимании «народ — это мощная, гранитная основа, скрепленная цементом вековых традиций, это обширный первый этаж, над которым надстроен шаткий балаган современного политического устройства»⁴. Герцен писал о двух Россиях, стоящих «друг против друга. С одной стороны Россия правительственная, богатая, вооруженная не только штыками, но и всеми приказными уловками... С другой — Россия бедная, хлебопашенная, трудолюбивая, общинная и демократическая»⁵. Освободившись в пореформенный период от либеральных иллюзий, Герцен верил, что придет день, когда народ «сочтет свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс»⁶.

От абстрактных представлений о народе как нерасчлененном национальном целом революционные демократы переходят к социальной характеристике его как внутренне противоречивого общественного организма. Движущей силой истории они считали борьбу в области общественных отношений, борьбу прогрессивных соци-

альных групп против реакционных, борьбу угнетенных против угнетателей. Будущее в этой борьбе революционеры-демократы связывали с трудящейся частью общества — крестьянством. «Человек будущего в России мужик, точно так же, как во Франции работник»¹, — утверждал Герцен.

Последовательно отстаивая демократическую точку зрения, защищая интересы трудящихся масс русского народа, Герцен, Чернышевский и их соратники, на основании изучения отечественной истории, с восхищением писали о замечательных качествах своего народа, который «как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой природы под гнетом крепостного состояния...»².

Утверждения революционных демократов о творческой деятельности народных масс как основном содержании исторического процесса — самая важная черта их исторических воззрений. Она коренным образом отличала точку зрения представителей революционно-демократической историографии от антидемократических построений либеральных и крепостнических историков. Кавелин и Погодин, Чичерин и Бестужев-Рюмин все содержание исторического процесса сводили к эволюции «духовных начал». История в их освещении — это последовательная смена одних религиозных, правовых, политических идей другими. Идеи эти якобы рождались сверхчеловеческим божественным разумом, а воплощались в жизнь и отстаивались государственными деятелями и выдающимися историческими личностями. Кроме помыслов, поступков и действий этих выдающихся деятелей, нечего искать в истории чего-либо другого, считали они.

Главным в исторических взглядах революционных демократов было твердое убеждение, что история — это жизнь и деятельность народа в их непрерывном поступательном развитии.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 616—617.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 11, стр. 101—102.

³ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XII, М., 1957, стр. 43.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 121.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII, М., 1956, стр. 326.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. VI, М., 1955, стр. 17—18.

По мнению Добролюбова, основным принципом, которым должен руководствоваться историк, является положение о решающей роли народных масс в историческом развитии. Только тогда история будет иметь право на «серьезное ученое значение», утверждал он, когда в основу этой науки будет положена мысль «об участии в событиях самого народа»¹. В противном случае история будет не чем иным, как собранием случайных фактов и внешних событий.

Историки вроде Маколея, описывающих биографии выдающихся личностей и все развитие общества связывающих с действиями этих личностей, резко критиковал Писарев.

Писарев предъявлял большие научно-политические требования к исторической науке. Он утверждал, что «история до сих пор не сделалась наукой, но между тем только в истории мы можем найти материалы для решения многих вопросов первостепенной важности. Только история знакомит нас с массами, только вековые опыты прошедшего дают нам возможность понять, как эти массы чувствуют и мыслят, как они изменяются, при каких условиях развиваются их умственные и экономические силы, в каких формах выражаются их страсти и до каких пределов доходит их терпение. История должна быть осмысленным и правдивым рассказом о жизни массы, отдельные личности и частные события должны находить в них место настолько, насколько они действуют на жизнь массы или служат к ее объяснению. Коллективная жизнь масс составляет единственный предмет, вполне достойный исторического изучения»².

Изучение истории народа помогло революционерам-демократам и прежде всего Чернышевскому и Добролюбову близко подойти к правильному пониманию классово-борьбы и ее значения. Об этом свидетельствуют, например, такие слова Добролюбова: «Борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории». Он писал о разделении общества на трудящихся и эксплуататоров, о том, что в обществе, где вся власть принадлежит эксплуататорам, невозможно, чтобы «инте-

¹ Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. I, Госполитиздат, М., 1948, стр. 149.

² Д. И. Писарев. Исторические эскизы. «Русское слово», 1864, № 1, стр. 4—5.

ресы государства и народа всегда были нераздельны и тождественны». Наоборот, замечал Добролюбов, «часто мы видим в истории, что ...государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс» и поэтому «результат воззрения государственного бытия в истории чрезвычайно различен от результата воззрения народного»¹.

В соответствии с таким подходом к общественному развитию представители революционно-демократического направления в русской историографии считали, что историческая наука «должна прежде всего исследовать и освещать, с одной стороны, права рабочих классов, а с другой — дармоедство во всех его видах»².

Историк, по мнению Чернышевского, обязан горячо защищать интересы трудящихся масс, ибо главной тенденцией исторического развития является ликвидация эксплуатации и торжество свободного труда. В понимании вопроса о роли народных масс в истории Чернышевский пошел значительно дальше своих соратников по революционно-демократическому лагерю. Роль народных масс он связывал прежде всего с тем, что они производят материальные блага. «Масса трудится, — писал он, — и понемногу совершенствуются производительные искусства. Она одарена любознательностью или, по крайней мере, любопытством — и постепенно развивается просвещение, благодаря развитию земледелия, промышленности и отвлеченных знаний смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потом и учреждения, всему этому причина одна — внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта»³.

Народные массы, по убеждению Чернышевского — это ведущая сила общественного прогресса, по ее творческие возможности были скованы в течение веков различными формами эксплуатации. Бедствия народных масс являются, утверждал он, закономерным следствием существования эксплуатации, неизбежной при таком по-

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 124.

² Н. А. Добролюбов. Избр. философ. произв., т. II, М., 1948, стр. 567—568.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 47.

рядке вещей, «где собственность и труд не соединены в одном лице».

При оценке современного им общества революционные демократы видели противоположность интересов эксплуататоров и эксплуатируемых. «По выгодам все европейское общество, — писал Чернышевский, — разделено на две половины — одна живет чужим трудом, другая своим собственным; первая — благоденствует, вторая терпит нужду. Интерес первой в том, чтобы сохранить нынешнее положение вещей, по которому большая часть из плодов народного труда достается в руки ее немногочисленных членов. Интерес второй половины общества, считающей в себе повсюду более девяноста человек из ста, состоит в том, чтобы изменилось нынешнее положение и трудящийся человек пользовался всеми плодами своего труда, а не видел их достающимися в чужие руки»¹. Противоположность экономических интересов и ведет, делает вывод Чернышевский, к столкновениям различных социальных групп, к борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров.

Рассматривая освободительную борьбу народных масс как закономерное следствие их угнетенного положения, революционеры-демократы стремились показать влияние этой борьбы на общественное развитие. Политические события совершались, по их мнению, без участия народа до тех пор, пока они сводились к борьбе за власть между князьями или претендентами на престол и не изменяли существенно экономических отношений. Когда же на гребень политической истории поднимались вопросы глубоких экономических преобразований, которые затрагивали интересы различных сословий, народные массы выступали на политическую арену как главная, решающая сила.

Так, в оценке реформы 1861 г. Салтыков-Щедрин подчеркивал, что решающей силой, которая заставила царизм пойти на отмену крепостного права, были народные массы. «Вникните в смысл этой реформы, — писал он, — взвесьте ее подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убедитесь... что,

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VI, М., 1949, стр. 337.

несмотря на всю забитость и безвестность, одна только эта сила и произвела всю реформу»¹.

В статьях, посвященных истории Западной Европы, Чернышевский и Добролюбов отмечали, что буржуазия, искусно используя народное недовольство феодальным гнетом, выдвинула лозунги, обещавшие народу освобождение. Народные массы восприняли их и превратились в революционную силу, ломающую феодальные порядки и расчищающую путь для нового, более прогрессивного строя. «Простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века, — писал Чернышевский. — Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году. Когда она увидела, что при Бурбонах не стало для нее лучше, чем было при Наполеоне, она низвергла их в надежде приобрести нечто лучшее без них. Источником всей силы, какую имело то или другое французское правительство, бывала надежда массы, что оно благоприятно для нее; недовольство ее своим положением было всегда причиной катастроф»².

Чернышевский сумел увидеть, что народ, который стал решающей революционной силой и завоевал победу, уступил ее буржуазии, новому эксплуататорскому классу, руководившему революцией. Приход буржуазии к власти создал условия, которые способствовали быстрому росту политической активности народных масс.

Важной и замечательной чертой революционно-демократического направления была убежденность его представителей в необходимости народного движения, в том, что оно в конце концов приведет к победе над эксплуататорами, к торжеству социализма.

Н. А. Серно-Соловьевич, которого Герцен называл «одним из лучших, весенних провозвестников нового времени в России»³, писал: «Ваша опора — те несчастные массы, которые благодаря полутору века прави-

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., Госполитиздат, М., 1938, т. VI, стр. 109.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. VII, стр. 153.

³ А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. XVIII, стр. 375.

тельственного зверства, распутства, помешательства, иезуитизма, террора представляют градации от апатии до безвыходного отчаяния, которым нечего ждать от этого порядка, нечего терять с ним, а остается только глубоко ненавидеть его. На эти массы мы и обопремся»¹. Сколько бы ни понадобилось времени для того, «чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называемое социалистическим»², — писал Чернышевский, — будущее принадлежит народу, а не его эксплуататорам.

Определив первостепенное значение экономических отношений в общественном развитии, раскрыв противоположность экономических интересов эксплуататоров и трудящихся, революционные демократы во главе с Чернышевским обосновали положение о решающей роли народных масс в осуществлении коренных общественных преобразований и пришли к выводу о необходимости и неизбежности народной революции. Народные массы, как «громкая сила... сила непреоборимая», рано или поздно должны победить всюду — и во Франции, и в Англии, и в России, и в других странах. Революции широких трудящихся масс, поднявших знамя социализма, решат судьбу человечества — к такому выводу сто лет назад пришел великий русский революционер-демократ Чернышевский и его соратники на основании правильной оценки решающей роли народных масс в истории.

В этом ярче всего проявился «зачаток исторического материализма» в трудах Чернышевского и других представителей революционно-демократического лагеря.

Сделав серьезный шаг по пути к историческому материализму, они не дошли до материалистического понимания истории. Материалистическое понимание истории предполагает признание того, что в основе тех или иных экономических отношений лежит определенный уровень развития производительных сил, что с изменением этого уровня, с изменением характера производительных сил

закономерно изменяется экономический строй общества, вызывая смену всех общественных отношений, смену идей и учреждений, господствующих в обществе.

Русские революционные демократы считали, что деятельность людей определяется развитием мышления, знаний, науки. Идеалистическое решение вопроса об определяющем факторе общественного развития обусловило известную ограниченность их представлений о роли народных масс. Правильно считая народ творцом материальных ценностей, они не смогли раскрыть истинного значения трудовой деятельности народа в развитии общества, не понимали, что именно труд народа является основой общественного прогресса, так как в процессе трудовой деятельности неизбежно накапливаются изменения в производительных силах, порождая необходимость в дальнейшем развитии экономических, социальных и политических отношений.

Революционеры-демократы не видели различия в экономическом положении и исторической роли пролетариата и крестьянства, наивно полагая, что рабочие, эксплуатируемые капиталистами, и крестьяне, страдающие под гнетом феодально-крепостнических пережитков, в одинаковой мере способны воспринять социалистические идеи и осуществить революционный переворот, необходимый для воплощения их в жизнь.

Только марксизм-ленинизм впервые научно обосновал положение о решающей роли народных масс в истории, показав историческое значение их трудовой производственной деятельности

Таким образом, материалистическая тенденция, столь ярко обозначившаяся в пореформенный период во взглядах Чернышевского и его соратников на содержание исторического процесса, не распространялась на решение основного вопроса об определяющем факторе общественного развития. «Тем не менее, — пишет В. Е. Иллерицкий, — твердое убеждение всех революционеров-демократов в том, что народные массы являются главной силой истории, высоко поднимает их над представителями дворянско-буржуазной историографии и составляет самую главную особенность и отличительную черту демократического истолкования истории»¹.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 19.

¹ Н. Серно-Соловьевич. Ответ «Великоруссу», в кн. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизвестным документам, с портретами. СПб., 1908, стр. 510.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. IX, М., 1949, стр. 833.

Как уже отмечалось, основополагающая роль в создании демократической концепции в русской исторической науке принадлежала Чернышевскому и Добролюбову.

В пореформенный период в разработку исторических проблем с демократических позиций включается значительно более широкий круг представителей революционно-демократической идеологии. После ареста Чернышевского и смерти Добролюбова Салтыков-Щедрин, Писарев, Серно-Соловьевич, Шелгунов и другие смогли не только защитить, но и развить дальше демократические взгляды своих учителей.

Широкий исторический кругозор, боевая полемическая страстность отличали взгляды великого русского писателя-сатирика, демократа Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826—1889 гг.). Он подчеркивал значение социально-экономических условий в общественном развитии, стремился понять внутреннюю закономерность исторического процесса. «История, — писал Салтыков-Щедрин, — имеет свои повороты, которые невозможно изменить, а тем менее устранить. Это, конечно, не слепой фатализм, перед которым не остается ничего другого, как преклониться, и не произвол, которому люди подчиняются, потому что за ним стоит легион темных сил; но все-таки это закон и именно закон последовательного развития одних явлений из других»¹.

Стремясь к познанию законов, по которым развивается история, Щедрин не поднялся над идеалистическим пониманием ее как процесса непрерывного движения человечества к общественному идеалу. Но он писал о естественности и прогрессивности перехода от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму. Писатель был убежден, что капитализм, так же как в свое время крепостничество, придет к неминуемой гибели и уступит место более прогрессивному, социалистическому строю, утверждение которого он ошибочно связывал с революционной деятельностью крестьянских масс.

Салтыков-Щедрин подверг уничтожающей критике исторические теории славянофилов и государственников.

«Действительная история человеческих обществ, — писал он, критикуя «мишурный блеск» официальной историографии, — есть повесть написанная и по преимуществу безымянная, которой нет дела до случайных накипей, образующихся на поверхности общества»¹.

Решающую роль в русской истории Салтыков-Щедрин отводил народным массам. Он решительно протестовал против ее фальсификации. В «Истории одного города» сатирик создал остроумную пародию на защитника норманской теории М. П. Погодина. Щедрин показал основную роль народных масс в создании Русского централизованного государства, в борьбе с польско-шведской интервенцией. Вместе с тем в его произведениях подчеркнута большое значение таких прогрессивных деятелей, как Галилей, Франклин, Ломоносов, Добролюбов и Чернышевский. Салтыков-Щедрин дал прекрасную характеристику Петра I, как великого прогрессивного деятеля, патриота, считая его в то же время «величайшим самодуром своего времени», обрекшим народ «на вечное рабство».

В 70—80-х годах Салтыков-Щедрин с горечью писал о невозможности в тот исторический период победы народной революции, но верил, что придет конец терпению народа и его пассивности. «Ясно, — читаем мы в его «Мелочах жизни», — что идет какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипят и клокочут с очевидной решимостью пробиться наружу. Исконное течение жизни все больше и больше заглушается этим подземным гулением...»².

Большая роль в распространении среди передовой русской молодежи революционного понимания истории принадлежит Дмитрию Ивановичу Писареву (1840—1868 гг.). Для Писарева, как и для других последователей Чернышевского, обращение к истории, резкая критика дворянской и буржуазной историографии были не самоцелью, а одним из средств революционной борьбы за освобождение народа.

Высмеивая официальные учебники по русской исто-

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. VI, стр. 110.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч., т. XVI, М., 1937, стр. 447.

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собр. соч., т. XIII, Л., 1936, стр. 150.

рии Кайданова, Смараглова, Устрялова, Писарев с уничижающей иронией говорил: «В настоящее время история есть список собственных имен, связанных между собой разными глаголами и пересыпанных цифрами годов. Антон поколотил Сидора в таком-то году, а Сидор соединился с Егором и пошел на Антона в таком-то году, и вздул его при таком-то городе, и выгнал его из такого-то царства. Потом Сидор с Егором передрались за добычу; потом Егор женился на дочери Сидора, Фекле, в таком-то году, и получил за нею в приданое такие-то города; потом... Ну, и так далее — вот образчик той истории, которую изучают наши гимназисты»¹.

Резко критикуя буржуазных историков за антидемократизм и восхваление существующего строя, Писарев считал основной задачей истории показ причин эксплуатации народа в прошлом и отыскание путей лучшего будущего. «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или подкупленным в пользу царствующего зла..., династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть»², — пророчески предсказывал он в 1862 г. в статье-прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферротти».

Писарев был не только убежден в неизбежности народной революции, но и стремился отыскать ее исторические предпосылки. В работе «Французский крестьянин в 1789 году» он на примере французской буржуазной революции показал, что «разоренный и забытый народ мог в решительную минуту развернуть и несокрушимую энергию и глубокое понимание своих потребностей... и такую силу политического воодушевления..., смог подняться на ноги и обновиться радикальным уничтожением всего средневекового беззакония»³.

В превосходной аллегорической статье «Пчелы» Писарев подчеркивает, что, кроме деспотического и поли-

цейского произвола, важнейшей причиной революции является экономический гнет трудящихся. Он рассказывает, как в «пчелином королевстве» «пролетарии» трудятся на трутней — эксплуататоров. Порядком в улье остается незбылемым «только тогда, когда припасов достаточно, когда кругом улья лежат цветущие луга, на которых тысячи пчел могут находить себе ежедневно обильную добычу. Как только наступает дождливая осень, как только полевые цветы завянут и осыпаются, так обитатели улья начинают чувствовать беспокойство; являются экономические затруднения; трутни сталкиваются в своих интересах с пролетариями, и это столкновение ведет к страшным кровавым результатам, ясно показывающим несостоятельность той конституции, которую управляют пчелы»¹.

В своих произведениях Писарев основное внимание уделял переломным революционным периодам всеобщей истории и внес значительный вклад в их демократическое освещение.

Одним из предшественников материалистического понимания истории был видный революционный демократ и публицист Николай Александрович Серно-Соловьевич (1834—1866 гг.). Связанный тесными узами дружбы с Чернышевским, Герценом, Огаревым и Шелгуновым, он способствовал дальнейшему развитию революционно-демократического направления в историографии.

Для него история — не случайное нагромождение фактов, не результат деяний выдающихся исторических личностей, а проявление внутренних закономерностей. «Исторической жизнью народов и всего человечества, — писал он, — управляют постоянные, неизменные законы; направленность и произвольность, которые люди призывали видеть в исторических событиях, только кажущаяся»². В объяснении законов исторического развития Серно-Соловьевич видел «архимедов рычаг для устранения бедствий и увеличения благосостояния»³. Чтобы понять жизнь того или иного народа, нужно, по его мнению, знать географию данной страны, ее «социальный характер в важнейших моментах», ее историю.

¹ Д. И. Писарев. Наша университетская наука. «Русское слово», 1863, № 8, стр. 19.

² Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи. Госполитиздат, 1949, стр. 126—127.

³ Д. И. Писарев. Полное собр. соч., т. 6, СПб., 1901, стр. 588.

¹ Д. И. Писарев. Избр. философ. и обществ.-полит. статьи, стр. 116.

² Сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 73.

³ Там же, стр. 75.

Однако, признавая закономерности исторического развития, борьбу классов, неизбежность революционных взрывов, Серно-Соловьевич считал движущей силой истории смену идей. Правда, как отмечает Б. И. Романенко, он «делал попытки преодолеть идеализм в области истории», «писал, что нельзя сводить причину исторического процесса только к смене идей, к знаниям»¹. Большое значение в развитии общества он придавал производственной деятельности, труду человека. «Государство в целом составе, — указывал Серно-Соловьевич, — каждый человек, отдельно взятый, могут существовать только при ежедневно возобновляемом производстве трудящихся»².

Особый интерес проявлял Серно-Соловьевич к изучению истории войн и колониальных грабежей. Здесь он сделал много интересных замечаний и выводов, не утративших своего значения и по сей день. Различая войны справедливые и захватнические, Серно-Соловьевич был горячим противником последних, хотя считал, что между капиталистическими странами такие войны неизбежны. «Надо быть чересчур наивным, — писал он, — чтобы поверить, что миллиарды истрачены на вооружение собственно для того, чтобы иметь удовольствие сложить оружие в арсеналы»³.

Арест, ссылка в Сибирь и трагическая гибель по дороге в Иркутск прервали кипучую деятельность этого видного последователя Чернышевского.

Непримиримым борцом за демократическую науку, свержение самодержавия и освобождение трудящихся был Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891 гг.). Около 20 лет пробыл он в тюрьме и ссылке, но сохранил свои демократические убеждения. Ему принадлежит значительное количество работ по русской и всеобщей истории, в которых рассматриваются развитие буржуазного строя, рост противоречий между буржуазией и пролетариатом, история русского крестьянства, его антифеодальной борьбы и другие проблемы.

Шелгунов, уступая Чернышевскому и Добролюбову в общетеоретических вопросах, внес значительный вклад

в изучение русской и мировой истории с позиций защиты интересов крестьянских масс. Его работы оказали заметное влияние на Щапова и пользовались большой популярностью в народнических кругах.

Заканчивая краткое рассмотрение особенностей революционно-демократического направления в русской историографии, следует отметить, что его освещению советские историки до сих пор не уделяли того внимания, которого он заслуживает.

Первая и пока единственная характеристика исторических взглядов русских революционных демократов во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» принадлежит В. Е. Иллерицкому.

К сожалению, в учебном пособии «Историография истории СССР», одним из редакторов которого и автором соответствующей главы (17-й) является В. Е. Иллерицкий, допущено досадное отступление по сравнению с «Очерками». Рассматривая взгляды Чернышевского и Добролюбова, автор ничего не говорит о развитии их идей другими представителями революционной демократии. Если учесть, что Добролюбов умер в 1861 г., а Чернышевский с 1862 г. и почти до конца жизни находился в ссылке, то станет очевидной необходимость показать деятельность их последователей в демократической науке.

Тогда еще яснее будет виден тот неограниченный вклад, который внесла в развитие передовой, демократической историографии славная когорта революционных демократов 60—70-х годов. Их непримиримая борьба с либерально-буржуазной исторической наукой расчищала почву для возникновения марксистской науки, а прогрессивные выводы, прежде всего признание решающей роли народных масс в истории, создавали предпосылки для утверждения марксизма в России.

ЛИТЕРАТУРА

Ф. Энгельс. Письмо к Е. Паприц от 26 июня 1884 г. Сб. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими деятелями», М., 1951, стр. 276—277.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собр. соч., т. I, стр. 125—346.

В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полное собр. соч., т. 20, стр. 171—180.

¹ Б. И. Романенко. Мировоззрение Н. А. Серно-Соловьевича, Госполитиздат, 1954, стр. 159, 160.

² «Революционное движение 1860-х годов», стр. 96.

³ См. Б. И. Романенко. Указ. работа, стр. 174.

Н. Г. Чернышевский. Очерки научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Соч., т. X, стр. 808—948.

Д. И. Писарев. Пчелы. В кн. «Избр. философ. и обществ.-полит. статьи», 1949, стр. 91—118.

Д. И. Писарев. Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти. Там же, стр. 119—127.

В. С. Манешин. Общественно-политические взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина, Харьковское книжное изд-во, 1960, стр. 40—69.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 7—66.

Б. И. Романенко. Мирозрение Н. А. Серно-Соловьевича, Госполитиздат, 1954, стр. 152—178.

ЛЕКЦИЯ 19

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИК-ДЕМОКРАТ А. П. ЩАПОВ

Жизненный путь и формирование политических взглядов А. П. Щапова. Общественно-исторические воззрения. История народных масс как центральная тема его исследований. Революционно-демократическое направление в русской историографии и Щапов

В середине XIX ст., на рубеже двух эпох, в условиях роста народного недовольства и резкого обострения классовой борьбы в России в русскую историческую науку пришел типичный разночинец историк-Щапов, который поставил трудную, но вполне назревшую задачу: доказать, что «русская история — это сам русский народ в течение веков»¹.

Щапов родился в 1831 г. в глухом сибирском селе-нии Анге. Отец его был сельским дьячком, мать — неграмотной крестьянкой-буряткой. Девятилетним мальчи-ком Щапов попал в Иркутскую бурсу, через шесть лет в духовную семинарию, откуда его как способного семи-нариста в 1852 г. направили в Казанскую духовную академию. Здесь определился его интерес к истории, причем влияние демократически настроенных студентов, с которыми Щапов сблизился во время учебы в акаде-мии, знакомство с произведениями Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Шевченко, а главное, глубокое знание жизни народа — оказались сильнее ре-

---

¹ А. Щапов. Неизданные сочинения. «Известия об-ва археоло-гии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. 40.

лигиозно-церковной идеологии и карамзинско-устряловских идей.

Поражение царизма в Крымской войне было тем внешним толчком, который заставил молодого историка придти к выводу о реакционном характере и исторической обреченности самодержавно-крепостнического строя.

В 1856 г. Щапов закончил академию со степенью бакалавра и был оставлен здесь для чтения лекций. Его диссертация «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII» была опубликована в 1858 году.

Вынужденный представить диссертацию по истории церкви, Щапов остановился на теме, в которой главным действующим лицом был народ, а история церкви переходила в историю народного движения. Немало ярких страниц диссертации посвящено показу народных бедствий, неправого суда, взяточничества, чиновничьего произвола, царского деспотизма и крепостнического гнета. Вместе с тем Щапов считал раскол отклонением от единственно правильного пути православной церкви, указывал на «благоустроительные» начала самодержавной власти. За такую непоследовательность и слабый показ социальных корней раскола Н. А. Добролюбов в одной из статей «Современника» справедливо критиковал Щапова. Критические замечания и перевод в Казанский университет, освободивший молодого ученого от прямой церковной опеки, помогли ему в следующей работе «Земство и раскол» (1860) довести до логического завершения элементы социально-политической оценки раскола.

Щаповская оценка раскола противоречила официально-церковной точке зрения и не случайно вызвала злобные выступления столпов самодержавно-православной идеологии. Печально известный «Муравьев-вешатель» сочинил донос, в котором писал о книге Щапова: «Это настоящий коммунизм с беспрестанными выходками против бояр и чиновников, требующий уравнивания во всем... Раскол выбран... рычагом, чтобы все поднять для какой-нибудь новой Пугачевщины»¹.

Испуг этот можно понять, если учесть то преувели-

ченное значение, которое придавали расколу деятели революционного движения 60-х годов, пытавшиеся использовать его в борьбе с царизмом. И хотя попытки эти были обречены на неудачу, обращение к расколу характеризует Щапова как историка, который стремился использовать изучение прошлого в интересах политической борьбы. Об этом убедительно свидетельствовала вступительная лекция, прочитанная им 12 ноября 1860 г. в Казанском университете, куда Щапов был приглашен вместо уехавшего в Москву С. В. Ешевского. «Скажу наперед, — заявил молодой профессор, — не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и общности вступаю я на университетскую кафедру русской истории»¹.

Столь решительно отмежевавшись от официальной историко-юридической школы, Щапов противопоставил ей свою историческую концепцию, созвучную школе Чернышевского и Добролюбова. Идея, которая лежала в ее основе и которую он затем последовательно проводил во всех работах, выражалась в словах: «Главный фактор в истории есть сам народ...сущность и содержание истории есть жизнь народная»².

Вступительная лекция была горячо одобрена студентами, а молодой профессор вскоре стал самым популярным человеком в кругах прогрессивной общественности Казани.

Кроме открытых лекций по истории русского народа, в которых Щапов смело цитировал Герцена, Огарева и других революционеров-демократов, он читал конспиративные лекции о декабристах, о развитии революционных идей в России, о конституции. Сохранившийся текст его лекции «О конституции» отчетливо показывает революционный характер этого конспиративного чтения. Говоря о широком размахе крестьянских выступлений, в которых «народ выражал всю свою политическую философию, свои демократические думы и стремления»³, Щапов требовал, чтобы демократическая интеллигенция определила степень и характер своего участия в этом движении. «И горе нам, нестолбовым дворянам и чиновникам, — говорил он, — если взволнуются, забушуют эти могучие

¹ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 12.

² Там же.

³ Там же, стр. 57.

¹ Андрей Николаевич Муравьев о Щапове. Письмо к влиятельному лицу. 1862 г. «Русский архив», 1882, № 6, стр. 211.

силы здоровой сельской Руси под руководством ее удалых, добрых молодцев, если мы первые не подадим этому огромному, забитому большинству народа руку свободы, братства, если равенство — еще мечты»¹.

Сам Щапов, помимо пропаганды революционно-демократических идей в университете, стремился к активной общественной деятельности. Так, он намеревался создать в Казани общество для распространения грамотности, крестьянские бесплатные библиотеки и школы для подготовки сельских учителей². Стремясь осуществлять через воскресные школы не только просвещение народа, но и революционную агитацию, Щапов активно участвовал в работе студенческих землячеств и использовал их в этих целях. Когда в селе Бездна, Спасского уезда, Казанской губернии, вспыхнуло стихийное выступление крестьян против грабительских условий реформы 1861 г., Щапов заявил студентам: «Ну, вот Вам и деятельность! Вы только собираетесь заводить по деревням своих агентов, закупаете шрифты и достаете литографские станки, а жизнь-то бьет своим обычным ключом»³.

Кульминационным моментом политической деятельности историка-демократа в Казани было его выступление на панихиде по жертвам Бездинской расправы. 16 апреля 1861 г. с амвона кладбищенской церкви в Куртине Щапов выступил с яркой революционной речью, в которой смело и резко осудил кровавую расправу над крестьянами. Отметив, что крестьяне доказали способность народа «к инициативе политических движений»⁴, Щапов закончил свою речь пророческими словами: «Земля, которую Вы возделывали, плодами которой — питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла Вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Мир праху Вашему и вечная историческая память Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»⁵.

¹ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 57.

² Ж. «Былое», 1907, № 1, стр. 200.

³ М. Лемке. Очерки освободительного движения 60-х годов, СПб., 1908, стр. 293.

⁴ Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездна крестьянам. Ж. «Красный Архив», 1923, т. IV, стр. 409.

⁵ Там же, стр. 410.

Столь открытый вызов царскому самодержавию произвел большое впечатление на передовые общественные круги, вызвал широкие отклики, усилил авторитет и влияние Щапова на демократическую молодежь. Царское правительство, и без того встревоженное революционной деятельностью казанского историка, решило арестовать его. Однако оно опасалось волнений в Казани, поэтому Щапова вызвали в Петербург и по дороге арестовали.

Период ареста и следствия — от 30 апреля 1861 до 19 февраля 1862 г. — очень важен в смысле завершения формирования политических взглядов Щапова. Если в мае 1861 г. он из тюрьмы послал известное письмо Александру II, в котором излагал программу необходимых преобразований, проявив элементы наивного крестьянского монархизма, то через каких то десять месяцев, 19 февраля 1862 г., он, убедившись в призрачности своих надежд на доброго царя, пишет письмо Вяземскому, которое, по справедливому утверждению М. В. Нечкиной, «свидетельствует о том, что у Щапова революционно-демократические взгляды взяли верх над наивно-монархическими колебаниями крестьянства»¹.

В письме нет и следа наивного монархизма. «Масса народная самая жизненная, — пишет Щапов, — отрицает царя со всеми его централизионно-бюрократическими учреждениями, отрицает вельможество, княжество со всем его помещичеством»². Поэтому «если царь страшится, не хочет страшного суда народного — ужаснейшей в свете предстоящей русской революции»³, он должен, «предоставив областным советам и союзному федеративному земскому собору создать русское земское общинно-демократическое народосвятие..., отречься от самодержавия»⁴. Народ, собравшись на земский собор, отрекается от императора, предоставляет автономию Польше, Украине, Великороссии, Сибири, другим провинциям и создает социально-демократическую конституцию — таков политический идеал Щапова.

¹ М. В. Нечкина. А. П. Щапов в годы революционной ситуации. Письмо к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. «Лит. наследство», 1959, т. 67, стр. 646.

² Там же, стр. 661.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 662.

Характерно его заявление: «Я еще больше, чем когда-либо, готов пострадать за то, что желаю народу, или, лучше сказать, за то, чего требует сама, вся горькая, вопиющая жизнь русского народа... Я говорю и буду говорить до смерти или до каторги одно: конституция русская не может быть сочинена ни новым Сперанским — гением бюрократическим, или новым Муравьевым или Пестелем, односторонним гением 14 декабря, ни одним Искандером — никем. Она должна быть создана, организована самим народом...»¹.

Трудно отказать автору этих слов в принадлежности к революционно-демократическому лагерю, тем более, что он сам ясно сознавал революционный характер своих замыслов и предвидел возможные трагические последствия своей антиправительственной деятельности, когда называл себя выразителем исторической народной думы, «которая...заставляет бежать от всяких подлых интересов и искательства...за бегуном-крестьянином... в могилу Радищевых, Рылеевых»².

Таким образом, в 1861 г. политические убеждения Щапова сложились в своей основе как революционно-демократические.

Утверждению Щапова на революционно-демократических позициях безусловно способствовало его пребывание в Петербурге (1861—1864 гг.). Сближение с видными деятелями революционной демократии, дружба с Г. З. Елисеевым и В. С. Курочкиным, знакомство с А. Н. Пыпиным, Н. И. Костомаровым, М. И. Семевским, Н. Г. Помяловским оказали заметное влияние на исторические работы Щапова. Развивая и углубляя изучение истории народа и народных движений, он продолжает заниматься исследованием раскола. В журнале «Век», в издании которого он принимал участие, были опубликованы его исторические статьи «Сельская община», «Земство», «Русские самородки», «Земские соборы XVII столетия»; в «Отечественных записках» — «Великорусские области и смутное время», «Земство и раскол», «Земский собор 1648—1649 гг. и собрание депутатов 1767 г.» и ряд других. После встречи с Н. Г. Чернышевским Щапов написал для «Современника» статью «Ра-

зум и наука в России в былые времена», запрещенную цензурой. В 1862 г., когда верноподданические излияния официальной печати, вызванные отменой крепостного права, усилились в связи с шумным празднованием «тысячелетия России», Щапов противопоставил квазипатриотическому словесному потоку статью под характерным названием «Гражданская грусть». Статья содержала, говоря словами автора, «глубоко продуманный непримиримый с действительностью вывод»¹.

Назвав «деспотическим» период русской истории от восстания декабристов до поражения царизма в Крымской войне, Щапов дал убийственную характеристику современного ему общества, показывая тяжелый гнет, политическое бесправие, экономическое неравенство и «несправедливость вопиющую». В заключительной части этой неоконченной и не увидевшей света статьи автор на основе официальных статистических таблиц пытался экономически обосновать необходимость ликвидации помещичьего землевладения.

Нужно отметить, что не только грусть и возмущение испытывал историк, анализируя нищее и бесправное положение пореформенной деревни. В статье «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий» (1863) он писал: «И мощная, но пророческая вера предтечей нашего лучшего современного меньшинства—Ломоносова, Радищева и Белинского — становится фактом и внушает лучшему современному меньшинству нашему новую, могучую, живую веру в будущность освобождения крестьян, в будущность самого освобожденного крестьянина...»².

Историческая теория Щапова, его стремление поставить изучение прошлого русского народа на службу жгучим проблемам современности пользовались большой популярностью в среде передовой русской общественности. И, естественно, что актуальное политическое звучание работ историка-демократа вызывало серьезное беспокойство самодержавного правительства, которое после жестокой расправы с разрозненными крестьянскими выступлениями перешло к разгрому прогрессивных общественных сил. Полоса арестов и репрессий, вырвавших из революционно-демократического лагеря Черны-

¹ М. В. Нечкина, А. П. Щапов в годы дореволюционной ситуации..., стр. 658.

² Там же, стр. 661.

¹ Н. Н. Аристов, Афанасий Прокофьевич Щапов (Жизнь и сочинения), СПб., 1883, Приложения, стр. 157.

² А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, Иркутск, 1937, стр. 7—8.

шевского, Михайлова, Н. Серно-Соловьевича и других наиболее активных деятелей, сыграла роковую роль в жизни Шапова.

Особая комиссия потребовала выслать его из столицы «для предупреждения могущих быть вредных последствий от связи с неблагонадежными людьми»¹.

Весной 1864 г. Шапов вместе с верным другом и помощником женой Ольгой Ивановной Жемчужниковой в сопровождении жандарма выехал в Иркутск. Ссылка не страшила историка, выросшего в Сибири, он ехал с большими творческими планами и новыми идеями. Однако условия, в которых Шапову пришлось жить в Иркутске, постоянный надзор, отсутствие архивов и научных библиотек, материальная нужда и полная духовная изоляция внесли серьезные коррективы в его планы.

Несмотря на «каторжные условия» научной работы в годы спада первой революционной ситуации и особый цензурный режим для ссыльного историка, нельзя считать научную деятельность Шапова в Сибири неудачной и бесплодной, как это делает Аристов². Такие статьи историка, как «Сибирское общество до Сперанского», «Эгоистические инстинкты в Ленинской общине», «Что такое рабочий народ в Сибири», написанные после знакомства с «Капиталом» Маркса, свидетельствуют о дальнейшем развитии Шапова как историка, о плодотворности его мучительных исканий правильного материалистического объяснения истории. Незрелость социально-экономического развития России исключала для Шапова и его единомышленников по революционно-демократическому лагерю материалистическое понимание истории. Преждевременная смерть от туберкулеза оборвала дальнейшую эволюцию исторических взглядов талантливого русского ученого.

К решению важнейших проблем отечественной истории Шапов подходил с позиций защиты многовековых чаяний крестьянских масс, т. е. с позиций Чернышевского, Добролюбова, Шевченко.

Основными недостатками дворянской и либерально-

¹ Е. Чернышев. Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXXIII, вып. 4, Казань, 1927, стр. 79.

² Н. Н. Аристов. Указ. раб., стр. 116, 117.

буржуазной историографии Шапов считал идеализацию прошлого, односторонний интерес к истории государства, игнорирование истории народных масс и их борьбы против самодержавия и крепостничества.

Последовательный противник самодержавной власти, видевший в русской истории непрерывную борьбу народа с феодальным государством, Шапов осуждал монархически настроенных историков, которые, подобно Устрялову, «с приторным патриотизмом изображали торжество православия и единодержавия и восхищались мнимой любовью народа к царю»¹. Его критика либерально-буржуазной историографии в основных своих пунктах совпадала с критическими выступлениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова и Шевченко. Особенно наглядно об этом свидетельствует отношение Шапова к представителям так называемой государственной школы — Чичерину и Кавелину.

Касаясь различных направлений в развитии современной ему общественно-политической и исторической мысли, Шапов детально рассматривал историко-юридическую теорию. В основе ее, писал он, лежало ошибочное убеждение о зависимости свободы и благосостояния русского народа от хороших или правильных государственных учреждений, от постепенных политических реформ.

Шапов, так же как Чернышевский и Добролюбов, подчеркивал огромное научное значение «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, но вместе с тем критиковал ее автора за то, что он не призывал в истории России других народов, кроме русского, а все исторические факты и события подчинял идее государственности².

Превосходство Шапова как представителя интересов народных масс в русской историографии над представителями либерально-буржуазного направления сказалось в тонкой оценке, которую он дал своему современнику Н. И. Костомарову³. Критически оценив состояние либеральной историографии, Шапов не только правильно определил ее антидемократизм, но и выдвинул свое понимание задач и обязанностей историка. Точка зрения

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 681.

² А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 17.

³ Там же.

Шапова, изложенная в лекции «О конституции», совпала с требованиями Чернышевского и Добролюбова и отражала революционно-демократический подход к изучению истории в период борьбы за освобождение крестьян.

Связывая борьбу народа в прошлом с его борьбой за ликвидацию крепостного права в середине XIX в., Шапов на основании исторического опыта уверенно заявил о том, что народные массы стригают царя и помещиков¹. Непокоримым убежденный, «что в истории главный фактор есть сам народ», он требовал от подлинно «народного историка» глубокого и всестороннего изучения тяжелой жизни и самоотверженной борьбы народных масс. «Пусть историческая жизнь нашего простого сельского народа, многочисленнейшего и разнообразнейшего, пусть она протекала в 17 и особенно в 18 столетии только в стоне и бегстве от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического начальства, от крепостного права... да в бунтах противогосударственных, да в песнях грустно-заунывных, — говорил он студентам в лекции «О конституции», — историк тем более должен передать потомству этот стон, эти страдания, эти политические движения и бунты, эти, наконец, демократические песни народа...»².

Особое внимание «беспристрастный народный историк», по убеждению Шапова, должен уделять политическим движениям, изучать мысли и настроения народного большинства, понимать причины и характер его выступлений, детально характеризовать вождей народной борьбы, ее лозунги и требования.

Народный историк, по мнению Шапова, не может пройти мимо изучения истории многочисленных народов царской России. «Без этого разработка русской истории и настоящее знание нашего народонаселения, суммы его сил и качеств способностей — невозможны»³.

Разумеется, Шапов, ограниченный социально-экономическими условиями середины XIX века, не мог разрешить поставленные им с такой демократической последовательностью задачи в области истории.

Социологические взгляды и конкретные исторические

исследования Шапова отставали от его политических и философских убеждений. Так, еще в период пребывания в Петербурге общефилософские воззрения Шапова под влиянием материализма русских революционных демократов освобождались от идеалистических заблуждений. Об этом красноречиво свидетельствует его статья «Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия», в которой автор связывал «мифологическое воззрение древнерусского человека» с «его материальным бытом, совершенным незнанием сил и законов природы, неумением пользоваться ими для своих практических нужд...»¹. В другой статье — «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», написанной в сибирской ссылке, Шапов прослеживает борьбу материализма с идеализмом в русской науке и показывает мыслителей, которые «решительно отстаивали принцип аналитического и экспериментального метода... и восстали против всяких идеалистических уклонений в науке»².

Стремясь перенести свои материалистические убеждения на изучение общественного развития, Шапов высказал отдельные материалистические догадки (о возникновении общины, происхождении крепостного права, развитии культуры и др.), но в целом идеалистически решил основной вопрос о движущих силах исторического развития.

Главным фактором в истории человеческого развития он считал разум³. Закон естественного разума, по его убеждению, «могущественно движет историей и цивилизацией народов»⁴.

У Шапова, в силу целого ряда причин, противоречия между материалистическим решением основного вопроса философии и идеализмом в понимании общественного развития оказались глубже и острее, чем у представителей классического революционного демократизма Чернышевского и Добролюбова.

Будучи фактически историком одной темы, Шапов не касался западноевропейской истории, почти ничего не писал о внешней политике России, полностью отдавшись

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 79—80.

² А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 343.

³ А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 398.

⁴ Там же.

своей идее «следить за историей народа, жизни народной, за проявлением собственно народных стремлений, инстинктов, исканий, действий, страданий, движений»¹.

Свой общий взгляд на историю русского народа Щапов, как уже отмечалось, изложил во вступительной лекции к университетскому курсу. Не менее отчетливо его схема развития русской истории и ее периодизация выражены в составленной им «Программе истории русского народа»². Хотя историк и не успел полностью реализовать ее, но структура и содержание программы отражают его оригинальное понимание русской истории.

Отличительную особенность истории России Щапов видел в «начале областности». Официальная наука, утверждал он, все разнообразие в развитии отдельных земель и областей искусственно подгоняла под идею государственного развития. На самом же деле «русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»³.

Только в русской истории, утверждал Щапов, ярко выделяется своеобразное территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации. Затем история идет через взаимную борьбу областей, через решительный протест областей против собирания земель вокруг Москвы. Областной элемент, по представлению Щапова, был самым жизненным господствующим началом, главным мотивом исторического движения до централизации. Он же определил исход борьбы в смутное время, проявился на земских соборах XVII в., а в начале XIX ст. «возбудил в либеральных умах в знаменитое время тайных обществ разные планы и проекты конституционного устройства...»⁴.

В преувеличении историком значения земско-областной формы русской истории, в идеализации областного элемента был определен политический смысл. Решительно и смело заявив в университетской лекции, что

«всякая единичная власть несносна, ненавистна для областных общин»¹, Щапов, как и многие представители передовой русской общественной мысли, ошибочно отрицал прогрессивное значение Русского централизованного государства. Это была ошибка, которая отражала решительное осуждение самодержавной власти, закрепленное утверждением: «Воля народная — закон»².

Отрицательная характеристика исторической роли самодержавия воспитывала ненависть к царизму, а конкретный показ истории борьбы народных масс против феодального государства говорил о необходимости и возможности борьбы с ним в настоящем и будущем. Так щаповская теория «областности» служила задачам политической борьбы и вытекала из убеждения историка, что «теперь требуется уже не теоретическое только уяснение исторического призвания русского народа, но жизненное практическое осуществление его»³.

В 1864 г. в статье «Естествознание и народная экономика» историк, пытаясь определить причины отсталости народа и пути ее ликвидации, отказался от своей земско-областной теории. «Под земством и земским саморазвитием, — писал он, — я разумел все сферы социального развития, всю массу народа со всеми ее этнографическими видоизменениями, всю совокупность сил народных — умственных и физических, все интересы и потребности народные — умственные и экономические»⁴. Между тем никакие теории, по утверждению историка, не могут улучшить положение народа, «если он груб, неразвит, суеверен, невежествен от того, что не знает природы, и беден, неустроен, бессилён, пассивен тоже от того, что природы не знает»⁵.

Пути ликвидации отсталости народа и его пробуждения Щапов, под влиянием Писарева, ошибочно видел в изучении законов взаимодействия внешней и человеческой природы, распространении их на область истории и использовании в будущем социальном строе.

Хотя Щапов в указанной статье решительно осудил славянофильскую идеализацию старины и вслед за Чер-

¹ Н. Н. Аристов. Указ. раб., стр. 78.

² Там же, Прилож. IV, стр. 143—154.

³ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 13.

⁴ Там же.

¹ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 18.

² Там же.

³ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. 7.

⁴ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 158.

⁵ Там же.

нышевским в поисках причин возникновения бедности и богатства обратился к экономической истории, попытка с помощью естествознания и «естествоиспытующего разума» определить пути улучшения «умственного и экономического быта народа» была обречена на неудачу. Однако она имела определенное значение в борьбе с государственной школой.

В противоположность историкам этой школы, пытавшимся из отсталости народа сделать вывод в пользу необходимости и благотворности государственной власти, Шапов в своих исследованиях доказывал, что вследствие разрыва между народом и самодержавным государством последнее является тормозом в историческом развитии, «ибо гражданские правители большею частью не столько заботились о благе народа, сколько угнетали его»¹. Для того чтобы ликвидировать угнетение народа государством и обеспечить возможность дальнейшего исторического развития, не государство, а народ должен решать свою судьбу.

Горячий защитник и идеолог русского крестьянства в исторической науке, Шапов оставил непревзойденные описания его тяжелой, безрадостной жизни.

Колонизация огромных земельных пространств, утверждал он, обусловила в русской истории преобладание физического развития над интеллектуальным. В течение ряда столетий народ в упорном изнуряющем труде осваивал огромные пространства от Карпат до Урала и Сибири. «Первый толчок к географическому распространению и устройству земледельческих поселений дали не столько умственные понятия и расчеты, — полагал Шапов, — сколько естественные, желудочные потребности и побуждения»².

В противовес утверждениям представителей государственной школы, связывавшим происхождение общины с деятельностью государства, Шапов ищет истоки ее в материальных, экономических условиях. «Сама природа русской земли, — пишет он, — дикая, невозделанная, суровая по климату, скупая на произведения, естественно, научала русский народ организовать естественно-рабочие общины и артели, чтобы сообща, совокупными,

коллективными силами побороть и покорять дикую и суровую природу»¹.

Кроме климата и почвы, на распространение, устройство и развитие земледельческих поселений действовали, по Шапову, и другие физико-географические условия, в частности «преобладание пространства над числом народонаселения и лесов над полями»². Первое определило легкость передвижения, второе — развитие частной земледельческой колонизации и происхождение вотчинных и крепостных земледельческих поселений³. Появились, пишет историк, люди «лучшие, старейшие, зажиточнейшие и богатейшие и люди меньшие, худшие, беднейшие». Последние, не имея возможности справиться с лесом, «добывать свой хлеб насущный и обстраиваться своим двором», были вынуждены трудиться на чужой земле. «А на этом и основывалась земледельческая вотчинная колонизация, создавшая впоследствии обширные крепостные, земледельческие поселения»⁴.

Таким образом, происхождение богатства и бедности, а равно и зачатки крепостничества историк связывал с неравенством сил и средств, экономической нуждой и необеспеченностью, вытекавшими, по его убеждению, из незнания природы.

Описывая титанический труд народных масс по освоению своей страны, Шапов с болью отмечает, что наградой за него было крепостное право. Первоначальное прикрепление крестьян к земле постепенно «обратилось в полное крепостное рабство». «И когда в главных частях кончилась починая вырубка лесов и основоположительная архитектурная постройка землевладельческих сел и деревень, — тогда кончилась и вольным воля, и богатырскому землестроительному крестьянству, за его вековую страдательную работу, воздано было крепостным правом, и грустно увековечилась пословица: вот тебе, бабушка, и юрьев день!»⁵.

Шапов относил оформление крепостного права к концу XVI в., связывая его с последствиями сельскохозяйственного кризиса: XVIII век он правильно считал ве-

¹ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 382.

² А. П. Шапов. Соч., г. II, стр. 232.

³ Там же, стр. 239.

⁴ Там же, стр. 241.

⁵ Там же.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 433.

² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 190.

ком наивысшего развития крепостного права, «когда крепостное рабство достигло крайнего предела и произвол грубой силы дошел до забвения всяких человеческих отношений»¹. Важным этапом закрепостительного процесса было, по его мнению, время правления Петра I, особенно 1718—1725 годы, «когда происходила первая формальная поголовная перепись, или ревизия душ»², которая окончательно подчинила крестьян помещикам.

При Петре I, а его Шапов в отличие от славянофилов называл «великим строителем государственного порядка России»³, помещичий произвол обнаружился со всей силой. «Нужно сказать, — пишет он, — что XVIII век, особенно первая половина его, это тяжкая година народного стенания от податей и повинностей, година преобладания сильных иностранцев-тиранов и варварства публичных казней, эпоха взяточничества живыми душами, развития аристократического барства в ущерб другим сословиям и проч., — это было время едва ли не самое тяжкое для нашего народа, особенно для его низших классов»⁴.

Шапов, как и другие представители революционно-демократического направления в историографии, видел две стороны в деятельности Петра I. Он считал, что, с одной стороны, это был «гениальный государь», «основатель империи»⁵, а с другой — «при Петре все лишились свободной жизни», а сам он «для образования русского народа, собственно массы народной, ничего не сделал»⁶. Историк-демократ вплотную подошел к показу классово-политической сущности политики Петра, когда писал, «как почувствовали, пострадали, перенесли реформы Петра на плечах своих податные, крепостные, рабочие и служилые массы народа и как должна об них сказать правдивая чисто-народная история, оценивая их не отвлеченно, не по предвзятым идеям, а по чувствам, по страданиям перенесшего их на себе народа, современного Петру»⁷.

После смерти Петра, по мнению историка, положение народных масс стало еще хуже, вымирало население сел

и деревень, в результате чего обезлюдели огромные пространства. «От неурожая и голода, от тяжких налогов и работ, от жестокого правящего недоимок народ целыми сотнями, целыми тысячами бежал в Сибирь, на Урал, к казакам, к башкирцам, бежал в Турцию, Австрию и Польшу»¹. Бегство крестьян еще более усилилось в период второй ревизии 1742 г. и, особенно, после екатерининских указов, давших помещикам право «по своему произволу ссылать крестьян в Сибирь, или куда угодно, отдавать в солдаты, торговать ими, как товаром, продавать в рекруты...»². Манифест Петра III о вольности дворянству 1762 г. «окончательно обратил крестьян в полную собственность помещиков»³.

Ни у одного дореволюционного историка мы не найдем более яркой и глубокой характеристики горя и нищеты народных масс, чем у Шапова. «И не исчислить, — с горечью и болью писал он в письме к Вяземскому, — всего горя русского, если начать с мужичка, с хаты деревенской, где стон и вопль от рекрутчины, от неволи, от станового, от помещика ...и наяву и во сне, и в самом дворце, и в хижине деревенской, и на Невском и на улице сельской, везде видишь горе русское и слышишь горе русское, кричащее, вопиющее...»⁴.

В этом же письме историк говорит о том, о чем он не мог сказать в цензурной печати — о виновниках горя народного и необходимости уничтожения их путем крестьянского восстания. «И пьем, — пишет он, — всю горькую чашу горя, горя от царя, горя от помещиков, князей и т. п. ...и ждем нового могучего Ст. Разина»⁵.

Шапову, который сумел подойти к правильному объяснению возникновения и развития крепостного права, принадлежит непревзойденная по глубине характеристика отрицательного влияния крепостничества на развитие русского народа и его историю. «Крепостное право, — писал он, — самой черной, градобойной тучей проходило по земле русской, по сердцам народным через все XVIII столетие и глубоко отпечатался след его, даже на новых поколениях. Оно много побило, подавило умствен-

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 637.

² Там же, стр. 516.

³ Там же, стр. 415.

⁴ Там же, стр. 410.

⁵ Там же, стр. 499.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 526.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 518.

² Там же.

³ Там же, стр. 520.

⁴ Письмо Шапова к Вяземскому..., стр. 665.

⁵ Там же.

ных сил в народе, много причинило деморализации энергичному, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натуре русского народа, буйной, размашистой, сбойчатой воле его, много испортило крови в нем. Оно выразилось вредно не только материально, в хозяйственном и общественном быту народном, но и нравственно. Оно отметилось не только в истории народной, не только в житейских общественных и домашних обычаях, понятиях, фамильных преданиях и народных легендах, но и в языке русском, в песне народной...»¹.

Многочисленными примерами и фактами, всеми своими исследованиями Шапов доказал, что «всего более страдали крестьяне от несправедливости и угнетения помещиков»² и поэтому самое важное для них — ликвидация крепостного права, уничтожение помещичьего землевладения.

В своем неутомимом стремлении к изучению истории народных движений историк-демократ широко использовал единственный доступный для него источник — устное народное творчество. В исторических народных песнях и былинах про богатырей, Ермака, в демократических песнях о казаках, о Степане Разине и Пугачеве он видел «живую летопись исторической жизни и громкий голос демократических масс народных, живущий в устах и сердцах народа»³.

Историю народной борьбы Шапов рассматривал в неразрывной связи с изменением экономического и политического положения народа. В противоположность дворянским и буржуазным историкам, рисующим время царствования Алексея Михайловича как время «мира и тишины», историк-демократ показал, что народные движения характерны не только для царствования Алексея Романова, но и всей второй половины XVII века.

Народ был озлоблен, говорит историк, против виновников народных бедствий и неоднократно поднимал против них восстания. «Вслед за московским бунтом — бунт коломенский, бунт в Псковской земле, бунт в Новгородской земле, бунт в Устюге, бунт в Сольвычегодске... Словом, мир весь закачался»⁴, — заключает он и ука-

зывает на антагонизм между народом и правительством, которое «было ненародно, непонятно для массы земства, ни по духу распоряжений и узаконений, ни по самому языку указов». Другой причиной волнений Шапов считал нежелание крестьян терпеть «год от году усиливавшегося крепостного права, несносных поборов, рекрутчины»¹, вследствие чего все сильнее раздавался из Руси «громкий челобитный вопль..., а за воплем — недовольство, раздражение и восстания»².

Один из первых историков, показавший раскол как социальное движение, преувеличивавший его антифеодальный характер, Шапов считал, что в движении раскольников «схолились все частные противогосударственные и демократические антипатии и стремления: и недовольство деспотизмом власти и пресбладанием сильных, и недовольство крепостным состоянием, и недовольство областными управителями и чиновниками, и стеснение свободы и своеволия законами и тягость податного состояния...»³.

Крестьянскую войну под руководством Степана Разина Шапов называл «первым явным народным движением раскола»⁴, смягчая тем самым ее антифеодальную сущность.

Самым мощным крестьянским восстанием, предсылки которого зрели в течение всей второй и третьей четверти XVIII в., он справедливо называл восстание под руководством Емельяна Пугачева. С 1729 по 1772 г., или вплоть до пугачевского восстания, отмечал он, почти не утихали волнения, предвещая могучую крестьянскую войну, потрясшую феодальное государство.

Даже в подцензурной печати Шапов сумел нарисовать грозную картину этой мощной крестьянской войны, называя ее «буйным движением накипевшего, наболевшего в сердцах народных антагонизма и недовольства..., прорывом несносно-сдержанных могучих сил народа к выходу из-под векового гнета...»⁵, а руководителя народного движения — знаменитым казаком Емельяном Ивановичем Пугачевым, сумевшим с особым демокра-

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 521.

² Там же, стр. 439—440.

³ А. П. Шапов. Неизд. соч., стр. 55.

⁴ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 460.

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 730.

² Там же, стр. 466.

³ Там же, стр. 410.

⁴ Там же, стр. 466.

⁵ Там же, стр. 544.

тическим тактом начать свое большое дело. «И зашевелился, задвигался, — писал с восторгом историк, — весь юго-восточный край империи, зашевелились русские и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральские заводы и зауральская Сибирь. Полетели возмутительные листы, манифесты, не много-глаголиво-красноречивые, а затрагивающие самое сердце и все вековые помыслы, желания и ожидания народа... И слова эти, как самая горячая, пламенная искра, просто производили пожар в сердцах народных. И пламя пугачевщины пылало. Крепостные, тяжко-податные, рабски-служебные, тяжко-чернорабочие основы империи заколебались»¹.

Трудно не услышать в этих словах признания большого исторического значения крестьянских восстаний. Не только в статье «Земство и раскол», но и во многих других, написанных значительно позже, мы находим положительные оценки таких явлений русской истории, «когда крепостные массы крестьянства... громко выступают на сцену истории, ворочают целым краем империи... и ужасают правительство»².

Вместе с высокой оценкой силы и значения крестьянских войн, Щапов приближался к правильному пониманию их стихийного, неорганизованного характера, когда писал о том, что они не были «осмыслены» никакой «разумно-сознательной идеей»³. В рукописных заметках Щапова, попавших в руки жандармов, говорится, что если в пугачевском восстании противогосударственный демократический протест народа проявился в качестве стихийной физической силы, то движение декабристов было вызвано к жизни силой политического самосознания, силой конституционных идей. По его мнению, народная борьба и движение дворянских революционеров — два противоположных лагеря, и чем скорее они объединятся, тем лучше. «И скоро ли придет, — мечтал он, — то святое время, когда Пугачев, двигатель масс народных, подаст руку декабристу Муравьеву или Пестелю, или Петрашевскому, когда тяжелые грустные

звуки и думы песни народной сольются с думами Рылеева»¹.

Переходя от истории народной борьбы в далеком прошлом к актуальным вопросам современности, Щапов высказывал уверенность, что крестьяне, неудовлетворенные половинчатым характером реформы 1861 г., поднимутся, выдвинут из своей среды новых Разиных и Пугачевых и в союзе с идеологической силой крестьянского восстания — революционной интеллигенцией — осуществят действительное освобождение.

Таким образом, Щапов главную роль в борьбе с крепостничеством и самодержавной властью отводил крестьянству. Революционная интеллигенция должна была, по его мнению, просветить народ силой революционного сознания и, выступая в союзе с ним, придать стихийному крестьянскому движению сознательный и организованный характер.

Когда надежды на крестьянское движение не оправдались, первый революционный натиск был отбит, а сам историк попал в Сибирь, он не утратил веру в потенциальные революционные возможности народных масс, но в условиях наступления политической реакции стал горячо ратовать за естественнонаучное просвещение народа. В распространении реальных знаний среди трудящихся он искал новые пути преобразования социально-политического строя. Причина такого отступления кроется в конкретных исторических условиях спада революционной ситуации и усиления реакции. Это было вынужденное отступление, связанное не с отказом от борьбы против самодержавия и крепостничества, а с поисками новых путей освобождения народа.

О характере этих поисков приходится судить преимущественно на основании статей ссыльного историка, пропущенных цензурой, так как большинство рукописей Щапова периода сибирской ссылки погибло. Но даже в подцензурных статьях видны мучительные искания историка. Прежде всего, он не всегда твердо верил в то, что от просвещения трудящихся зависит их свобода и благосостояние. В одном случае ему кажется, что «массе народной столько же нужно было и улучшение ее гражданской, социально-экономической участи, сколько знание тайн природы», в другом он считает «есте-

¹ А. П. Щапов. Соч., т. I, стр. 540.

² Там же, стр. 547.

³ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 250.

¹ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 84.

ственные науки... и светом, и жизнью, и просвещением ума, и благом жизни, ...источником умственного просвещения и материального благосостояния»¹.

В статье «Исторические условия интеллектуального развития России», опубликованной в 1868 г., он высказывает чисто утопические мысли и, пытаясь убедить капиталистов в необходимости просвещения рабочих, наивно призывает всех промышленников «искать своих прямых выгод не в эксплуатации и невежестве низших классов, а в умственном всестороннем их развитии»².

Несколько позже в статье «Физическое и антропологическое мирозерцание и социальное развитие русского общества», увидевшей свет лишь в 1908 г., автор, касаясь вопросов умственного развития угнетенных классов, приводит довольно прозрачные рассуждения Добролюбова из статьи «Народное дело» о том, что не образование и просвещение, а экономический гнет и политическое бесправие толкают народ на восстание»³.

Здесь же после многочисленных выдержек из «Капитала» Маркса говорится: «Мы знаем поразительные примеры, как из одного и того же способного народа действительно образовывались, в течение каких-нибудь двух столетий или 10 поколений, два совершенно разных населения, словно два разных племени, вследствие того, что одна часть этого народа насильственно лишена была всяких средств для нормального физического и умственного развития, обречена была на самую бедственную жизнь в невежестве, а другая часть того же народа поставлена была в более благоприятные условия»⁴.

В письме к Вяземскому историк дает глубокую и яркую характеристику «четырех сословных каст», которые со времени Петра I «начали преобладать над народом»⁵. Первая каста — дворянская, вырождающаяся, «изгнивающая... налегла на сельский народ всею тяжестью землевладельческого, крепостного самовластия и грабежа, насилия и буквально поядения крестьянской крови». Вторая — духовная, которую он называет

«народозатемнительной, народогонительной и народоомрачительной»; третья — военная («страж самодержавия») — характеризуется им как «самое отборное... вооруженное зло для свободной жизни народа, истины, мысли, слова, для народного самоуправления»... И, наконец, четвертая каста — чиновничья, «каста жалких, чернильных, бездушных... борзописцев, каста бесчувственной булыжной брани над народом, над его вопиющим горем»¹.

Четырем господствующим сословиям историк противопоставлял огромное большинство народа, «безгласный, сдвленный низ, базис тяжелой печальной пирамиды».

Не имея возможности глубоко осмыслить классовые противоречия, Шапов видел их в русской истории, когда писал о господстве сословного антагонизма, о том, что «одно сословие тормозит умственное и экономическое развитие другого»². В этом сословном антагонизме, безграничном прославлении и возвеличении дворянства и столь же «безграничном унижении и угнетении рабочего класса» историк видел одну из причин невежества и бедствий народа.

Шапов не отрицал необходимости капиталистического развития, наоборот, отмечая, что «в обществе заметно стало усиливаться господство ...класса капиталистов над классом рабочих», он сетовал на неразвитость промышленных сил России³. «У нас еще крайне мало развит, даже в численном отношении, тот промышленный класс народа, — писал он, — в котором обыкновенно прежде и более всего, чем в остальной массе народа, пробуждается интеллектуальная жизнь — именно класс фабрично-заводский»⁴. А между тем всегда и везде, по его мнению, фабричные рабочие стояли во главе остального народа.

Говоря о застое и рутине в области промышленного труда, Шапов в то же время правильно подметил «рабскую забитость, крайний недостаток духа инициативы, предприимчивости, недостаток просвещенной рациональности»⁵ русской буржуазии. Связывая дальнейшее раз-

¹ А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 687.

² А. П. Шапов. Соч., т. II, стр. 555.

³ А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 421.

⁴ Там же, стр. 426—427.

⁵ Письмо Шапова к Вяземскому..., стр. 658.

¹ Письмо Шапова к Вяземскому..., стр. 659—660.

² А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 378.

³ См. А. П. Шапов. Соч., т. I, стр. 581.

⁴ Там же, стр. 580—581.

⁵ Там же, стр. 509.

витие страны с прогрессом в промышленности, историк усматривал главную причину застоя в том, что «дом самодержцев всероссийских стал главным регулятором всей жизни русского народа и общества»¹.

С большой патриотической гордостью Щапов писал о том вкладе, который внесли выходцы из народа в развитие русской науки и культуры. Он был убежден, что «ломомосовски работать для науки» могут только представители трудящихся масс, а Ломоносова называл «реформатором народного мирозерцания» и считал, что гениальный русский ученый своими открытиями «первый защищал права русского крестьянства и мещанства на высшее образование»².

Непоколебимая вера историка в неиссякаемые творческие возможности народа, в великое будущее Родины, убежденность в неодолимости сил прогресса лежали в основе его исторического оптимизма, который был одной из отличительных особенностей исторической концепции Чернышевского и Добролюбова.

Убежденный в том, что русский народ неминуемо «получит венец истории — свободу»³, Щапов считал его исторической миссией обеспечение братского союза Востока и Запада. «В тот день, — пророчески писал историк, — когда мы скажем восточным народам: будьте братья наши, пойдемте с нами в общечеловеческое просвещенное братство, в тот день Восток заключит ожидаемый Европой завет с Западом — и Европа признает Россию за великий народ, благодарно выполнивший свою великую историческую задачу на перекрестном пути, где соединяется Восток с Западом»⁴.

Никто до Щапова не изучал так обстоятельно историю других народов Российской империи. «Взгляните только на этнографическую карту России, — писал он. — Какое множество и какая пестрота красок, означающих племена и расы! ...Все они ждут от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную»⁵. В ряде статей историк-демократ показал «те варварские тиранические жестокости», с которыми пра-

вительство и господствующие классы относились к так называемым инородческим племенам и которые вели их «больше к вымиранию, чем к правильному социально-физиологическому саморазвитию»¹.

Наиболее яркое проявление жестокой колониальной политики царизма Щапов видел в отношении русских воевод к якутам в XVII в., в расправах военных команд «с новокрещенными казанскими инородцами, или в Сибири — с остяками и татарами» в XVIII веке. В ответ на притеснения, открытый грабеж и физическое истребление нерусские народы «вынуждены были не раз восставать и вести ожесточенную борьбу за существование»². Историк подтверждает это многочисленными историческими примерами — восстания инородцев в период крестьянских войн под руководством И. Болотникова, Ст. Разина, Е. Пугачева, борьба за племенную независимость киргизов, алтайских горных калмыков, бурят, башкирское восстание и т. д.

Щапов ставил законный вопрос, адресуя его главному виновнику — самодержавной власти: «А не лежит ли на нас, на нашей истории еще одно мрачное пятно — истребление многих инородческих племен?»³.

Сильные стороны щаповского понимания истории отчетливо видны при рассмотрении его многочисленных работ по истории Сибири. В диссертации Н. П. Болтухина «А. П. Щапов как историк Сибири» справедливо отмечено, что взгляды его были для того времени глубоко прогрессивными, а некоторые выводы не потеряли своего значения и в наши дни⁴.

Представляя собой «явление исключительное»⁵ в истории русской академической историографии, Щапов, видимо, не случайно был или почти совершенно забыт, или искажен до неузнаваемости в дореволюционной буржуазной исторической науке. О нем очень редко упоминали, на него не ссылались, а собрание его сочинений, выпущенное в 1906—1908 гг., осталось нераспроданным вплоть до Великой Октябрьской социалистической ре-

¹ А. П. Щапов. Соч., т. III, стр. 131.

² А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 553.

³ А. П. Щапов. Неизд. соч., стр. 55.

⁴ А. П. Щапов. Собр. соч., доп. том, стр. 19.

⁵ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 365, 367.

¹ А. П. Щапов. Соч., т. II, стр. 389.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Н. П. Болтухин. А. П. Щапов как историк Сибири. Автореф. канд. дисс., Томск, 1958, стр. 13—14.

⁵ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 66.

волюции. Не только в литературе, но даже на памятнике, установленном на могиле Шапова в Иркутске, вместо 1831 ошибочно указан 1830 год рождения историка.

Те же из буржуазных историков и биографов, что писали о Шапове, сознательно принижали научную ценность его трудов, отказывались признать оригинальность его исторических взглядов и выхолащивали их революционно-демократическую направленность. Так, М. О. Коялович писал, что книги Шапова переполнены «великими несообразностями и нелепостями», а сам автор, шовинистически негодовал Коялович, «желая доказать низкую ступень мозгового развития у древнего русского человека», осмелился «на основании измерения черепов мордовских» делать выводы о русской цивилизации»¹.

Н. Я. Аристов и Г. А. Лучинский, противопоставляя общественно-политические и исторические взгляды Шапова взглядам Чернышевского и Добролюбова, объявили его учеником и последователем славянофилов. Стремясь во что бы то ни стало изобразить его либеральным поклонником конституционной монархии, Лучинский клеветнически утверждал, будто Шапов «в припадке отчаяния жалел, что принял участие в Бездинской панихиде»². Аристов, осуждая историка за «увлечение политикой в ущерб науке», лицемерно вздыхал по поводу царской расправы над Шаповым после его выступления на этой панихиде. «Так, — писал он, — минутное торжество бесцельной политики убило наповал развитие науки»³.

Либерально-буржуазное приглаживание Шапова в книге Аристова заставило Г. В. Плеханова, считавшего Шапова личностью «слишком дорогой для всякого, кто не остался равнодушным»⁴ к освободительному движению 60—70-х годов, выступить со специальной статьей. Это была первая попытка оценить научную и политическую деятельность историка с марксистских позиций. Плеханов очень высоко ценил Шапова как

убежденного борца против самодержавия и крепостничества, как талантливого историка народной жизни. Он писал: «Исторические труды А. П. Шапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии...»¹.

В советской исторической науке до настоящего времени существуют различные точки зрения относительно места Шапова в русской историографии.

Так, М. Н. Покровский в ряде статей справедливо отмечал, что Шапов был первым русским профессиональным историком, защищавшим в исторической науке интересы крестьянства. Вместе с тем он ошибочно считал его родоначальником какого-то особого «мужицкого исторического материализма».

Автор «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейн высказал ряд новых интересных мыслей об исторических взглядах Шапова и их эволюции. Однако вследствие игнорирования революционно-демократического направления его общая оценка Шапова непоследовательна и даже противоречива. Поставив историка-демократа между просветителями 60-х годов и народниками, Н. Л. Рубинштейн тут же утверждает, что его исторические взгляды «как бы обозначают путь от буржуазной исторической науки к новым идеям 60-х годов»².

Впервые революционером-демократом Шапов был назван во втором томе вузовского учебника по истории СССР³. После этого появилась статья Е. И. Чернышева «Революционный демократ-историк А. П. Шапов». Автор ее, опубликовавший ряд важных работ Шапова, относит его к революционно-демократическому направлению в русской историографии⁴. П. Кабанов в книге «Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова», вышедшей в 1954 г. и являющейся значительным шагом вперед в изучении творческого наследия Шапова, пришел к выводу, что «по своим общеполитическим воззрениям и социологическим взглядам Шапов, несом-

¹ М. О. Коялович. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, стр. 419, 420.

² Г. А. Лучинский. Указ. раб., стр. VII.

³ Н. Я. Аристов. Указ. раб., стр. 64.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, изд. 3-е, Л.—М., 1925, стр. 10.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 10.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 388.

³ «История СССР», т. II, под ред. М. В. Нечкиной, 1949, стр. 449.

⁴ «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 35—58. А. П. Шапов. Неизд. соч., Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те, т. XXXIII, вып. 2—3.

ненно, принадлежал к революционно-демократическому лагерю 60-х годов»¹.

Большую роль в утверждении подобной точки зрения сыграло опубликованное в 1959 г. М. В. Нечкиной письмо Щапова к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. и ее статья в связи с этой ценной публикацией². М. В. Нечкина вполне обоснованно считает историка «одним из крупнейших деятелей революционно-демократического движения шестидесятых годов»³.

Такая же оценка дана во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР». В «Предисловии» при упоминании об исторической концепции Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, М. А. Антоновича отмечено, что А. П. Щапов «при всем своеобразии демократического мировоззрения относится, несомненно, к этому же историографическому течению»⁴.

В связи с этим вызывает возражение позиция авторов учебного пособия «Историография истории СССР», опубликованного в 1961 году. Подчеркнув во введении свое стремление «учесть достижения советской исторической науки, нашедшие отражение в историографической литературе»⁵, снн в неоправданно краткой главе о Щапове обходят молчанием оценку историка, данную в «Очерках истории исторической науки в СССР». Говоря о его «наивно-монархических иллюзиях», авторы даже не упоминают о письме к Вяземскому.

Между тем отнести Щапова к революционно-демократическому течению в русской историографии (оговорив недостаточную последовательность его взглядов в отличие от представителей классической революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова), кажется нам значительно более правильным и обоснованным, чем давать ему ту неопределенную оценку, которая

содержится в «Историографии истории СССР» и до сих пор бытует в ряде работ.

При всех колебаниях и непоследовательности, ошибках и заблуждениях, Щапов был единственным профессиональным историком, который стойко защищал и отстаивал в дореволюционной историографии прогрессивную идею о решающей роли народа и народных движений, пытался связать историю народа с его борьбой за освобождение от крепостного права и вместе с лучшими представителями народа самоотверженно искал пути к свободе и счастью родины.

Дорого заплатил историк за свои революционно-демократические убеждения, за стремление «поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром». Царское правительство очень быстро увидело, какую опасность представляют его деятельность и научные труды. Щапова не только лишили университетской кафедры, но и поставили в исключительно тяжелые условия духовной изоляции.

Как мы уже видели, вся жизнь первого русского профессионального историка-демократа, поднявшего в исторической науке голос в защиту крестьянских масс, явилась цепью непрерывных лишений и репрессий. Удивительно ли, что в мировоззрении воспитанника бursы и духовной Академии, ученого, не имевшего систематического исторического образования, сосланного в далекую Якутию и тем самым изолированного от центров научной и общественно-политической мысли, мы находим ошибки и заблуждения?

Достоин удивления другое — как в этих ужасных условиях Щапов, вынужденный считаться с цензурным режимом, если он хотел донести свои демократические идеи до читателей, сумел сохранить не только «свежий голос, чистый и могучий»¹, но стать «для своего времени крупнейшим русским историком»², оставившим непревзойденные по фактической полноте, патриотической страстности и глубине демократической мысли труды по истории народной жизни.

¹ Из письма А. И. Герцена Щапову осенью 1861 г., см. Н. Я. Аристов, указ. раб., стр. 74.

² М. Н. Покровский. А. П. Щапов (К 50-летию со дня его кончины), «Историк-марксист», 1927, № 3, стр. 13.

¹ П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., Госполитиздат, 1954, стр. 61.

² М. В. Нечкина. А. П. Щапов в годы революционной ситуации..., стр. 645—668.

³ Там же, стр. 645.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 3.

⁵ М. В. Нечкина. А. П. Щапов в годы революционной ситуации..., стр. 645.

Поэтому, определяя место Шапова в истории русской исторической науки, следует говорить о большом научном и патриотическом подвиге историка, который, по словам М. Н. Покровского, был «самым интересным явлением в нашей русской истории середины XIX века»¹.

ЛИТЕРАТУРА

- А. П. Шапов. Земство и раскол. Соч., т. I, СПб, 1906, стр. 451—579.
- А. П. Шапов. Великорусские области и Смутное время. Там же, стр. 648—709.
- М. В. Нечкина. А. П. Шапов в годы революционной ситуации. Письмо к П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. «Лит. наследство», 1959, т. 67, стр. 645—668.
- П. Кабанов. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Шапова, М., 1954.
- Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 66—80.
- Г. В. Плеханов. Шапов. Соч., т. II, 1923, стр. 10—20.
- М. Н. Покровский. А. П. Шапов (К 50-летию со дня его кончины), «Историк-марксист», 1927, т. 3, стр. 5—13.
- Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 377—388.

¹ М. Н. Покровский. А. П. Шапов (К 50-летию со дня его кончины), «Историк-марксист», 1927, т. 3, стр. 12.

ЛЕКЦИЯ 20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. И. КОСТОМАРОВА

Исторические условия формирования мировоззрения Костомарова. Националистическая основа его общесторических взглядов. Костомаровская схема русской и украинской истории. Отношение современников и место Костомарова в историографии

Исторические взгляды Николая Ивановича Костомарова (1817—1885 гг.) — одного из родоначальников украинского буржуазного национализма — отражают процесс складывания украинской нации и идею национального освобождения.

В русскую историографию Н. И. Костомаров пришел от изучения истории Украины, которую он освещал в духе либерально-буржуазной идеологии. В основе его оппозиционности лежали не социальные интересы народных масс, а робкий протест зарождающейся буржуазии против национального гнета царизма.

В 40—50-е годы XIX в. развитие новых капиталистических производительных сил в недрах старого, феодального строя сопровождалось процессом формирования украинской нации. В 40-х годах XIX в. в составе складывающейся нации все заметнее выделяется национальная буржуазия. Сдавленная тисками полукOLONIALной зависимости, она пытается вести борьбу за национальное освобождение.

В результате развития капиталистических отношений углубляется кризис крепостничества.

Резкое усиление крепостнического гнета, в условиях общего кризиса существующего строя, вызывало рост массового антифеодального крестьянского движения.

Отмеченные явления находили своеобразное отра-

жение в формирующейся буржуазной идеологии, в которой уже в 40-х годах обозначились два направления — революционно-демократическое и либеральное. Идеологом первого был Т. Г. Шевченко, представителем второго — Н. И. Костомаров.

Известные черты оппозиционности самодержавию, характерные для Костомарова, объясняются не только социально-экономической обстановкой на Украине, но и особенностями его биографии.

Родился он в 1817 г. в слободе Юрасовке, Острожского уезда, входившего тогда в состав Слободско-украинской губернии, позднее — Воронежской. Отец Костомарова был дворянином-помещиком, мать — крепостная крестьянка. В 1828 г., когда отца убили крепостные крестьяне, Костомаров сам стал крепостным. Только через некоторое время матери удалось доказать законность его прав на наследство отца и добиться освобождения.

Учеба в Харьковском университете (1833—1836 гг.) способствовала глубокому изучению украинской истории, литературы, этнографии.

Ранние исторические работы Костомарова, созданные в начале 40-х годов, такие как «Первые войны малороссийских казаков с поляками», «Русско-польские вельможи», носили легкий оттенок национальной оппозиционности и содержали попытки обоснования исконных прав украинского народа на автономию. В представленной в 1842 г. к защите магистерской диссертации «О причинах и характере унии в Западной России» автор стремился доказать, что «казаки были виновниками перерождения Малороссии и спасителями православия и народности», а «Хмельницкий заключил Зборовский мир против народных требований: ему ложно приписывают освобождение отечества»¹.

Подобные мысли в сочетании с определенным интересом к истории народных масс послужили поводом к запрещению диссертации. Министр просвещения Уваров, по доносу харьковского архиепископа и на основании отрицательного отзыва Устрялова, предложил отобрать и уничтожить розданные экземпляры диссертации, «поставив на вид профессорам, ее одобрявшим, несооб-

разность их распоряжения и приказав им впредь быть осмотнительнее»¹.

Не обескураженный неудачей, Костомаров через два года представил диссертацию на литературную тему — «Об историческом значении русской народной поэзии». После ее защиты он переехал в Ровно, а с 1845 г. стал профессором Киевского университета. Здесь в литературном кружке «Киевская молодая» Костомаров нашел единомышленников — учителя П. А. Кулиша, студентов В. Белозерского и Аф. Марковича.

Их объединяла идея славянской федерации, которая возникла в результате стремления к национальному освобождению Украины. В 1846 г. на основе литературного кружка сложилось тайное Кирилло-Мефодиевское общество, одним из учредителей которого был Костомаров. Общество, хотя и недостаточно организационно оформленное, имело устав и программу («Закон божий»), написанную Костомаровым. Члены его в преобладающем большинстве стояли на либеральных реформистских позициях и стремились к отмене крепостного права, ликвидации сословных привилегий и созданию славянской федеративной демократической республики во главе с Украиной.

Содержание «Закона божьего» достаточно ярко характеризует националистические идеи автора и его отношение к истории. Костомаров всячески идеализировал прошлое Украины, которая «не любила... ни царя, ни пана и составила у себя казачество, т. е. братство», и был убежден, что по мере роста казачества «скоро все люди в Украине стали бы казаками, т. е. вольными и равными, и не было бы над Украиной ни царя, ни пана, кроме Бога единого», но, воссоединившись с Россией, она «попалась в неволю». Общенациональные качества украинского народа — свободолюбие и древняя истинная православная вера, — утверждал автор «Закона божьего», являются залогом спасения Украины, которая восстанет, поднимет славянский мир и возглавит вольный союз славянский.

В этой националистической схеме отчетливо прослеживаются основные начала костомаровской концепции украинской истории.

¹ В. И. Семевский. Николай Иванович Костомаров (1817—1885), «Русская старина», 1886, т. XIX, стр. 182.

¹ В. И. Семевский. Николай Иванович Костомаров... стр. 184.

Оппозиционность самодержавной власти видна в тех отрицательных характеристиках, которые Костомаров дал Петру I и Екатерине II. Первый, по его словам, положил сотни тысяч украинцев в каналы «и на костях их построил себе столицу», а «немка царица Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казачество и свободу»¹. Однако на допросах, после ареста в 1847 г. вместе с другими членами общества, он не только выдал Гулака, Савича и Навроцкого, но, проявив полное раскаяние, написал под диктовку чиновника III отделения показания, угодные правительству².

После годичного заключения в Петропавловской крепости Костомаров был выслан в Саратов, где прожил девять лет. Здесь он подготовил монографию о Богдане Хмельницком, собирал местный фольклор, связанный с народными движениями, участвовал в Крымской археологической экспедиции. В Саратове Костомаров познакомился с Н. Г. Чернышевским, который высоко ценил его в этот период как историка, интересовавшегося жизнью народа, но не разделял его религиозного ханжества и либеральных убеждений. Позднее, по мере того как таяла костомаровская оппозиционность, а в его исторических взглядах обнаруживалась соглашательская сущность, расхождения между ним и Чернышевским привели к разрыву.

В 1857 г. Костомаров переехал в столицу, где опубликовал свои лучшие работы — «Богдан Хмельницкий» (1857), «Бунт Стеньки Разина» (1858) и стал признанным историком.

Необходимо отметить, что вплоть до 1905 г. монография Костомарова о Разине была единственной, по которой изучали крестьянскую войну 1670—1671 годов. Не случайно К. Маркс, глубоко интересовавшийся русской историей, прочел книгу Костомарова на русском языке и законспектировал ее³.

Популярность Костомарова, ставшего в 1859 г. профессором Петербургского университета, усиливалась благодаря тому, что в нем видели жертву николаевской реакции, противника существующего строя. Это был пе-

риод расцвета научно-публицистической деятельности историка.

Однако вскоре, в период проведения реформы 1861 г., Костомаров показал свое действительное политическое лицо. Поспешно признав реформу поворотным пунктом русской истории, он вместе с российскими либералами занял трусливую позицию «широковещательного краснобайства и позорной дряблости»⁴.

В апреле 1861 г., когда крестьянское движение протеста против грабительских условий реформы достигло остроты, а зверская расправа с крестьянами в Кандеевке и Бездне вызвала глубокое возмущение передовой общественности, Костомаров, подобно Кавелину и другим либералам, писал: «Теперь государство пусть не мешает свободе местной народной жизни, потому что оно крепко и сильно; а последняя не будет бояться государства, находя в нем покровительство своему развитию. Инициатива нового зачатия в истории нашей народной жизни принадлежит государю»².

Если сравнить эти слова с известной речью А. П. Щапова на бездинской панихиде³, легко убедиться в противоположности политических позиций историков, которых иногда ошибочно сближали, а главное, понять причину и закономерность открытого конфликта Костомарова с общественным движением 60-х годов.

В 1862 г. слушатели Вольного университета, где он читал, прекратили занятия в знак солидарности со студентами Петербургского университета, протестовавшими против высылки профессора П. В. Павлова в Ветлугу. Костомаров, вопреки совету Чернышевского и отказу всех профессоров Вольного университета от чтения лекций, не пожелал подчиниться, как он заявил, «деспотизму уличной толпы» и явился на занятия. Когда он вззошел на кафедру и заявил, что «наука должна идти своей дорогой, не впутываясь в разные житейские обстоятельства», «в аудитории раздался свист и гневные реплики слушателей: «подлец», «второй Чичерин», «Станислава на шею»⁴. После такой скандальной исто-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 5, стр. 36.

² Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. I, СПб., 1863, стр. 300.

³ См. лекцию 19. стр. 350.

⁴ Л. Пантелеев. Воспоминания, т. I, стр. 215.

¹ П. А. Зайончковский. Указ. раб., стр. 160.

² Там же, стр. 126—128.

³ См. ж. «Молодая гвардия», 1926, кн. 1, стр. 104—125.

рии Костомаров был вынужден оставить кафедру истории в университете и больше не возвращался к педагогической деятельности.

Разрыв с широким общественным движением, потеря авторитета среди передового студенчества в условиях правительственных репрессий завершили процесс формирования политических взглядов либерально-буржуазного историка. 25 февраля 1863 г. в письме к украинно-филу Конискому, сосланному в Вологду, Костомаров, окончательно утративший прежнюю оппозиционность, поучал: «Теперь не то время, чтобы играть ссылкой, нужно втихомолку сидеть дома и работать. Народное просвещение — вот наше дело, вот чего нам нужно добиваться, а с правительством нужно, как только можно, в мире жить, помня пословицу «молчи язычок, кашки дам»¹.

Такова эволюция политических взглядов Костомарова, стоявшего в целом на весьма умеренных либерально-буржуазных позициях, эволюция, которую нельзя не учитывать при рассмотрении его исторической теории. От робкой буржуазно-националистической оппозиционности 40-х годов он пришел к трусливому пресмыкательству перед царизмом в 60-х, сохранив неизменными основные черты своего мировоззрения: страх перед революцией и слепую веру в бога.

Философская сторона мировоззрения Костомарова в последних советских историографических работах² осталась в тени, а между тем при определении места и значения этого в свое время широко известного историка она имеет немаловажное значение. Религиозно-идеалистические, метафизические заблуждения Костомарова находились в неразрешимом противоречии с попыткой включения «народного элемента в науку истории». Это особенно заметно в тех случаях, когда историк сталкивался с проблемой народа и государства или описывал народные движения. Последовательный противник материализма, диалектики и революционных преобразова-

¹ См. М. Илюкович. Н. И. Костомаров и буржуазно-националистическая украинская историография. Ж. «Проблемы марксизма», 1934, № 2, стр. 111.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 129—146; Историография истории СССР, стр. 264—274.

ний, Костомаров видел «свободу только там, где дух господен».

Если политические убеждения историка постепенно правели, то причиной этого были как усложнившиеся социально-экономические условия и обострение классовых борьбы в стране, так и застывшие догмы романтизм-мессианского идеализма, сдобренного елеем официального православия. «Нельзя никакими доводами материализма убедить в несуществовании духовного начала того, кто чувствует его в себе и потому не нуждается ни в доказательствах, ни в опровержениях»¹, — писал Костомаров, отстаивая жиденькие начала своих реакционных идеалистических представлений.

Последние двадцать пять лет научно-публицистической деятельности историка особенно ярко показали научную бесплодность его архаичных, отражавших пройденный этап в науке методологических принципов и невозможность решения на их основе вполне своевременно поставленной задачи освещения истории народа.

Сосредоточив свои усилия после ухода из университета на литературной, журнальной деятельности, Костомаров много и продуктивно работал. В этот период окончательно сложился свойственный Костомарову, увлекавшемуся литературой, этнографией и фольклором, литературно-популяризаторский стиль, который характерен для его двадцати одного тома «Исторических монографий». Помимо огромного количества статей и монографий, написанных преимущественно в это время, он, как член Археографической комиссии, подготовил к печати двадцать томов документов, из них девять — «Актов», относящихся к истории Южной и Западной России.

Если в годы революционной ситуации в пореформенный период Костомаров постепенно утратил популярность в передовых кругах русской общественности, то в это же время упрочился его авторитет признанного идеолога украинской буржуазии.

Таким образом, отрицание революционного пути развития, идеализм, восторженные панегирики православной церкви, украинский буржуазный национализм и расшаркивание перед русским самодержавием — вот то

¹ Н. И. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 276.

главное, что определяло подход Костомарова к решению основных вопросов русской и украинской истории.

Отсюда противоречивость и непоследовательность его общеисторических взглядов. С одной стороны, он заявлял о необходимости изучения истории народа и в соответствии с этим утверждал, «что всякое политическое общество, с его движениями и изменениями, относится к народу, как явление к его сущности»¹. С другой стороны, как типичный либерально-буржуазный историк-идеалист, он сводил изучение истории народа к «исследованию развития народной духовной жизни»². Бессильный познать внутренние закономерности исторического процесса, он считал, что в основе истории лежит «жизнь неуловимая, своенравная, не улегающаяся ни в какие систематические рамки»³.

Отношение Костомарова к предшествующей и современной ему историографии отражает внутреннюю противоречивость его взглядов.

С позиций украинской буржуазной оппозиционности Костомаров в «Лекциях по русской истории» (1860), статье «О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории» (1861) и лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии» (1863) критиковал представителей официальной дворянской и буржуазной науки.

«История государства Российского» Карамзина была, по мнению Костомарова, созданием самым удовлетворительным в свое время, но для нее характерна лишь «сумма внешних явлений, образующих то, что называется государственною или политическою жизнью»⁴. Полевой, «выступивший на учено-литературное поле больше с отвагой мысли, чем с ученым авторитетом», хотя и заявил, «что история русского государства недостаточна, необходима еще история народа», но отсутствие беспристрастия в его работе, неудачное приложение западноевропейских теорий к русской действительности и недостаток источников «воспрепятствовали, — по мне-

нию Костомарова, — осуществиться на деле названию, избранному автором»¹.

Костомаров критиковал славянофилов за идеализацию допетровской Руси, за «насильственное осветление периода московского государства»². Выступая против славянофильского увлечения общиной, Костомаров в то же время одобрительно относился к тем критическим замечаниям, которые высказывал Аксаков по поводу теории родового быта Соловьева. Он считал, что «труды Аксакова останутся навсегда знаменательными для науки русской истории», потому что «он опроверг теорию родового быта, на которой хотели построить русскую историю, обратил внимание на другое древнее начало в русской истории — общинное, вечевое..., возвестил плодотворную мысль удалиться от рабского подражания западным теориям, обратиться к разработке народной жизни и вместо чуждых наносных взглядов поискать своих народных»³.

В этих словах, как и в требовании историка изучать духовную жизнь народа, нетрудно обнаружить его близость к романтической историографии, и прежде всего, к одному из главных положений исторической теории славянофилов.

Костомаров критиковал «Историю России» Соловьева за то, «что это достойное уважения и в высокой степени полезное сочинение талантливого и ученого профессора страдает почти повсеместно чрезвычайно тяжелым изложением»⁴. Основной же недостаток он усматривал в том, что «г. Соловьев во всей истории своей стоит на государственной точке зрения и народная жизнь является у него не главным предметом, а как бы дополнением к государственной»⁵.

В попытке противопоставить соловьевскому пониманию предмета исторической науки свое, более передовое, Костомаров не был, да и не мог быть достаточно последовательным. Его требование — изучать историю

¹ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, часть первая, СПб., 1861, стр. 7.

² Н. Костомаров. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории. СПб., 1861, стр. 30.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ Там же, стр. 29.

¹ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, часть первая, СПб., 1861, стр. 8.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 6—7.

народа — слагалось из чисто идеалистических, идущих от Шеллинга, стремлений к раскрытию проявлений «народного духа» как определяющего фактора исторического процесса. Эта идеалистическая теория, роднившая Костомарова со славянофилами, исключала возможность познания исторической закономерности.

«Дело истории, — считал Костомаров, — исследовать причины частных явлений, а не причину причин. недоступную человеческому уму»¹. В статье «О значении Великого Новгорода в русской истории» он писал: «Мы не поклоняемся теории неизбежного исторического процесса, по которой следует признавать лучшим все, что случилось позже, и в каждом историческом повороте видеть какую-то необходимость и нормальность»².

Определение предмета истории Костомаров искал в отношении истории к этнографии, но по существу история народа складывается у него не на основе исторического развития, а вытекает из заложенных в народе духовных свойств и отражает, по его словам, «главные черты, составляющие неизменные признаки, сущность народного типа, общего для всех времен»³. Они являются главным определяющим фактором, а «явления внешней жизни, составляющие сумму отличий одной народности от другой, суть только наружные признаки, посредством которых выражает себя то, что скрывается на дне души народной»⁴.

Идеалистическая теория «народного духа» как решающего фактора истории в сочетании с идеями украинского буржуазного национализма обусловила характерное для Костомарова противопоставление истории Украины и России. Он основывал это противопоставление на различии «народного духа», психического склада украинского и русского народов. Усматривая «начало этого отличия... в глубокой древности»⁵, Костомаров с нескрываемой симпатией рисует портрет мягкого, душевного южнорусса, который любит свободу и труд, понимает, ценит и в своих замечательных песнях воспекает природу. Особенно восхищает его чистая право-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 236.

² Там же, стр. 387—388.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же.

славная вера малороссийского народа, не знающего раскола. «Народ южнорусский, — пишет он, — глубоко религиозный народ в самом обширном смысле этого слова... У этого народа много именно того, чего недостает у великороссов; у них сильно развито чувство всеприсутствия божия...»¹. Великорусские юноши, наоборот, легко, по мнению историка, «переходят к крайнему безверию и материализму»².

По Костомарову, на эти особенности народного характера, заложенные в древности, на эту «своеобразную народную физиономию... история напечатлела свои следы» и установила противоположные общественные понятия. Среди русского народа они «выразились в народном быте неделимостью семей, общинною собственностью, тяглом посадов и сел..., где невинный отвечал за виновного, трудолюбивый работал на ленивого»³. Для украинского народа общинное устройство и ответственность личности перед миром «есть в высшей степени несноснейшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смеет назвать ничего своим, быть батраком какого-то отвлеченного понятия о мире, отвечать за другого без собственного желания — ко всему этому не расположила народ южнороссийский его прошедшая жизнь»⁴.

«Перевес личной свободы», как основная отличительная черта украинского народного характера, привел к образованию в IX—XI вв. свободной федерации земель. «Перевес общинности» у русского народа в процессе последующего развития обусловил создание единого централизованного государства. А так как федеративное начало, считал Костомаров, «в древности было господствующим»⁵, отсюда вывод, лежащий в основе его концепции: «Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьба его с началом единодержавия»⁶.

Таким образом, центральным пунктом костомаровского понимания русской и украинской истории была теория борьбы двух начал — федеративного и едино-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии ..., т. I, стр. 275, 273.

² Там же, стр. 275.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Там же, стр. 279.

⁵ Там же, стр. 265.

⁶ Там же, стр. 56.

державного. За этим чисто внешним противопоставлением скрыто противопоставление двух народов — русского и украинского.

Костомаров — один из наиболее тенденциозных буржуазных историков, хотя он и твердил постоянно о своем беспристрастии и желании заниматься чистой наукой. «Историк не должен быть, — лицемерно восклицал он, — преднамеренным указателем современных общественных вопросов... Ничто так ни вредно, как то, когда историк, исследуя или описывая прошедшее... думает, что прошедшее наведет читателя на что-нибудь современное»¹.

Демагогический характер утверждений, прикрывающих тенденциозность Костомарова в освещении истории с позиций защиты интересов украинской буржуазии, легко обнаруживается при рассмотрении его историко-ведческих приемов. Искажение исторических фактов, ссылки на недостоверные источники, прямой вымысел — характерны для Костомарова. Все это снижало научную ценность его исследований и значение того широкого круга архивных, мемуарных, этнографических источников, которые он использовал.

Отвечая на справедливые упреки Г. Карпова в произвольном и одностороннем использовании источников, Костомаров так мотивировал свое стремление доказать, что московские послы поклялись сохранить украинские вольности: «Если бы до нас не дошло никакого известия о том, что на Переяславской раде читались условия, на которых Малороссия приступила к соединению с Московским государством, то я и тогда был бы убежден, что они там читались. Как же могло быть иначе?»². И далее он с предельной четкостью сформулировал свое историковедческое кредо: «Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил, — он для меня остается также важным историческим фактом»³.

Подобный субъективизм в оценке исторических событий, обусловленный политическими и националь-

ми симпатиями Костомарова, исключал возможность объективного научного анализа.

Рассмотрим костомаровскую схему истории России. В историографической литературе принято считать, что Костомаров, в соответствии с теорией борьбы двух начал, делил русскую историю только на два периода: удельно-вечевой и единоподержавный.

Обычно ссылаются на четкие высказывания, которые содержатся во многих его работах, в частности таких как «Лекции по русской истории» (1859), «О значении Великого Новгорода в русской истории», «Мысли о федеративном начале древней Руси» и др. «Русская история, — говорится в лекции «О значении Великого Новгорода», — представляет две половины, несходные между собой по духу и содержанию. Каждая из них изображает свою особую Русь, отличную от другой по политическому и общественному строю. Первая была Русь удельно-вечевая, вторая — Русь единоподержавная»¹.

Но в той же лекции о Новгороде, прочитанной 30 апреля 1861 г., автор намечает начало третьего периода, связывая его с отменой крепостного права. Это событие, указывает он, «есть начало новой русской истории: государственность примиряется с народностью»². Историческая драма, пишет Костомаров, пролог которой относится в XIV в., а первое действие разыграно при Иване III, в «великом акте уничтожения крепостного права» пришла к развязке. Длительный процесс образования Русского государства, вынужденного ограничить народную жизнь, которая мешала ему своими древними удельно-вечевыми привычками, завершился становлением прочного и незыблемого политического строя. «Его разложение более невозможно. Государство стало твердо и непоколебимо не внешними, а внутренними условиями. Сознывая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь: пробуждает к свободной деятельности — мы вступаем в новую историю»³.

Таков исторический финал либерально-буржуазной теории борьбы двух начал. Политическая эволюция историка, напуганного революционным движением народа, завершилась компромиссом с царизмом. В соответствии

¹ Н. Костомаров. О значении критических трудов Константина Аксакова..., стр. 31.

² Н. Костомаров. Ответ г. Карпову. Ж. «Беседа», 1871, кн. I, отд. 2, стр. 3.

³ Там же, стр. 4.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 361.

² Там же, стр. 389.

³ Там же.

с этим и в его исторической теории появилось новое звено, новый третий этап — этап примирения государства с народом.

Следовательно, вполне правомерно говорить о трех периодах, на которые Костомаров делил русскую историю: первый — удельно-вечевой, с древнейших времен до XVI в., второй — единойдержавный, с XVI и до середины XIX в., и третий — период примирения государства с народом, который начинался с реформы 1861 года.

Внутри первого периода Костомаров выделял три этапа: Киевскую Русь (IX—XII вв.), Северо-Восточную Русь (XII — первая половина XIII в.) и татаро-монгольский, переходный этап (XIII—XV вв.).

Исходной формой общественного строя древней Руси Костомаров считал не родовой и не общинный, а племенной строй. Сложившиеся в доисторические времена восточнославянские племена имели отличительные черты — «прирожденные признаки, этнографические особенности», которые не могли уничтожить ни география, ни история. Большие пространства, дремучие леса, непроходимые болота, широкие степи, разделявшие племена, лишь усиливали эти особенности.

История Киевской Руси, по Костомарову, это история южно-русской, украинской народности. В плане характерной для него этнографической характеристики он утверждал, что «Киев никак не годился быть столицей централизованного государства; он не искал этого; он даже не мог удержать первенства над федерацией, потому что не сумел организовать ее»¹. Причиной этого были якобы особенности южнорусского национального характера — стремление к свободе, ненависть к насилию, отсутствие национального высокомерия и в то же время анархические начала казачества.

В соответствии с этими особенностями в период Киевской Руси сложился удельно-вечевой федеративный строй. Каждая земля, населенная южнорусским племенем, входила в состав федеративного полугосударственного объединения. Управляло землей народное собрание — вече, которому подчинялся управитель и военачальник в лице князя. «Князь был необходим, но князь избирался и мог быть изгнан, если не удовлетво-

рял тем потребностям народа, для которых был нужен, или же злоупотреблял своей властью и значением»¹. Вечевое начало было основным признаком удельно-вечевого периода.

Таким образом, Киевская Русь, по Костомарову, состояла из нескольких самоуправляющихся, автономных земель, объединенных в федерацию на основе трех священных начал: общности происхождения, быта и языка, единого княжеского рода, христианской веры и единой церкви.

К середине XII в., когда удельно-вечевой принцип окончательно утвердился и в Северо-Восточной Руси, часть славянских племен исчезла, а уцелевшие объединились в шесть главных народностей: южнорусскую, северскую, великорусскую, белорусскую, псковскую, новгородскую. В таком делении понятие народности смешано с территориально-политическим понятием «земли».

Переоценивая демократичность вечевого строя, Костомаров всячески идеализировал удельно-вечевой период русской истории. Он считал этот строй единственно приемлемой формой организации «свободных человеческих обществ». В нем Костомаров видел прообраз будущего устройства и откровенно, вопреки своим заявлениям о чистой науке, писал, что изучение удельно-вечевого мира «составляет насущную потребность разумного знания нашей истории и важнейшую подмогу для уразумения нашего настоящего.... скажу более, для наших практических целей и в настоящем и в будущем»².

Историк всячески сожалеет, что удельно-вечевой уклад не достиг своего полного развития, своего идеала. По его мнению, не сложилась стройная, сознательная, определенная федерация земель, каждая часть не успела развить в себе самобытных элементов жизни, отсутствовали твердые связи между отдельными землями. «Нам являются, — писал он, — одни зачатки, которые не успели еще образоваться и были... задавлены тяжестью противных начал...»³. Понимая под ними грубую деспотическую власть, Костомаров стоял за монархию, но ограниченную конституцией. С такими политически-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 239.

² Там же, стр. 366.

³ Там же, стр. 365.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 242.

ми идеалами историка и было связано восхваление вечевоего строя.

В середине XII в., по утверждению Костомарова, в истории обозначается характер великорусского народа, обусловленный стремлением «дать прочность и формальность единству своей земли». Начала этого противоположного уклада Костомаров связывал с избранием Андрея Юрьевича в 1157 г. единым князем Ростово-Суздальской земли. Возвышение Владимира, в котором историк видел «зерно Великороссии и вместе с тем русского самодержавного государства», он чисто идеалистически объяснял особенностями великорусского характера и покровительством богородицы¹.

Но Костомарову кажется недостаточно убедительным, чтобы одни только «свойства восточной русской природы», хотя и освященные богом, одолели и подчинили старые начала личной свободы, заложенные в более благочестивом украинском народе. Решающей силой, обеспечивающей в течение XIII—XV вв. переход к единодержавию, он, вслед за Карамзиным, считал власть татаро-монголов. «Татарское завоевание дало Руси толчок и крутой поворот к монархии...»².

В огне и бедствиях татаро-монгольского нашествия погибла древняя вечевая свобода. Великий князь стал приказчиком хана. Этому способствовали, утверждал Костомаров, черты великорусского национального характера, закрепленные и развитые веками татаро-монгольского владычества. Власть хана превратила свойственную великоруссам склонность к подчинению и дисциплине в рабскую покорность верховной власти. «В рабстве, — писал историк, — Русь нашла свое единство, до которого не додумалась в период свободы»³. По мере того как слабели вечевое и федеративное начала, князья все менее зависели от избрания, утверждались на одном месте и тем самым способствовали «прикреплению народа к земле».

Таким образом, заимствованная у Карамзина антиисторическая идея благотворности ханской власти, вве-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 248—249.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. XIV, стр. 708.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. XII, стр. 42.

денная Костомаровым в схему русской истории, должна была объяснить три момента. Во-первых, татаро-монгольское завоевание породило феодальные отношения, понимаемые историком чисто внешне «как такой политический строй, когда весь край находится в руках владельцев, образующих из себя низшие и высшие ступени, с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главою выше всех»¹. Во-вторых, с ним связывалось возникновение и развитие крепостного права. И в-третьих, татарские завоеватели расчистили почву для утверждения единодержавия, которое привело к образованию единого централизованного государства.

Сведя решение всех этих сложных проблем русской истории к внешнему завоеванию, Костомаров тем самым перебрал мост к переходу на позиции им же раскритикованной государственной школы.

Процесс возвышения Москвы у него связан с ростом власти великих князей — преемников дряхлеющей золотоордынской власти. Большую положительную роль в утверждении централизованной монархии Костомаров отводил церкви, которая не только «поддерживала князей в их стремлении к единовластию»², но была, в представлении религиозно настроенного историка, большой идейно-вдохновляющей силой централизации. «Православие, — считал он, — принесло к нам идею монархизма..., и власть была могущественна потому, что принимала посвящение от церкви»³. Таков третий компонент костомаровской схемы происхождения самодержавной власти, о котором ничего не говорил Н. Л. Рубинштейн и писавшие после него А. М. Станиславская и В. Е. Иллерицкий⁴. Между тем показ входившей роли церкви в объединительном процессе, возникшем на основе монархических начал великорусского национального характера, при решающем влиянии татаро-монгольского завоевания с неизбежностью толкал такого религиозного мистика, как Костомаров, в объятия государственников.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. XII, стр. 53.

² Там же, стр. 256.

³ Там же, стр. 246, 257—258.

⁴ См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 421—440; Очерки истории исторической науки в СССР, стр. 129—146; Историография истории СССР, стр. 264—274.

В характеристике второго периода — единодержавного — особенно рельефно обозначаются основные противоречия костомаровской схемы истории России. Из этой характеристики видно, как отразилась эволюция политических взглядов либерально-буржуазного историка в его исторических построениях.

Правление Ивана III Костомаров считал временем, когда единодержавие взяло перевес над удельностью. Снятием вечевого колокола в Новгороде был нанесен роковой удар федеративному началу и установлено господство единодержавного государства¹. Окончательно утвердилось оно, по Костомарову, при Иване IV.

Во втором периоде историк выделял два этапа, разделительной гранью между которыми было начало XVIII в., связанное с деятельностью Петра I. На первом этапе народное могущество сосредоточивается в особе царя, самодержавная власть, как происходящая от бога, приобретает черты святости, устанавливается торжество государственного начала над народным, обозначается стремление к расширению государственной территории и зачатки сближения с Западной Европой. Противодествующей этому порядку силой историк считал казачество, а его родоначальником — украинский народ.

Пытаясь с позиций защиты национальных интересов нарождающейся украинской буржуазии отрицать прогрессивность создания Русского централизованного государства, Костомаров в ходе конкретного освещения русской истории постепенно все чаще и чаще писал о положительной роли государственной власти.

В связи с этим показательное его отношение к народным движениям.

Жгучая проблема истории народных движений, впервые поставленная в русской историографии революционными демократами и, прежде всего, А. П. Щаповым, вызывала большой интерес Костомарова. В этом его отличие от славянофилов, охранительной официальной историографии и государственной школы.

Костомаров посвятил этой проблеме свои лучшие работы, такие как «Богдан Хмельницкий», «Бунт Стень-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 390.

ки Разина» и «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия...». Однако для него восстание крестьян под руководством И. Болотникова — лишь эпизод в истории так называемой «смуты», мешающий «успеху развития русской общественной жизни», а крестьянская война под руководством Разина — «запоздалый, отцветший» отголосок удельно-вечевой вольницы, «бесплодный, как метеор»¹. Социальная сущность и антифеодалная природа крестьянских восстаний заслонены у Костомарова красочными картинами «неистовства черни» или романтически выписанными портретами атаманов народной вольницы, поднявших «кровавое знамя переворота Русской земли вверх дном»².

Степан Разин в изображении Костомарова — «человек чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой деятельности», но в то же время «жестокий и кровожадный...», «ненавистник всего, что стояло выше его», не знавший ни чести, ни великодушия, ни сострадания. «Таков был этот борец вольности, в полной мере изверг рода человеческого»³. В заключительной части «Бунта Стеньки Разина», описывая последние дни жизни вождя крестьянской войны и его казнь, Костомаров хладнокровно замечает, что очевидное и гласное преступление Разина «не затруднило приговорить его к смерти..., тот, кто был вероломным против своего законного государя, не заслуживал ничего лучшего»⁴.

Напрасно искать у историка сочувственного отношения и к рядовым участникам восстания, правильного показа его исторического значения. И крестьянская война 1606—1607 гг., и крестьянское восстание 1670—1671 гг., по его убеждению, исторически бессмысленны и бесплодны. Либерально-буржуазный историк, осудивший крестьянские восстания в далеком прошлом, боялся повторения выступлений народных масс в свое время.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 212.

² Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. V, 1868, стр. 67.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 238—240.

⁴ Там же, стр. 365, 362.

Если представитель революционно-демократической историографии А. П. Шапов писал, что русский мужик с нетерпением ждет прихода нового Степана Разина, то Костомаров, заканчивая свою монографию о Разине, устами старого крестьянина высказал мысль прямо противоположную: «Не дай, господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька!»¹.

К такому антиисторическому, фальсификаторскому выводу о характере и значении народного движения в прошлом и настроении крестьянских масс в настоящем с неизбежностью пришел историк, пытавшийся подменить принцип классовой борьбы теорией борьбы национальных начал. В тесных идеалистических рамках его формулы, с помощью которой он пытался раскрыть содержание второго периода русской истории, нет места ни классовой борьбе крестьянства против помещиков, ни героической борьбе народа за национальную независимость.

От формулы, согласно которой «государственность объединила русский народ», был один шаг к примирению народа с самодержавным государством.

Весьма примечательно, что яркие краски нигилизма, в которые окрашены в «Жизнеописаниях» портреты выдающихся деятелей русской истории, заметно блекнут по мере движения костомаровской кисти из глубины веков к современности. Так, в деятельности русских князей удельно-вечевых периода — Андрея Боголюбского, Дмитрия Донского и Василия Темного — Костомаров вообще не видел ничего положительного. Единственным побуждением Андрея Боголюбского считал он властолюбие, за что народ его ненавидел, а близкие слуги убили². Последствием всей жизни Дмитрия Донского «было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой»³, — писал Костомаров о выдающемся полководце, нанесшем сокрушительный удар татаро-монгольскому владычеству.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 380.

² См. Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I, X—XVI столетия. СПб., 1907, стр. 86—91.

³ Там же, стр. 211.

Василий Темный в его изображении — человек ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, способный на всякие злодеяния и вероломства. «Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, все остальное правление его отличается твердостью, умом и решительностью, — зло иронизировал Костомаров и пояснял: очевидно, именем князя управляли умные и деятельные люди»¹.

Значительно умереннее и справедливее характеристики деятелей второго периода — периода победы государственных начал над удельно-вечевыми. Костомаров, например, уже признавал выдающееся значение государственной деятельности Ивана III, но возражал русским историкам, которые называли его «великим». В своем стремлении умалить заслуги основателя Русского централизованного государства Костомаров обвинял его в безмерной алчности, варварских казнях, в «плутовстве, достойном мелкого торгаша». Сила его власти, по мнению Костомарова, переходила в азиатский деспотизм. «При таком порядке, — писал он, — мог господствовать бессмысленный рабский страх перед силою, а не сознательное уважение к законной власти»².

Иван III создал государство без задатков самоулучшения, которое простояло два века «застылое и закамелое в своих главных основаниях»³. В такой насквозь метафизической интерпретации периода становления Русского централизованного государства снималась проблема борьбы самодержавия с боярством и другие вопросы, характерные для концепции Соловьева.

В чисто психологической трактовке политики Ивана IV, в делении его правления на два периода Костомаров фактически возвращался к примитивным представлениям Карамзина. Не поняв исторического смысла борьбы Грозного с боярской оппозицией, приписав народу всеобщую покорность и уныние, историк не сумел в своей трехтомной монографии «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (1868) правильно оценить внутреннюю социальную борьбу, ко-

¹ См. Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., стр. 240, 242.

² Там же, стр. 302, 303, 305.

³ Там же, стр. 305—306.

торая развернулась в России в начале XVII в. и осложнилась польско-шведской интервенцией.

Перенеся центр тяжести на описание польско-шведской интервенции и деятельность самозванцев, выдвинутых польскими правящими кругами, Костомаров на основе широкого круга источников, многие из которых были привлечены впервые, нарисовал яркую картину интервенции.

Основную причину «смуты» он связывал с внешнеполитическими планами Польши, а не с внутренними социально-экономическими противоречиями в России. Не героическая борьба русского народа за национальную независимость, говорит он, а близорукая политика Польши привела ее к поражению: «Если бы Сигизмунд действовал иначе и Владислав был коронован в Москве, коренное перерождение пошло бы как по маслу»¹. Отсюда упорное стремление Костомарова развенчать руководителей народного ополчения. В отдельной статье «Личности смутного времени» он пытался доказать, что Иван Сусанин выдуман правительством, Минин — корыстолюбив и нечестен как казначей ополчения, а Пожарский — бездарен как полководец. Таким образом, и здесь, вместо того чтобы, в соответствии со своими заявлениями, показать роль народа и его борьбу, реальные противоречия русской истории, вскрыть монархическую фальсификацию роли замечательных народных вождей — Минина и Пожарского, Костомаров главную роль в борьбе с интервенцией и внутренней «анархией» отводил духовенству и купечеству, изображал государственную власть как организующую, прогрессивную силу, порочил вождей народной борьбы.

Касаясь правления Михаила Романова и Алексея Михайловича, историк, окончательно утративший критическое отношение к истории самодержавного государства, писал, что «правительство давало народу облегчения», что его указы «клонились к облегчению народных тягостей»².

Правление Петра I, по Костомарову, было началом второго этапа, который «привел к единодержавную госу-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. V, стр. 511—512.

² Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., т. II, стр. 22, 23.

дарственность к ее полному апогею»¹. Громадный труд Петра Великого, подчеркивал историк, завершил то, что приготовлено было предшествовавшими веками. Государство окончательно обособилось от народа. Возникли две народности — «народность государственная» и «народность массы». «Крепостное право... было самым осязательным выражением перевеса государственного начала над народным»².

Костомаров в целом оправдывал преобразовательную политику Петра, хотя и критиковал «темные стороны» его характера. Он совершенно откровенно осуждал республиканский строй и превозносил самодержавную власть. «В такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, — писал он, — только самодержавие и могло быть пригодным. Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое»³. Нетрудно уловить связь подобной промонархической точки зрения с одобрительным отношением автора к реформе 1861 г., с его идеей примирения государственности и народности.

Осуждая деспотизм и жестокость Петра, Костомаров в целом давал высокую оценку его деятельности. «За любовь Петра к идеалу русского народа, — отмечал он, — русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти»⁴. Главное, что стремился подчеркнуть Костомаров, это беспрекословное подчинение народа самодержавному государю: «Русские... повинуются потому, что так хочет их самодержавный государь»⁵.

Осудив народную борьбу, как исторически бессмысленную, приписав русскому народу несвойственные ему черты покорности и раболепного подчинения государственной власти, Костомаров в конце концов пришел к

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 388.

² Там же, стр. 389.

³ Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях..., второй отдел. Господство Романовых до вступления на престол Екатерины II, вып. шестой, XVIII столетие, СПб., 1876, стр. 781.

⁴ Там же, стр. 785.

⁵ Там же, стр. 782.

антиисторическому выводу о «заснувшей народной жизни» в России. Пробудить ее, по его мнению, могла лишь реформа, проведенная государством. «Сознавая свою полную силу, государство само пробуждает народную жизнь»¹, — таков конечный вывод историка.

Страх перед крестьянской революцией оказался сильнее теории борьбы двух начал. И Костомаров, признав реформу 1861 г. «новым зачатком народной жизни», подписал смертный приговор своей теории. «Борьба начал удельно-вечевое уклада с началами единодержавия, народных сил с государственными в наше время окончится... сама собой мирно и согласно»², — заявил он в апреле 1861 года. Так идея осещения истории народа, теоретически провозглашенная Костомаровым, в практическом воплощении превратилась в свою противоположность и подчинила конкретный исторический материал все той же карамзинско-чичеринской идее государства. Обещание историка, данное им 22 ноября 1859 г. во вступительной лекции по русской истории — «в своем изложении подчинять принцип государственности идее народности»³, — осталось невыполненным.

Теоретическая слабость и беспомощность Костомарова обнаружились не только в том, что он не мог разрешить противоречия, с которыми сталкивался при конкретном освещении русской истории, но и в игнорировании социально-экономической истории. В схеме русской истории Костомарова нет и не могло быть такого определяющего элемента, как классовая борьба.

Центральным пунктом костомаровской истории Украины было утверждение об отсутствии классов и классовой борьбы. Костомаров считал законным и вполне естественным экономическое неравенство, но категорически отрицал наличие классовых противоречий в истории Украины.

Основные элементы теории «бесклассовости» украинского народа, вошедшие позднее в реакционную систему буржуазно-националистических взглядов Антоновича и Грушевского, содержались в статье Костомарова «Задачи украинофильства»⁴. Свободолюбивый украинский на-

род никого никогда не угнетал, ни в прошлом, ни в настоящем, утверждал националистически настроенный историк; наоборот, по своему демократическому народному духу он противник какой-либо диктатуры. «В Южной Руси не видно ни малейшего стремления к подчинению чужих, к ассимилированию инородцев, поселившихся между ее коренными жителями; в ней происходили споры, драки более за оскорбленную честь или временную добычу, а не с целью утвердить прочное вековое господство»¹.

Это утверждение послужило позднее Грушевскому основанием для его контрреволюционных выводов. Раз исторически «доказано», рассуждал этот ярый враг украинского пролетариата и советской власти, что украинский народ не терпит диктатуры — значит борьба против диктатуры пролетариата совершенно необходима.

Крепостное право и единодержавие, по утверждению Костомарова, занесены на Украину Польшей, а в еще большей степени Москвой, которая, пользуясь благодушием украинского народа, эксплуатирует его экономические богатства.

С таких буржуазно-националистических позиций подходил Костомаров к решению основных проблем украинской истории в работах «Богдан Хмельницкий», «Гетманство Выговского», «Гетманство Юрия Хмельницкого», «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы» и др.

Киевская Русь, считал он, была создана одним только малорусским народом и представляла один из ярких периодов истории Украины. Начав с антиисторической, ложной посылки, Костомаров стремился противопоставить Киевское государство Московскому. Так, он писал, что в то время как в Северо-Восточной Руси нашествие монголов утвердило феодализм, а затем единодержавие, в свободолюбивой Южной Руси наблюдалась «разбичивость и анархия».

Пытаясь объяснить такую непоследовательность, Костомаров указывал, что «украинский народ не имел ни мало политического воспитания, чтобы выиграть свой процесс в истории и на самобытных началах организо-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 389.

² Там же, стр. 389—390.

³ Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, стр. 10.

⁴ «Вестник Европы», 1882, т. I, кн. 2, стр. 886—900.

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. I, стр. 242.

вать стройное гражданское целое»¹. И в данном случае Костомаров, поставленный дальнейшими историческими событиями перед необходимостью признать политическое банкротство свободолюбивого с древнейших времен украинского народа, прибегал к внешней силе, чтобы внести какую-то определенность в историю Украины. Он «не мог отрицать», что подчинение Украины Литве «обновило одряхлевший, разложившийся порядок», а власть Польши связывал «с признанием до некоторой степени законности, справедливости такого порабощения».

Основной движущей силой, воплотившей древние национальные качества Украины — свободолюбие и анархизм, становилось казачество. «Народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силы: в казачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечевой вольницы»².

Идеализируя казачество как бесклассовую, социально однородную силу, Костомаров не мог нарисовать объективную картину национально-освободительной борьбы украинского народа, показать ее социальные корни. Ополяченная украинская шляхта была на стороне Польши, а единое и однородное казачество выступало на защиту национальной и религиозной самобытности Украины.

К оценке значения воссоединения Украины с Россией Костомаров подходил не с народных позиций, а с точки зрения крупной феодальной верхушки, права которой были значительно урезаны. Отсюда его полуотрицательная оценка исторического акта воссоединения и умаление заслуг Хмельницкого, который, по его словам, «в одно и то же время подвигал народ против поляков и искал оправдания у польского правительства»³.

Показывая историю Украины после присоединения к России, историк оплакивал падение и постепенную ликвидацию «гетманщины». В этом смысле примечатель-

но название его работы «Руина», посвященной гибели гетманского управления.

В работе «Гетманство Выговского» автор утверждал, что в тот период оторвавшаяся от Польши Украина еще не соединилась с Москвой, и на этом основании пытался оправдать антинародную деятельность Выговского и Дорошенко борьбой за самобытность Украины.

Хотя работы Костомарова по истории Украины и подвергались критике со стороны шовинистически настроенных реакционных кругов, сам он, по существу, дальше требований национально-культурной автономии не шел. Весьма скромные национальные идеалы Костомарова вполне вместились в узкие рамки конституционной монархии.

Легкий либерально-буржуазный налет костомаровской оппозиционности, националистически истолкованная теория борьбы двух начал, обращение к истории народа, попытка постановки проблемы народных движений, религиозный фанатизм и литературно-художественная манера изложения — все эти стороны сложной мозаичной системы исторических взглядов широко известного историка вызывали различные суждения и противоречивые оценки.

В общем разноголосом хоре одобрительных высказываний и критических замечаний можно различить три точки зрения: реакционно-монархическую, либерально-буржуазную и революционно-демократическую.

Отношение правительственных кругов и представителей охранительного направления к историку становилось постепенно все более благожелательным по мере того, как правели его политические убеждения. В этом смысле характерен отзыв профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича о работе Костомарова «Последние годы Речи Посполитой»: «В этом сочинении большое отступление от первоначальных взглядов автора. Здесь прославляется русское правительство за умные и решительные действия по отношению к полякам и явно дается сочувствие объединительной русской политике, обличать грехи которой автор считал как бы своим призыванием в других сочинениях».

Черты антисемитизма, резкие выпады против поляков, панегирики православию встречали горячее одоб-

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. II, стр. 241.

² Там же, стр. 211.

³ Н. Костомаров. Исторические монографии..., т. IX, 1870, стр. 140.

рение реакционного лагеря. Любопытно, что такая работа, как «Бунт Стеньки Разина», получила благожелательную оценку Александра II, о чем сообщил автору министр просвещения Е. П. Ковалевский в связи с приглашением на кафедру Петербургского университета. Умеренный либерал профессор А. В. Никитенко назвал ее замечательной статьей, очень яркой и правдивой¹.

Но малейшее критическое замечание Костомарова в адрес самодержавия вызывало резкую отповедь представителей реакционно-монархического лагеря. Так, в упоминавшемся уже отзыве Н. Г. Устрялова, который послужил основанием для запрещения диссертации Костомарова, говорилось: «Костомаров так любит парадоксы и так упорно идет наперекор истине, что даже Хмельницкого не хочет признавать избавителем Малороссии от ига польского»².

В либерально-буржуазной историографии критическим замечаниям подвергались методологические принципы историка. Так, С. М. Соловьев в статье «История и современность» (1862) решительно осудил попытку Костомарова «доказать», что известный подвиг Сусанина сомнителен, и указал на одну из его наиболее уязвимых сторон — произвольное толкование источников.

Отношение революционно-демократического лагеря к Костомарову, при всем признании его «обширной учености и тонкого ума»³, помогает понять и определить место историка в русской историографии.

Хотя Н. Л. Рубинштейн обходит этот важный вопрос, его глава о Костомарове является фактически первой удачной попыткой марксистского анализа исторических взглядов Костомарова. Основные положения главы и общий вывод автора о том, что «Костомаров ближе к Карамзину» и «связан с прошлым, а не с будущим в развитии исторической науки в России»⁴, совершенно справедливы.

К этому следует добавить, что значение Костомарова определяется также тем, что от него берет начало украинская националистическая историография. Истоки контрреволюционной схемы истории Украины Грушевского идут от Костомарова.

При общей либерально-буржуазной основе националистические тенденции Костомарова в трактовке основных проблем истории России отличали его от русских либерально-буржуазных историков великодержавного толка. Уже в этом смысле вряд ли правильно говорить, «что Костомаров... не оказал заметного влияния на последующее развитие исторической науки в России»¹. Страницей выше в той же «Историографии истории СССР» совершенно верно сказано о значительности вклада Костомарова в русскую и украинскую историографию².

Костомаров не создал да и не мог создать научно обоснованную концепцию русской и украинской истории, его беспорочный талант, огромные знания и колоссальное трудолюбие были поставлены на службу не трудящимся массам и тем более не пролетариату, а украинской национальной буржуазии. Как правильно отмечает Л. К. Полухин, «затушевывание классовой борьбы, отрицание наличия классов, замалчивание истинного содержания украинского исторического процесса, создание антинаучных шатких исторических конструкций — все это было направлено на засорение либеральной фразой сознания угнетенных масс, отвлекало внимание украинского народа от борьбы с эксплуататорами»³. Но это не исключает определенного положительного значения трудов историка.

Он оставил след не только как талантливый популяризатор исторических знаний, но прежде всего как исследователь, впервые поставивший целый ряд важнейших проблем русской и украинской истории.

Костомаров обогатил и расширил источниковедческую базу исторической науки и способствовал дальнейшему изучению народной жизни.

¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 14.

² В. И. Семевский. Указ. ст., стр. 184.

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 928.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 440.

¹ Историография истории СССР, стр. 273.

² Там же, стр. 272.

³ Л. К. Полухин. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова, АН УРСР, 1959, стр. 124—125.

ЛИТЕРАТУРА

Н. И. Костомаров. Мысли о федеративном начале древней Руси. Исторические монографии и исследования, т. I, СПб., 1863, стр. 3—56.

Н. И. Костомаров. Две русские народности. Там же, стр. 221—287.

Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования, т. II, СПб., 1863, стр. 201—380.

Н. И. Костомаров. Автобиография, под ред. В. Котельникова, М., «Задруга», 1922.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 120—146.

Л. К. Полухін. Формування історичних поглядів М. І. Костомарова, АН УРСР, 1959.

Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 121—440.

ЛЕКЦИЯ 21

УПАДОК ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Особенности дворянской исторической науки в пореформенный период. Погодинско-устряловские традиции. Отражение влияния буржуазной идеологии в работах К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайского. Самодержавно-охранительная сущность исторических сочинений Н. Ф. Дубровина, Н. К. Шильдера и С. С. Татищева

Упадок дворянской исторической науки во второй половине XIX в. всецело определялся тем своеобразным и противоречивым положением, в котором оказался уходящий феодальный класс в пореформенной капиталистической России.

Реформа 1861 г. утвердила новый, буржуазный строй, выросший из феодализма. Половинчатость и незавершенность реформы были связаны с тем, что проводили ее «сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники»¹.

Инстинкт классового самосохранения заставил их пойти на эту вынужденную меру в условиях капиталистического развития, отрезвляющего поражения в Крымской войне, а главное, угрожающего роста крестьянского движения. «Чувство самосохранения дворянства, как класса, — писал М. Н. Покровский, — требовало крестьянской реформы: только эта реформа гарантировала сохранение его социального преобладания еще на одно

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 140.

или два поколения. Наоборот, отсрочка этой реформы грозила экономической и социальной катастрофой, которая могла ликвидировать феодальный строй сразу»¹.

Помещики хотя и провели реформу с максимальной выгодой для своего класса, были вынуждены потесниться экономически. Постепенное ослабление экономической мощи поместного дворянства, обусловленное развитием капиталистических отношений, усиливало его стремление сохранить и укрепить свое политическое господство.

И хотя интересы развивающегося буржуазного класса оказывали заметное влияние на работу самодержавного правительственного механизма, основные рычаги его крепко держали в своих руках представители дворянства.

Особенностью развития капитализма в пореформенной России было противоречие между капиталистической промышленностью и отсталым, опутанным феодальными пережитками землевладением. Тяжелые последствия этого противоречия усугублялись наличием самодержавной власти, которая всячески пыталась усилить роль и значение дворянства. Царизм, защищая интересы отжившего феодального класса, проводил реакционную политику, направленную против преобладающего большинства населения страны. Буржуазия же, боявшаяся народной активности больше, чем реакции, все угодливее склонялась перед самодержавной властью. По словам В. И. Ленина, для нее были характерны «проповедь реформы — и боязнь народного движения. Стремление отгеснить крепостников — и боязнь потерять их помощь, боязнь потерять свои привилегии»².

Консервативные позиции буржуазного класса облегчали царизму проведение политики сохранения всевластия крепостников и привилегий буржуазии. Все отличие пореформенной политики царизма от политики Николая I, по словам М. Н. Покровского, «заключалось в том, что дворянство было теперь не одно наверху; но оно все-таки сохраняло все права и прерогативы старшего сына. А капиталистическая буржуазия была на положе-

нии юного Вениамина, которого ласкали и холили, но еще не давали ему прав взрослого человека»¹.

Вынужденное пойти в 1861 г. на «жалкий компромисс интересов либералов и крепостников», самодержавное правительство уже в 1863 г. начинает пятиться назад, а после выстрела Каракозова переходит к открытой реакции, тщетно пытаясь повернуть колесо истории назад.

В результате такой политики царизма, которая все более противоречила интересам дальнейшего развития страны, дворянство, по словам Ленина, являлось «главной опорой экономической и политической отсталости России»².

Архиреакционная роль отживающего класса определила соответствующий характер его идеологии. Одним из ее видных столпов был «секретарь дворянского общественного мнения» М. Н. Катков. Передовые статьи газеты «Московские ведомости», по меткому замечанию М. Н. Покровского, были своеобразным протоколом, в который ее редактор Катков «послушно заносил ... все, что говорилось в дворянских кругах, что там считали желательным и полезным»³. Утверждая, что в дореформенный период существовало «крепкое единство двух самых коренных элементов народной и государственной жизни» — крестьян и помещиков, выражавшееся в крепостном праве, он всячески пытался доказать, что «основой преобразования должен быть существующий порядок».

В одной из передовых статей Катков, отстаивая незыблемость самодержавного строя и его верной опоры — дворянства, писал: «Изменяя к лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существование, для которого мы ищем новых лучших условий?»⁴. Для этого, по мнению Каткова, русскому народу недостает строгой дисциплины и суровой выдержки; для того же, «чтобы предотвратить невозможную в России опасность пролетариата, мы обязываем, — указывал он, — каждо-

¹ М. Н. Покровский. Общая политика правительства 1866—1892 гг.; История России XIX в., т. V, стр. 25.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 235.

³ М. Н. Покровский. История России XIX века, т. V, Указ. глава, стр. 62.

⁴ «Московские ведомости», 1864 г., № 138 от 23 июня.

¹ М. Н. Покровский. Крестьянская реформа. История России XIX века, Изд-во т-ва Гранат, СПб., т. III, стр. 72.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 78.

го крестьянина непременно владеть землей и непременно быть хозяином»¹.

Приведенные высказывания помогают понять особенности дворянской исторической науки во второй половине XIX ст., в период, когда новый восходящий класс капиталистической России — промышленный пролетариат, расправляя могучие плечи и поднимаясь на революционную борьбу, противопоставил реакционной идеалистической науке господствующих классов свою передовую материалистическую науку.

В новых исторических условиях, связанных с утверждением капитализма и появлением пролетариата, дворянские историки по-прежнему «под давлением *интересов* страшно могущественного *класса* отстаивают политику старых крепостнических традиций»². Погодинская формула об исторической науке как «охранительнице и блюстительнице общественного спокойствия», устряловская характеристика монархов как «главных действователей» русской истории, выдвинутые в дореформенный период — оставались определяющими в деятельности основных представителей дворянской науки второй половины XIX века.

И Погодин, и Устрялов, типичные представители реакционно-охранительного направления в дореформенной историографии, продолжали свою деятельность и в рассматриваемый период. Для первого характерен тост, провозглашенный им в конце ноября 1857 г. на обеде в честь царского рескрипта 20 ноября 1857 г., положившего начало подготовке реформы. Подняв «тост за дворянство, прославляя его благоразумие, осторожность и благородство»³, Погодин был верен ему до конца жизни. В то же время он не мог не считаться с утверждением нового, буржуазного класса и отражением его идеологии в исторической науке. Стараясь смягчить классовые противоречия, Погодин историческими примерами стремился доказать читателю, что в России «искони существовали дружелюбные чувства между различными сословиями»⁴.

¹ «Московские ведомости», 1865 г., № 18 от 22 января.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 279.

³ История Москвы, т. IV, АН СССР, 1954, стр. 21.

⁴ М. П. Погодин. Соч., т. III, М., 1872, стр. 378.

Основной смысл деятельности Погодина — одного из крупнейших представителей монархической идеологии — сводился и в пореформенный период к прославлению и защите самодержавия путем прямой фальсификации истории.

Посвящая в 1871 г. свою «Древнюю русскую историю» Александру II, «верноподданный Михаил Погодин» подчеркнул, как и прежде, что «русское государство, в образе происхождения и в ходе событий, представляет совершенное различие с западными государствами»¹. Опираясь на это ложное утверждение, монархический историк отрицал возможность революции в России.

Русский народ в его изображении — «низок, ужасен, скотен», а главное, рабски предан престолу, что и является «надежной» гарантией самодержавной власти.

Значительное влияние на развитие дворянской историографии оказал и последовательный проповедник официальной теории «самодержавия, православия и народности» Устрялов. Его многотомная «История царствования Петра Великого» была завершена во второй половине 60-х годов и открывала длинный ряд апологетических трудов о русских самодержцах.

Говоря о том, что «сам Устрялов наложил тяжелую руку» на историю преобразователя, А. И. Герцен иронически заметил: «Дела и люди настолько усовершеншились, что Устрялов, писавший свою историю России по трафаретам министра Уварова и мотивам Николая Павловича, стал издавать историю Петра по источникам»².

Действительно, под влиянием успехов буржуазной науки дворянские историки были вынуждены придавать своим трудам наукообразный характер и видимость объективности; в то же время усложнившаяся социальная структура капиталистической России требовала более тонкой пропаганды монархии.

Идеалистические принципы Погодина и Устрялова, их антинародные официально-монархические идеи нашли продолжение в работах М. О. Кояловича, Н. Ф. Дубровина, Н. К. Шильдера, С. С. Татищева. Все они восхваляли политику самодержавной власти, осуждали любое выступление против существующего строя и пы-

¹ М. П. Погодин. Соч., т. I, М., 1872, Посвящение.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIV, М., 1958, стр. 297.

тались с помощью истории доказать невозможность революции в России.

Излагавшие отечественную историю в погодинско-устряловском консервативном духе исследования этих дворянских историков, несмотря на некоторые частные достижения, представляли вчерашний день исторической науки, а сами авторы их были типичными эпигонами дворянской историографии.

В официальной историографии во второй половине XIX ст. нашел отражение процесс идеологического сближения дворянства и буржуазии, начавшийся еще в первой половине века. В основе его лежало экономическое развитие и реакционный политический союз господствующих классов, сложившийся на почве защиты самодержавной власти и собственных интересов.

Растущая угроза народной революции толкала либералов в объятия крепостников, рождала характерную для буржуазной России политическую амальгаму различных идей. И если помещику нужна была поддержка буржуазии, а последняя, по утверждению В. И. Ленина, раболепствовала перед крепостниками, стремилась к «блоку с реакцией»¹, то и в области исторической науки происходил процесс взаимообусловленного влияния. Так, в работах представителей государственной школы можно легко обнаружить следы монархических тенденций дворянских историков, а в проблематике и подходе к решению отдельных вопросов дворянских историков — влияние буржуазной историографии.

Наиболее показательными в этом отношении являются исторические исследования К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайского. Первый из них настолько глубоко впитал отдельные элементы буржуазной науки, что некоторые исследователи считали его буржуазным историком².

Отличительной особенностью дворянской науки было появление ряда историко-биографических работ, посвященных отдельным представителям царствующей династии. — Павлу, Александру I, Николаю I и Александру II. Апологетический характер изложения, стремление показать русских самодержцев сознательными творцами исто-

рии, защитниками народных интересов преследовали определенную политическую цель — поддержать пошатнувшийся авторитет царской власти, оправдать ее реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Позволяя себе отдельные критические замечания, осуждая «крайности» в действиях того или иного императора, дворянские историки Шильдер, С. Татищев и другие стремились внушить читателю, что цари бывают лучше, бывают хуже, но самодержавие во все времена было и остается идеальной формой государственной власти и плохим быть не может. Поэтому, как правило, авторы подобных работ умышленно ограничивали себя узкими рамками морально-этической характеристики и оставляли в тени классовые мотивы деятельности царей и их сановников.

Одним из наиболее известных дворянских историков второй половины XIX в. был Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897 гг.). Принадлежа, по словам его биографа Е. Ф. Шмурло, к «лучшей части дворянского помещичьего класса»¹, он получил первые знания по русской истории из сочинений Щербатова и Карамзина. По отцу Бестужев-Рюмин был родственником князя М. М. Щербатова и неоднократно повторял, что обязан ему «тем, что стал русским историком»². Что касается Карамзина, то его Бестужев-Рюмин считал образцом историка-патриота, «воспитателем своего детства» и постоянно сожалел, что современники забыли «Историю» Карамзина, хотя, по его мнению, «трудно найти книгу, более способную пробудить патриотизм и любовь к истории»³.

На дворянскую первооснову исторических представлений Бестужева-Рюмина своеобразно наслоились либерально-буржуазные идеи, усвоенные в Московском университете на лекциях Соловьева и Кавелина. «В результате таких противоречивых воздействий, — отмечает В. Е. Иллерицкий, — в исторических взглядах Бестужева-Рюмина сочетались элементы и дворянской и буржу-

¹ Е. Шмурло. Очерк жизни и научной деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина, Юрьев, 1899, стр. 1.

² Там же, стр. 5.

³ К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, СПб., 1882, стр. 258.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 17.

² Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 411.

азной историографии¹. Преобладающими были первые, о чем свидетельствует восторженное отношение историка к Карамзину и Погодину, связанное с их монархической антидемократической направленностью².

Охранительные начала сочинений и учебников Иловайского также вызвали одобрение Бестужева-Рюмина. «Из всех писателей, — считал он, — после Карамзина никто ближе г. Иловайского не подходил к тому «художественному идеалу, к которому должен стремиться исторический писатель»³.

Признавая великие заслуги Соловьева как «ученого историка» в том, что он «первый понял русскую историю в связи», Бестужев-Рюмин считал основным источником неутомимой деятельности Соловьева силу религиозных убеждений. И хотя эта черта ему весьма импонировала, он поспешил заявить, что «не принадлежит к числу почитателей г. Соловьева»⁴. В конце жизни, под давлением общественного мнения, Бестужев-Рюмин присоединил свой голос к общему хору признания заслуг крупнейшего буржуазного историка России и в частном письме отмечал, что «он умнее даже Карамзина, который был не философ, а художник и ученый»⁵. Тем не менее отношение Бестужева-Рюмина к последнему было значительно ровнее и восторженнее, недаром перед смертью он говорил о необходимости «культу Карамзина».

Продворянские симпатии с оттенком славянофильства обнаруживает Бестужев-Рюмин и в оценке Погодина, которого он называл «представителем здравого смысла русского народа»⁶, чуждым интересам какой-либо политической партии или «исключительной доктрины».

Между прочим, себя историк тоже причислял к пред-

¹ Историография истории СССР, стр. 279.

² См. К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 206, 223, 230, 253.

³ К. Бестужев-Рюмин. «История России» Д. И. Иловайского, ч. I, ж. «Древняя и новая Россия», 1876, № 6, стр. 198.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева, т. I—IX, статья первая, «Отечественные записки», 1860 г., № 9, стр. 2.

⁵ См. Е. Шмурло. Указ. раб., стр. 175.

⁶ К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики, стр. 234.

ставителям «объективного знания», стоящим над интересами классов и партий. В действительности его общео исторические воззрения, хотя и впитали отдельные черты буржуазной идеологии, в целом носили дворянский, охранительный характер.

Политические идеалы Бестужева-Рюмина, сложившиеся в 40—50-х годах в русле славянофильства, в пореформенный период заметно поправились. В конце жизни он увлекался мистическим идеализмом В. С. Соловьева, пропагандировал реакционную теорию «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского и говорил, что его книга «Россия и Европа» должна стать «настоющей книгой всякого русского человека»¹.

Основу отечественной истории Бестужев-Рюмин видел в православии, которое считал залогом великого будущего России. Европа, по мнению историка, давно утратила религиозные начала и вымирает умственно и нравственно. Призвание же России, утверждал он, — «соединить Восток и Запад в высшем начале — православии, в проведении этого высшего начала во все сферы жизни»².

В понимании исторического процесса Бестужев-Рюмин был типичным идеалистом с позитивистским уклоном. «Философия, — писал он, — может и должна привести к идеализму, ибо только идеализм есть настоящая философия. Материализм и спиритизм слишком одно-сторонни...»³.

В духе модной тогда позитивистской теории Бестужев-Рюмин считал, что «существование истории, как науки, как полного целого, является только желательным»⁴, поэтому первостепенная задача историка — «дать читателю поболее материалов и указаний для образования собственного суждения»⁵.

Решению такой задачи и был посвящен основной труд историка — «Русская история», содержание кото-

¹ Бестужев-Рюмин. Н. Н. Страхов. Журнал Министерства народного просвещения, 1896, № 2, стр. 117.

² См. Г. Шмурло. Указ. раб., стр. 233, 239.

³ Там же, стр. 287.

⁴ Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен» С. Соловьева, ст. I. «Отечественные записки», 1860, № 9, стр. 6.

⁵ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. II.

рого свидетельствовало об отказе автора от исторического синтеза.

В своем стремлении «представить результаты, добытые русской исторической наукой в полтора десятка лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты»¹, автор сосредоточил внимание на точном воспроизведении исторических фактов и подробной характеристике исторических источников. Поэтому наиболее ценной частью «Русской истории» являлось введение, в котором был дан лучший для того времени обзор основных видов источников, расположенных в хронологической последовательности.

Что касается конкретного изложения русской истории, то Бестужев-Рюмин, считавший, что идеи правят миром, «старался, — говоря его словами, — выдвинуть на первый план государственный и общественный быт, верования и умственное развитие каждой эпохи...»².

Но даже такого изложения у него не получилось. Принципы дворянской историографии оказались сильнее, чем элементы буржуазной науки, усвоенные историком. Его «Русская история» в каразинско-погодинском духе рассказывала о князьях и царях государства Российского. В ней напрасно искать освещение вопросов экономического развития, промышленности, торговли. В прагматическом повествовании нет места народу и народной борьбе, а разрешение вопроса об отношениях общества и личности историк связывал с психологией народа, с народным духом.

Бестужев-Рюмин, следовательно, не только возвращался назад по сравнению с провозглашенным Соловьевым принципом закономерности исторического развития, но, в соответствии с общим упадком дворянской историографии и нараставшим кризисом буржуазной, ставил под сомнение возможность познания законов исторического развития. «Общий ход истории, — утверждал он, — мы знаем только гадательно, только стремимся узнать его. Все приложения философии к истории, которые делались до сих пор, в сущности преждевременны и более или менее произвольны...», они сводятся

«к обобщению случайного, к поставлению во главу угла временного, к прославлению того, что было гибельно...»¹.

Другим дворянским историком, отразившим в своих трудах влияние буржуазной исторической науки и показавшим вместе с тем, насколько архаичны и запоздалы были во второй половине XIX в. попытки обобщающего обзора русской истории с дворянско-монархических позиций, был Дмитрий Иванович Иловайский (1832—1920 гг.).

Если Бестужев-Рюмин все же оставил след в науке своей историко-ведческой работой, посвященной истории русского летописания, то Иловайский был известен главным образом своими учебниками по русской истории. Написанные в официально-монархическом духе, они были одним из многих идеологических костылей, на которые пыталось опираться одряхлевшее самодержавие и с помощью которых оно стремилось отсрочить свое неизбежное падение.

Изучение истории «по Иловайскому» на долгие годы стало нарицательным и означало крайний монархизм, убожество мысли, верноподданническую лесть. Очевидно, в связи с этим остались в тени его монографические работы, представлявшие определенную ценность, такие как «История Рязанского княжества» (1858), «Гродненский сейм» (1870) и особенно «Розыскание о начале Руси» (1876). В последней автор, считавший, что «в основу нашей национальности и нашего государства положено крепкое, плотное ядро, т. е. могучее славяно-русское племя», отвергал норманскую теорию происхождения Древнерусского государства. Разумеется, сам он очень примитивно представлял себе процесс образования государства и связывал его с деятельностью княжеского рода, который утвердился в Киеве.

Основной работой Иловайского, определявшей его принадлежность к угасающей дворянской историографии, была «История России» в пяти частях. В предисловии автор определял задачи исторической науки, которую он так же, как Бестужев-Рюмин, понимал как сочетание науки и искусства.

¹ К. Бестужев-Рюмин. «История России с древнейших времен». С. Соловьева, ст. 1, стр. 4.

¹ К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 1.

² Там же, стр. 11.

Задача науки — «приготовительная»: критически изучить источники и пособия, восстановить события в истинном виде, объяснить их причины и следствия, определить естественные условия и различные влияния, а главное — «дать верную, по возможности беспристрастную оценку деятелей и обстоятельств». После такой подготовительной работы науки, по мнению Иловайского, должна следовать творческая работа искусства, заключающаяся в том, чтобы «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению историка, ...дать каждой части свое место; найти всему соответствующее выражение в языке; усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль и согреть это изложение своим собственным теплым участием, своею любовью к предмету»¹.

В подобном изложении Иловайский видел идеал, к которому должен стремиться историк. В данном случае, как и во многих других, он дословно повторяет Бестужева-Рюмина, а оба они — Карамзина.

Политические идеалы их также совпадали. «История прошлого, — в представлении Иловайского, — великая наставница и поучительница новых поколений», поэтому ее ближайшая цель «заключается в том, чтобы, воссоздавая в слове прошедшие века, ...способствовать развитию народного самосознания»² в духе незыблемости монархической власти, православной веры и великорусской народности.

В то же время, отдавая дань утвердившимся в науке буржуазным принципам, Иловайский считал, что историк должен стремиться раскрыть «законы и основания» общественного развития. Единственной формой такого развития он считал «государственный быт», причем «историческими народами», в его представлении, были только те, «которые усвоили себе эту форму». «Отсюда, — писал Иловайский в духе государственной школы, — естественная и неразрывная связь истории какого-либо народа с движениями его государственного быта»³.

¹ Д. Иловайский. История России, часть первая, М., 1876, стр. V—VI.

² Там же, стр. VI.

³ Там же.

Развитие этого государственного быта проявляется в деятельности его представителей. Следовательно, «народная масса есть не что иное, как этнографическая почва, которая выделяет из себя действующие лица»¹. Историк же имеет дело не с народом, а с его представителями, деятелями государственной власти.

В основе схемы русской истории у Иловайского лежала смена властей, смена государственных столиц — Киева, Москвы, Петербурга. По столицам давалась периодизация, а освещение каждого периода было сведено к деятельности выдающихся государственных и исторических лиц. Так, например, определяя содержание последней, пятой части своей «Истории», автор указывает, что «доводит историческое повествование до единодержавия Петра Великого и достигает пределов Московского — царского периода»².

Наиболее характерны для второй половины XVII в., по убеждению Иловайского, конечно, не Степан Разин, а Богдан Хмельницкий и Никон. «Эти две крупные исторические личности, — отмечает он, — занимают весьма видное место в русской истории второй половины XVII столетия и стоят непосредственно за главным ее представителем, тишайшим царем Алексеем I, который своей правительственной деятельностью продвинул Московское государство на степень великой европейской державы и подготовил эпоху великих реформ»³.

В подобном высказывании легко обнаружить общую антинародную основу, которая роднила представителей дворянской и буржуазной исторической науки.

В предисловии к первой части своей работы Иловайский, говоря о том идеале, к которому он стремится приблизиться, объединяет «великие труды Карамзина, Соловьева и ...замечательное начало Русской истории Бестужева-Рюмина»⁴.

Игнорируя роль народа и его историю, эклектически соединяя монархические принципы Карамзина с элементами соловьевско-кавелинской буржуазной концепции, Иловайский не мог создать новой обобщающей работы по русской истории.

¹ Д. Иловайский. История России, часть первая, стр. VI.

² Д. Иловайский. История России, т. V, М., 1905, стр. VII.

³ Там же.

⁴ Д. Иловайский. История России, часть первая, стр. VII.

Примитивный прагматический рассказ Иловайского о древнерусских князьях и московских царях был в дворянской историографии последней попыткой создания общего труда по истории России. Методологическая беспомощность этой попытки, ее научная несостоятельность особенно отчетливо видны при сравнении с подлинно научными марксистско-ленинскими принципами изучения истории, которые в то время уже пробивали себе дорогу в русской историографии.

В заключение остановимся на деятельности тех дворянских историков, которые в последней четверти XIX в. окончательно отказались от создания общих работ по русской истории и перешли к описанию отдельных царствований или сторон внешней и внутренней политики царизма.

Такое ограничение научных интересов было связано с усилением политического консерватизма, обусловленного ростом социально-экономических противоречий и революционной борьбой против самодержавной власти.

В канун империализма дворянские историки уже не могли защитить самодержавную власть на широком фронте исторических обобщений. Бессильные справиться с новым историческим материалом и объяснить новые сложные процессы, происходившие в капиталистической России, они фактически отступили и отчаянно старались оправдать существующий строй на более узких участках исторической науки.

Именно такой характер носила деятельность Николая Федоровича Дубровина (1837—1904 гг.), генерал-лейтенанта, занимавшегося, по преимуществу, изучением русской военной истории. Ему принадлежат работы и документальные публикации о присоединении Крыма, Кавказа, по Отечественной войне 1812 г. и Крымской войне.

Для Дубровина характерен археографический подход к источникам, при котором главной задачей является не критика источника, а его публикация. Такой подход, по словам Н. Л. Рубинштейна, «является одной из характерных черт всей официальной историографии»¹ и постепенно превращается в самостоятельное направление в дореволюционной науке. Отличительной особенностью

дубровинских работ была насыщенность документальными материалами, в которых часто тонуло авторское описание.

Наиболее ценной работой по военной истории является его «История войны и владычества русских на Кавказе» в пяти томах (1871—1887). Детальному обзору военных действий на Кавказе Дубровин предпослал краткий очерк жизни и быта кавказских народов. Конечно, все это освещалось в официальном правительственном духе. Автор тенденциозным подбором документов всячески стремился обелить колониальную политику царизма, оправдать «владычество» русских помещиков и буржуазии на Кавказе.

Дубровин был первым русским историком, получившим доступ к следственному делу Емельяна Пугачева. На основании использования этого и других материалов государственного и частных архивов Дубровин опубликовал трехтомную монографию «Пугачев и его сообщники» (1884).

Этой работе, обширный документальный материал которой представлял большую ценность, автор дал подзаголовок «Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II, 1773—1774 годы». Стремлением свести мощную крестьянскую войну, потрясшую дворянскую империю, к незначительному эпизоду царствования Екатерины II, автор опрелелил свое отношение к народному восстанию. Основной причиной его Дубровин считал злоупотребления помещиков своей властью, «порочность» и «слабость» администрации. Возмущенные всем этим народные массы нашли себе вождей среди казаков, издравна привыкших к разбоям и неповиновению. Успех восставших дворянский историк объяснял рознью среди помещиков, которая мешала им объединить свои силы. Он старается преувеличить роль яицких казаков в движении и соответственно умалить роль крестьянских масс.

Основное внимание Дубровин обращал на показ организующей роли царизма в сплочении дворянства для разгрома восстания. В книге подробно описываются действия карательных отрядов, превозносятся заслуги их командиров, преувеличиваются данные о потерях восставших.

Официальная правительственная оценка восстания

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 418.

ярко просвечивает в тех эпитетах, которыми автор награждает восставших: «мятежники», «возмутители», «злодеи». Пугачев у него — авантюрист и обманщик, а его ставка в Берде — «вертеп разврата, пьянства и буйства всякого рода»¹.

Однако, несмотря на очевидную тенденциозность историка, сам факт появления подобной работы, которая содержала большой и ценный архивный материал, был положительным явлением. Значение работы усиливалось тем, что яркий и убедительный фактический материал часто вопреки воле автора-монархиста вступал в противоречие с его общими выводами и приводил читателя к убеждению в неизбежности и социальной обусловленности восстания.

Значительно «целеустремленнее» в охранительном смысле и по форме и по содержанию были работы другого дворянского историка — начальника Инженерной академии генерал-лейтенанта Николая Карловича Шильдера (1842—1902 гг.). Он избрал одну тему — жизнь и царствование русских монархов Павла, Александра I, Николая I и посвятил им семь объемистых томов, напечатанных на роскошной бумаге, обильно иллюстрированных портретами самодержцев и царских сановников.

За внешней роскошью этих изданий скрывался совершенно оторванный от исторической действительности панегирик самодержавной власти. Безграничное восхваление царствования Екатерины II, которое тридцать три года «изливалось славу и блеск на Россию», фантастические дифирамбы Александру I, представлявшему «вообще явление необычайное в русской истории»², отличали верноподданические работы Шильдера. Все явления русской истории первой четверти XIX в. автор склонен объяснять «исключительно одной личностью императора Александра I», чувства же народной любви к нему «не могут быть выражены обычным понятием человеческой преданности: его любили, — пишет он, — страстно, как любят обожаемую женщину»³.

¹ Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. III, СПб., 1884, стр. 182, 145.

² Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1897, стр. 123, 30.

³ Там же, стр. I, 31.

Обстоятельная документальность изложения, отдельные критические замечания в адрес «жестокого тирана» Павла I, «который..., не ведая, что творит, мучил богом вверенное ему царство»¹, создавали видимость научной объективности, прикрывавшей реакционно-монархическое содержание. Недаром автор с особым удовольствием цитировал известное изречение Карамзина: «Самодержавие есть палладиум России, целость его необходима для ее счастья»². Притягательная сила этих слов, которые могли быть эпиграфом к работам Шильдера, возрастала для правящего класса по мере того, как приближалась его неминуемая гибель.

В еще более откровенном тоне безудержного восхваления монархической власти написана работа Сергея Сергеевича Татищева (1846—1906 гг.) «Император Александр II», как бы продолжавшая работы Шильдера, которому автор выражал «глубокую признательность» в предисловии.

Посвященная более позднему периоду русской истории, она уже не содержала критических строк по адресу представителей монархической власти, все более компрометировавшей себя в глазах народа. Значительную часть своего казенного оптимизма и верноподданического пыла автор был вынужден тратить на попытки развенчивания революционной борьбы и ее героических представителей. Умалчивать о революционном движении было невозможно и историки официального охранительного направления делают все, чтобы уменьшить его размах, представить его в виде кучки заговорщиков, оторванных от народа. «Казенный, чиновничий взгляд на общественные явления, — писал В. И. Ленин, — сказывается... в игнорировании революционного движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной «партии»³.

Ленинские слова полностью приложимы к работе Татищева. Ее автор не жалеет ни слов, ни красок для того, чтобы внушить читателю представление об Александре II Вешателе «как об одном из величайших монархов, бла-

¹ Н. К. Шильдер. Указ. раб., т. II, СПб., 1897, стр. 7.

² Н. К. Шильдер. Указ. раб., т. III, стр. 31.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 5, стр. 28.

годетелей человечества»¹, имеющем «щедрую руку» и «доброе сердце... полное жалости и сострадания к несчастным и обездоленным», обнимающем «отеческой царской любовью всех своих верноподданных»².

Откровенно фальсифицируя русскую историю середины XIX в., Татищев характеризовал резкое обострение экономических и социально-политических противоречий накануне реформы 1861 г. как «общий подъем духа, радостное возбуждение русского общества, повсеместное пламенное сочувствие благим начинаниям великодушного и милосердного государя»³. Превознося заботу «царя-освободителя» о народе, автор старательно затушевывал крепостнический характер реформы и вопреки очевидным фактам утверждал, что «бывшие крепостные, исполненные беспредельной преданности и признательности к царю, мирно и спокойно вступили в пользование высочайше дарованными им правами свободных сельских обывателей»⁴.

Наиболее отчетливо контрреволюционный, антинародный смысл дворянской интерпретации русской истории показывает татищевская глава с весьма прозрачным названием «Крамола»⁵. Это злобный пасквиль на историю революционного движения в России 1861—1880 годов.

В соответствии со своим утверждением о «чувствах благоговейной умиленной благодарности» крестьян за «дарованную волю»⁶, Татищев стремился доказать, что до польского восстания 1863 г. в стране царил глубокий внутренний мир, а после его подавления «совершенно прекратились острые проявления революционного брожения»⁷.

В ходе последующего изложения автор игнорировал острые противоречия между крестьянами и помещиками и углубляющийся антагонизм между новыми класса-

ми — пролетариатом и буржуазией. Он писал о «преступных действиях шайки злоумышленников, не отступавших ни перед какими преступлениями»¹. Вследствие того, что «было совершенно упущено из виду воспитательное воздействие на развитие образа мыслей и чувств, на утверждение в преданиях родной истории, в началах веры и нравственности подрастающих поколений», началось невольное заражение русской учащейся молодежи «язвою социализма»².

Пытаясь свести глубокие, органические причины революционного движения народных масс к недостаткам воспитания и обучения молодежи, реакционный историк, с одной стороны, все время ратовал за «принятие мер более целесообразных и действительных», а с другой — считал необходимым усилить воспитательное воздействие на молодежь «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка»³.

К безнадежной защите православной веры, частной собственности и самодержавной власти сводился политический смысл исторических писаний дворянских историков конца XIX века. Заключительные слова татищевского реквиема Александру II, под которыми мог подписаться любой из них, приобретали все более антиисторическое звучание по мере того, как приближалась первая русская революция. «Великими внутренними преобразованиями, вдохнувшими в Россию новую жизнь, — писал в «Послесловии» Татищев, — Александр Николаевич оправдал историческое мирозерцание русского народа, истинную веру его в самодержавие»⁴.

Глубокие революционные сдвиги, которые произошли в мировоззрении трудящихся в период от убийства народовольцами Александра II до первой народной революции, вопреки антиисторическим выводам охранительной историографии убедительно свидетельствовали о том, каковы были истинные «плоды царственных трудов и подвигов»⁵. Не «исконная вера» в царя, а жгучая классов-

¹ С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 385.

² Там же, стр. 222, 223, 611.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Там же, стр. 388.

⁵ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, стр. 535—573.

⁶ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. I, стр. 387.

⁷ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, стр. 538.

¹ С. С. Татищев. Император Александр II..., т. II, стр. 559.

² Там же, стр. 541, 539.

³ Там же, стр. 540.

⁴ Там же, стр. 612.

⁵ Там же.

вая ненависть к нему определяла дальнейшее развитие русской истории.

Никакими многотомными трудами апологетов монархии невозможно было исторически оправдать и обелить темные антинародные дела русского самодержавия, обреченного на гибель. Когда в 1905 г. вышла последняя, пятая часть «Истории России» Иловайского, события первой русской революции перечеркнули основную охранительную идею автора о «несокрушимом самодержавном строе и железной общественной дисциплине»¹ в России.

Тем самым русская история подвела итоговую черту усердной верноподданнической деятельности дворянских историков, которые в течение двух столетий передавали, как эстафету, от Щербатова и Карамзина к Иловайскому и С. Татищеву реакционную легенду о спасительной роли самодержавной власти. Революция показала слабость и историческую обреченность монархии, а вместе с этой обреченностью обнаружилась полная непригодность и дутый характер охранительной историографии как одной из идеологических опор царизма.

Таким образом, в пореформенных условиях, когда в основу политических группировок легли капиталистические отношения, «старый правящий класс, помещики-последыши, — как писал В. И. Ленин, — оставаясь правящим классом»², сохранили в своих руках средства духовного воздействия на массы и стремились с помощью охранительной официальной историографии отсрочить гибель самодержавного строя.

Сквозь все основные отличительные особенности дворянской историографии этого периода (приумножение погодинско-устряловских традиций, сближение с буржуазной исторической наукой и использование ее достижений с целью создания промонархических контрреволюционных пасквилей на русскую историю) просвечивала слепая верность ветхому карамзинскому завету о незыблемости «мудрого самодержавия и святой веры». Защита ставших теперь историческим анахронизмом начал монархии и православия объединяла всех дворянских историков, отличившихся индивидуальными особен-

ностями, своеобразием проблематики, уровнем и значением своих исследований.

Утратив еще в первой половине столетия ведущую роль, дворянские историки во второй его половине, в условиях наметившегося кризиса буржуазной историографии, представляли в целом загнивающее архиреакционное направление и находились на крайнем правом фланге исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872. Введение, стр. 1—246.

Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II, 1773—1774 гг., т. I, СПб., 1884.

С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903. Предисловие, стр. XVII—XVIII; т. II, СПб., 1903. Послесловие, стр. 661—662.

Историография истории СССР, стр. 274—286.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 81—103.

¹ Д. И. Иловайский. История России, т. V, стр. 81.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 279.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ШКОЛА В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Социально-политическая обусловленность господства государственной школы в буржуазной историографии пореформенного периода. Ее ведущие представители К. Д. Кавелин и Б. Д. Чичерин. Их последователи и ученики — В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, Ф. И. Леонтович. Значение государственной школы в русской историографии

В первые десятилетия после отмены крепостного права господствующим направлением в русской буржуазной историографии была так называемая государственная школа. Окончательно сложившись в конце 50-х годов XIX в., она отражала соглашательскую природу буржуазного либерализма и была направлена против революционно-демократического, а затем марксистского понимания истории.

Идеологически обслуживая развивающуюся русскую буржуазию, государственная школа, естественно, отражала особенности этого нового класса пореформенной России.

Усиление экономического могущества буржуазии в результате реформы сочеталось с ростом ее политической дряблости и реакционной роли, обусловленных своеобразным положением в самодержавной стране в период утверждения капитализма. Справа буржуазии противостояли крепостники и самодержавная власть, слева — пролетариат и солидарные с ним слои населения.

При такой расстановке классовых сил резкое обострение социально-экономических противоречий во второй

половине столетия привело к идейно-политической эволюции буржуазии в направлении вынужденного сближения с реакционно-монархическим лагерем. «Буржуазия боится народной активности больше, чем реакции»¹, — писал В. И. Ленин, вскрывая главную причину эволюции русского либерализма. Боясь массового революционного движения и, особенно, обострения классовой борьбы пролетариата, угрожавшей капиталистическому строю, либералы все более правели, заигрывали с лагерем реакции, а затем заключили с ним позорную сделку.

В основе этого соглашения был страх перед народной революцией и настойчивые поиски сильной государственной власти, способной предотвратить ее. В открывшемся тяготении к такой власти все более совпадали классовые вождения «секретаря дворянского общественного мнения» Каткова и буржуазного либерала Чичерина.

Их идейный противник — представитель противоположного, революционно-демократического лагеря А. И. Герцен уже в середине 60-х годов видел совпадение политических идеалов крепостников и либералов.

В 1886 г. в статье «Катков и государь», напечатанной в «Колоколе», Герцен, заклеив типичные промонархические рассуждения этого идеолога реакции, как «подлейшую выходку византийского раболепия», показал сходство между ними и аналогичными высказываниями Чичерина. «Государство и династия не есть у нас дело партии, — утверждал редактор «Московских ведомостей», — государь у нас прирожденный вождь всего своего народа. А потому не только официальные деятели..., но и каждый честный гражданин должен...видеть в себе слугу государя и радеть его государеву делу, которое для всякого должно быть своим кровным делом»². Назвав подобные советы «поэзией рабства», Герцен сравнивал ее с чичеринской «доктриной слепого повиновения»³. Чичерина, который, по его словам, «...в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним»⁴, он метко назвал автором «философии рабства».

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 78.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. XIX, стр. 120.

³ Там же.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 249.

К подобной философии, созвучной катковской «поэзии», сводилась политическая сущность государственной школы, в которой, как в зеркале, отразилась основная особенность буржуазной идеологии пореформенного периода — ее постепенное сближение с помещичье-охранительной идеологией.

Следовательно, если возникновение и развитие государственной школы в первой половине XIX в. было закономерным явлением, связанным с соглашательской природой русской буржуазии, то ее господство в буржуазной исторической науке 60—70-х годов определялось растущей политической зависимостью буржуазного класса от самодержавной власти и его объединением с реакционным дворянством на почве совместного противодействия революционному движению.

В подобной социально-политической обусловленности господства государственной школы — корни ее идеалистической ограниченности, реакционной направленности и неспособности понять действительные законы истории.

Как уже отмечалось в лекции, посвященной буржуазной историографии дореформенного периода, первым представителем государственной школы в русской историографии был Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885 гг.). Он создал довольно цельную либерально-буржуазную концепцию русской истории, в которой идея внутреннего органического развития воплощалась в развитии государственного начала.

Кавелинская схема закономерности государственного развития России получила дальнейшую разработку в трудах Чичерина. Сам же основоположник государственной школы, по мере эволюции его политических убеждений в пореформенный период, развивал идею самобытности русской истории, которая вступила в противоречие с его общей схемой.

Началом резкого изменения политических позиций Кавелина была брошюра «Дворянство и освобождение крестьян», опубликованная в Берлине в 1862 году. Герцен характеризовал ее как «тощий», вредный памфлет, «писанный для негласного руководства либеральничающему правительству». Позднее В. И. Ленин, называя Кавелина одним из «отвратительнейших типов либе-

рального хамства», приводил эту уничтожающую оценку в статье «Памяти Герцена»¹.

Совершив поворот к признанию и одобрению действий полицейско-самодержавного правительства, Кавелин стремился связать государственные начала русской истории с народной самобытностью, с этнографическими особенностями великорусского характера. По его мнению, народ, который создал государство и вынес многочисленные исторические невзгоды, «представляет необычайную социальную формацию» и свой политический и общественный идеал видит в созданной им царской власти. «В царской власти, — писал Кавелин в «Мыслях и заметках о русской истории», — русскому народу представилась, в идеальном, преображенном виде, та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал. Царь, по представлениям великорусского народа, есть воплощение государства»².

Олицетворяя идеальное, благотворное и вместе с тем грозное государство, русский царь «превыше всех поставлен вне всяких сомнений и споров, и потому неприкосновенен; потому же он и беспристрастен ко всем: все перед ним равно, — утверждал Кавелин, — хотя и неравно между собой»³. В данном случае полинявший либерализм Кавелина трудно отличить от «византийского раболепия» Каткова.

В 80-е годы Кавелин окончательно закрепил свой идейный союз с реакционными силами, заявив, что «кроме сильной монархической власти, никакой иной власти в России быть не может». Он не только видел внутренний смысл русской истории в том, что «установление ее государственного единства, а следовательно, и политического бытия, совпадает с судьбами царской власти»⁴. В интересах защиты самодержавной власти, положение которой становилось все более шатким, он ставит актуальный для правящих классов вопрос: «Каким чудом она одна остается неподвижной и несокрушимой в русской жизни, в течение столетий, несмотря на внутренние

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 259.

² К. Д. Кавелин. Соч., т. I, СПб., 1897, стб. 637.

³ Там же.

⁴ Там же, стб. 638.

потрясения и внешние замешательства, и когда все во-
круг нее, по ее же инициативе, движется и изменяется?»¹.

Нужный ему ответ Кавелин ищет в подчеркнутом противопоставлении России Западной Европе, в мнимой способности русского народа «поддерживать и сохранять, как зеницу ока, царскую власть», в которой якобы нашел воплощение народный идеал государства. Пытаясь, вопреки очевидным фактам русской действительности, доказать, что «народ и царская власть сжились у нас, как Англия со своим парламентом»², идеолог русского либерализма, в угоду интересам правящих классов, клеветал на русский народ. «Народный характер» царской власти и ее «несокрушимость» он связывал с «нравственной и духовной неразвитостью» народных масс, с их безликостью, серостью и пассивностью. Называя народ «этнографической протоплазмой, калужским тестом», Кавелин делал из этого типичный для государственной школы вывод о слабости народа и силе государства. На основании такого ложного вывода он стремился внушить читателю мысль о невозможности революции в России, где «преобразование пойдет неизбежно сверху вниз, а не снизу вверх»³.

Выдавая монархические иллюзии крестьян за чувства всего народа, идеализируя взаимоотношения между крестьянами и помещиками, а главное, изображая царскую монархию в качестве внеисторического самобытного начала, которое должно существовать вечно, Кавелин не мог связать все эти положения со своей теорией органического развития русской истории. «Обоснование государственного начала, — писал Н. Л. Рубинштейн, — получилось чисто отрицательное, государство выступало как самодавящая сила, как действующее начало исторического развития, само создающее свою историю»⁴. Очевидно, не случайно сам Кавелин расписался в своей научной несостоятельности, заявив, что «дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих»⁵.

Научное значение трудов Кавелина невелико. Изуче-

¹ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стб. 638.

² Там же.

³ Там же, стб. 654.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 300.

⁵ К. Д. Кавелин. Соч., т. I, стб. 584.

ние их представляет главным образом историографический интерес, в том смысле, что показывает истоки государственной школы и облегчает рассмотрение исторических взглядов Чичерина и Соловьева.

Наиболее типичным представителем государственной школы был Борис Николаевич Чичерин (1828—1904 гг.) — идеолог русского буржуазно-помещичьего либерализма. Крупный тамбовский помещик, земский деятель, Чичерин написал немало работ, в которых выступал как государствовед, правовед, историк политических учений, один из наиболее видных пропагандистов идеалистической философии в России. В 1861—1868 гг. он был профессором истории русского права на юридическом факультете Московского университета, в 1882—1883 гг. — московским городским головой. Эволюция его политических убеждений в пореформенный период типична для представителя буржуазной идеологии.

В 40-х годах, говоря о борьбе охранительного и прогрессивного начал в русском обществе, Чичерин отдавал предпочтение первому, связывая его с дворянским классом. «Дворянство, — писал он, — может оказаться весьма полезным, именно как наиболее охранительная часть общества, всех более способная служить связью расшатавшегося здания»¹.

Идеал исторического прогресса Чичерин видел в осуществлении принципа «охранять, улучшая». «Я, — подчеркивал он, — приверженец охранительных начал в том смысле, что я глубоко и живо чувствую потребность власти и порядка... Поэтому я всегда буду готов идти рука об руку с властью... Не покидая... почвы права, мы должны стараться соблюсти счастливую середину между старыми привычками безусловной покорности и новыми стремлениями к безотчетной оппозиции»².

От стремления занять промежуточную позицию между крайними точками реакции и радикализма, характерного для него в дореформенный период, Чичерин после реформы 1861 г. постепенно перешел к откровенной защите самодержавно-помещичьего строя в интересах капитализировавшегося дворянства. В этом отношении пока-

¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума, М., 1934, стр. 128.

² Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, стр. XIV—XV.

зательна его вступительная лекция к курсу государственного права, прочитанная в Московском университете 28 октября 1861 г. «Я стою за форму неограниченного монархического правления»¹, — заявил лектор. После этой лекции министр просвещения граф Путятин приехал благодарить начинающего профессора от имени Александра II, который дал указание цензуре не пропускать никаких критических замечаний против чичеринских лекций.

Герцен, выступив в «Колоколе» против верноподданнических реверансов Чичерина, писал: «Реакция завоевывала позиции так быстро и с такой дерзостью, что один молодой профессор-юрист (Чичерин—В. А.) открыл чтение своего курса изложением философии пассивного повиновения. Он пугал своих слушателей, что еще нет никакой заслуги в том, чтоб исполнять и почитать справедливые законы, но что великий долг человека — это безусловное повиновение всякому закону, даже несправедливому и нелепому, потому только, что это закон»².

От проповеди подобной «философии рабства» и выражения безграничной благодарности государю, «открывшему свободное поприще» русской общественной мысли³, Чичерин в 80-х годах перешел к откровенной защите реакции и предложил целую систему охранительных мер по предотвращению народной революции. «Не мутите умы мнимо либеральными мерами, которые теперь совершенно несвоевременны, — поучал он К. П. Победоносцева, одного из вдохновителей реакции 80-х годов, — и не бойтесь проявлений власти, которые одни могут успокоить взволнованное общество»⁴. Чичерин предлагал правительству резко усилить полицейские и цензурные репрессии, решительно пресекать студенческие выступления, категорически возражал против возвращения Чернышевского из ссылки.

Главной задачей он считал борьбу с марксистской теорией и был одним из первых и самых злобных критиков Карла Маркса в России.

Особое беспокойство и ненависть вызывало у Чиче-

рина растущее рабочее движение. Он был яростным противником стачек, каких-либо улучшений в условиях труда, чернил Парижскую коммуну и упорно отрицал ее значение. Достаточно умный и дальновидный защитник интересов отживающих классов, он видел «впереди... не-вежественные массы, которые дружными фалангами сплочаются под знаменем демагогов и грозным натиском идут на завоевание государственной власти с тем, чтобы сделать ее орудием для ограбления зажиточных и образованных классов...»¹.

Готовый любой ценой отсрочить подобную развязку, Чичерин не мог противопоставить марксистской теории классовой борьбы, революции и диктатуры пролетариата что-либо более серьезное, чем теорию классового мира, призывы к покорности, терпению и «управляющий миром божественный разум»².

Философской основой реакционной государственной теории Чичерина была система объективного идеализма, заимствованная у Гегеля, с примесью кантианского дуализма, заменившего диалектику. Признавая наличие двух начал — духовного и материального, Чичерин отказывался от подчинения одного другому. Считая такое подчинение ошибкой «крайних» учений «идеализма» и материализма, он претендовал на преодоление подобных крайностей и, вслед за Гегелем, вводил третье начало — абсолютный дух — как первооснову всех материальных и духовных явлений.

Чичерин признавал «несостоятельность» гегелевского понимания религии как низшей ступени философского сознания. По его представлению, «философия... входит как составной элемент в религию», отсюда «философские начала, заключающиеся в религиозном мирозерцании, служат победоносным орудием» против материалистического учения. «Вооруженный этими началами верующий, — писал ярый враг материализма, — может разоблачить все внутренние противоречия материализма»³.

В интересах борьбы с передовой идеологией Чичерин выхолащивал диалектический метод Гегеля, стремясь уберечь от диалектического отрицания «самое главное» —

¹ «Московские ведомости», № 238, 31 октября 1861 г.

² А. И. Герцен. Соч., т. XVIII, стр. 205.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866. Предисловие, стр. XI.

⁴ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина..., стр. 131.

¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина..., стр. 300.

² Б. Чичерин. Наука и религия, М., 1879, стр. 110.

³ Там же, стр. 231.

самодержавную власть и православную веру. В связи с этим он утверждал, что «диалектика Гегеля требует восполнения и поправки»¹, ибо нельзя все прошедшее считать переходящими моментами действительности. Главное, что интересовало Чичерина, — это не борьба, а примирение противоположностей. «Идея гармонического соглашения элементов всегда лежит посредине между крайностями»², — заявлял он, отбрасывая самое существенное — революционное отрицание старого новым.

Таким образом, в угоду своим политическим идеалам Чичерин признавал противоположности вне движения, вне борьбы, отвергая наиболее ценный элемент гегелевской теории — борьбу противоположностей как источник развития.

На подобных реакционных политических убеждениях и выхолащенной в соответствии с ними гегелевской философской системе построил Чичерин свою государственную теорию.

Развивая историко-юридическую схему Кавелина, он поставил во главу угла исторического процесса государственную власть как надклассовую силу, осуществляющую всеобщее благо. По мнению Чичерина, государство — это «органический союз народа» и примиряющее начало в классовой борьбе. «Государство, — писал он, — есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом»³.

В своем стремлении представить государство в качестве основной движущей силы, творца истории, а его главную цель «в удовлетворении народных потребностей»⁴, Чичерин выполнял определенный социальный заказ. Он стремился затушевать эксплуататорскую сущность буржуазно-дворянского государства, оправдать его реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Той же самой политической задаче служило введение в чичеринскую схему бога как вершителя исторических

судеб народов. «В истории земное сочетается с небесным..., поэтому на каждой ступени исторического движения мы встречаем божество. Бог есть начало, середина и конец истории...»¹, так заканчивает он большое сочинение о науке и религии.

Эта важная сторона общеисторических воззрений Чичерина, отличавшая его от Кавелина и Соловьева, осталась незамеченной в работах советских историков, посвященных государственной школе². Между тем настойчивые поиски «откровения бога в истории, которая движется духом божьим к конечному совершенству», отличали Чичерина и были одним из показателей сближения с окрашенной мистицизмом, загнивающей дворянской наукой. «Духом божьим» хотел он заменить утраченное представление об органическом начале в развитии истории, то, что было наиболее ценным у Соловьева и Кавелина. «История, как положительная наука, — писал Чичерин, — приводит нас к богу... вникая в смысл и связь явлений, мы открываем в них действие высших начал»³.

Обращаясь к изучению русской истории, Чичерин искал в ней подтверждения своим реакционно-охранительным идеям. Его теория государственного развития русской истории была изложена в диссертации «Областные учреждения России в XVII в.» (1856), в статьях «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», «Холопы и крестьяне в России до XVI в.», «Обзор истории развития сельской общины в России», в монографии «О народном представительстве» (1866).

В отличие от Кавелина, который стремился найти внутреннюю связь между отдельными периодами русской истории, и соловьевского принципа историзма, Чичерин противопоставлял государство обществу и его развитию и тем самым, разорвав связь и преемственность исторических эпох, превратил самодержавие в творца русской истории. В России, утверждал Чичерин, «государство организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан»⁴. Счи-

¹ Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 519.

² См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, гл. 18. Государственная школа. Кавелин, Чичерин; Историография истории СССР, гл. 21. Государственная школа в русской историографии.

³ Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 519.

⁴ Б. Н. Чичерин. Опыт по истории русского права, стр. 381—382.

¹ Б. Чичерин. Наука и религия, стр. 72.

² Б. Чичерин. Вопросы философии, М., 1904, стр. 163.

³ Б. Н. Чичерин. Опыт по истории русского права, М., 1856, стр. 309.

⁴ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 387.

тая монархию исходным началом исторического развития русского народа, Чичерин пытался вывести из самодержавного государства всю русскую историю, объяснить ее основные явления и особенности.

В результате такого антиисторического превращения государства из продукта истории народа и классовой борьбы в надклассовую, самодовлеющую силу, все объявлялось созданием государственной власти, которая своими «правительственными мерами и распоряжениями» устанавливала с немалым трудом, а иногда насилием те или иные порядки. Русская община, институт холопства, крепостное право, организация сословий, обособление города от села, земские соборы — все стало продуктом деятельности самодержавной власти. Всеобъемлющей созидательной деятельности государства Чичерин противопоставлял анархические, беспомощные инертные массы русского народа. До создания государства, указывал Чичерин, в русской истории не было народа, было лишь «одиночное блуждающее лицо». Природные условия способствовали разобщенности и брожению. «Затерянное в необозримом, едва заселенном пространстве, оно, — писал Чичерин, — более подлежало влиянию природных стихий, нежели общественных начал». Степь, по его утверждению, «способствовала кочеванию народонаселения, препятствовала образованию прочных союзов между людьми... все предавалось разгулу, все расплывалось в этом необъятном просторе»¹.

«Поворотной точкой русской истории» стало образование государства, но поскольку внутренних оснований для этого Чичерин не видел, он связывал образование государства с призванием варяжских князей, а его дальнейшее развитие — с татаро-монгольским завоеванием. Считая княжескую власть «единственным двигателем народной жизни», Чичерин видел в этом своеобразие русской истории. Его государственная концепция русской истории была выражена в следующих словах: «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части»².

¹ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 379—380.

² Там же, стр. 285.

Русскому народу, объявленному по своей природе «негосударственным» народом, места в чичеринской схеме не было. «Недостаток самодеятельности в народе, — писал Чичерин, — должен... восполниться избытком деятельности правительства»¹. Никакого активного участия ни в решении собственной судьбы, ни в создании и укреплении государства народ не принимал. Больше того, в то время как государственная власть, по Чичерину, неустанно трудилась над возведением самобытного здания русского государства, народ мешал этому, уклонялся от «государева тягла», «брел разное», бежал в казаки и без конца кочевал.

Связанная с этим, по убеждению Чичерина, неустойчивость хозяйственных отношений заставила вначале княжескую, а затем царскую власть во имя создания прочной основы закрепить служилое и крестьянское сословия. «Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских; тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец, вотчинные крестьяне... службой своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству»².

Выводя закрепощение крестьян из деятельности государственной власти, Чичерин повторил карамзинскую теорию указного происхождения крепостного права. Он писал о возможном существовании утерянного указа 1592 г., а завершающий этап закрепощения датировал указом Василия Шуйского 1610 года.

Чичерин стремился эту старую «указную» теорию подвести под такое современное ему событие, как реформа 1861 года. В период рассеяния народа, отмечал он, государство путем закрепощения собрало его, оно же, и только оно могло начать и начало процесс раскрепощения.

Государство, по утверждению Чичерина, создало в фискальных целях сельскую общину, которая в XVII — XVIII вв. сменила вотчинную. При этом сам процесс развития общинной организации разрывался у него, благодаря действию государственного начала, на три различные части: родовая община, вотчинная, государ-

¹ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 361.

² Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 175.

ственная, или фискальная. Община превращалась у Чичерина в формальную юридическую категорию, подменявшую реально существующие отношения.

Чичеринская схема русской истории, по которой «кровный» союз в XII в. сменился «гражданским», а последний при Петре I — «государственным», в целом совпала с концепцией русской истории Соловьева и Кавелина, но в ней значительно заметнее сказалась тенденция упразднения единой закономерности исторического процесса, определившаяся в пореформенный период. Один период у него не вытекает из другого, а является продолжением определенного политического начала, причем противопоставлением его народной жизни Чичерин лишил себя возможности найти какое-либо внутреннее обоснование развития государственного начала и тем самым упразднил принцип органического развития.

В основе перехода от одного периода к другому, полагал Чичерин, лежало действие внешних сил. Варяжское завоевание определило переход от родового строя к вотчинному, татарское владычество, «подчиняя народ внешнему игу, приучило его к покорности»¹ и способствовало замене вотчинного порядка государственным, а влияние западноевропейской культуры вызвало к жизни петровские преобразования, с которыми Чичерин связывал начало третьего периода русской истории.

Второй особенностью чичеринской схемы русского исторического процесса было резкое противопоставление истории России и Западной Европы, означавшее все тот же отказ от принципа единства закономерности. Считая, что «нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы»², Чичерин противопоставлял инертность и терпение русского народа политической активности и стремлению к свободе западно-европейского пролетариата. «Те великие достоинства русского народа, — писал он, — которые сделали Россию одною из первенствующих европейских держав, несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тягестей, готовность всем жертвовать для царя и отечества — прямо противоположны духу личной свободы»³. Поэтому в России все было иначе, чем на Западе. Если там политиче-

ское устройство создавалось деятельностью общества, говорил он, то у нас оно «получило бытие от государства».

Сформулированное в наиболее законченном виде положение о решающей роли надклассового русского государства и политической инертности русского народа содержало основной политический заряд государственной школы и, очевидно, поэтому, несмотря на то, что оно все менее соответствовало исторической действительности, было наиболее живучей и долговечной частью государственной теории. В этом секрет того значительного влияния, которое оказал Чичерин на последующее поколение буржуазных историков, воспринявших основные стороны его государственной теории.

Значение Чичерина в русской историографии определяется тем, что он на основе тщательного анализа обширного документального материала, главным образом юридических памятников, исследовал историю государственных учреждений России.

В историю науки он вошел как виднейший теоретик государственной школы, сформулировавший ее основные принципы. Непосредственными продолжателями Чичерина были его младшие современники и ученики — В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, Ф. И. Леонтович. Деятельность их изучена еще очень слабо, а «между тем их взгляды, — как правильно отмечает В. Е. Иллерицкий, — дают возможность проследить эволюцию государственной школы в пореформенный период и определить черты, характеризующие эту школу на новом этапе ее развития»¹.

Общие либерально-буржуазные политические позиции роднили различных представителей государственной школы. Все они признавали руководящую роль самодержавной власти, способной, по их мнению, при некоторых уступках растущей буржуазии устранить опасность революционно-демократического переворота. Поэтому в центре их исторических интересов стоял «вопрос о причинах постоянного роста и усиления у нас царской власти»².

Решение вопроса о незыблемости русской монархии

¹ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 360.

² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина, стр. 19.

³ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 412—413.

¹ Историография истории СССР, стр. 297.

² В. Сергеевич. Древности русского права, т. II, Вечер и князь. Советники князя. СПб, 1908, стр. 655.

было осложнено социально-экономическими изменениями, происходившими в стране в канун империализма. Они накладывали соответствующий отпечаток на труды младших представителей государственной школы.

По мере того как царизм все более определенно выражал классовые интересы буржуазии, а в стране нарастало революционное недовольство буржуазно-помещичьим гнетом, представители государственного направления уходили все дальше от попыток исторического синтеза в область изучения отдельных явлений и фактов русской истории. Этому в немалой степени, как уже отмечалось, способствовало распространение в России модных позитивистских теорий Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Для работ В. И. Сергеевича и А. Д. Градовского характерен повышенный интерес к таким историческим проблемам, которые позволяли трактовать с угодных буржуазно-помещичьим кругам позиций взаимоотношения между народом и государством в прошлом и настоящем. В то же время сложный комплекс явлений общественной жизни рассматривался в узко правовом выражении. «В результате,—отмечает Н. Л. Рубинштейн,—получилась, с одной стороны, законченная и неизменная на значительном протяжении времени юридическая формула, с другой—хаос меняющихся и неупорядоченных случайных исторических явлений»¹.

Таково противоречивое, одностороннее освещение русской истории у Сергеевича, превратившего историю права в источник решения всех вопросов истории.

Василий Иванович Сергеевич (1835—1911 гг.), развив наиболее существенные стороны чичеринской теории, возглавил так называемое юридическое направление в русской исторической науке. Заслуженный профессор Петербургского университета, почетный член Харьковского, Киевского и Юрьевского, он оставил видный след в науке тщательным и тонким анализом конкретного историко-юридического материала. Однако правовая норма у него превращалась в основной источник политической организации общества.

В своей первой крупной работе «Вече и князь» (1867) Сергеевич в противовес родовой теории Соловьева (по

которой взаимоотношения между древнерусскими князьями определялись принципом старшинства в роде) развивал теорию договорных отношений, выдвинутую Чичериным в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей». Все стороны государственной и общественной жизни в Древней Руси он связывал с договорными отношениями, а само возникновение Древнерусского государства считал следствием договора между князем и вече.

Сергеевич отрицал наличие классовых противоречий в Древней Руси. «Древняя Русь не знала сословий,—писал он.—До образования единого Московского государства все население русских княжений, с точки зрения права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались один от другого достоинством, а не правами и обязанностями»¹.

Искажая таким образом древнерусскую историю и подменяя развитие социально-экономических отношений договорными началами, Сергеевич в духе государственной школы решал вопросы, связанные с образованием единого централизованного государства. Если в Древней Руси ведущим началом объявлялась княжеская власть, то становление Русского централизованного государства связывалось с утверждением единодержавия. Древнерусское государство возникло в результате договора между князем и общенародным органом — вече, а «прекращение династии Рюриковичей и всенародное избрание новой положило конец уделам и навсегда закрепило мысль о едином государстве и едином царе»².

Считая, как и все государственники, основным вопросом русской истории «вопрос о причинах постоянного роста и усиления у нас царской власти»³, Сергеевич выдвигал ряд причин этого «своеобразного» явления. На первое место он ставил «две самые древние» — «учение духовенства о божественном происхождении власти» и его «проповедь о повиновении и покорении властям». Третьей причиной был, по его мнению, «пере-

¹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. I, Территория и население, изд. 3, СПб., 1909, стр. 198.

² В. Сергеевич. Древности русского права, т. II, стр. 656.

³ Там же, стр. 655.

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 364.

нос метрополии в Москву, сделавший этот город религиозным центром России»¹.

Кроме этих трех чисто религиозных, Сергеевич в качестве четвертой причины дословно повторял карамзинскую формулу: «Москва обязана своим величием ханам»; пятой считал «гений и дальновзоркость» Дмитрия Донского и Ивана III, благодаря которым «возникает идея неделимости великого княжества, княжеская казна наполняется деньгами, границы Московского государства расширяются, получается возможность установить обязательную службу помещиков и вотчинников»². Шестая причина — византийское влияние, связанное с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог и придавшее власти величие в глазах народа.

Среди всех перечисленных религиозных и чисто внешних влияний Сергеевич как основную причину прочности царской власти выделял акт «всенародного» избрания, поднимавший власть Романовых «на высоту, недостижимую для царей династии Рюриковичей»³. Но и у него, как и у Чичерина, «народ не считал избрание царя актом своей воли», а видел в этом «изволение бога, наставившего людей на эту мысль». Народу как активному началу нет места в узких рамках юридической схемы Сергеевича.

Александр Дмитриевич Градовский (1841—1889 гг.) в соответствии с основными принципами государственной школы начал изучение истории местного управления в России, что имело актуальное значение в связи с проведением земской реформы. В своей докторской диссертации «История местного управления в России», опубликованной в 1868 г., он в чисто формальном юридическом плане характеризовал административное и уездное управление в Московском государстве XVI—XVII веков.

Полностью разделяя чичеринское утверждение о том, что «в России самодержавная власть была сильнее, нежели в других государствах, а представительные элементы, напротив, были слишком слабы»⁴, Градовский стремился исторически обосновать популярную в либерально-буржуазных кругах идею «земского царя». Если на

Западе, по его мнению, общины признали себя королевскими подданными только после длительной и кровавой борьбы, то «в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живою практическою действительностью»¹.

Градовский продолжил начатое Чичериным изучение истории государственных учреждений в России. В своем исследовании «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры» (1866) он выдвигал идею необходимости преобразования высших государственных учреждений в новых условиях пореформенного периода.

Характеризуя деятельность Сената, Верховного тайного совета и других высших учреждений XVIII века, Градовский останавливался на административных преобразованиях Екатерины II и Александра I, попутно высказывал ряд общих мыслей о значении петровских преобразований, закрепощения крестьян, об отличии русской истории от западноевропейской.

Градовский идеализировал деятельность Петра I, видел в нем образ преобразователя, который заботился «о благе своего народа». Вслед за Чичериным, он придерживался теории закрепощения и раскрепощения сословий, считая, что закрепление дворянства на службе государству совершилось при условии закрепощения крестьян тем же государством, но в пользу служилого сословия. В могуществе русского самодержавия и его «творческой роли» Градовский, подобно Чичерину, видел главное отличие истории России от истории Западной Европы.

С чисто правовой, юридической стороны подошел к изучению общественного строя Литовско-Русского государства и процесса закрепощения крестьян Юго-Западной Руси Ф. И. Леонтович (1833—1911 гг.). Признавая решающую роль государства в закрепощении, он, в отличие от Чичерина и Градовского, говорил о постепенности этого процесса. «Крестьяне мало-помалу, — писал Леонтович, — окутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства». По поводу этих слов В. Е. Иллерицкий справедливо отмечает, что в целом Леонтович «рассматри-

¹ В. Сергеевич. Древности русского права, т. II, стр. 655.

² Там же.

³ Там же, стр. 656.

⁴ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 380.

¹ А. Д. Градовский. История местного управления в России, т. I, СПб., 1888, стр. 132.

вал отношения между крестьянами и помещиками как преимущественно правовые, выраженные и закрепленные в законодательстве»¹.

Юридическая трактовка закрепостительного процесса и отведение государственной решающей роли в нем свидетельствуют о принадлежности Леонтовича к государственной школе.

Подводя итоги всему сказанному о развитии государственного направления в буржуазной науке пореформенного периода, необходимо выделить те основные черты, которые объединяли ее многочисленных представителей.

Важнейшей из них была идея внутреннего органического развития русской истории, воплощенная в становлении и укреплении государства как надклассовой силы, обеспечивающей всеобщее благо.

С этим характерным положением о государстве как решающей силе исторического процесса были связаны все другие особенности государственной школы. Отсюда вытекало ложное утверждение государственников о силе царской власти и слабости народных масс, противопоставление русской истории западноевропейской, отрицание возможности революционного преобразования страны и обоснование закономерности правительственных реформ, теория закрепощения и раскрепощения сословий и т. д.

Противопоставляя творческим началам революционно-демократической концепции, а затем марксистско-ленинскому, подлинно научному пониманию истории свою обветшалую догму о государстве как основной движущей силе общественного развития, представители государственной школы, по мере обострения социально-экономических противоречий в России, обнаруживали все более отчетливо свою политическую и научную несостоятельность.

Утвердившись в буржуазной науке в годы первой революционной ситуации, государственная школа после второй революционной ситуации 1879—1880 гг. фактически исчерпала свои возможности и несла в себе все более заметные черты приближающегося кризиса буржуазной историографии.

¹ Историография истории СССР, стр. 301.

Правда, влияние этого ведущего направления буржуазной исторической науки сохранялось и в эпоху империализма, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. При этом, говоря в целом об идеалистической ограниченности и реакционной направленности государственной школы, нельзя отрицать того определенного вклада, который внесли в изучение отдельных сторон отечественной истории ее представители.

В заключение нужно подчеркнуть, что при изучении такого сложного направления в исторической науке, каким была государственная школа, просуществовавшая более полувека и объединявшая внешне очень непохожих между собой историков, надо помнить известное ленинское требование о необходимости «брать за основу не лица и не группы, а именно анализ классового содержания общественных течений и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов»¹.

Только при соблюдении этого требования можно правильно решить все основные вопросы данной темы, а также важный вопрос следующей лекции — о принадлежности С. М. Соловьева к государственной школе и его научной деятельности в пореформенную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полное собр. соч., т. 5, стр. 26—33, 55—56.

В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полное собр. соч., т. 21, стр. 256, 257, 259—260.

В. И. Ленин. Спорные вопросы. Полное собр. соч., т. 23, стр. 78—88.

К. Д. Кавелин. Краткий взгляд на русскую историю. Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 569—584.

Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, М., 1866. Предисловие, стр. V—XI; кн. III, стр. 355—382; кн. IV, стр. 412—417.

Б. Н. Чичерин. Наука и религия, М., 1879, стр. 512—519.

В. Е. Иллерицкий. О государственной школе в русской историографии, «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 141—159.

Историография истории СССР, стр. 287—305.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 151.

С. М. СОЛОВЬЕВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Влияние отмены крепостного права на развитие общественно-политических и исторических взглядов С. М. Соловьева. Отношение к государственной школе. Основные проблемы русской истории. Вопросы народной борьбы и истории народов. Источниковедческая база трудов Соловьева. С. М. Соловьев и русская историческая наука.

При рассмотрении буржуазной историографии в пореформенной России мы уже касались некоторых сторон научной деятельности ее основоположника — С. М. Соловьева¹.

В программе курса, в учебной и академической литературе Соловьев и его творчество отнесены к первой половине XIX столетия². Против этого нельзя не возразить. Характеристика исторической концепции Соловьева, как правило, почти не учитывает тех изменений общественно-политических и исторических взглядов крупнейшего буржуазного историка, которые произошли после 1861 года.

В этом отношении выгодно отличается вступительная статья Л. В. Черепнина к советскому изданию «Истории России с древнейших времен»³. В ней деятельность С. М. Соловьева впервые рассматривается в тесной связи с эволюцией его политических убеждений в порефор-

¹ См. лекцию 14, стр. 227—245.

² См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография; Историография истории СССР; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I.

³ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк. В кн. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. Соцэкгиз, 1959, стр. 5—51.

менный период. Автор выделяет исторические труды Соловьева 60—70-х годов XIX в. и рассматривает их сквозь призму изменений политической идеологии буржуазного либерализма после отмены крепостного права. Подчеркивая усиление антидемократических тенденций в работах Соловьева, он пишет, что «подобная позиция в исторической науке, теоретически сформулированная Соловьевым в конце его жизни, была результатом политической эволюции буржуазного либерализма в России вправо»¹.

Учитывая эту эволюцию и то, что сам по себе почти двадцатилетний пореформенный период деятельности крупнейшего буржуазного историка заслуживает внимания, необходимо посвятить ему специальную лекцию. Тем более, что в 60—70-е годы творчество Соловьева носило наиболее зрелый и плодотворный характер. В это время он создал ценные монографии по истории XVIII и XIX вв., такие как «История падения Польши» (1863), «Публичные чтения о Петре Великом» (1872), «Император Александр I. Политика. Дипломатия» (1887), «Начала русской земли» (1877—1879). Из двадцати девяти томов его капитального труда по отечественной истории девятнадцать вышло в пореформенный период.

В пользу выделения его творчества из общей темы о государственной школе говорит и то, что при всей близости к этому направлению и общности некоторых основных принципов подхода к объяснению исторического развития, Соловьев настолько крупная фигура в историографии, а его исторические взгляды столь многогранны, что их нельзя полностью втиснуть в формально-юридические рамки государственного направления.

Научная деятельность крупнейшего русского буржуазного историка была значительно шире, многообразнее и прогрессивнее, чем деятельность любого из представителей государственной школы.

Исторические взгляды Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879 гг.) сложились в середине 50-х годов и получили дальнейшее развитие в третьей четверти XIX века. Для того, чтобы можно было говорить об этом развитии, коснемся кратко особенностей исторической

¹ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 25.

концепции Соловьева. Как уже отмечалось, он был типичным либерально-буржуазным историком, стоявшим за правительственные реформы и мирное решение социальных конфликтов в рамках конституционной монархии.

С либерально-буржуазных позиций Соловьев критиковал «николаевский режим, осуждал крепостное право и стремился показать необходимость его ликвидации, в целях предотвращения «страшной революции».

Ратуя за реформу, Соловьев осуждал деятельность революционеров-демократов, видел в ней лишь вредное и бессмысленное отрицание существующего строя.

Политическим идеалом Соловьева была сильная государственная власть, способная установить буржуазный правопорядок.

Философское обоснование подобных политических позиций историк заимствовал у Гегеля.

Если учесть, что исторические взгляды Соловьева сложились в переломную эпоху смены феодального способа производства капиталистическим, то станет понятно, почему ведущей в его исторической концепции стала проблема буржуазных реформ. В центре исторических интересов Соловьева стояла эпоха Петра I. Петровские преобразования, по его мнению, определяли главный рубеж русской истории, в связи с ним решались ее основные вопросы. «Интерес Соловьева к преобразовательной деятельности Петра I как явлению, подготовленному всем ходом предшествующей истории России, — пишет Л. В. Черепнин, — может быть объяснен политическими чаяниями русской либеральной интеллигенции середины XIX века, желавшей умеренных реформ без революционных потрясений»¹.

Какие же изменения произошли во взглядах Соловьева на историю после 1861 года?

Недовольный прежде крепостничеством, либеральный историк, наблюдая за развитием пореформенной экономики, был встревожен растущим расслоением деревни и усилением народного возмущения. Соловьев, не понимавший действительных причин пореформенных явлений в экономике и социальных отношениях, связывал их с падением нравственности крестьян после «освобождения».

¹ Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 17.

Правительство и прежде всего Александр II, по мнению историка, не сумели, подобно Петру Великому, управлять ходом реформы и направлять ее по своему усмотрению, поэтому крепостническое зло сменилось «злом свободы», вследствие чего упала дисциплина, ослабели устои семейной и общественной нравственности. С тревогой отмечая опасные симптомы ослабления «уважения к власти в самодержавном государстве» и приближения «смуты», Соловьев в оценке результатов реформы приходил к выводу о необходимости сильной власти, способной предотвратить революцию.

В пореформенный период идея исторической обусловленности петровской политики, ее внутренней органичности окончательно подчиняет себе все понимание русской истории у Соловьева. В своем тяготении к сильной государственной власти, либеральный историк ищет в образе Петра I идеал государя, способного повести за собой народ в «надклассовом» общенародном государстве к общему благу, минуя революцию.

В связи с двухсотлетием со дня рождения Петра I Соловьев написал одну из своих лучших работ — «Публичные чтения о Петре Великом» (1872). Статья была пределом приближения буржуазной исторической науки к правильному пониманию внутренней обусловленности петровских преобразований. Соловьев говорит об истории народа, которая «развивается сама из себя по известным законам, при влиянии особенных условий, которые и отличают жизнь одного народа от жизни другого»¹. Роль великого человека, по Соловьеву, в том, что он улавливает назревшие потребности своего народа и возглавляет борьбу за их осуществление.

Именно таким гениальным реформатором, сумевшим не только понять назревшие задачи своей эпохи, но и блестяще разрешить их, был в представлении Соловьева Петр I. «Необходимость движения на новый путь была признана, — указывал он, — обязанности при этом определились; народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»². В четырнадцатом томе «Истории России» Соловьев резче и определеннее подчеркивает подчинение личного начала

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 973.

² Там же, стб. 1001.

общей закономерности развития народной жизни и в то же время оттеняет государственное происхождение преобразований.

Сравнивая «нашу революцию начала XVIII в.» (так он именуется реформы Петра I) с французской революцией 1789 г. и делая вывод в пользу первой, Соловьев писал: «В России один человек, одаренный небывалою силою, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства», но здесь же спешил объяснить, что Петр «является вождем в деле, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру»¹.

Исторический смысл петровских преобразований Соловьев видел в том, что они разрешили назревшие задачи русского народа при его переходе «из одного возраста в другой, из древней истории в новую».

Объясняя, почему Россия совершила такой переход на два века позже Западной Европы, историк не связывал это с отсталостью русского народа, который в его представлении обладал такими же возможностями, как и другие народы, но жил в значительно более сложной внешней обстановке. Отсутствие моря, разбросанность населения на огромной равнине обусловили земледельческий характер страны, а постоянная борьба с кочевниками вынуждала тратить значительную часть народного труда на содержание вооруженного сословия.

В таких условиях государство было вынуждено закрепить крестьян. Закрепощение, по словам Соловьева, было «воплем отчаяния, испущенного государством... в безвыходном экономическом положении». Чтобы выйти из него, необходимо было пробиться к морю, развить промышленность и науку. Если последующие поколения буржуазных историков, постепенно развенчивая Петра I и снижая историческое значение его преобразований, выводили их из потребностей войны, то Соловьев разрешал этот вопрос со всей последовательностью органического понимания преобразований. «Война, — отмечал Соловьев, — входила в общий план преобразования, как средство для достижения ясно сознанных, опре-

деленных целей этого преобразования, входила в общий план, как школа, дававшая известное приготовление народу, приготовление, необходимое в его новой жизни, новых отношениях к другим народам»¹.

Освещение предпосылок и значения петровских преобразований с точки зрения их исторической обусловленности было большим достижением. Но понятие закономерности исторического развития вступало в противоречие с соловьевским отрицанием революции, с оценкой революционных переворотов как противоестественного нарушения органического развития истории. В пореформенный период историк все настойчивее подчеркивал, что направлять и возглавлять это развитие может лишь сильная государственная власть. «Перемены в правительственных формах, — писал он в статье «Александр I», — должны исходить от самих правительств, а не должны вымогаться народами у правительств путем возмущений...»².

Рассматривая внешнеполитическую деятельность Александра I, так же как и Петра I, на основе «страшной борьбы между старым и новым», Соловьев указывал, что в петровскую эпоху «новое было связано с прогрессивным переходом народа» из одного возраста в другой, «из древней истории в новую» и предполагало развитие хороших начал, заложенных в «старом». Иное содержание носила эта борьба при Александре I, когда «новое» стало тем «разрушением», от которого следовало беречь «старое».

По мнению Соловьева, такие новые разрушительные начала России и другим странам нес «гений войны, гений революции» — Наполеон. Свой страшный характер Французская революция приобрела потому, считал историк, что правительство выпустило из рук бразды правления, «отказалось от своей направительной деятельности». Отсюда основную задачу внешнеполитической деятельности Александра I Соловьев видел в «свержении» Наполеона, в установлении мира и порядка в Европе «после революционных бурь и военных погромов»³.

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1060.

² Там же, стб. 678.

³ Там же, стб. 758.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. кн. VII, М., 1962, стр. 440.

Либерально-буржуазное представление о государственной власти как высшей форме народной деятельности, защитнице существующего порядка характерно для Соловьева после 1861 г. на фоне общей эволюции русского либерализма. «Либерал, — подчеркивал В. И. Ленин, — боится движения масс, тормозит его и сознательно защищает известные, притом главнейшие, учреждения средневековья ради того, чтобы иметь опору против массы, в особенности против рабочих»¹.

Проблема взаимоотношения государства и народа приобретала для Соловьева все большую остроту по мере углубления социальных противоречий в капиталистической России. Ему было чуждо революционно-демократическое понимание народа как угнетенной массы трудящихся, противостоящей господствующим классам. Отрицая наличие классовой борьбы, Соловьев в то же время стремился преодолеть противопоставление народа государству, характерное для славянофилов, или его подмену государством, как это было у Погодина, а затем у Чичерина. Только в государстве, считал Соловьев, народ заявляет свое историческое существование, свою способность исторической жизни, но «правительство в той или другой форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая проверка этой жизни»².

Еще в «Исторических письмах» Соловьев ставил задачу изучения того, как «складывался внизу фундамент, на котором построилось здание Московского государства»³. Однако такое понимание русской истории сохранилось у Соловьева до тех пор, пока развитие государства соответствовало прогрессивному развитию исторического процесса. Там же, где он сталкивался с конфликтом между народом и государством, он был не в силах объяснить его закономерность. Тогда он попросту отбрасывал все, что находилось в конфликте с государственным началом, и делал это все чаще по мере того, как правели его политические убеждения. В этом отношении характерен отказ Соловьева от изучения истории народных масс в одной из последних статей «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876). В ней он

пытался проследить закономерности во взаимоотношениях народов и государств на примерах древней истории Китая, Египта, Ассирии, Индии, Ирана, Греции, Рима и средневековой истории Франции, Англии и Германии.

Основной тезис этой статьи, написанной под заметным влиянием гегелевской «философии истории», сводился к утверждению о необходимости для историка любого народа изучать прежде всего деятельность правительственных лиц, так как в ней содержится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни. «Правительство, — заявлял автор, — какая бы ни была его форма, представляет свой народ; в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет только с тем, что движется, видно, действует, заявляет о себе, и потому для истории нет возможности иметь дело с народными массами, она имеет дело только с представителями народа»¹, историческими деятелями, т. е. с монархами, министрами, полководцами и т. п. В тех же случаях, когда народные массы приходят в движение, историка интересуют его вожди, руководители.

В еще большей степени отказ от изучения истории народа и призыв к изучению деятельности правительственных лиц проявились в статье «Начала русской земли», написанной в 1876 году. Содержавшая важное положение соловьевской концепции о трех решающих факторах исторического процесса (природе страны, природе племени и внешних влияниях), статья носила следы чичеринской схемы в той части, где автор доказывал, как в силу сочетания природных и этнографических особенностей, а также необходимости борьбы с кочевниками «исторически сложилась» в нашей стране «слабость развития органов народного тела» и «чрезмерное напряжение правительственного органа для внешней централизации народных сил». Правительство здесь выступало как объединяющая сила, которая собрала рассеянное по необозримой равнине население, сплотила его в едином государстве.

Если сопоставить такое максимальное приближение к государственному направлению с усилением религиозных мотивов, о чем свидетельствовала одна из последних статей Соловьева — «Прогресс и религия», в кото-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 21, стр. 282.

² С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1122.

³ Там же, стб. 894.

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 1123.

рой прогресс связывался со «стремлением человека к идеалу, выставленному христианством»¹, то вполне правомерно говорить о наличии консервативных тенденций в творчестве историка 60—70-х годов, сближавших его не только с государственной школой, но в определенной степени с дворянской историографией. Такую тенденцию, обусловленную общей эволюцией либерально-буржуазной идеологии, можно заметить и в его «Истории России с древнейших времен», особенно в тех томах, которые вышли после 1861 года.

Свой общий взгляд на основные проблемы русской истории Соловьев высказал дважды — в предисловии к первому тому и в начале тринадцатого тома «Истории России». При совпадении общетеоретических высказываний, различие их заключается в том, что в первом случае историк отмечает единство закономерностей в развитии России и Западной Европы, проводит параллель между родовым строем в русской истории и феодализмом в западноевропейской, а во втором случае (тринадцатый том, глава, характеризующая Россию перед эпохой преобразований), он если прямо и не противопоставляет, то уже говорит об известном отличии России. Здесь значительно сильнее чувствуется влияние государственной схемы Чичерина.

Стремясь к освещению русской истории в ее внутренней обусловленности, с точки зрения раскрытия связей между отдельными периодами и событиями, Соловьев считал «предметом первой важности... смену старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные»².

Конечно, само представление о закономерности исторического развития носило у Соловьева чисто внешний характер и сводилось к идеалистической теории прогресса как развития цивилизации, нравственного просвещения и самопознания. Здесь не могло быть, в силу ограниченности буржуазной идеологии, подлинно научного объяснения истории и ее закономерностей с точки зрения развития производительных сил и классовой борьбы. Поскольку же политическая надстройка при-

обретала самодовлеющее значение, а ее действительная социально-экономическая обусловленность и классовое содержание оставались в тени, теория органического развития сочеталась у Соловьева с принципами государственной школы, причем их влияние на освещение отдельных сторон русской истории стало более заметным в 60—70-е годы.

В тринадцатом томе, возвращаясь к общим принципам понимания русской истории, Соловьев вновь говорит об определяющем значении географического фактора «в распространении европейской цивилизации с запада на восток». В связи с тем, что на западе, в представлении Соловьева, природные условия более благоприятны для успехов цивилизации, он считал, что история Восточной Европы началась позднее Западной.

Если сравнить периодизацию в предисловии к первому тому «Истории России»¹ с той, которую дает Соловьев в тринадцатом томе, то последняя отличается двумя новыми моментами. Во-первых, в качестве основы для выделения этапов русской истории взято сочетание трех факторов: природной среды, формирования народа и складывания государства, подчиненных общей идее развития влияния «европейской цивилизации» с запада на восток. Во-вторых, в этой периодизации, как и в самом изложении русской истории, отразился процесс формирования русской буржуазной нации, что сказалось в усилении внимания историка к вопросам национального развития, борьбы с захватчиками, истории культуры и языка. Конечно, все эти вопросы Соловьев решал в либерально-буржуазном духе, русский народ в его изображении — прежде всего носитель монархических православных начал.

И в пореформенный период изложение и распределение материала в одиннадцатом — двадцать девятом томах подчинено основному принципу соловьевской концепции о ведущей роли государства и привилегированных классов в просвещении народа. Основой периодизации исторического процесса остается смена царей на русском престоле.

Начальным периодом русской истории Соловьев считает «богатырский», или «героический» период — с IX

¹ С. М. Соловьев. Собр. соч., стб. 958.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, М., 1959, стр. 57.

¹ См. стр. 236.

до конца XII в., который у него делится смертью Ярослава Мудрого на два этапа: первый, когда славянские племена сменяются княжениями, формируется русский народ, объединяемый политически под властью князя и религиозно принятием христианства; второй, когда, в связи с «отливом исторической жизни на восток», русский человек попадает в мир варваров, в самый дальний участок «европейско-христианской семьи». В ходе дальнейшего развития русской истории в области Верхней Волги родовые отношения при Иване IV сменяются единовластием, которое, заколебавшись в «смутное время», получает дальнейшее развитие в XVII в., при Михаиле и Алексее Романовых, подготавливая условия для петровских реформ.

Значительным вкладом в буржуазную историческую науку была всесторонняя характеристика политической, социально-экономической и культурной истории России XVII в. после «восстановления государственного порядка», в период зарождения новых элементов, получивших развитие в петровскую эпоху.

Конечно, Соловьев не мог правильно оценить те глубокие социально-экономические сдвиги, которые произошли в XVII в., тем более грозный размах классовой борьбы, вылившейся в крестьянскую войну под руководством Степана Разина. Он все настойчивее проводил мысль об исключительном значении государственной власти в русской истории. «Апология самодержавия, которую создал С. М. Соловьев в девятом томе своей «Истории России», — пишет А. М. Сахаров в комментариях к этому тому, — мало чем отличалась от положений официально-монархической историографии»¹.

Как указывалось выше, в истории XVIII в. Соловьев подчинил все изложение показу петровских преобразований и их последствий. Сокровенные политические идеалы либеральный историк, постепенно правящий в своих политических убеждениях, воплотил в шести томах «Истории», посвященных преобразовательной деятельности Петра I. Говоря об оценке Соловьевым петровских преобразований, необходимо отметить, что

¹ А. М. Сахаров. Комментарии к девятому и десятому томам «История России с древнейших времен». В кн. С. М. Соловьев. История России..., кн. IV, стр. 700.

постепенно историк, в угоду своим политическим взглядам, все больше подчеркивал эволюционный, а не революционный характер реформ Петра I.

Дальнейший ход русской истории Соловьев рассматривал преимущественно в плане изучения судьбы петровских преобразований. Считая, что с Екатерины I начались отступления от «программы преобразователя» и в стране утвердилось засилие иностранцев, историк возражал против примитивного представления о второй четверти XVIII в., как времени регресса. По его мнению, это был существенный этап в развитии русской истории от Петра I к Екатерине II. В связи с этим он несколько идеализировал правление Елизаветы Петровны, называя ее продолжательницей славных дел Петра I, освободившей Россию от «ига Запада», более опасного, «чем прежнее иго татарское».

Вторая и третья четверть XVIII в. до Соловьева почти не исследовались, поэтому, вводя в научный оборот громадное количество новых документальных материалов, он не всегда успевал достаточно глубоко и всесторонне обобщить их. Так, например, один том у него соответствует двум-трем годам царствования Екатерины II.

Несмотря на слабый показ социально-экономической истории, заслуги Соловьева в привлечении и систематизации огромной массы ранее нетронутого исторического материала несомненны.

В «Истории России...» Соловьев не дошел до освещения восстания крестьян под руководством Пугачева, но в «Учебной книге по русской истории» он резко отрицательно оценил крупнейшее событие второй половины XVIII века. По мнению историка, это были тяжелые времена, когда «чернь везде волновалась и злодействовала». Пугачев собрал вокруг себя «всякий сброд», который бахвалился взять Москву, где «чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ждала Пугачева»¹.

Здесь нетрудно заметить самую реакционную сторону исторической концепции Соловьева — отрицательную оценку борьбы закрепощенного крестьянства против фе-

¹ С. М. Соловьев. Учебная книга по русской истории. М., 1905, стр. 318—320.

одального гнета. Вынужденный иногда признавать тяжелое положение крестьянских масс или то, что они спасались бегством «от многих податей и от великих неверных правей, от солдатских кормов, от запасных денег, от ямских отпусков»¹, Соловьев не только уклонялся от оценки самой эксплуатации крестьян, но все более настойчиво старался показать «местный» характер крестьянских выступлений против помещиков и то, что они якобы никогда не поднимались под знаменем самозванцев «в защиту своих сословных прав». Крестьянское восстание в его изображении — вредное антигосударственное «протообщественное начало», вызванное подстрекательскими действиями «разгульного казачества»; таковы крестьянские войны, возглавляемые Болотниковым и Разиным. Участник их, в тенденциозном освещении Соловьева, — человек, «которому все нипочем, который не сдерживался ничем, никакими привязанностями, никакими отношениями» и лишь «озадачивал... дикими выходками своего произвола»².

Расценивая со все более усиливающихся великодержавно-шовинистических позиций воссоединение Украины с Россией как следствие стремления «русских людей оторваться от польско-литовского союза и присоединиться к единоверной Восточной России»³, Соловьев считал решающей силой освободительного движения на Украине церковь. Казачеству он отводил второстепенную роль, а борьбы крестьян и горожан за воссоединение почти совершенно не касался.

В «Истории России...» напрасно искать характеристику исторического развития нерусских народов, вошедших в состав Русского государства. Так, история Крыма и Кавказа интересовала историка лишь в качестве объекта внешнеполитической деятельности Московского государства, освоение Сибири он показывал, явно переоценивая значение Строгановых и недооценивая решающую роль народной колонизации. Ермак у него — простой исполнитель воли Строгановых, представитель казачьей анархической «вольницы», враждебной государству.

Тенденции великодержавного шовинизма и антидемократизма в творчестве Соловьева усиливались по мере

того, как возрастало его враждебное отношение к классово-борьбе и укреплялось представление о государстве как основе гармонического развития общества.

Отрицание классового характера общественного развития, изображение государства в качестве надклассового органа, примиряющего социальные противоречия, обусловили теоретическую слабость Соловьева в оценке источников.

Наиболее обстоятельная характеристика источниковедческой базы соловьевских трудов и его методов использования источников содержится в неоднократно упоминавшейся статье Л. В. Черепнина¹. Говоря о громадном фундаменте исторических источников, на котором основывается капитальный труд историка, Л. В. Черепнин пишет: «Можно только удивляться тому обилию материала, относящегося к разным эпохам русского исторического прошлого, который обработан силами одного человека. Среди предшественников Соловьева нельзя назвать никого из ученых, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов»².

Летописные своды, данные сравнительной этнографии и языкознания, литературные и законодательные памятники, иностранные хроники, огромный, в преобладающем большинстве нетронутый материал архивных фондов Кабинета министров, Сената, Верховного тайного совета, Преображенского приказа, тайной канцелярии, многочисленные печатные публикации — таков далеко не полный перечень источников, которыми пользовался Соловьев при изучении разных периодов русской истории. При этом если в освещении ее до конца XV в. преобладали печатные источники, главным образом летописные, то события XVI—XVIII вв. изучались историком во все возрастающей степени на основе архивных материалов.

Отмечая новые положительные методы в работе Соловьева над источниками, нужно в то же время подчеркнуть, что многие приемы источниковедческого анализа мешали ему правильно осветить историческое прошлое. Так, исследуя ранние события, он иногда некритически использовал значительно более поздние летописные своды, не замечал в напластованиях и редакциях летопис-

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. V, стр. 310—311.

² С. М. Соловьев. История России..., кн. III, стр. 30.

³ С. М. Соловьев. История России..., кн. V, стр. 375.

¹ См. Л. В. Черепнин. С. М. Соловьев как историк, стр. 27—34.

² Л. В. Черепнин. Указ. ст., стр. 28.

ных памятников отражения острой общественно-политической борьбы, а главное, не мог вскрыть классовую сущность источников.

Стремясь к освещению преимущественно политической истории, Соловьев привлекал соответствующие памятники и проходил мимо таких ценных источников, позволяющих показать сложные социально-экономические процессы, как писцовые и таможенные книги, статистические материалы и др.

Основным недостатком источниковедческого анализа Соловьева было то, что он не видел, да и не хотел видеть в источнике отражения классовых противоречий.

Оценка трудов С. М. Соловьева в русской историографии помогает определить его место в ней, показать сильные и слабые стороны крупнейшего буржуазного историка.

Систематическое появление тома за томом «Истории России...» вызывало многочисленные отзывы. Реакционные представители дворянской науки встретили ее в штыки. Им было чуждо стремление историка к отысканию закономерности общественного развития. Зато такой либерально-буржуазный историк, как Кавелин, весьма одобрительно отнесся к труду Соловьева, видя в нем прежде всего подтверждение государственной концепции русской истории.

Последующее поколение буржуазных историков акцентировало внимание именно на этой стороне наследия Соловьева, и если его преемник по кафедре В. О. Ключевский пытался наполнить старую государственную схему русской истории новым социально-экономическим содержанием, то эпигон буржуазной науки Милюков поднимал на щит и развивал наиболее ошибочные или просто реакционные стороны концепции Соловьева.

Показательно, что еще представитель славянофильского лагеря К. С. Аксаков увидел наиболее существенный недостаток трудов Соловьева — отсутствие народа. «В «Истории России», — писал он, — автор не заметил одного: русского народа, — поэтому его труд может быть назван так же, как и Карамзина, историею Российского государства, не более»¹.

¹ К. С. Аксаков. Полное собр. соч., т. I — Сочинения исторические, М., 1861, стр. 253—254.

Этот же недостаток, но с противоположных политических позиций отмечали революционные демократы, которые в целом более объективно отнеслись к оценке творчества крупнейшего буржуазного историка.

Н. Г. Чернышевский в рецензии на четвертый том «Истории России» писал о ней, как о важнейшем приобретении «нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет»¹, а в другой статье связывал с именем Соловьева «строгий ученый взгляд новой исторической школы»².

Одновременно с признанием серьезных заслуг историка революционные демократы говорили о его переоценке государственных начал в истории и антидемократической тенденциозности. Н. Г. Чернышевский называл Соловьева сторонником «бюрократической централизации», а разделявший его убеждения Г. З. Елисеев в рецензии на седьмой и восьмой тома соловьевской истории, опубликованной в «Современнике» за 1860 г. (под псевдонимом Грыцько), писал: «Читатель не выносит из чтения, не говорим уже резко, живого впечатления о положении народа, даже представления об этом. Внутренняя жизнь народа для него исчезает совершенно при блестящей картине действий централизации, нарисованной мастерскою рукою». Считая, что история народа и его борьба заслуживают большего внимания, чем упоминания о них «в тех же клеточках, в которых говорились о пушках, о монетах, о войске», Г. З. Елисеев делал справедливый вывод о том, что Соловьев в ряде случаев выступает «таким же панегиристом в своей истории, каким был Карамзин»³.

В советской исторической науке в основе оценки взглядов Соловьева лежит ленинская оценка буржуазной историографии, в которой В. И. Ленин, отдавая должное достижениям буржуазных ученых и их специальным трудам, показал два основных методологических порока буржуазных исторических теорий. «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной за-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 399.

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, стр. 181.

³ «Современник», 1860, т. 84, стр. 65—66, 69, 71.

кономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения»¹, т. е. не изучали истории народных масс.

Первым, кто пытался с марксистско-ленинских позиций подойти к разбору концепции С. М. Соловьева, был М. Н. Покровский. Он показал ошибочность теории «внеклассового» происхождения российского государства и самодержавной власти, идеалистический характер теории «закрепощения и раскрепощения сословий», преувеличение роли географического фактора в русской истории. Считая Соловьева историком, отразившим в своих трудах интересы промышленного капитала, Покровский по существу прошел мимо прогрессивных сторон его исторических взглядов².

Примерно в таком же одностороннем, негативном плане охарактеризовал Соловьева З. Лозинский в статье «Историк великодержавной России С. М. Соловьев»³.

Серьезная заслуга в изучении наследия Соловьева принадлежит Н. Л. Рубинштейну, который в ряде статей, в книге «Русская историография», в отдельных главах «Очерков истории исторической науки в СССР» и учебном пособии «Историография истории СССР» дал всестороннюю оценку трудам Соловьева, правильно отметил положительные стороны, недостатки и значение его исторической концепции⁴. Н. Л. Рубинштейн, в частности, справедливо заметил, что полное отождествление взглядов Соловьева с государственной школой «заслонило от последующих историков его наиболее прогрессивные и ценные стороны» и обратил внимание на «выяснение особенностей взглядов Соловьева, отделяющих его от государственной школы»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 57.

² М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, М.—Л., 1933, стр. 127.

³ Сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. I, 1927, стр. 205—275.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Сергей Михайлович Соловьев. 1820—1879. «Историк-марксист», 1940, кн. 3, стр. 92—113; его же. «Русская историография», стр. 312—342; его же. С. М. Соловьев и русская историческая наука. «Вопросы истории», 1945, № 3—4, стр. 7—71; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1, стр. 346—366; «Историография истории СССР», стр. 175—187.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 314.

Значительным шагом вперед в изучении исторических взглядов Соловьева явилась вступительная статья Л. В. Черепнина, предпосланная советскому изданию «Истории России с древнейших времен». Сам факт переиздания основного соловьевского труда — свидетельство той объективной оценки, которую получил крупнейший историк дореволюционной России в наше время.

Отмечая огромное значение трудов С. М. Соловьева для развития русской исторической науки, Л. В. Черепнин справедливо говорит о том, что советские люди, которые подходят к историческим явлениям с других методологических позиций, встречают с интересом новое издание «Истории России...», так как этот труд «сохраняет и донныне свое научное значение благодаря имеющемуся в нем богатому историческому материалу, интересным и ценным, живо преподнесенным наблюдениям по ряду вопросов прошлого нашей Родины»¹.

Будучи вершиной в развитии русской буржуазной историографии, крупным явлением в мировой исторической науке, творчество С. М. Соловьева составляет важный этап в дореволюционной отечественной историографии.

С историческими взглядами Соловьева, сложившимися в своих основных чертах в 40—50-е годы, связано утверждение буржуазной исторической науки в России в эпоху подымающегося капитализма.

Поиски закономерностей исторического процесса, стремление раскрыть общие пути и особенности развития народов в мировой истории, приложение идеалистической диалектики к анализу общественного развития отличали методологию Соловьева как буржуазного историка эпохи расцвета буржуазной историографии.

Дальнейшее развитие исторической концепции Соловьева после 1861 г., упрочившее ее основные особенности, вместе с тем усилило принципы государственной школы, характерные для этого крупнейшего буржуазного историка, углубило его антидемократизм и великодержавный шовинизм.

В намечившемся противопоставлении истории России и Западной Европы, выпячивании роли государственного начала в общественном развитии и отрицании исторического значения народной борьбы, в настойчивом стрем-

¹ Л. В. Черепнин. Указ. ст., стр. 48, 50.

лении исторически обосновать возможность примирения классовых противоречий с помощью сильной государственной власти были заложены первые признаки приближавшегося кризиса буржуазной науки.

Общий прогрессивный вклад С. М. Соловьева в русскую историческую науку определяется тем, что он, хотя и с идеалистических позиций, не касаясь классовой сущности исторических событий, стремился объяснить развитие общественной жизни, определить ее внутренние закономерности и зависимость от внешних влияний.

Внушительным итогом настойчивых научных поисков и титанического трудолюбия буржуазного историка стал монументальный историографический памятник — двадцать девять томов его «Истории России с древнейших времен».

ЛИТЕРАТУРА

- С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. I, М., 1959. Предисловие, стр. 55—59.
С. М. Соловьев. «История России», кн. VII, т. XIII, гл. I, М., 1962, стр. 7—178.
С. М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. Собр. соч., СПб., 6 г., стб. 969—1116.
Историография истории СССР, стр. 289—298.
Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 312—348.
Л. В. Черепнин. Соловьев как историк. В кн. С. М. Соловьев. История России..., кн. I, М., 1959, стр. 5—51.

ЛЕКЦИЯ 24

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА

Формирование мировоззрения Ключевского и основные этапы его научной деятельности. Особенности исторических взглядов. Периодизация истории России и характеристика отдельных периодов. Значение Ключевского в русской историографии

Творческий путь выдающегося представителя русской буржуазной историографии Василия Осиповича Ключевского (1841—1911 гг.) начался в период утверждения и победы капитализма и завершился в эпоху империализма, за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

Время его жизни и деятельности было насыщено яркими событиями буржуазно-демократического и пролетарского этапов освободительного движения, связанных с дальнейшим социально-экономическим развитием пореформенной России.

Две выдающиеся вехи русской истории — 1861 и 1905 годы — определяют начало и закат сложного и противоречивого творчества Ключевского.

Типичный разночинец, сын сельского священника, получивший начальное образование в пензенских церковно-приходском и уездном училищах, Ключевский откасался от духовной карьеры и в 1861 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

Здесь он испытал определенное влияние революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова. В письмах к своему другу П. П. Гвоздеву Ключевский одобрительно отзывался о Чернышевском и Щапове, хвалил «Современник», скорбел по поводу смерти Добролюбова. Он восторженно встретил роман Тургенева «Отцы и дети», видя в Базарове героя своего времени; глубоко интересовался крестьянским вопросом, критиковал царское самодержавие¹. В своем дневнике Ключевский записал: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время»².

Осуждая самодержавный произвол, разделяя настроение разночинной интеллигенции того времени, Ключевский, однако, был далек от признания необходимости революционного преобразования существующего строя. Его политические идеалы постепенно вырисовывались в форме правового буржуазного государства, с идеальным представительным правлением, свободой и мирным сотрудничеством всех классов на основе признания «общего блага». Такое иллюзорное государство должно было устранить опасность надвигающейся революции и в то же время уничтожить крайности самодержавного деспотизма.

От осознания революционности 60-х годов, осуждения самодержавия и понимания тяжелых условий народной жизни Ключевский не перешел к активной борьбе, а сразу же после спада первой революционной ситуации обнаружил стремление к уходу от противоречивой действительности в академическую науку. В своем стремлении к академической карьере Ключевский последовательно уходил от участия в активной общественной жизни вплоть до 1905 г., хотя все важные события этой карьеры проходили на фоне растущего русского революционного движения. «Год издания первой его работы..., — пишет М. В. Нечкина, — был годом выступила Каракозова... Первые годы его преподавательской деятельности — это время «хождения в народ», первая лекция в Московском университете прочтена через не-

сколько месяцев после покушения В. Засулич на Трепова и в год образования «Народной воли» и «Черного передела», а защита им докторской диссертации была через год после казни Александра II»¹.

Совпадение было чисто внешним — ни эти, ни последующие вспышки революционной борьбы в России не портили «формулярного списка о службе почетного члена и заслуженного ординарного профессора императорского Московского университета тайного советника Ключевского». Ордена святой Анны всех трех степеней, Станислава I—II степени и святого Владимира, полученные историком в 1873—1906 гг. за «отлично усердную службу и особые труды», свидетельствовали о том, что его умеренные политические идеалы не противсречили основам буржуазно-помещичьего строя.

Больше того, в 90-е годы, когда обозначилось соединение марксизма с растущим рабочим движением и возникли предпосылки к созданию революционной марксистской партии, Ключевский стал политическим наставником наследника престола, а затем откровенно выступил в защиту монархии. 16 октября 1893 г. «государь император соизволил поручить ему занятия с великим князем Георгием Александровичем по политической истории»², считая, очевидно, в тех сложных политических условиях его кандидатуру наиболее благонадежной.

Ключевский не только оправдал доверие царя, но 28 октября 1895 г. на заседании Общества истории и древностей российских выступил с речью «памяти в бозе почившего государя императора Александра III», в которой безудержно славословил последнего и его дела. «Александр III, — говорил он, — покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества...». И дальше, вопреки исторической правде и гнусной роли предпоследнего русского самодержца, утверждал, будто «Европа признала, что царь русского народа был и го-

¹ М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. В сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», под ред. М. Н. Покровского, т. II, М., Изд-во ком. академии, 1930, стр. 229.

² Сб. «Василий Осипович Ключевский», Изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914, стр. 411.

¹ Письма В. О. Ключевского к П. П. Гвоздеву (1861—1870), М., 1924, стр. 70—71, 73, 103, 107.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 147.

сударем международного мира и порядка, и этим подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя»¹.

Неудивительно, что после такой речи студенты осви- стали профессора на лекции, а в появившихся вскоре листовках поведение Ключевского, названного «приверженцем регресса и застоя», получило резкое осуждение. «Он напустил в свою речь такого чувства, — писали студенты, — что и не продохнешь, и стал приписывать представителю свинцового реакционного царствования благодетельную роль... Нас... тошнит от подобной лъстивой лжи, да еще произносимой от лица науки одним из ее представителей»².

Совершив такой резкий и очевидный поворот в сторону реакции, Ключевский в 1905 г. вполне закономерно пришел в ряды кадетской партии, представители которой в то время, по словам В. И. Ленина, не выходили «в своих стремлениях за пределы упорядоченного буржуазного общества, защищенного монархией и двухпалатной системой от посягательства пролетариата»³.

Летом 1905 г. Ключевский в качестве ученого эксперта участвовал в Петергофском совещании, на котором обсуждались принципы организации совещательной Булыгинской думы. В своих выступлениях он развивал идею «общего блага» как основы государственного устройства и выражал надежду, что через Думу правительство поймет «душу народа» и тем самым обретет «почву для законодательства»⁴.

Когда проект Булыгинской думы был сметен революционным натиском пролетарских масс, Ключевский критиковал правительство и деятелей либерально-буржуазных партий за их беспомощность в борьбе с революционным движением и неумение осуществить идею «конституционного представительства».

Последним шагом кратковременной политической деятельности историка в годы первой революции была

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1894, кн. IV, стр. 3—7.

² М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 244.

³ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 12, стр. 233.

⁴ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 148.

его неудачная баллотировка в первую Государственную думу по кадетско-октябристскому списку. После этого Ключевский не только навсегда отказался от какой-либо политической деятельности, но фактически не создал ничего нового и в исторической науке. Как справедливо отметила М. В. Нечкина, «основная политическая его идея — избежание революции через классовое соглашение и мирный путь реформ — была осмеяна историей. 1905 год был годом кризиса не только его политических мечтаний, но и его исторической концепции...»¹.

Таким образом, процесс формирования политических взглядов Ключевского отразил эволюцию русского буржуазно-помещичьего либерализма на протяжении 1861—1905 годов.

Испытав в 60-е годы определенный интерес к широко распространенной тогда демократической идеологии, Ключевский затем в 70—80-х годах утвердился на либерально-соглашательских позициях буржуазного конституционализма. В 90-е годы с распространением марксизма и развитием рабочего движения в политическом мировоззрении буржуазного историка обозначился поворот к реакции, а первую русскую революцию он встретил в рядах кадетской партии.

Политические убеждения либерально-буржуазного историка, его соглашательские иллюзии, страх перед революционным движением и пресмыкательство перед царской властью нашли яркое отражение в творческой деятельности Ключевского. В то же время в ней, как в зеркале, отразилось состояние буржуазной историографии, которая в середине 90-х годов, в связи с развитием марксистско-ленинской науки, вступила в полосу кризиса.

В течение пятидесяти лет своей жизни Ключевский был связан с русской исторической наукой. Его деятельность в области историографии можно условно разделить на три этапа.

Первый этап охватывает десять лет, с 1861 по 1870 г., в течение которых в основном сформировались исторические взгляды Ключевского и определился характер

¹ М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 250.

ный для него интерес к социально-экономической проблематике.

Второй этап составляет около двадцати пяти лет, с 1871 до начала 90-х годов. Это расцвет научно-педагогической деятельности Ключевского, время создания его лучших работ, в том числе «Курса русской истории».

Третий — последние пятнадцать лет жизни и деятельности историка, начиная от середины 90-х годов, когда в его творчестве обнаруживаются симптомы упадка (обусловленные общими причинами начавшегося кризиса буржуазной науки), а первая русская революция показывает несостоятельность его исторической концепции.

На формирование исторических взглядов Ключевского в 60-е годы, помимо объективных факторов, связанных прежде всего с отменой крепостного права, определенное влияние оказали идеи революционно-демократической историографии. Интерес к изучению истории народа и экономики, проблема колонизации, представление о решающей роли географического фактора и роста народонаселения возникли у него скорее под влиянием Шапова, чем Соловьева и Чичерина.

Истоки нового в исторических взглядах и трудах Ключевского следует искать не столько у буржуазных предшественников, сколько в пореформенных условиях русской действительности и передовой общественно-политической и исторической мысли. Об этом свидетельствуют не только благожелательные отзывы Ключевского о Чернышевском и Добролюбове и его положительная рецензия на одну из работ Шапова¹, но и отношение к университетским профессорам, тематика и направленность первых исторических исследований.

Как показывает А. А. Зимин, в 60-е годы Ключевский далеко не так восторженно, как в юбилейных статьях 80-х годов, относился к своему учителю С. М. Соловьеву. Он критиковал его «государственную» схему, а ее основного защитника Чичерина называл «великим софистом», чтение трудов которого считал «большим

¹ В. О. Ключевский. Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси. Разбор соч. А. Шапова. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. В кн. «Отзывы и ответы», сб. третий, М., 1914, стр. 133—169.

подвигом»¹. Если дополнить эти факты ярким рассказом А. И. Яковлева о более чем сдержанном отношении Соловьева к Ключевскому и ссорах последнего с учителем², то нетрудно сделать вывод, что исторические интересы молодого историка складывались первоначально не в русле соловьевской школы.

Содержание первых работ Ключевского свидетельствует о его стремлении идти иным путем.

Будучи студентом второго курса, Ключевский написал реферат «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений», в котором стремился подчеркнуть влияние природы на выработку религиозных представлений человека. По свидетельству А. А. Зимина, сохранившиеся в архиве Института истории другие студенческие работы Ключевского показывают большой интерес его к истории народа и народного быта³. Во введении к первой печатной работе, кандидатскому сочинению «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866), Ключевский определял ценность записок иностранцев для изучения отечественной истории тем, какие «геофизические сведения» или «известия о материальных средствах страны» они давали.

Интерес к экономической истории виден в его дополнениях к книге П. Кирхмана «История общественного и частного быта» (1867), которые он написал после окончания университета и в которых на основании справочной литературы характеризовал земледелие, горное дело, металлообрабатывающую промышленность, текстильное производство и торговлю. Здесь, в отличие от своей более поздней ошибочной точки зрения, Ключевский, опираясь на данные археологии, писал, что славяне уже в VI в. занимались земледелием и скотоводством, а «хлебопашество издавна было у них лучшим занятием мужчин»⁴.

В течение пяти лет после окончания университета Ключевский занимался изучением монастырского зем-

¹ А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. «Исторические записки», 1961, т. 69, стр. 185, 186.

² См. А. И. Яковлев. В. О. Ключевский (1841—1911). Зап. н.-и. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР, вып. 6, Саранск, 1946, стр. 102—103.

³ А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 188.

⁴ См. А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 190.

левладения и колонизации по житиям святых и актовым материалам. В 1866 г. под влиянием С. И. Ешевского, А. П. Шапова и отчасти Ф. И. Буслаева, а не С. М. Соловьева, как принято считать¹, он приступил к работе над житиями святых — основным источником своей магистерской диссертации «Жития русских святых как исторический источник». Учитывая общую направленность работы Ключевского над житиями святых и, особенно, его первоначальный план, А. А. Зимин пришел к вполне обоснованному выводу о том, что «отправные пункты первоначального варианта работы о житиях святых... противоречат всем догмам государственной школы, основным идейным положениям концепции С. М. Соловьева. Народ, а не государство является творцом колонизации, а самый процесс обуславливался, по мысли автора, природными (географическими) условиями и ростом народонаселения»².

В данном случае молодой Ключевский значительно ближе к А. П. Шапову, который в работе «Историко-географическое распределение русского народонаселения» также говорил о влиянии на характер земледельческой колонизации природных и географических условий»³.

Посвященные этой же теме работы «О церковных земельных имуществах в древней Руси» (1865), «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (1867), а также лекции по всеобщей и новейшей истории, прочитанные в Александровском военном училище, свидетельствуют о глубоком интересе начинающего историка к вопросам экономического развития и народным массам как активному началу исторического процесса.

Такой интерес в 60-е годы объяснялся не только новыми социально-экономическими явлениями, но и влиянием передовой демократической мысли, близкой и понятной разночинцу Ключевскому.

Правда, на следующем этапе, в 70—80-е годы, Ключевский, скованный либерально-буржуазными политическими убеждениями, в монографических исследова-

ниях не смог выйти за пределы буржуазного экономизма, а в общем курсе русской истории, обеспокоенный ростом революционного движения и слабостью самодержавной власти, вынужден был вернуться к соловьевско-чичеринской государственной схеме.

Началом нового этапа научно-педагогической деятельности Ключевского можно считать избрание его на должность приват-доцента по русской истории Московской духовной академии 3 июня 1871 года. В связи с этим он приступил к созданию общего курса русской истории, который принес ему славу крупнейшего историка буржуазной России. В 1879 г. он начал читать лекции по русской истории в Московском университете, где преподавал более тридцати лет, поднявшись на вершину лекторского искусства.

В этот период интерес Ключевского к социально-экономическим вопросам выразился в разработке двух основных проблем — истории классов и происхождения крепостного права. Постановка этих проблем диктовалась сложным процессом развития капитализма, отягощенного крепостническими пережитками, тяжелым положением крестьянства, ограбленного реформой, становлением двух новых классов — буржуазии и пролетариата, резким обострением классовой борьбы, расцветом народнической идеологии и ее отражением в исторической науке.

В докторской диссертации «Боярская дума древней Руси» (1882) ученый попыток исследовать отдельные стороны русской истории и заложил основы своей концепции русского исторического процесса в целом. Монография о боярской думе, неразрывно связанной с общественно-политическим развитием России в X—XVIII вв., явилась важным отправным моментом в дальнейшей работе Ключевского над общим курсом русской истории.

К изучению боярской думы, которую Ключевский считал «маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм»¹, историк подошел с иных позиций, нежели представители государственной школы. «В истории наших древних учреждений, — отмечал он в первом варианте работы, — остаются в тени

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, СПб., 1919, стр. 1.

¹ См. А. А. Зимин. Указ. ст., стр. 190—191.

² Там же, стр. 193.

³ См. А. П. Шапов. Соч., т. II, СПб., 1906, стр. 201—202, 212—218.

общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали. Рассмотрев внимательно лицевую сторону старого государственного здания, мы не изучили достаточно ни его оснований, ни строительного материала, ни скрытых внутренних связей, которыми скреплены были его части, а когда мы изучим все это, тогда, может быть, и процесс образования нашего государственного порядка и значение его правительственных учреждений предстанут перед нами несколько в ином виде, чем представляются теперь»¹.

В приведенных словах нетрудно уловить не только критическое отношение к Чичерину, но и стремление связать изучение истории боярской думы с процессом образования «общественных классов».

Утверждение Ключевского о классах было связано с его представлением о материальной основе общества, его деления «по роду занятий, по свойству капитала». Но связывая классовое деление общества с характером капитала, вкладываемого в экономику, с различием прав и обязанностей в политике, он стремился уйти от самой неприятной для буржуазного историка той эпохи проблемы — классовых противоречий и классовой борьбы.

Правильная оценка классовой борьбы в прошлом и настоящем, а главное, признание неизбежности революции в ближайшем будущем стали для русской либерально-буржуазной историографии пореформенной поры непреодолимым препятствием. Это был тот порог, у которого остановился Ключевский с его прогрессивным стремлением к изучению экономики и социальных отношений. Подменяя реальную классовую борьбу вымышленной теорией мирного содружества классов, историк неизбежно должен был возвратиться к государственной схеме русской истории, влияние которой стремился преодолеть.

В этом отношении интересно отметить, что одна из лучших монографий Ключевского «Боярская дума древней Руси», созданная в период творческого расцвета историка, уже отражала внутреннюю противоречивость его методологических позиций. Приблизившись

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. «Русская мысль», 1880, кн. I, стр. 48.

к признанию первенства экономики над политикой и правом, Ключевский утверждал, что «политические» факты вытекают из экономических, как их последствия», и в этой же монографии писал об «обратном порядке», когда «политические факты шли впереди, давая направление хозяйственной жизни народа»¹.

Рассматривая классовую основу и практическую деятельность боярской думы, Ключевский, вопреки схемам историков-государственников, превратил историю думы в историю боярского класса с точки зрения его экономического положения, социального состава и политической роли.

В X—XI вв. в городах Киевской Руси, по его мнению, существовали два класса: торгово-промышленная аристократия и княжеская дружина. Органами власти этих классов были вече и княжеский совет, или боярская дума. После перемещения в XII в. центра развития Руси из Киева во Владимир торговля уступила свою первенствующую роль сельскому хозяйству, что привело к ликвидации «промышленного класса». Село стало преобладать над городом. Князь из вотчика всей древнерусской земли превратился в вотчинника своего удела. «Господствующим интересом» боярства стало «землевладельческое хозяйство». Основными причинами, «под действием которых» сложилось удельное общество, автор считал географические и экономические условия. Они же определили систему политического управления в удельных княжествах, которая являлась «довольно точной копией устройства древнерусской боярской вотчины», а княжеская боярская дума превратилась в «совет главных дворцовых приказчиков»² при князе.

Ключевский показал постепенный процесс возникновения из первоначально неустойчивого состава княжеского совета удельной Руси новой боярской думы как постоянного учреждения государственного типа. Раньше всего такой боярский совет сложился в Москве, где он по мере образования единого Русского государства в XVI в. становится политическим оплотом растущих притязаний правительственной аристократии. С XVIII в.

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, СПб., 1919, стр. 5, 7.

² Там же, стр. 111, 116.

руководящая роль переходит от боярской корпорации к отдельным приближенным царя. По мере падения «правительственного класса», подорванного экономическим кризисом XVI в., дума из «участницы верховной власти» превращается в «ее орудие» и к началу XVIII в. прекращает свое существование. Место родовой боярской аристократии занимает московское дворянство. Так, заключает Ключевский, в течение X—XVIII вв. социальный состав боярской думы показывал, какие общественные классы руководили народным трудом. «В социально-политическом значении московской боярской думы отразился основной факт истории Московского государства»¹ — таков конечный вывод историка.

Если Чичерин «единственным двигателем народной жизни» в русской истории считал княжескую власть, то у Ключевского князь, «явившись в Русскую землю, вошел в готовый уже общественный строй, до него сложившийся», а Московское государство было создано великорусской народностью.

Военное по происхождению Московское государство было «народным лагерем», который вел борьбу на три фронта: восточный, западный и южный. «В основании его социального строя лежало деление общества на служилых и неслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения»², — писал Ключевский.

Руководивший народной обороной московский князь совещался с боярской думой, которая была своеобразным военным советом. «Из сочетания власти такого военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков, — писал Ключевский, — и вышел своеобразный политический авторитет московских государей»³. Явно идеализируя их деятельность, историк полагал, что вплоть до XVII в. дума оставалась деятельностью народного военачальника с военными товарищами...»⁴.

Сосредоточив внимание на истории боярства и крупного землевладения, Ключевский внес целый ряд новых и важных для понимания русской истории XVI—XVII вв.

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума..., стр. 520.

² Там же, стр. 521, 522.

³ Там же, стр. 522.

⁴ Там же, стр. 524.

положений. Он впервые показал экономический кризис конца XVI в. и его социальные последствия, вскрыл изменения, которые произошли в составе боярства в результате опричнины и «смуты».

Считая «древнерусскую боярскую вотчину» экономической основой классового деления и политического устройства, Ключевский вплотную подошел к признанию феодальных отношений в русской истории. Поставив во главу угла социально-экономическую историю, он был близок к идее единства закономерности истории, когда видел в «истории наших общественных классов... действие условий, похожих на те, какими создавались общественные классы в других странах Европы...»¹.

Однако, игнорируя классовую борьбу как движущую силу истории, Ключевский превращал государство из органа насилия в примиряющее общенациональное начало.

История боярства заслонила сложные экономические и социальные противоречия допетровской Руси, а боярская дума, как правящий орган этого класса, превратилась в «маховое колесо» ее политической истории. В конечном счете боярская дума у Ключевского стала «творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка.., который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи...»².

Так идеализм и подход к истории с либерально-буржуазных позиций исказили первоначальные намерения автора.

Внутренняя противоречивость исторических взглядов Ключевского, углубляющаяся по мере обострения классовой борьбы в стране, проявилась и в решении другого узлового вопроса — истории русского крестьянства.

В период подготовки и, особенно, в годы проведения реформы для него стало очевидным, что «исторический веред, каким было крепостное право на теле русского

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума..., стр. 5.

² Там же, стр. 1.

общества, созрел и готов был прорваться социальной катастрофой»¹.

✓ В рецензии на сочинения Ю. Ф. Самарина «Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения» (1879), в статьях «Право и факт в истории крестьянского вопроса» (1881), «Происхождение крепостного права в России» (1885), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1885), в отзыве об исследовании В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.» (1889) и в статье, написанной уже накануне смерти в связи с пятидесятилетием реформы (1911), Ключевский по-новому, с позиций буржуазного экономизма подошел к решению проблемы происхождения крепостного права.

До него в буржуазной историографии господствовала «указная» теория, ярким представителем которой был Чичерин. Связывая происхождение крепостного права с деятельностью самодержавной власти, Чичерин не видел «ничего исключительного и несправедливого» в такой форме «государственного тягла», какой была, по его мнению, крепостная зависимость крестьян. «Крепостное право, — писал он, — вышло из потребности государства устроиться и укрепиться» и было подтверждением того, «что княжеская власть растет и развивается»².

Отвергая подобную точку зрения, Ключевский утверждал, что истоки крепостничества следует искать в области экономических отношений, так как «крепостное право в России было создано не государством»³. По его мнению, «бродячество, безземелье и недостаток земельного капитала привели к тому, что уже в XVI в. большинство крестьян на землях крупных землевладельцев было без шума, незаметно закрепощено путем долгового обязательства...»⁴. Экономические предпосылки закрепощения он связывал с ростом долговой зависимости крестьян от землевладельцев, а толчком к массовому закрепощению считал разорение крестьянства в результате экономического кризиса XVI века. «Во-

прос о происхождении крепостного права, — указывал историк, — есть вопрос о том, что такое было крепостное холопское право в древней Руси, как это право привито было к крестьянству и как переродилось вследствие этой пересадки на новую, чуждую ему почву»¹.

Используя такой новый источник, как крестьянские порядные записи, Ключевский показал, как, независимо от государственной власти и тех или иных правительственных указов, крестьянин, работавший не на владельческой вотчинной или поместной земле, постепенно попадал под власть землевладельца и переходил на положение холопа, являвшегося собственностью своего господина. На основе «свободного договора» между арендатором земли — крестьянином и ее собственником утвердилась «власть землевладельца над личностью крестьянина и власть над его имуществом», а затем «власть землевладельцев над потомством его крестьянина»².

Задача государственного законодательства заключалась лишь в оформлении сложившихся отношений между помещиками и крестьянами и сочетании их интересов с общегосударственными. Верный своему идеалу «общенационального государства», историк старательно затушевывал классовую, эксплуататорскую сущность закрепощения. «Законодательству, — писал он, — приходилось оберегать три интереса, имевшие политическую важность, — владельческий, крестьянский и казенный; первый состоял в упрочении личной крепости крестьян, второй — в поддержке хозяйственной и податной состоятельности, третий — в прикреплении их к государственному тяглу...»³. Таким образом, государство, в представлении Ключевского, в равной мере заботилось о крестьянах и помещиках.

Отказавшись от теории законодательного закрепощения крестьян, Ключевский в поисках экономических причин остановился на полдороге, заменив действие закона частной сделкой — свободным договором между крестьянином и землевладельцем. Противоречивость и непоследовательность буржуазного экономизма и здесь

¹ В. О. Ключевский. Соч. в восьми томах, т. VII, М., 1956—1959, стр. 107.

² Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 227, 230.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 317.

⁴ Там же, стр. 155.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, стр. 246.

² Там же, стр. 309.

³ Там же, стр. 293.

привела его теорию закрепощения к сближению с юридической школой. Он, как и ее представители, считал крестьян до XVI в. свободными в правовом отношении. Смешивая социальные отношения с правовыми, он относил возникновение крепостного строя к XVI в. и связывал его с оформлением крепостной зависимости. При этом, явно модернизируя историю, Ключевский подменял внеэкономическую форму принуждения феодального строя экономическими формами эксплуатации трудящихся при капитализме.

Кроме отмеченных проблем, Ключевский интересовался историей культуры, просвещения и общественной мысли. Заслуживают упоминания его статьи «Евгений Онегин и его предки» (1887), «Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени» (1895), «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица» (1897), «Памяти А. С. Пушкина» (1899), «Недоросль» Фонвизина» (1896).

Особое место в творческом наследии историка занимают его многочисленные лекционные курсы, посвященные методологии истории, обзору истории России, историографии и источниковедению. Составленные в 80-е годы, они достаточно полно характеризуют философские и социологические взгляды Ключевского, которые отличались недостаточной четкостью, и были весьма эклектичны, хотя и отражали определенное движение вперед буржуазной исторической науки.

Ключевский был далек от того, чтобы отрицать актуальное политическое значение исторической науки. «Без истории теперь, как и во всякое переходное время, — писал он, — нет спасения»¹. Стремясь в условиях резкого обострения классовой борьбы примирить с помощью исторических примеров и аналогий интересы антагонистических классов, и прежде всего интересы буржуазии и пролетариата, Ключевский понимал зависимость историка от злободневных политических вопросов и течений. «Историческое изучение, — утверждал он, — объективно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то,

что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня»¹.

Философские взгляды историка были расплывчаты и противоречивы. В них можно уловить постепенную эволюцию от элементов широко распространенного позитивизма к неокантианству. Считая, что без историко-философской основы «история становится забавой праздного любопытства», что в исторической науке «есть своя таблица умножения, свое непререкаемое дважды два»², Ключевский позже приходит к противопоставлению науки о природе, изучающей определенные закономерности, исторической науке, описывающей индивидуальные явления.

Во введении к «Курсу русской истории» Ключевский выражал надежду, что «из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об общих законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий»³.

Называя себя историком-социологом, мечтая об открытии общего социологического закона «независимо от местных условий», Ключевский при изучении конкретной исторической действительности фактически отрицал наличие общих закономерностей, когда писал, что «научный интерес того или другого народа определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общежития. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса»⁴.

Таким образом, под общими рассуждениями о социологических законах скрывалось типично неокантианское отрицание закономерностей исторического развития.

Предметом исторической науки Ключевский считал «происхождение, развитие и свойства людских союзов», которые он делил на два вида: «первичные», или «есте-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 303.

² В. О. Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 354, 358.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 26.

¹ Письма В. О. Ключевского П. П. Гвоздеву, стр. 75.

ственные», и «вторичные», или «искусственные». В основе возникновения первичных союзов — семьи, рода, племена — лежит человеческий инстинкт, а в основе вторичных — государства и церкви — сознательные действия. Связующим элементом является язык, родство, власть, труд, капитал, а историческими силами, регулирующими их, — природа страны, человеческая личность и общество.

Противопоставляя исторический процесс развитию природы, Ключевский усматривал отличие их в «бесконечном видоизменении» исторических явлений, а главное, в наличии осознанных целей. Различая местную и общую историю, он видел в развитии всемирной истории три пути: мирное «общение» или враждебное «столкновение» союзов; «поглощение» или «слияние» их; путь «исторической передачи», сводящийся к «географическому перемещению» и «историческому движению».

Л. В. Черепнин, впервые охарактеризовавший философские и социологические взгляды Ключевского на основании неопубликованного «Курса методологии истории»¹, подчеркивая их эклектичность, обратил внимание на то, что Ключевский различал два метода исследования: субъективный и объективный. Такое деление основывалось на субъективно-идеалистическом представлении, по которому «историческая действительность как таковая и она же как результат познания ее историком-исследователем — явления совершенно различные»². Отсюда для Ключевского, как и других буржуазных историков-идеалистов, на первый план выдвигалась не подлинная история как объект исследования, а собственное мировоззрение и политические убеждения, окрашивающие в соответствующие тона изучаемые события.

Эта особенность общеисторических взглядов историка, по мере усложнения социально-экономических и политических противоречий в стране, накладывала все более заметный отпечаток на его труды по русской истории.

Кроме того, сама попытка перехода от постановки отдельных проблем к историческому синтезу нового социально-экономического материала и созданию цельной

концепции русской истории таила неразрешимые для него противоречия.

Вершина научного творчества Ключевского — пятитомный «Курс русской истории» — определил ту предельную черту, дальше которой не могла пойти идеалистическая буржуазная историография в обобщении нового материала. В 90-е годы XIX в., когда развитие новых начал в исторической науке было связано с марксистским направлением, буржуазная наука, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, повернула назад. И Ключевский совершенно закономерно, будучи крупнейшим представителем этой науки, в общей схеме «Курса русской истории» вернулся к государственной школе, отказавшись от многих положений, высказанных в работах 70—80-х годов.

Первые две лекции курса представляют собой методологическое введение, в котором автор определяет задачу изучения русской истории, излагает свою схему социально-исторического процесса «в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время»¹. Видя в этих сочетаниях «основной предмет исторической социологии», автор выдвигал на первый план особенности русской истории, основанные на «своеобразном сочетании действовавших в нашей истории условий народной жизни»².

Три исторические силы, по Ключевскому, создают «людское общежитие»: личность, общество, природа. Каждая из этих сил вносит в «людское общежитие» свои элементы или связи, с помощью которых осуществляется деятельность, складываются и держатся людские союзы. Элементы общежития могут быть либо свойствами и потребностями человека, либо стремлениями и целями его деятельности, либо отношениями между людьми, возникающими в процессе этой деятельности. В соответствии с основными свойствами и потребностями человека Ключевский делил элементы общежития на физиологические — пол, возраст, кровное родство; экономические — труд, капитал, кредит; юри-

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 158—159.

² Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 160.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 19.

² Там же, стр. 26.

дические — власть, закон, право, обязанности; духовные — религия, наука, искусство, нравственность.

Складывающееся из этих элементов «людовое общество» поддерживается общением и преемственностью. Из отдельных лиц, понимающих друг друга благодаря разуму и чувствующих нужду друг в друге на основании общности действий «для удовлетворения потребностей» составлялись постоянные союзы. «Преемственной связью поколений вырабатывалась цепь союзов», образующих «сложные исторические типы»¹.

Такими историческими типами Ключевский считал семью, род, племя, народ, государство. «Начавшись кровной связью тесной семьи, процесс завершался сложным государственным союзом»². В своей схеме социально-экономического развития Ключевский полностью отождествлял интересы народа и государства. «Народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве,— подчеркивал историк, — народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения»³.

Вводя различные элементы для объяснения исторического развития, Ключевский стремился показать его с новой социально-экономической стороны. В этом было то новое, что он внес в познание русской истории сравнительно с Чичериным, Соловьевым и Костомаровым. Но за множественностью различных элементов скрывалось главное — материальные основы общественной жизни, которые в своих ранних работах стремился показать Ключевский. На первый план выдвигались «умственный труд и нравственный подвиг — самые мощные двигатели человеческого развития, которые кладут наиболее прочные основы житейского порядка»⁴.

По такой идеалистической схеме, отражавшей влияние позитивистских социологических теорий, строил Ключевский периодизацию русской истории. Ее стержневой основой были этапы колонизации русским наро-

дом восточноевропейской равнины. «Я делю нашу историю, — писал он, — на отдели или периоды по наблюдаемым в ней народным передвижениям... Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общество устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке»¹.

В соответствии с этим принципом Ключевский и говорит о четырех периодах истории как главных моментах колонизации, характеризуя каждый из них с политической и экономической стороны².

Первый период — Русь днепровская, городская, торговая, с VIII по XIII век; второй — Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая, с XIII до середины XV века; третий — Русь великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая, с половины XV до второго десятилетия XVII века; четвертый — всероссийский, императорско-дворянский период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского, с начала XVII до половины XIX века. Кратко те же периоды Ключевский обозначает как «днепровский, верхневолжский, великорусский, всероссийский».

В такой периодизации напрасно искать отражение роли народных масс как активного начала русской истории или классовой борьбы как ее движущей силы. Определяющее начало — колонизация, конечный результат — государственная власть, экономика — дополнительный момент. Однако уже само введение экономического признака было шагом вперед по сравнению с Соловьевым и другими предшественниками Ключевского.

Характеристика каждого из периодов подтверждает это.

Начало русской истории, или ее первый — «днепровский» период Ключевский связывал не с призванием варягов, а с военным союзом восточных славян, существовавшим на Карпатах в VI в. под предводительством князя дулебов. «Этот военный союз, — пишет историк, — и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она... началась в VI в. на самом краю,

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 40.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 39.

² Там же.

в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат»¹.

✓ В процессе последующего расселения военный союз распался на племена, племена в свою очередь разложились на роды, а последние стали дробиться на мелкие дворы, или семейные хозяйства. В связи с этим автор фиксирует внимание «прежде всего на последствиях юридических, какими сопровождалось расселение восточных славян»².

Затем экономический интерес, обусловленный свойствами страны и внешними обстоятельствами, «вызвал обратный процесс постепенного взаимного сцепления»³. Ошибочно считая основным занятием славян не земледелие, а торговлю, Ключевский связывал с ней все дальнейшее развитие. Оживленная внешняя «торговля стянула разбросанные одинокие дворы в сельские торговые средоточия, погосты, потом в большие торговые города с их областями»⁴. Под влиянием внешней опасности торговые города вооружились. Возникла городская область — торговый округ, управляемый укрепленным городом. Это была, по мнению Ключевского, «первая местная политическая форма, образовавшаяся на Руси»⁵.

Вторую он связывал с появлением варяжских князей. «В тех промышленных пунктах, куда с особенной силой приливали вооруженные пришельцы из-за моря, они легко покидали значение торговых товарищей или наемных охранителей торговых путей и превращались во властителей»⁶. Так возникла вторичная политическая форма — варяжские княжества.

В результате объединения варяжских княжеств и городских областей «вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси, ... великое княжество Киевское»⁷. В нем Ключевский видел «древнейшую форму русского государства». Причинами возникновения этого государства он считал общие торговые интересы всех областей и княжеств, а также вооруженную силу варяжского

князя, который, «став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны, ... из вооруженной силы превращается в политическую власть»¹. Этому способствовало географическое положение Киева, бывшего главным оборонительным форпостом страны против степных кочевников и «центральной вывозной факторией» древнерусской торговли².

Таким образом, на место действительных предпосылок образования Древнерусского государства, связанных с развитием феодальных отношений, Ключевский поставил торговлю, значение и удельный вес которой непомерно преувеличил, и варяжских князей, которым ошибочно отводил ведущую роль.

Начало второго — «верхневолжского» периода Ключевский связывал с перемещением населения с Приднепровья в район Верхней Волги. Причинами запустения Киевской Руси и последующего «колониационного перелета» он считал «юридическое и экономическое приращение низших классов, княжеские усобицы и полoweцкие нападения»³.

Новый период, по утверждению Ключевского, принес коренные перемены в русскую жизнь. «Русь днепровская сменяется Русью верхневолжской; волостной город уступает место князю»⁴. Территориальные и политические изменения определяют новое экономическое и политическое устройство: вместо городских областей — княжеские уделы, вместо внешней торговли возникает «сельскохозяйственная эксплуатация земли с помощью вольного труда крестьянина-арендатора»⁵.

Подменяя и здесь действительное развитие производственных феодальных отношений географическими условиями и организующей деятельностью княжеской власти, Ключевский видел в колонизации Северо-Восточной Руси этнографические и политические последствия. Первые выразились в формировании двух народностей: русской и украинской. Процесс этот Ключевский рисовал в откровенно шовинистическом плане. «Русская

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 110—111.

² Там же, стр. 114.

³ Там же, стр. 149.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 136.

⁶ Там же, стр. 138.

⁷ Там же, стр. 140.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 148.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 282.

⁴ Там же, стр. 271.

⁵ Там же, стр. 272.

народность, завязавшаяся в первый период, — писал он, — в продолжение второго разорвалась надвое. Главная масса русского народа, отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и Верхней Волге, там собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и, вооружив ее силой сплоченного государства, опять пришла на днепровский юго-запад, чтобы спасти остававшуюся там слабейшую часть русского народа от чужеземного ига и влияния»¹.

Лекция XVII, посвященная образованию великорусского племени, одна из наиболее ярких по силе и образности изложения. Но многие верные замечания и наблюдения сочетаются здесь с преувеличением роли географической среды, с чисто психологической трактовкой великорусской народности. Политическим следствием колонизации, по утверждению Ключевского, было образование удельного порядка княжеского владения. И здесь главным основанием нового удельного строя являлось не развитие феодальных отношений, а географические особенности. «При содействии физических особенностей верхневолжской Руси, — писал Ключевский, — колонизация выводила здесь мелкие речные округа, уединенные друг от друга, которые и служили основанием политического деления страны, т. е. удельного ее дробления»².

Другим основанием удельного порядка он считал роль князя как личного собственника удела, его заселителя и устроителя. Отсюда логически вытекало преувеличенное представление о князе и его власти как единственном организующем начале.

Здесь Ключевский противоречил сам себе. Признавая народный характер колонизации, он в то же время говорил о князьях как главных устроителях и заселителях Северо-Восточной Руси. Все население княжеств у него — лишь временные сьемщики княжеской земли; крестьяне не были прикреплены и могли передвигаться по всей территории Северо-Восточной Руси, странствуя из удела в удел в качестве свободных арендаторов княжеской или боярской земли.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 291.

² Там же, стр. 349.

Бояре и военные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому, будучи связаны с ними отношениями договора, а не политического подданства. Если в «Боярской думе...» Ключевский был близок к признанию феодализма, то теперь удельно-вотчинную систему с ее частновладельческими княжескими отношениями он противопоставил западноевропейскому феодализму, отрицая его наличие на Руси в XIII—XIV веках. «В удельном порядке, — указывал он, — можно найти немало черт, сходных с феодальными отношениями, юридическими и экономическими; но имея под собой иную социальную почву, подвижное сельское население, эти сходные отношения образуют иные сочетания и являются моментами совсем различных процессов»¹.

Удельную систему Ключевский считал не определенным этапом русской истории, а «переходной политической формой, посредством которой Русская земля от единства национального перешла к единству политическому»². Отмечая, что в отношениях между удельными князьями «нельзя было усмотреть никакого порядка», что они в «большинстве... были свободны от чувства родства и общественного долга», буржуазный историк не видел внутренних сил, способных противодействовать «инстинктам самосохранения и захвата». Почти не касаясь татаро-монгольского ига, он писал, что власть «хана давала хотя призрак единства мельчайшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей»³.

Наибольший интерес Ключевского вызывал третий — «великорусский» период русской истории. Московскому государству были посвящены крупнейшие монографические исследования историка. Видя в нем воплощение «политического единства на народной основе»⁴, Ключевский старался объяснить процесс его возникновения целым рядом факторов — географических, этнографических, внешнеполитических, экономических и социальных.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I, стр. 362.

² Там же, стр. 369.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 115.

Ключевский утверждал, что благоприятное сочетание всех этих условий, среди которых на первое место он ставил географический фактор и внешнюю опасность, было основой возвышения Московского княжества. Стремление великорусской народности найти свой политический центр и объединить вокруг него силы для борьбы с внешним врагом — такова главная причина объединительного процесса, по Ключевскому. В его схеме образования Московского государства нет места социально-экономическому развитию русских земель, росту производительных сил, общественному разделению труда и, конечно, полностью игнорируется классовая борьба как основная движущая сила.

Процесс создания великорусского государства он сводил к превращению в государство Московской великодержавной «вотчины». «Можно так выразить этот факт, — писал Ключевский, — завершение территориального собирания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и таким образом сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя»¹.

Основным стимулом дальнейшего развития складывающегося государства Ключевский считал внешнеполитическую опасность.

Экономическое развитие определялось, по его мнению, господством сельского хозяйства, основанного уже не на вольном, а на крепостном праве. В конце XVI — начале XVII в. «малоземельный и малоусидчивый хлебопашец, весьма задолженный, в хозяйстве которого все, и двор, и инвентарь, и участок было наемное или заемное...»², под давлением экономической зависимости от землевладельца «сам отказывался в порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства»³ и становился крепостным. Как уже отмечалось, такая теория закрепощения, выдвигавшая на первое место экономический фактор, носила прогрессивный характер, хотя Ключевский сводил все лишь к крестьянской задолженности

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 114.

² Там же, стр. 307—308.

³ Там же, стр. 328.

и не касался развития барщины как одного из путей закрепощения.

Считая товарное хозяйство в XVI в. крайне примитивным, Ключевский не затрагивал развития русского города, ремесла и торговли.

Подробно рассматривая создание поместного землевладения в связи с укреплением самодержавной власти, буржуазный историк не видел ее классовой направленности, ничего не говорил об усилении господства феодалов. Отсюда социальная структура Русского государства изображалась им не в соответствии с классовыми противоречиями феодального строя, а в соответствии с разделением государственных обязанностей между сословиями: «Были командиры, солдаты и работники, не было граждан, т. е. гражданин превратился в солдата или работника, чтобы под руководством командира оборонять отечество или на него работать»¹.

«Общепародное» государство представлялось ему в качестве надклассовой силы, создавшей новый «класс» — поместное дворянство — и вступившей на путь борьбы с другим «классом» — боярством, в среде которого зрело недовольство крепнущей самодержавной властью. «Источником этих столкновений, — писал Ключевский, — были не противоречивые политические стремления обеих государственных сил..., а несообразность в установившемся уже государственном порядке»². Бояре возомнили себя «властными советниками государя всея Руси», а последний считал их «холопами государевыми». Выход был в том, чтобы устранить боярство как правительственный класс и заменить его другими, более гибкими и послушными орудиями управления»³.

Ключевский не понял истинных причин центробежного реакционного смысла боярской оппозиции и не сумел правильно оценить значение опричнины как реформы, направленной на укрепление централизованного государства. «Опричина», — в его представлении, — выводила крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она готовила действитель-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 397.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 181.

ную»¹. Ключевский прямо пишет о бесцельности опричнины и ставит под сомнение смысл всей деятельности Ивана IV. Его исключительно яркая характеристика «первого из московских государей, который живо почувствовал в себе царя в настоящем... смысле помазанника божия», грешит односторонностью.

Конечно, вряд ли можно сближать точку зрения Ключевского на царствование Грозного с карамзинской, но тем не менее он был далек от правильной оценки его политической деятельности, когда отмечал в чисто психологическом плане, что «царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений»².

Вопреки своему утверждению о разделении государственных обязанностей между сословиями, Ключевский приблизился к признанию классового характера бурных событий русской истории в начале XVII века: «по мере того как оборонительная борьба превращалась в наступательную, с верхних общественных классов снимались их специальные повинности, заменялись специальными сословными правами, и скупивались на низших классах..., росло чувство народного недовольства»³.

Разумеется, истинные социальные причины «смутного времени» были заслонены у Ключевского политическими и прежде всего династическим конфликтом, в котором он видел первопричину «смуты». «Смуту» начало боярство, а затем в нее последовательно втягиваются все классы русского общества, «в том самом порядке, в каком они... были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов»⁴. Конец «смуты» столь же произвольно связывался с объединением всех сил общества, почувствовавшего свою страну и государство на краю гибели.

Несмотря на явную надуманность схемы Ключевского, его лекции, посвященные началу XVII в., были одной из первых в буржуазной историографии попыток анализа сложнейших экономических и социально-политиче-

ских явлений, в котором автор, помимо своей воли, касался классовых противоречий и классовой борьбы.

Последний, четвертый — «всероссийский» период русской истории Ключевский считал «новой историей», представлявшей «особенный интерес»¹. Это не просто исторический период, — говорил он, — а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни, — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замененную»².

Три противоречивых процесса определяли, по мнению Ключевского, содержание этого периода: 1) по мере расширения территории государства и роста его внешнеполитической силы все более стеснялась внутренняя свобода народа; 2) по мере сокращения свободы трудящихся классов увеличивалась производительность народного труда; 3) по мере демократизации управления (в смысле передвижения власти от боярства к дворянству) усиливалось социальное неравенство и дифференциация.

Все эти «три процесса, — пишет Ключевский, — полные таких противоречий и захватывающие все главные явления периода, не были аномалиями, отрицанием исторической закономерности: назовем их лучше историческими антиномиями, исключениями из правил исторической жизни, произведениями своеобразного местного склада условий, который, однако, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии повинуетя уже общим законам человеческой жизни, как организм с расстроенной нервной системой функционирует по общим нормам органической жизни, только производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления»³.

Источником столь серьезных ненормальностей историк считал «неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа»⁴. Следовательно, и здесь, в соответствии со своими политическими и общи историческими убеждениями, ответ на вопрос, почему «государство пухло, а народ хирел»⁵, Ключевский

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 5.

² Там же.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Там же.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 185.

² Там же, стр. 190.

³ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 29.

чевский искал не в области феодально-крепостнических противоречий, а в области внешней политики.

Основными задачами Русского государства, по Ключевскому, было завершение политического объединения русской народности и расширение территории до пределов русской равнины. Затем оборонительные войны, отмечал он, превратились в наступательные, «в борьбу за такие части Русской земли, которыми Московское государство еще не владело дотоле»¹.

Подробно рассматривая такие внешнеполитические задачи, как воссоединение Украины и завоевание выхода к Балтийскому морю, Ключевский указывал, что решение их путем длительных войн привело к перенапряжению народных сил и, как следствие, к «расширению государственной власти за счет общественной свободы»².

В связи с освещением внешней политики историк касался положения народных масс, обилия народных мятежей в XVII веке, их социальной окраски в XVIII веке. Правда, упоминая о «пугачевщине», Ключевский подчеркивал, что она «выступала под легальным знаменем, несла с собой идею законной власти против екатерининской узурпации с ее пособниками-дворянами»³.

Отношение Ключевского к деятельности Петра I и его реформам было двойственным. «Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа»⁴, — утверждал он, — «... преобразовательная программа Петра... была вся готова еще до начала деятельности преобразователя»⁵. В то же время все реформы Ключевский связывал с деятельностью Петра как преобразователя, а главной причиной их считал Северную войну. «Война является обстановкой реформы, даже более — имела органическую связь с его преобразовательной деятельностью, вызвала и направляла ее»⁶, — писал он.

Изменения в социально-экономической жизни страны Ключевский выводил из правительственных преоб-

разований, опрокидывая таким образом исторический процесс вверх дном.

Далекий от безудержного восхваления Петра I и его деятельности, он ценил в ней прогрессивные начала, сравнивал ее с «бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева»¹. Ключевский настойчиво подчеркивал стремление Петра к «общему благу». Он не видел классовых основ петровской политики, а все народные движения начала XVIII в. объяснял не усилением феодальной эксплуатации, а грубым введением бытовых новшеств, злоупотреблениями власти, возростанием налогов.

Усилившиеся реакционно-идеалистические тенденции историка проявились в характеристике второй четверти XVIII века. Абстрагируясь от социально-экономических предпосылок роста политической роли дворянского класса, Ключевский утверждал, что поскольку «почти все правительства, сменявшиеся со смерти Петра I до воцарения Екатерины II, были делом гвардии»², а гвардия состояла из дворян, у последних выработалось представление о своем особом положении. «При содействии этого взгляда и обстоятельств, их установивших, — писал Ключевский, — изменялись и положение дворянства в государстве и его отношения к другим классам общества»³.

Столь упрощенное представление о причинах установления «дворянновласти» усугублялось неверной оценкой второй четверти XVIII в. как периода общего упадка в стране, связанного с отрицательной реакцией дворянства на петровские преобразования.

Все события, происходившие в России в 1762—1855 гг., Ключевский рассматривал исключительно в связи с правительственной политикой. Тем не менее он был одним из первых буржуазных историков, отвергших ошибочный взгляд на правление Екатерины II как на время расцвета Российской империи.

Ключевский подчеркнул, что дворянское господство пагубно отразилось на экономическом и политическом

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 92.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 14.

⁴ В. О. Ключевский. Соч., т. IV, стр. 220.

⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. III, стр. 364.

⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 207.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. II, стр. 222.

² В. О. Ключевский. Соч., т. IV, стр. 266.

³ Там же, стр. 267.

развитии, а достигшее апогея крепостное право стало основным тормозом в жизни страны. Приближаясь к правильной характеристике соотношения классовых сил, он указывал: «Усилилась разнь между социальными составными элементами коренного русского общества; это усиление было следствием тех отношений, в какие поставлены были законодательством Екатерины два основных класса русского общества — дворянство и крепостное крестьянство»¹.

Историк показывает, как дворянство, превращаясь, благодаря своему участию в дворцовых переворотах, «из простого правительственного орудия в правящий класс», постепенно сбрасывало с себя одну государственную обязанность за другой, не теряя прежних прав и даже приобретая новые. Вслед за ним «раскрепилось» торгово-промышленное сословие. Оба класса, составляя незначительную часть населения, оказались в исключительном положении. Ключевский считал, что освобождение дворянства от обязательной службы было значительно ускорено участием его в дворцовых переворотах, т. е. шло «не вполне законным порядком, революционными средствами»².

Таким же путем стремилось освободиться крепостное крестьянство. «Вслед за дворянством, — говорит историк, — и оно хотело достигнуть свободы рядом незаконных восстаний». В этом он видел «смысл многочисленных крестьянских мятежей, которые начались в царствование Екатерины II и которые, постепенно распространяясь, слились в громадный пугачевский бунт». Однако тут же Ключевский добавляет, что, во имя общественного порядка нельзя допускать «насильственного раскрепления». Будучи решительным сторонником мирного разрешения социальных противоречий и конфликтов, историк был убежден, что положение крестьян «следовало устроить законным путем, посредством правомерного определения отношений к земле»³.

Во всей последующей внутренней политике правительства, вплоть до реформ 60-х годов, Ключевский настойчиво ищет стремление «сблизить между собою раз-

ные классы общества, уравнивая их перед законом». Заканчивая свой «Курс русской истории» «Очерком важнейших реформ Александра II», он приходит к выводу, что благодаря реформе 1861 г. «общество уравнилось перед законом», а земская реформа восстановила «соземственную деятельность сословий в делах политических и хозяйственных»¹.

Ряд интересных догадок высказал Ключевский при освещении внешней политики России второй половины XVIII и первой половины XIX в., хотя в целом он не мог вскрыть ее классовую основу, считая главной задачей «призвание к политическому бытию славянских и православных племен Балканского полуострова по мере их политического пробуждения»².

Наиболее характерными чертами русской истории первой половины XIX в. Ключевский считал внешнеполитические успехи, развитие законодательства, расцвет русского творческого гения. За этими тремя светлыми сторонами скрывалась теневая, мрачная сторона — «небывалый организованный гнет правительственной опеки и полицейского сыска».

С либерально-буржуазных позиций Ключевский критиковал безразличие правительства к «подъему народных производительных сил», его «усиленно-заботливое полицейское ограждение народных масс от духовного соприкосновения с образованными классами с целью насильственной задержки народа в послушном невежестве»³. Рисуя с присущим ему мастерством портреты русских самодержцев, Ключевский едко критиковал их в пределах либерально-буржуазной оппозиционности. «Павел, Александр I и Николай I, — писал он в черновых набросках курса, — владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес, упражняли на ней свою волю, не желая и не умея понять нужд народа, истощали в своих видах его силы и средства, не обновляя и не направляя их в целях народного блага»⁴.

В «Курсе русской истории» ярче всего сказались замечательные лекторские качества Ключевского, его ис-

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. V, стр. 180.

² Там же, стр. 181.

³ Там же.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. V, стр. 284.

² Там же, стр. 201.

³ Там же, Комментарии, стр. 399.

⁴ Там же, стр. 400.

кусство художественного воссоздания картин далекого прошлого. Неповторимая по своей яркости галерея исторических портретов выдающихся деятелей русской истории проходит через весь «Курс...», воссоздавая живые образы прошлого и среду, в которой они жили и действовали. «Ключевский принадлежал к особой категории историков-художников, среди которых мало найдется равных ему по мастерству»¹, — пишет Н. Л. Рубинштейн.

Манера изложения Ключевского не похожа на внешнюю художественность Карамзина или Костомарова. Для него характерна образность мышления, благодаря которой ученому удается подчас верно воссоздать связь между отдельными историческими событиями, разрушенную его идеалистической схемой.

В этом неповторимое очарование исторических исследований Ключевского и в первую очередь «Курса русской истории». «Ключевский, — отмечает М. Н. Тихомиров, — обладал редким даром выпуклой и образной передачи даже труднейших исторических фактов, создав, пожалуй, единственное по красоте своей литературной формы и языка историческое повествование о судьбах России»².

Ключевский обращал большое внимание на тщательную литературную обработку своих лекций, и не случайно они пользовались колоссальным успехом. Почти математическая точность выводов и формулировок в сочетании с яркостью изложения, остроумием, меткостью сравнений и эпитетов отличают язык и стиль этого талантливой русского историка.

В целом «Курс русской истории» Ключевского со всеми его достоинствами и недостатками был определенным и важным итогом в развитии буржуазной исторической мысли последней четверти XIX века.

К числу несомненных заслуг ученого, которые отличали его от предшествующих крупнейших дворянских и буржуазных историков, следует отнести обращение к изучению экономической, общественной и культурной истории России, стремление к освещению социальной жизни русского народа, отказ от традиционного деления

русской истории по княжениям и царствованиям и попытку создания новой периодизации с учетом экономического фактора, определение вопреки норманской теории начального момента отечественной истории с VI в., доведение изложения до середины XIX в., источниковедческую основательность и, наконец, непревзойденную яркость и образность языка.

Что касается недостатков, то в первую очередь необходимо отметить методологическую несостоятельность исторической теории, положенной в основу «Курса». В нем отчетливо видна теоретическая беспомощность буржуазной историографии в создании строго научной концепции русской истории.

Стремление Ключевского к изучению социально-экономических проблем русской истории вступало в противоречие с его соглашательскими политическими взглядами, а общая идеалистическая позиция предопределила неудачу в решении поставленных проблем.

Народ не был у Ключевского основной действующей силой русской истории, он выступал в ограниченной бытовой, этнографической сфере; его быт и нравы, положение и интересы являлись лишь одним из проявлений исторической жизни, своего рода вспомогательным историческим материалом.

Методологическая порочность обусловила непонимание определяющей роли экономики, эклектизм его суждений, соединение различных точек зрения, отсутствие связи между отдельными периодами и научного обобщения граней между ними, стремление втиснуть все многообразие исторического процесса в узкие рамки социологической формулы. Этим же объяснялось отрицание феодализма в России, тяготение к изучению исторических фактов со стороны их юридической природы, недооценка социально-экономических предпосылок образования Русского государства, представление о нем как о «надклассовой силе», стремящейся к установлению «социальной справедливости», игнорирование антифеодальной сущности крестьянских восстаний.

Отсутствие классового анализа исторических событий сказалось в односторонней оценке петровских реформ, внешней политики царского правительства, в том, что Ключевский считал восстание декабристов «последним гвардейским дворцовым переворотом», не касался

¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 453.

² М. Н. Тихомиров. К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского. «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 159.

деятельности представителей русской революционной демократии, умышленно обходил вопросы, связанные с развитием капитализма, формированием пролетариата и началом рабочего движения.

Значение и место Ключевского в русской историографии ясны и определены.

Внесением социально-экономического материала в свои исследования и созданием пятитомного «Курса русской истории» Ключевский достиг высшей точки в развитии русской буржуазной исторической науки. Он был ее последним крупным представителем, сделавшим попытку исторического синтеза на новой основе.

Ключевский пытался пересмотреть историческую концепцию Соловьева, хотел наполнить ее новым социальным и экономическим содержанием, отразить проблемы, возникшие в капиталистический период. Такая попытка сама по себе, несмотря на ее конечные результаты, не могла остаться незамеченной. Тем более, что своими специальными монографическими работами, посвященными изучению социальной и экономической истории, Ключевский, обладавший редким сочетанием силы ума и богатства знаний с талантом художника, внес немало нового и ценного в изучение истории России. Его отдельные высказывания и положения, мастерский анализ источников не утратили значения до сих пор. В. И. Ленин, критикуя ошибочное утверждение Г. В. Плеханова о том, что «национализация земли была экономической основой московской Руси», ссылаясь на работы В. О. Ключевского¹.

Ключевский стал создателем крупной школы в русской историографии, где после него прочно утвердилось экономическое направление. Исторические взгляды П. Н. Милюкова, М. М. Богословского, М. К. Любавского, А. А. Кизеветтера формировались под сильным воздействием этого крупнейшего буржуазного историка. Многие представители старшего поколения советских историков, и прежде всего М. Н. Покровский, также испытали его влияние.

Ни один из русских буржуазных историков не сумел подобно Ключевскому облечь свою идеалистическую, антинародную схему в столь высокохудожественную

форму. «Страх перед нарастающей революцией, — пишет М. В. Нечкина, — эмоционально окрашивал эту концепцию согласования классовых интересов. — Ключевский искренне хотел того, о чем говорил. Но историческая действительность кричала против схемы, нарастала революция, а вместе с ней и внутренний кризис исследователя»¹.

Развитие пролетарского движения, распространение марксистских идей и их соединение с рабочим движением исключали возможность примирения назревших противоречий, отсюда эклектизм исторической концепции Ключевского и ее научная несостоятельность. «Знать свою историю — значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее»², — утверждал историк. И нужно отметить, что такое понимание, и тем более научное предвидение, оказались невозможными для автора приведенных строк, отрицавшего революционный путь развития России.

Ложная историческая концепция Ключевского была оторвана от действительных нужд народа, отрицала его революционные возможности и объективно противостояла научной концепции русской истории, созданной В. И. Лениным и отражающей подлинные интересы народных масс.

ЛИТЕРАТУРА

- В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, М., 1919.
В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. I—V, М., 1956—1958.
В. О. Ключевский. Происхождение крепостного права. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 237—317.
А. А. Зимин. Формирование исторических взглядов Ключевского в 60-е годы XIX в. «Исторические записки», 1961, т. 69, стр. 178—196.
М. В. Нечкина. В. О. Ключевский. В сб. «Русская историческая литература в классовом освещении», т. II, 1930, стр. 217—346.
Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, стр. 146—170.
Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 441—469.

¹ М. В. Нечкина. Указ. раб., стр. 306—307.

² В. О. Ключевский. Соч., т. VI, стр. 475.

¹ См. В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 42, стр. 14.

НАРОДНИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Исторические корни и эволюция народничества. Философские и социологические основы народнического понимания истории. «Исторические письма» П. Л. Лаврова, В. В. Берви-Флеровский. Социологические взгляды Н. К. Михайловского. Представитель либерально-народнической историографии В. И. Семевский. Ленинская оценка субъективно-идеалистической социологии народников

Важным звеном в истории русского освободительного движения второй половины XIX в. является народничество. В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» указывал: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»¹.

До недавнего времени в советской исторической науке это важное ленинское указание не учитывалось, и проблема народничества вследствие этого игнорировалась как предмет специального научного исследования истории общественного движения пореформенной России. «Из поля зрения исследователей, — отмечает Б. С. Итенберг, — выпадала, таким образом, двадцатилетняя исто-

рия (примерно с середины 60-х до середины 80-х годов XIX в.) освободительной борьбы в России»¹.

После XX съезда КПСС, положившего начало новому периоду развития советской исторической науки, правильная оценка героической деятельности революционного народничества в ходе плодотворной творческой дискуссии советских историков² стала восстанавливаться.

Народники 70-х годов, как и революционные-демократы 60-х, были предшественниками российской социал-демократии. Поэтому нельзя противопоставлять революционеров 60-х годов революционным народникам 70-х. Как те, так и другие боролись против самодержавия и крепостничества и являлись сторонниками крестьянской революции. Однако было бы другой крайностью не видеть определенных различий между ними.

Перерастание «зачатков» народничества, возникших еще в конце 40-х годов, в развернутую народническую доктрину определялось прежде всего капиталистической эволюцией пореформенной деревни, которая вызывала быстрое превращение крестьян в товаропроизводителей, хозяйничающих при капитализме, т. е. в мелких буржуа, и сопровождалась разложением простых товаропроизводителей на два противоположных класса буржуазного общества — буржуазию и пролетариат.

Основная масса дифференцирующегося крестьянства подвергалась двойной эксплуатации — помещиков и капиталистов. Народническая доктрина отражала глубокий протест мелких товаропроизводителей капиталистической России против остатков крепостничества, против самодержавно-помещичьего строя, против капитализма. «Двойственный характер» этого класса в капиталистических условиях определял противоречивость народнической идеологии. «Народнические теории, — писал В. И. Ленин, — будучи нелепы и реакционны с точки зрения борьбы за социализм против буржуазии, оказываются «разумными» (в смысле особой исторической за-

¹ Б. С. Итенберг. Некоторые вопросы изучения истории общественного движения пореформенной России. В сб. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР», М., 1962, стр. 259.

² Б. С. Итенберг. Указ. ст., стр. 259.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 25, стр. 94.

дачи) и прогрессивными в буржуазной борьбе против крепостничества»¹.

Узкий кругозор мелких производителей, изолированность их друг от друга, прикованность к своему обособленному хозяйству исключали для народников, как идеологов этого класса, понимание классовой сущности самодержавного государства и закономерности капиталистического развития России.

Одной из самых существенных черт народнической теории, по определению В. И. Ленина, было ошибочное представление о капитализме как отрицательном, регрессивном явлении русской действительности, которое якобы не имело ни будущего, ни исторических корней в прошлом. Второй — являлась теория «самобытности» русского экономического строя, обусловившая одну из непререкаемых догм народничества об «исконности» общинного строя и спасительной роли крестьянской общины.

Третья черта народнической доктрины была связана с идеалистическим пониманием общественного развития. Игнорируя связь правовой и политической надстройки с материальными интересами определенных общественных классов, проповедуя бесклассовость интеллигенции, народники противопоставляли «пассивной толпе» «критически мыслящие личности», которых они считали творцами истории.

Эти основные черты, роднившие народнические течения различных оттенков, показывают, что в теоретическом отношении народники по сравнению с представителями классического демократизма — Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым — сделали шаг назад.

Виднейшие идеологи народничества П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский отступили от цельного философского материализма и революционно-демократического понимания истории Чернышевского и Добролюбова в сторону позитивизма и субъективистской социологии. В ходе последующей эволюции среди народничества росло анархическое течение, распространялась бесплодная и пагубная для массового движения террористическая тактика, постепенно усиливались либеральные тенденции.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 16, стр. 215.

Народники перестали замечать враждебность самодержавного государства трудящимся массам и начали рассматривать царскую монархию как надклассовую организацию. В соответствии с этим одни говорили о «легкости» предстоящей революции, другие — о проведении реформы по инициативе самодержавия в интересах народа с целью усиления мелкого производства против капитализма.

Видя в капитализме «случайное зло», народники считали возможным предотвратить его, мечтали с помощью крестьянской общины осуществить «поворот России с ошибочного пути».

В ходе дальнейшей капитализации пореформенной деревни, растущей дифференциации крестьянства и развития рабочего класса в народничестве, с одной стороны, усиливается влияние мелкобуржуазной идеологии, а с другой — выделяются пролетарские элементы, что приводит к расколу старого народничества, от которого отделяется немногочисленное пролетарски-народническое направление.

В 90-е годы народничество окончательно вырождается в либеральное. «Из политической программы, — писал В. И. Ленин, — рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»¹.

Эклектизм народнической теории, сочетание в ней элементов революционного демократизма с позитивизмом и субъективной социологией определили противоречивость народнического понимания истории.

А. М. Станиславская, которой принадлежит наиболее содержательная характеристика народнической историографии 70—90-х годов², связывает возникновение субъективной народнической социологии со спадом общественного движения после неудачи первого революционного натиска. «Эти исторические условия, — отмечает она, — во многом определили и характер первых работ народнических социологов». Наряду с отчетливой рево-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 272.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, гл. III, стр. 171—218.

люционно-демократической защитой интересов народных масс, «здесь уже явственно выступает, несмотря на всю их народолюбческую фразеологию, неверие в творческие и революционные возможности народа»¹.

Философские и социологические основы народнического понимания истории содержались в «Исторических письмах» П. Л. Лаврова, напечатанных в 1870 г., а также в статье Н. К. Михайловского «Что такое прогресс», опубликованной годом раньше.

«Исторические письма» Петра Лавровича Лаврова (1823—1900 гг.) проникнуты стремлением перенести философские начала позитивистской теории в русскую историческую науку. Вслед за О. Контом, Лавров причислял социологию, или обществознание, к высшим звеньям в системе научных знаний и ставил ее в один ряд с естественными науками, психологией и этикой. Считая социологию, как теорию «процессов и продуктов общественного развития», самой «важной и близкой частью естествознания», Лавров видел в ее развитии раскрытие объективных законов, которые «настолько же опираются на данные механики, химии, физиологии, как и на данные истории»².

Отдавая предпочтение в изучении общества естественным наукам, Лавров лишал их свойственных только им особенностей. Он противопоставлял социологию, как естественную науку о развитии общественных процессов, истории, которая, по его представлению, исследует единичные и неповторимые явления.

Из отрицания объективной закономерности исторического развития вытекало признание правомерности субъективного толкования событий и фактов прошлого. «Все, — утверждал Лавров, — судят об истории субъективно, по своему взгляду на нравственные идеалы, да иначе и судить не могут»³.

В отличие от Чернышевского, Лавров изображал процесс исторического познания не как постепенное приближение к пониманию внутренней закономерности событий, а как последовательную смену оценок, обусловлен-

ных нравственным идеалом того или другого историка. «Факты истории остаются, а понимание изменяет их смысл, и каждый период, приступая к истолкованию прошлого, вносит в него свои современные заботы, свое современное развитие»¹, — писал идеолог народничества 70-х годов.

Таким образом, представление об историческом процессе становилось научной фикцией, продуктом чисто субъективной, произвольной оценки. Хотя Лавров и пытался в других работах обосновать принцип научного познания истории², это лишь подтверждает эклектичность и непоследовательность его теории.

Противоречивое толкование проблемы познания исторического развития сочеталось у Лаврова с верой в «возможность выработать научное понимание прогресса и построить историю, как науку»³. Сам он признавал прогрессивный характер исторического процесса, понимая чисто субъективистски «закон прогресса» как «единственный закон исторической группировки событий», независимо от того, «считаем ли мы этот прогресс фактически непрерывным или подверженным колебаниям, верим ли мы в его реальное осуществление или только в его сознание»⁴. Прогресс Лавров идеалистически связывал с физическим, умственным и нравственным развитием личности и воплощением в общественных формах истины и справедливости.

В таком определении предмета истории отчетливо видны те отступления в теоретическом отношении, которые характерны для революционного народничества 70-х годов по сравнению с революционерами-демократами Чернышевским и Добролюбовым. «История может быть понята, — писал Лавров, — лишь как наука прогресса, а прогресс сам по себе есть не более как субъективный взгляд на события с точки зрения нашего нравственного идеала»⁵. Научность истории в субъективистском понимании Лаврова была обусловлена «возмож-

¹ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 17.

² П. Лавров. Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации. СПб., 1906, стр. 79—83, 141, 142.

³ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 46.

¹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, гл. III, стр. 173.

² П. Л. Лавров (П. Миртов). Исторические письма, изд. 3, СПб., 1906, стр. 14—15.

³ Там же, стр. 36.

ностью выработать... нравственный идеал, который должен неизбежно утвердиться в человечестве, как единая научная истина»¹.

Теория и практика прогресса Лаврова отрывалась от реальной исторической действительности, целиком и полностью зависела от субъективной оценки этой действительности «критически мыслящей личностью», как единственным орудием человеческого прогресса. «Как ни мал прогресс человечества, — утверждал Лавров в пятом письме, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно, невозможен»².

Автор «Исторических писем» был одним из создателей теории «критически мыслящих личностей» как основной движущей силы исторического развития. Хотя он на словах и признавал решающую роль народных масс в предстоящей революции, его теория фактически отрицала это чисто внешнее признание, была чужда ему и положила начало народнической догме о руководящей роли интеллигенции, как мыслящего меньшинства. Противопоставление «критически мыслящих личностей» безликому «лагерю трудящихся» достигло своего крайнего выражения позднее у Михайловского в его теории «героев и толпы». Лавров же, связывая прогресс с деятельностью отдельных личностей, на место классовых противоречий выдвигал противоречия между личностью и обществом.

Для Лаврова характерен резкий и определенный протест против существующего строя, протест против оправдания самодержавной действительности с позиций формального объективизма Соловьева и Ключевского. В антикрепостническом, антисамодержавном звучании его теории, в горячих призывах революционера, считавшего, что «нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем»³ — секрет популярности Лаврова среди русской молодежи конца 60-х и 70-х годов.

При всем субъективизме и теоретической несостоятельности «Исторические письма» Лаврова привлекали

¹ П. Л. Лавров. Исторические письма, стр. 46.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, стр. 140.

передовую русскую молодежь решительным осуждением существующего строя, идеей служения народу, верой в торжество свободы. Автор их вел большую подпольную революционную работу, принимал деятельное участие в революционном студенческом движении 1861 г. в Петербурге, был частым гостем Чернышевского, которого очень высоко ценил.

В 1866 г. Лаврова арестовали и в следующем году сослали в Тотьму, затем Кадников, Вологодской губернии, где он и написал свои «Исторические письма». Его перу принадлежит более 150 работ по философии, социологии, истории. В 1870 г. он с помощью Лопатина бежал в Париж, участвовал в Парижской Коммуне, был членом Интернационала, а в 1871 г. в Лондоне познакомился с Марксом и Энгельсом и считал себя их последователем, хотя на самом деле эклектически сочетал отдельные ошибочно понятые им положения марксизма с анархизмом и позитивизмом. За границей он издавал журнал «Вперед», пропагандировавший народнические идеи. Несмотря на работу в Интернационале, борьбу в рядах коммунаров и длительное личное общение с Марксом и Энгельсом, Лавров до конца жизни сохранил свои субъективистские социологические взгляды.

Это был один из немногих народников, глубоко, профессионально интересовавшийся историей. Первобытному обществу посвящены такие его работы, как «Цивилизация и дикие племена», «До человека», «Первобытная форма человеческих отношений», «Средним векам — Средневековый Рим и папство в эпоху Феодоры и Мароции», «Эпоха появления новых народов в Европе». В статье «История городского и сельского устройства в Западной Европе», опираясь на работы Маурера и Мэна по истории общинного землевладения, он рассматривал эту проблему в приложении к России.

Среди многочисленных проблем истории, привлекавших Лаврова, на первом месте стояла история революционного движения в России и Западной Европе. Особый интерес представляет его работа «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» — лучшее научное исследование по истории Парижской Коммуны тех лет, написанное под заметным влиянием «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Подчеркивая большое историческое значение опыта Коммуны, Лавров стремился пока-

зять его влияние на развитие освободительного движения в России.

В соответствии с общей ориентацией народников на крестьянство и крестьянскую революцию, он изучал антифеодальное движение крепостных и, в частности, восстание под руководством Е. Пугачева. Освещение пугачевского восстания в статье «В память столетия пугачевщины» (1874) обнаруживает близость точки зрения Лаврова к трактовке крестьянских выступлений революционерами-демократами 60-х годов. Это восстание, пишет Лавров, «вспыхнуло кровавым, пожирающим, истребительным пламенем, охватившим на несколько месяцев обширный край; осветило пропасть бедствий русского народа, непрочность и лицемерие русского императорства, грозило уничтожением всему «господствующему строю»¹. Это было восстание русского народа «против его вековых притеснителей и кровопийц».

В социологическом субъективистском духе освещает Лавров историю идей и русской общественной мысли в статьях «А. И. Герцен», «Социалистическое движение в России», «Из истории социальных учений», «Важнейшие моменты в истории мысли» и др. В историографической работе «История Франции под пером новых русских исследователей» (1879) он на примере работ Н. И. Кареева показал превосходство русских историков над французскими в изучении истории крестьянства во Франции.

Научное наследство Лаврова изучено совершенно недостаточно, а между тем, несмотря на свою неравноценность, его исторические работы имеют определенное значение. В частности, методологические статьи Лаврова, такие как «Исторические письма» и «Задачи понимания истории», оказали заметное влияние на формирование исторических взглядов крупного либерально-народнического историка В. И. Семевского, А. П. Соколовского, А. Я. Ефименко и др.

Яркий и своеобразный след оставила литературная и общественно-политическая деятельность видного русского мыслителя, экономиста и социолога второй половины XIX в. Василия Васильевича Берви-Флеровского (1829—1918 гг.). Его наиболее известная работа «Поло-

жение рабочего класса России» (1869), заслужившая высокую оценку Маркса, свидетельствует о жизненности революционных традиций 60-х годов и глубоком интересе народников 70-х годов к социально-экономической проблематике.

Берви-Флеровский прожил жизнь, полную тяжелых лишений, жестоких репрессий и скитаний. За четверть века (от первого ареста в 1862 г. до снятия полицейского надзора в 1886 г.) он проехал под конвоем жандармов около 20 тыс. верст, прошел пешком 3,5 тыс. верст, сидел в 32 острогах и тюрьмах, жил в качестве ссыльного в девяти городах, просидел несколько лет в одиночном заключении и совершенно здоровый восемь месяцев провел в сумасшедшем доме¹.

В преувеличении роли крестьянства в прошлом и будущем и общины как основы и зародыша социализма Берви-Флеровский разделял ошибки народников. В то же время он отстаивал возможность и преимущество мирного пути изменения существующего строя и создания нового.

Зато, в отличие от народников, он вместе с глубокой критикой капитализма признавал в определенной мере его прогрессивную роль в развитии производительных сил. Однако, считая прогресс в технике и повышение производительности труда результатом жестокой эксплуатации и обнищания трудящихся, Флеровский выступал против капитализма и являлся сторонником некапиталистического развития России. «Промышленность, этот источник благосостояния и счастья для народов, — писал он, — делается у нас бичом, который закалывает в гроб, бедствием, с которым не могут сравняться ни чума, ни холера»². Исторический опыт учит, предупреждал он в другой работе, что «когда капиталисты получали в свои руки политическую власть, они воздвигали над обществом такой деспотизм, который мало уступал деспотизму неограниченных государей; правда, что производство увеличивалось, но оно сопровождалось для общества самыми разнородными и бесчисленными страданиями»³.

¹ См. Г. Подоров. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского, М., Госполитиздат, 1952, стр. 53.

² Н. Флеровский (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России. М., Соцэргиз, 1938, стр. 353.

³ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, СПб., 1894, стр. 116.

¹ П. Л. Лавров. Избр. соч. в восьми томах, т. II, М., 1934, стр. 124.

Будучи поборником демократической конституционной республики, Флеровский выступал против монархического строя и особенно резко — против царского самодержавия. Сторонник мирных путей преобразования, он в то же время допускал возможность революционных переворотов. В истории бывали случаи, отмечал он, когда господствующие классы доводили народ до такой степени порабощения, что он был вынужден пытаться улучшить свое положение «самым ненормальным путем насилия».

Обязательным условием дальнейшего развития России Флеровский считал ликвидацию самодержавия и остатков крепостничества. В своей работе «Три политические системы» он прямо писал, что народу русскому ничего не остается делать, как «повесить императора и изгнать из страны царствующий дом»¹. Предвидя тяжелую и длительную борьбу, он восклицал: «Сколько революций придется сделать, прежде чем Россия достигнет мало-мальски сносного положения»².

В конечном итоге Флеровский был склонен революционные действия народных масс заменить деятельностью кучки героев. «Если бы несколько смелых людей могли сделать это дело, — указывал он, — рискуя только собою, чего же лучше, если бы дело было сделано, а народ избавлен от всех страданий, сопряженных с восстанием, их бы стали превозносить, как благодетелей своего отечества»³.

Философские взгляды Флеровского были отсталыми, идеалистическими. В «Критике основных идей естествознания» он утверждал, что в природе «нет вещества без мысли и мысли без вещества»⁴, что все существующее — от земли и солнца до человека — есть и будет результатом развивающегося мышления отдельных частиц материи, непрерывно стремящихся к своему совершенствованию, результатом роста их впечатлительности. Энгельс, критикуя подобные заблуждения русского мыслителя,

¹ Н. Флеровский. Три политические системы. СПб., 1897, стр. 485.

² Там же, стр. 396.

³ Там же, стр. 366.

⁴ Н. Флеровский. Критика основных идей естествознания, 1904, стр. 117.

теля, писал Плеханову, что, по мнению Флеровского, «сто-лы и кровати мыслят, но не имеют памяти»¹.

В социологических и исторических работах Флеровского можно найти немало верных для того времени положений, метких высказываний о развитии капитализма после реформы 1861 г., об эволюции государственного строя в России, внешней и внутренней политике правительства, реакционной роли самодержавия и правящих классов. Наряду с этим в трудах Флеровского была, по словам Маркса, изрядная доля «благодушной чепухи» и противоречий, обусловленных утопичностью и идеализмом его мировоззрения в целом.

Богатый фактический материал работ Флеровского, ценные мысли и наблюдения находились в противоречии с его основной утопической идеей о возможности сотрудничества и солидарности, равенства и братства между всеми людьми и мирного перехода к справедливому строю.

Для Флеровского характерно идеалистическое понимание истории. Первопричину исторических событий, основу социально-политических порядков он связывал с господствующими идеями и теориями. «Во всяком обществе, — считал он, — господствующий политический и социальный порядок есть и может быть только результатом известных чувств, идей и мировоззрений, укоренившихся в народе в течение веков»².

В «Азбуке социальных наук» Флеровский выдвинул противоречивую и путаную схему всемирной истории. Говоря о решающей роли народных масс, он ставил на первое место интеллигенцию, как ведущую силу общественного развития. Идеализм в решении вопроса о происхождении государства, возникновении и развитии отдельных классов, «ненормальностей» общественного строя, проявлявшихся в войнах, эксплуатации, нищете народных масс, сочетался у Флеровского с интересным анализом капиталистического строя Америки, с правильным выводом о значении частной собственности и порабощении трудящихся. Основой силы и власти господствующих сословий, «источником порабощения трудящихся масс»,

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса о русскими политическими деятелями. Госполитиздат, 1951, стр. 341.

² Н. Флеровский. Оглянемся назад. «Отечественные записки», 1877, № 12, стр. 460.

по утверждению Флеровского, была и есть частная ответственность на орудия и средства производства общественных богатств. «Рабство, уничтоженное через освобождение личности, — писал он, — возвращается через захват орудий труда»¹.

Этот правильный вывод стоял у него рядом с наивным идеалистическим объяснением причин эксплуатации и разграбления общественных богатств. Главной из этих причин Флеровский считал невежество и жадность людей, не просвещенных разумом и здравым суждением. Все несчастья в истории происходили, по его мнению, оттого, что государи и правящие классы «забывали» свои обязанности перед народом, «забывали», что «вся деятельность человека высшего класса» должна быть посвящена благу народа. Отсюда в основе его концепции всемирной истории было представление о постепенном развитии человечества от «инстинктивных цивилизаций» к «сознательным».

Автор «Азбуки социальных наук» был убежден, что человечество успело выработать только политическую организацию, создание же справедливой и «сознательной социальной организации» — дело будущего и зависит от успешного развития русской поземельной общины.

Насквозь идеалистична периодизация новой истории Европы, которую дает Флеровский. Положив в ее основу развитие цивилизации от «инстинктивной» к «сознательной», он выделял четыре периода: 1) «эпоху религиозного энтузиазма» (XV—XVII вв.); 2) «эпоху научного и политического энтузиазма» (XVIII — первая треть XIX вв.); 3) «эпоху социального энтузиазма» (вторая треть XIX в.); 4) период «преобладания национального вопроса» (последняя треть XIX в.)².

Сторонник «федеративной демократии», Флеровский утверждал, что XIX век, вследствие засилья религии и монархии, не разрешил социальных противоречий путем распространения идеи «федеративной демократии». Задача эта, по его мнению, осталась в наследство XX столетию.

Непримиримый враг религии, он призывал народ к борьбе с ней и ее проповедниками. «Если бы, — писал

¹ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 170.
² Там же, стр. 82—94, 217—224.

он, — я захотел перечислить все ужасы, которые порождены были учителями... религии, проповедовавшими презрение к человеческой жизни, к благам земли, то вышла бы такая мрачная картина, что самый безутешный читатель не был бы в состоянии ее прочесть»¹.

В результате глубокого изучения жизни трудящихся России, ее социально-политического и экономического строя, в тесной связи с историей других стран и народов, русский мыслитель и демократ пришел к выводу, что как прошлая история, так и современные ему капиталистические порядки, покоящиеся на господстве частной собственности и эксплуатации трудящихся, неразумны. Десятые населения земли бесправны, невежественны, обречены на нечеловеческий труд, голод и нищету.

Основную задачу Флеровский видел в том, чтобы найти такой путь развития, который бы позволил России выйти «из современного затруднительного положения» и обеспечил ей спокойное развитие без «крутых реформ и поворотов», «без материального и умственного упадка». Будучи не в состоянии с идеалистических позиций открыть объективные законы общественного развития и классовой борьбы, Флеровский, по его словам, «всю жизнь... продумывал путь, которым должны пойти люди, чтобы избавиться от тысячелетия своих заблуждений»².

Резко выступая против низкопоклонства правящих классов России перед всем западноевропейским, Флеровский доказывал, что всякий великий народ должен создать свою оригинальную культуру. Россия же, обладая такой организацией, как крестьянская община, «могла бы сделаться тем центром, откуда сознательные социальные организации могли бы распространиться по свету»³.

Подобно Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову, представитель народничества 70-х годов мечтал о том, чтобы свободный и счастливый русский народ мог стать великим цивилизующим народом. Идеалом общественного устройства он считал коммунистическое «общество-организм», где «счастье каждого человека бу-

¹ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. I, СПб., 1871, стр. 250.

² В. В. Берви-Флеровский. На жизнь и смерть, ч. III, СПб., 1877, стр. 189.

³ Н. Флеровский. Азбука социальных наук, ч. III, стр. 120.

дет счастьем общества и обратно: счастье общества будет счастьем каждого человека; личное благо и общественное благо сольются»¹.

Таким в его представлении был коммунизм, как «высшая наиболее нравственная форма общественного сожительства»², в котором должно преобладать в России (где, по словам Флеровского, 90% рабочего населения — крестьяне) мелкое и среднее сельскохозяйственное производство и промышленность, обслуживающая главным образом крестьян и земледелие. Соответственно подобным утопическим представлениям, Флеровский видел в крестьянском сословии «надежду России, ... залог будущей ее славы и величия»³.

Идеалист, не понимавший законов общественного развития, Флеровский не владел ни научным методом исторического анализа, ни достаточным опытом социологических обобщений, необходимых для правильного объяснения как русской истории, так и тех сложных социально-экономических процессов, которые происходили в русской действительности.

Однако несмотря на всю противоречивость, труды, созданные Флеровским на основе большого исторического материала, подвели читателя к революционным выводам и занимали видное место в историографии народничества.

Дальнейшая эволюция социологии народников в сторону либерализма нашла свое отражение в творчестве Н. К. Михайловского (1824—1904 гг.).

В работах Михайловского субъективно-идеалистическая сущность философско-социологической теории народничества получила наиболее яркое выражение. Если П. Л. Лавров и его «Исторические письма» отражали период расцвета народнических иллюзий, то Н. К. Михайловский и его наиболее крупные работы — закат народнической теории, когда народничество расплывалось в либерализм.

Публицистическая деятельность Михайловского началась в период очевидного и все более углублявшегося

¹ Н. Флеровский. Критика основных идей естествознания, стр. 518.

² Там же, стр. 121.

³ Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России, стр. 88.

разложения крестьянства, роста пролетарского движения и утверждения марксизма в России. Поэтому развитие его исторических воззрений приобретало все более заметную антимарксистскую направленность. В 1872 г. в статье «По поводу русского издания книги Карла Маркса» он, подчеркивая, что «книга Маркса является как нельзя более кстати», в то же время указывал, что «глава международного товарищества рабочих..., являясь революционным элементом на Западе, у нас никакого нарушения общественного спокойствия не может произвести»¹.

Отмечая усиление антимарксистских тенденций в работах Михайловского, В. И. Ленин писал в 1894 г.: «Вместо приветствия Маркса (выраженного им в 1872 и 1877 гг.) он лает теперь на него из-за подворотни сомнительного качества похвал и шумит и брызжет против русских марксистов, не желаящих удовлетворяться «охраной экономически слабейшего», товарными складами и улучшениями в деревне, музеями и артелями для кустарей и т. п. благонамеренными мещанскими прогрессами»².

Михайловский рассматривал материализм как устаревшую «метафизику», отрицал возможность познания сущности вещей. «Человек, — утверждал он, — может познавать только явления и те постоянные отношения, в которые они становятся друг к другу. Сущность вещей — вечная тьма»³. Главной заслугой позитивизма он считал определение границ познания, за которыми лежит непознаваемая «тьма».

Михайловский не понимал сущности диалектического метода, сводя всю диалектику к гегелевской триаде: тезис, антитезис, синтез.

Что касается его социологических взглядов, то он отвергал даже то понятие закономерности, которое признавал Лавров, подчинявший социологию законам естествознания. «Попытки свести социальный прогресс к развитию органическому и понятие общества к понятию организма, т. е. объяснить с биологической точки зрения общественные формы», Михайловский называл «радикальной ложностью», самым слабым местом «Со-

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, СПб., 1913, стб. 10.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 183—184.

³ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 17.

циальной статике» О. Конта¹. Принципам причинной обусловленности он противопоставлял «категорию долженствования» в ее нравственном выражении. «Социология,— по его мнению,— имеет дело с совершенно самостоятельными категориями нравственного, справедливого, должного»².

Отказавшись от научных принципов изучения общественного развития, Михайловский писал, что «социология должна начать с утопии...». Социолог «должен прямо сказать: желаю познать отношения, существующие между обществом и его членами, но, кроме познания, я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов, посильное оправдание которых при сем прилагаю»³.

История по Михайловскому — процесс постепенного порабощения личности, «индивидуальности». Все содержание общественного развития он сводил к «борьбе за индивидуальность между человеком и обществом».

Критикуя новые формы порабощения личности при капитализме, Михайловский, в силу своей субъективистской методологии, не мог вскрыть ни историческую связь между ними и феодальными формами эксплуатации, ни, тем более, показать реальные пути преодоления этого порабощения.

Личность у него совершенно оторвана от общественной среды и действует вне конкретных исторических условий. Лишенное социально-политической обусловленности влияние личности на общество из исторической проблемы превращалось «в психологическую проблему гипнотизирующего действия героической личности и социального подражания толпы», — отмечал Н. Л. Рубинштейн⁴.

Теория «героев и толпы» получила окончательное завершение в таких работах Михайловского, как «Герои и толпа» (1882), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1892) и др. Хотя автор и писал: «Бог может спасти царей, но народы спасаются сами»⁵, народ у него — это

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. I, СПб, 1897, стб. 94—95.

² Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. III, СПб., 1897, стб. 396.

³ Там же, стб. 404—406.

⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 397.

⁵ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 52.

множество нулей. Сколько бы вы ни писали нулей, уверял он, в сумме всегда будет нуль. Но если один из нулей превратится в единицу и встанет впереди, возникнет внушительное число — тысяча, миллион, сто миллионов.

Толпа в представлении Михайловского может лишь пассивно воспринимать влияние выдающейся личности, своих предков, внешних и внутренних факторов. «Слепая», «духовно скудная», безвольная, толпа живет серой однообразной жизнью. Единственное, что может привести ее в движение и является могучим «психическим двигателем», — это «нравственная подражательность», «бессознательное подражание» героям. Последние в отличие от толпы, способной лишь на подражание, действуют под влиянием своих идеалов или нравственных целей.

Не прав В. Е. Иллерицкий, говоря, что «Михайловский под «героями» подразумевал прогрессивных исторических деятелей»¹. А. Л. Шапиро значительно ближе к истине, когда приводит слова Михайловского о том, что герои «не обязательно великие люди». Героем Михайловский называл «всякого человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»².

Михайловский не был историком, по в его литературно-публицистических статьях можно найти немало высказываний по конкретным вопросам истории. Он пытался, например, обосновать для России особый путь исторического развития. Рассматривая развитие капиталистических отношений в Западной Европе, Михайловский считал возможным для России избежать его. «Тот обоюдоострый, страшный и вместе благодетельный, непреодолимый процесс «обобществления» труда или, вернее, та форма обобществления, которую излагает Маркс, у нас на святой Руси очень мало подвинулась вперед»³ — замечает он с удовлетворением. «Пусть свобода надула Европу, но нас она не надувала, потому что мы ее не

¹ Историография истории СССР, стр. 321.

² А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 138.

³ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. IV, СПб., 1897, стб. 170—171.

видели; пусть развитие промышленности привело Европу к пролетариату, но у нас ничего такого нет»¹, — утверждал он вопреки историческим фактам.

Перечислив дальше причины слабого капиталистического развития России, Михайловский указывает на попытки «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»². Русская история, считал он, выработала общину «как высшую категорию, с точки зрения которой возможно беспристрастно относиться к Европе», и за которую «можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации»³.

Встречающиеся у Михайловского довольно часто упоминания об отдельных периодах или проблемах русской истории в силу субъективно-идеалистической методологии автора грешат антиисторизмом. Наиболее ярким примером этого является его статья «Иван Грозный в русской литературе», где, в полном противоречии с соловьевской оценкой закономерного характера и исторической обусловленности политики Ивана IV, он говорит о нем и его делах в этико-психологическом плане. В своей характеристике Грозного Михайловский категорически отрицал прогрессивную роль «централизованной монархической власти» и наличие «боярского принципа при Грозном».

Михайловский дал неверную оценку Петру I и его реформам. «Вся частная жизнь Петра и вся его государственная деятельность — есть первая фаза осуществления в русской истории начала личности не в смысле того направления, которое она приняла отчасти при нем, а в особенности после него в Европе, а в смысле человечности. Вот, — подчеркивал он, — искомая общая формула деятельности Петра. Петр был выше Европы»⁴.

Народники, согласно искаженному представлению Михайловского, являются историческими преемниками Петра. «Благодаря Петру, — писал он, — путь в Россию науке, свободе, промышленности расчищен, ...мы продол-

жаем дело Петра, как бы мы ни «фыркали» на дорогую ему европейскую цивилизацию»¹.

Но Михайловский, склоняясь к либерализму, считал необходимым ограждать Россию от «злоупотреблений научной и философской мысли, свободы и экономического развития», от всего, что связано с капиталистическим производством и представляет опасность для России»².

Опираясь на примеры торжества капитализма в Европе, Михайловский призывал к созданию «сочетания социальных сил, ...отдаленных от господствующих на Западе»³. До тех пор, пока крепостное право и другие условия, отмечал идеолог «народничества, растворяющегося в либерализме», тормозили рост промышленности, «естественно было желать, главным образом, ее развития». В 70—80-е годы, по его мнению, «на первый план выдвигается вопрос о формах, которые могут принять промышленные отношения».

Видя основную задачу в необходимости решительных действий, чтобы предотвратить капиталистическую «опасность для России», Михайловский старался доказать, что «ждать нельзя», ибо «может быть поздно». В статье «По поводу русского издания книги Карла Маркса» он так формулировал основные пункты социально-политической программы. «Мы дискредитируем лишь то, что представляет опасность для России. Нам говорят: подождите. Как! Мы имеем перед собою примеры, кровавыми буквами записанные в летописях истории, и должны ждать? Мы должны ждать распада общины, чтобы сказать, что ее следует сохранить; перехода всех государственных земель, заводов в частные руки, сосредоточения в тех же руках мелкой собственности, чтобы сказать, что интересы русских фабрикантов не суть интересы русского народа; укрепления ложного направления мысли, чтобы сказать, что оно ложно; развития батрачества, чтобы сказать, что свобода умирать с голоду не есть свобода? Конечно, уж не в том наша вина, что мы не ждем»⁴.

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 2.

² Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. IV, стб. 171.

³ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 5, 9.

⁴ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. I, стб. 647.

¹ Н. К. Михайловский. Собр. соч., т. X, стб. 8, 6.

² Там же, стб. 9.

³ Там же, стб. 7.

⁴ Там же, стб. 9—10.

В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском», написанной к десятилетию со дня его смерти, дал ему исчерпывающую оценку, назвав «одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века». В. И. Ленин считал «великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России» его горячее сочувствие угнетенному положению крестьян, энергичную борьбу против «всех и всяких проявлений крепостнического гнета»¹, а также помощь революционному подполью.

Но вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения. Отстаивая буржуазно-демократический лозунг передачи всей земли крестьянам без выкупа, он называл себя «социалистом», хотя ничего социалистического в подобном требовании не было. Социологические взгляды Михайловского были, по словам В. И. Ленина, «буржуазно-демократическими взглядами, прикрытыми якобы «социалистической» фразой»².

Наиболее крупным народническим историком-профессионалом, воплотившим основные положения социологической теории Лаврова и Михайловского в конкретных исторических исследованиях, был Василий Иванович Семевский (1848—1916 гг.) — самый типичный представитель народнической историографии.

В. И. Семевский сложился как историк на исходе рассматриваемого периода, основные труды его появились в начале XX века. Общественно-политические взгляды Семевского оформились в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, а его признание как историка в начале восьмидесятых было связано с первым томом капитального исследования «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (1881).

Выходец из разорившейся дворянской семьи, Семевский испытал все трудности жизни, с которыми обычно сталкивался в дореволюционной России интеллигент-разночинец. Ему удалось закончить историко-филологический факультет Петербургского университета (1872 г.) и остаться на кафедре русской истории.

Мировоззрение молодого историка складывалось

в условиях углубления социально-экономических противоречий капитализировавшейся России и впитало основные идеи народнической идеологии. Подобно другим представителям передовой русской интеллигенции, Семевский был полон горячего стремления оплатить народные страдания или хотя бы часть труда, затраченного народом на то, чтобы горстка людей пользовалась всеми благами цивилизации.

«Исторические письма» Лаврова, социологическая публицистика Михайловского, демократические идеи Шапова оказывали на Семевского значительно более сильное влияние, нежели монархические убеждения его руководителя по кафедре Бестужева-Рюмина.

В 1881 г. в журнале «Русская мысль» была напечатана статья Семевского, название которой отражало основную линию всей последующей научной деятельности историка — «Не пора ли написать историю крестьян в России»¹. В ней будущий историк русского крестьянства подверг резкой критике реформу 1861 г., проведенную дворянами двадцать лет назад, смело говорил о «язвах» самодержавия, доказывал, что создание истории русского крестьянства «есть долг нашей науки народу»². Под очевидным влиянием Лаврова и Михайловского он писал: «Наша современная интеллигенция вскормлена грудью крепостных мамок, выращена на доходы, получавшиеся при помощи крепостного труда, а теперь воспитывает своих детей на выкупные за земли, облитые потом и кровью крепостных, и в общественных заведениях, содержимых преимущественно на народные деньги. При подобных условиях интеллигенция обязана потрудиться на пользу крестьян и в жизни крестьян и в науке»³.

Статья, написанная накануне 1 марта 1881 г., вызвала недовольство Бестужева-Рюмина. Найдя в представленной Семевским к защите магистерской диссертации («Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», т. I) «опасные мысли», он отклонил ее. Однако работа в 1882 г. с большим успехом была защищена в Московском университете, где кафедрой русской истории заведовал Ключевский. Тогда же Семевский начал

¹ «Русская мысль», 1881, № 2, стр. 215—265.

² Там же.

³ Там же.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 24, стр. 333, 334.

² Там же, стр. 335.

в Петербургском университете читать курс лекций по истории русского крестьянства, но в 1886 г. по распоряжению реакционного министра просвещения Делянова этот курс был запрещен, а лектор, подобно Шапову, навсегда отстранен от педагогической работы.

В дальнейшем взгляды Семевского, занимавшегося плодотворной научно-литературной деятельностью, развивались в направлении сближения с либерально-буржуазной идеологией. Наряду с Ключевским это был самый крупный русский историк конца XIX — начала XX века. Не случайно М. Н. Покровский назвал его «общим деканом всех историков, не принадлежавших ни к какому факультету».

При всей широте интересов Семевского как историка определяющим направлением в его творчестве было изучение истории русского крестьянства. Двухтомная докторская диссертация Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», опубликованная в 1888 г., была, по отзыву Ключевского, «очень ценным вкладом в историческую литературу и представляла первую и довольно смелую попытку составить полный и цельный обзор истории вопроса о крепостном праве за полтора века до его отмены»¹.

Актуальные по своей тематике работы Семевского были построены на обширном документальном материале, как правило, впервые вводимом в научный оборот. А. А. Корнилов, отмечая богатство источниковедческой основы в его трудах, писал, что вряд ли можно среди современников найти другого историка, который бы успел в течение жизни изучить столько архивных документов, сколько исследовал он, изучая историю русского крестьянства.

В своей магистерской диссертации Семевский дал впервые в дореволюционной исторической науке обзор законодательства второй половины XIX в. по крестьянскому вопросу, изучил почти все печатные источники, фонды Сенатского архива, экономические примечания к генеральному межеванию и большое количество частных архивов. Докторская диссертация его содержит почти исчерпывающий обзор публицистической литературы и законопроектов по крестьянскому вопросу за полтора

столетия. В «Историографии истории СССР» справедливо отмечено, что введение в историческую науку обширного круга неопубликованных документальных материалов «само по себе составляет крупную заслугу Семевского»¹.

В работе «Крестьяне в царствование Екатерины II» впервые был обобщен, хотя и с либерально-народнических позиций, материал, освещавший мощный размах крестьянских волнений в 60-х — начале 70-х годов XVIII в., обращено внимание на зависимость государственного законодательства от этих волнений. До сих пор советские историки используют сводки Семевского о численности крепостных крестьян и их процентном отношении ко всему крестьянству, о территориальном распространении крепостничества, соотношении барщины и оброка и многие другие. Однако субъективно-социологическая методология Семевского носила идеалистический характер.

В этом отношении историческая концепция, выдвинутая Семевским, была наиболее ярким свидетельством противоречивости мелкобуржуазной народнической идеологии, отмеченной В. И. Лениным. Говоря о тяжелом положении крепостного крестьянства, о страшном помещичьем произволе и формах крестьянского протеста, историк не видел в крестьянстве единого класса феодального общества. Он не поднялся до признания решающего значения классовой борьбы крестьянских масс как главного фактора, заставившего правительство отменить крепостное право.

Семевский не понимал подлинной закономерности исторического развития, поэтому социально-экономические противоречия в период кризиса феодально-крепостнической системы, отразившиеся в классовой борьбе вокруг реформы, оставались у него в тени.

Субъективно-идеалистические представления автора ставят на первый план не историю крестьянского вопроса, как отражения классовых противоречий русского общества, а историю идеи освобождения крестьян.

Семевский в чисто народническом духе делил все проекты и мероприятия по крестьянскому вопросу, в зависимости от их отношения к общинному устройству, на

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 427.

¹ Историография истории СССР, стр. 326.

«симпатичные» и «несимпатичные». Поэтому у него «на исторической сцене разыгрывается не борьба различных классов, социальных группировок по крестьянскому вопросу, а столкновение сторонников «симпатичной» идеи освобождения крестьянства с землей и с сохранением общинного устройства и сторонников «несимпатичной» идеи безземельного освобождения и разрушения общины»¹.

Выход Семевский видел в изменении правового положения крестьян не путем классовой борьбы, а путем законодательной инициативы правительства. Идея освобождения крестьян с землей и общинное устройство — вот с чем связывал историк общественный прогресс, а основной силой, воплощавшей эту идею в жизнь, считал самодержавное государство и представителей «общества», «внеклассовую интеллигенцию», оказывающих моральное воздействие на правительство.

Подобные либерально-народнические заблуждения определили идеализацию носителей самодержавной власти. Екатерина II у Семевского стала чуть ли не «инициатором» борьбы за раскрепощение крестьян. Он считал «ее большою заслугою, что она громко поставила вопрос о необходимости улучшения быта помещичьих крестьян» и «тем навсегда вписала свое имя в историю крестьянского вопроса в России»². Александр I будто бы «сам желал освобождения крестьян», а Николай I настойчиво готовил «окончательное решение» этого вопроса в будущем³.

Рассматривая крестьянский вопрос в отрыве от социально-экономического развития страны и связывая его решение с законодательной деятельностью самодержавия, Семевский прошел мимо процессов развития крестьянского хозяйства в условиях начавшегося разложения феодально-крепостнической системы и вызревания капиталистического уклада. Рост товарности крестьянского хозяйства, дифференциация деревни, усиление различных форм крепостнической эксплуатации и измене-

ния в помещичьем хозяйстве не получили освещения в его исследованиях.

Всячески идеализируя мирскую общину, как основное начало, оберегавшее крестьян от губительных последствий крепостного права в прошлом, и зерно социализма в будущем, Семевский стремился внушить читателю веру в «общинное мирозерцание крестьян», в свойственный им «общинный дух». Он был настолько убежден в спасительных свойствах общины, что не только решительно порицал всех противников общинных принципов и проявлял снисходительность к реакционерам, ратующим за общину, но готов был похвалить царское самодержавие за то, что оно не стремилось разрушить ее.

Отмеченные черты субъективно-идеалистической ограниченности характерны и для работ Семевского по истории рабочих Сибири, общественному движению в России, но все эти труды выходят за рамки рассматриваемого периода.

По мере того как проблема революции переставала интересовать народников, на первое место в их историографии выдвигались вопросы, связанные с теорией «особого», некапиталистического пути развития России.

Народники-экономисты В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон (Николай — он), С. Н. Южаков сквозь призму этой теории изучали экономику пореформенной России, обнаруживая полное непонимание происходящих в ней процессов.

Так, Н. Ф. Даниельсон (1844—1918 гг.) в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (1880) противопоставлял развитие России истории Западной Европы, писал об отсутствии необходимых условий для развития капитализма в стране, где благодаря сохранению общины в сельском хозяйстве и артельной формы производства в промышленности возможен иной, некапиталистический путь развития.

Такие же утопические мысли содержались в работах В. П. Воронцова (1847—1918 гг.). Исследуя пореформенную экономику в работе с характерным названием «Судьбы капитализма в России» (1882), он выражал надежду, что «передовые люди» могут «повернуть весь

¹ Очерки истории исторической науки, т. II, стр. 212.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. XIV, 228.

³ Там же, стр. XXV, XXVI.

процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей»¹.

Существенный вклад в изучение столь дорогой народникам общины внесли историки того же направления П. А. Соколовский (1842—1906 гг.) и А. Я. Ефименко (1848—1919 гг.). Отдельные мысли и наблюдения их сохраняют значение и поныне.

В противовес реакционным утверждениям историков государственной школы о позднем «фискальном» происхождении общины, Соколовский говорил о существовании в Древней Руси общины-волости, близкой к германской марке, а Ефименко стремилась преодолеть антиисторизм народнических представлений о неизменности общины и рассматривала процесс развития сельской общины из разросшейся семейной общины.

Работы историков-народников внесли серьезный вклад в изучение общины, хотя в целом их теория происхождения и развития общины была несостоятельной. Сосредоточивая внимание преимущественно на эволюции форм общины, они не видели глубоких внутренних причин развития русской деревни. По замечанию В. И. Ленина, они «за деревьями не видят леса, за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства»².

Кроме того, в идеализации общины, отрицании в ней классовой эксплуатации содержалась одна из важнейших сторон народнической концепции русской истории — отрицание существования феодальных отношений в XI—XV веках. Народническая легенда о принадлежности средств производства и продукта труда непосредственному производителю как об «исконном начале русской истории была антиисторична»³. Отрицая наличие феодальных отношений, народники уверенно говорили о возможности некапиталистического развития России. Таким образом, ложные теоретические принципы народнической историографии исключали правильное научное освещение прошлого, объективный анализ современности им действительности и верное определение путей дальнейшего развития России.

Г. В. Плеханов в известной работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) нанес первый удар по субъективно-идеалистическим представлениям народников. «Гг. субъективисты, — писал он, — хорошие сказочники, но... никогда еще сказки не изменяли исторического движения народов»¹.

В. И. Ленин, указав на ложные основы народнической доктрины в целом, одновременно с этим вскрыл антинаучный характер субъективно-идеалистической социологии народничества. В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин обратил внимание на то, что народническая «социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования...»². Он показал, что народническая теория, отражавшая протест против крепостничества и капитализма с позиций мелкого производителя, обусловила «мечтательность этого протеста, его отворачивание от фактов»³.

Вторую главу своей работы Ленин посвятил критике народнической социологии⁴. Говоря о социально-экономических корнях народничества, он отмечал, что оно отразило «через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития»⁵. В действительности же, считал В. И. Ленин, «никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет..., поэтому не может быть и иного пути к социализму, как через рабочее движение»⁶.

Заблуждения народнических социологов, по мнению В. И. Ленина, происходили оттого, что они при изучении тех или иных исторических явлений давали им прежде

¹ В. П. Воронцов. Судьбы капитализма в России, СПб., 1882, стр. 73.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 355.

³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 203.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, М.—Л., 1925, стр. 268.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 424.

³ Там же, стр. 355.

⁴ Там же, стр. 412—444.

⁵ Там же, стр. 422—423.

⁶ Там же, стр. 296.

всего моральную оценку, но не вскрывали их социально-экономические предпосылки, оттеняли роль личности, направляющую, по их мнению, ход истории, но не освещали классовую борьбу и творческую деятельность народных масс.

Критикуя «детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничем не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обуславливаются их действия»¹, В. И. Ленин противопоставил народническому искажению «русской истории в угоду мещанской утопии»² теорию Маркса, по которой «на место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого... не могло бы быть общественной науки»³.

Марксистская теория, к рассмотрению которой мы переходим в следующей лекции, поставила русскую историческую науку на прочный научный фундамент, вооружила ее единственно плодотворным методом исследования общественного развития и тем самым положила начало новому, высшему этапу русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собр. соч., т. 1, стр. 129—189.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. (Отражение марксизма в буржуазной литературе). Полное собр. соч., т. 1, стр. 351—444.

В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся. Полное собр. соч., т. 2, стр. 528—540.

П. Л. Лавров. Исторические письма, изд. 3, СПб., 1906.

Н. К. Михайловский. Что такое прогресс. Собр. соч., т. 1, СПб., 1887, стб. 1—150.

Н. К. Михайловский. По поводу русского издания книги Карла Маркса. Собр. соч., т. X, СПб., 1913, стб. 1—12.

В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I—II, СПб., 1882.

В. В. Флеровский. Положение рабочего класса в России, 1938.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 171—218.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 430.

² Там же, стр. 446.

³ Там же, стр. 430.

ЛЕКЦИЯ 26

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. ИСТОРИЯ РОССИИ В ТРУДАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Открытие материалистического понимания истории — революционный переворот в историографии. Интерес К. Маркса и Ф. Энгельса к России. Основоположники марксизма о русской истории. Их вклад в создание подлинно научной истории России

С возникновением марксизма — величайшего революционного переворота в области идеологии — связано начало качественно нового периода в развитии исторической науки.

Материалистическое понимание истории создало подлинно научную основу знаний о развитии общества. Теория исторического материализма, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом, как философская основа науки об обществе, является научным методом познания всех общественных явлений — и материальных, и духовных.

Если историки и социологи домарксистского периода в историографии, как правило, отрицали наличие особых закономерностей в области истории и обычно механически переносили на общество законы природы, то основоположники марксизма, вскрыв внутренние закономерности исторического процесса, исследовали и показали их качественное своеобразие.

К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из материалистического решения вопроса об отношении между общественным бытием и общественным сознанием людей. «Не сознание людей определяет их бытие, — писал Маркс, —

а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Создав научную теорию закономерного исторического развития, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что основой общественного прогресса является развитие производительных сил и смена производственных отношений, происходящая в антагонистических обществах через социальную революцию. Вместе с тем они определили научный критерий для выделения ступеней исторического процесса, идущего от низших форм общественной жизни к высшим.

Впервые вместо истории «цивилизаций» и «культур», вместо абстрактных идеалистических схем и концепций была воссоздана научная картина поступательного движения человеческого общества. «Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику,— отмечал В. И. Ленин,— сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий,— из крепостничества, например, вырастает капитализм»².

Теория исторического материализма дала единственно правильную, научную периодизацию истории человеческого общества, раскрыв естественно-исторический процесс возникновения, развития и гибели общественно-экономических формаций, как ступеней в прогрессивном развитии экономической, политической и культурной жизни человечества.

Закономерная смена этих формаций происходит в результате деятельности непосредственных производителей материальных благ — трудящихся масс, решающей, творческой силы истории. Роль народа как творца истории в процессе прогрессивного развития человечества от низших общественных форм к высшим непрерывно возрастает. Чем глубже социальные преобразования, тем активнее и шире участие в них народных масс.

На основании теории исторического материализма ее создатели Маркс и Энгельс пришли к выводу о том, что в процессе прогрессивного развития общества неиз-

бежно полное уничтожение всякого социального гнета и неравенства, что коммунизм — естественный и закономерный результат общественного развития, по сравнению с ним предшествующая история человечества — лишь предыстория.

Имея возможность установить закономерности исторического развития, владея научным методом определения его прогрессивных и реакционных тенденций, историки перестают блуждать в идеалистических потемках, освобождаются от субъективистских ошибок и заблуждений. С помощью исторического материализма, доказавшего, «что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства» и «что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата»¹, появилась возможность строго научно и объективно оценить действия народных масс и исторических личностей, выделить те или иные классы и политические группировки, выявить социальную сущность различных направлений в идеологии, в том числе и в исторической науке.

Исторический материализм соединяет в себе научный анализ прошлого с объяснением настоящего и определением путей в будущее. Сила исторического материализма в его ориентации на современность, в том, что он позволяет рассматривать любое явление сегодняшней общественной жизни в тесной связи с историей прошлых общественных форм, а отсюда — в перспективе их дальнейшего развития.

Исторический материализм открывает возможность познания и объяснения любого события современности или исторического прошлого в связи с другими явлениями, а главное, со всем социальным целым, находящимся в развитии. Историк, принявший на вооружение теорию исторического материализма, какое бы явление он ни изучал, какой бы исторический факт ни анализировал, непременно учитывает социальное целое — способ производства, общественно-экономическую формацию, к которой относится изучаемое явление. «Как невозможно высшая математика без координат Декарта, которые рассекли мировое пространство линиями x и y , — пишет Ю. П. Францев, — так невозможно изучение об-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, М., 1959, стр. 7.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 23, стр. 44.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 427.

ществленного процесса без основных координат социальных отношений — типов производственных отношений, определенных способов производства. Пользуясь этими координатами, обществовед перестает блуждать в хаотическом потоке социальных явлений, он оказывается в состоянии проследить различные формы социальных отношений той или иной эпохи, как бы лестры они ны были, понять мелкие и мельчайшие изменения, происходящие в общественной психологии»¹.

Открытие Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории произвело революционный переворот в общественной науке и нанесло сокрушительный удар всем буржуазным и классово враждебным историческим теориям.

На место идеалистических теорий, выдвигающих на первый план идейные мотивы исторических действий, преувеличивающих роль государства и выдающихся деятелей, а в конечном счете, фальсифицирующих историю в угоду интересам господствующих эксплуататорских классов, Маркс и Энгельс поставили стройное учение об общественно-экономических формациях как основе материалистического понимания истории. «Маркс, — писал В. И. Ленин, — указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»².

Четко сформулированный и открыто провозглашенный основоположниками марксизма принцип партийности их революционной теории, неразрывная связь ее с интересами пролетарского класса превратили исторический материализм в грозное оружие борьбы с буржуазной идеологией. Пролетарская партийность требовала, чтобы историки-материалисты последовательно защищали в исторической науке интересы самого передового, прогрессивного класса.

Создатели этой теории К. Маркс и Ф. Энгельс, а после них великий вождь не только российского, но и международного рабочего движения В. И. Ленин оставили

¹ Ю. П. Францев. Кризис современной буржуазной социологии. В кн.: «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии», М., 1960, стр. 7.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 58.

непревзойденные образцы пролетарской партийности в исторической науке.

Маркс и Энгельс почти полвека совершенствовали и уточняли свою революционную теорию, опираясь на опыт революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

В середине столетия, когда они создавали свое учение — это грозное оружие пролетарского класса, в России еще не сложились социально-экономические условия для его восприятия и использования. Передовая русская общественно-политическая и историческая мысль в лице Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова, Щапова и Лаврова не могла овладеть марксизмом как цельным философским учением и революционной теорией. Поэтому, говоря словами величайшего теоретика и практика революционной борьбы В. И. Ленина, «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Наиболее полное воплощение марксизм получил в России в деятельности В. И. Ленина. Центр международного рабочего движения в конце XIX в. переместился в Россию. Наша страна стала родиной ленинизма. В гениальных работах Владимира Ильича Ленина марксизм получил дальнейшее развитие. В героической деятельности партии коммунистов-ленинцев, созданной и руководимой В. И. Лениным, поднявшей к революционному творчеству многомиллионную армию рабочих и крестьян Российской империи, марксистско-ленинская теория нашла свое практическое воплощение.

Вместе с тем работы В. И. Ленина открыли новый, ленинский этап в отечественной историографии. В них марксистский анализ русской истории превратился в цельную и законченную материалистическую историю России.

Величайшей заслугой Маркса и Энгельса в русской исторической науке явилось не только то, что они воору-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 41, стр. 8.

жили ее качественно новым, революционным мировоззрением, новым объективным методом познания исторической мысли. Не менее важным было то, что основные методологические принципы исторического изучения, сформулированные ими, были применены к России.

Комментируя содержание письма Маркса в редакцию «Отечественных записок» за 1877 г., В. И. Ленин писал, что «Маркс... прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России»¹. Приложение марксистской теории к изучению России, по словам В. И. Ленина, состояло «в том, чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию»².

И если «выработка новой методологической и политико-экономической теории означала... гигантский прогресс общественной науки..., колоссальный шаг вперед...»³, то использование Марксом и Энгельсом новой теории для изучения России позволило увидеть в истинном свете ее прошлое и настоящее, а в ярком спектре марксистского анализа классов и производственных отношений впервые обозначилась неотвратимость русской революции и ее великое будущее.

Пристальное внимание основоположников научного коммунизма к России и ее истории определялось тремя причинами. Прежде всего, удельным весом страны, ее важной ролью в международных отношениях и реакционной внешней политикой царизма.

Во-вторых, переходным характером экономического развития России от феодализма к капиталистическому строю, который являлся прекрасной иллюстрацией, подтверждающей правильность учения об общественно-экономических формациях.

И в-третьих, силой и своеобразием освободительного движения и общественно-политической мысли, которые стояли «бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁴,

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 274.

² Там же, стр. 274—275.

³ Там же, стр. 275.

⁴ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 277.

делали «действительную честь России» и вызывали основательную надежду на близость революции.

Последующее развитие русской истории не только оправдало повышенный интерес к ней основоположников марксизма, подтвердило абсолютную верность их революционной теории и блестяще воплотило ее в русской действительности, но, поставив страну в авангарде всего человечества, показало «всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹.

В громадном литературном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса работы о нашей стране занимают большое место. Интересные выступления, важные статьи, большое количество писем и других документов посвящены России. Только рукописные записи и заметки Маркса по экономике и общественно-политической жизни России при опубликовании составят около ста печатных листов², а его записи, сделанные на основе изучения десяти томов «трудов податной комиссии», превысят сорок печатных листов.

Трудно перечислить все проблемы, вопросы, стороны русской жизни и истории, которые интересовали К. Маркса и Ф. Энгельса, — Киевская Русь, образование Русского централизованного государства, татаро-монгольское иго, развитие капитализма и состояние сельской общины, эволюция крестьянского хозяйства и крепостнические пережитки, промышленность и транспорт, внешняя и внутренняя политика царизма, восстание крестьян под руководством Ст. Разина и петровские реформы, деятельность революционеров и либералов, народников и первых марксистов, состояние финансов и военное дело, наука, искусство и многое другое.

Необходимо подчеркнуть, что отношение классиков марксизма к России, ее экономическому, социальному и политическому строю, оценка ее роли в мировой истории претерпевали существенные изменения по мере развития страны, привлечения новых, более полноценных источников и усиления интереса к основным проблемам развития России.

Почти полувековой период пристального изучения Марксом и Энгельсом нашей страны можно условно раз-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 41, стр. 4.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 220.

делить на два этапа: первый охватывает 40-е — начало 60-х годов XIX в., второй — 1861—1895 годы (до смерти Энгельса).

На первом этапе, особенно в 40—50-х годах, впечатления Маркса и Энгельса о России складывались главным образом по материалам периодической печати и работам нерусских авторов. В конце 50-х годов они изучают историю славянства, знакомятся с культурой и литературным творчеством славянских народов, в частности, прочитывают «Слово о полку Игореве» (1856).

Расценивая состояние России на рубеже 50—60-х годов как «предреволюционное», Маркс и Энгельс все чаще высказывали неудовлетворенность имевшимися в их распоряжении источниками и литературой. Они обращаются к «Колоколу» Герцена, знакомятся с русской социально-экономической и исторической литературой. Весьма высоко оценив книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России», Маркс в 1869 г. начал изучение русского языка по мемуарам Герцена и уже в середине 1870 г. свободно читал русские книги и рукописи.

Особым вниманием Маркса пользовались труды Н. Г. Чернышевского, которого он считал «замечательным мыслителем» и выдающимся революционером. «Политическая смерть Чернышевского,—говорил он Г. А. Лопатину,— есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы...»¹.

Маркс знал почти все экономические работы великого русского революционного демократа, а его знаменитые «Письма без адреса» изучал дважды самым тщательным образом. Записи, сделанные им на основе изучения «Писем...» Чернышевского, показывают, что он фиксировал свое внимание именно на тех местах и положениях, которые позже были очень высоко оценены В. И. Лениным. В «Заметках о реформе 1861 года» Маркс по существу ряда важнейших вопросов исходил из анализа реформы, сделанного Чернышевским².

Кроме Герцена и Чернышевского, Маркс и Энгельс знали произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева и др. Они читали

«Современник», «Отечественные записки», а также революционные издания русских зарубежных групп, были знакомы с ценными рукописями, публикациями архивных документов, миновавшими царскую цензуру, официальными материалами, законодательными актами, рескриптами и циркулярами, многочисленными статистическими сборниками.

Благодаря членам Русской секции I Интернационала Г. А. Лопатину, П. Л. Лаврову, Н. И. Утину, Е. Л. Дмитриевой, Маркс и Энгельс были превосходно осведомлены о русском революционном движении от петрашевцев до первых марксистов.

На основании столь широкого круга источников, дополняемых работами русских и западноевропейских историков, складывались взгляды Маркса и Энгельса на Россию и ее историю. Не имея возможности характеризовать их обстоятельно, остановимся на наиболее существенных моментах, показывающих первое марксистское освещение истории России и его отличие от всех предшествующих идеалистических схем и концепций.

На рубеже 70—80-х годов К. Маркс начал составлять для себя критический обзор политической истории европейских государств, начиная с I века н. э., и успел довести его до первой половины XVII века; в этот обзор (названный позже Энгельсом «Хронологическими выписками») он внес различные сведения по русской истории.

Записи Маркса содержат критическую оценку использованных источников и исторических сочинений, меткие замечания о важнейших событиях и выдающихся деятелях русской истории. Здесь характеризуются отдельные моменты истории Киевской Руси, период феодальной раздробленности, народная борьба против немецких, шведских и татаро-монгольских захватчиков, процесс объединения русских земель вокруг Москвы, польско-шведская интервенция начала XVII века. Обращает на себя внимание интерес автора «Хронологических выписок» к социально-экономическим вопросам русской истории.

Касаясь периода Киевской Руси, Маркс отмечал его важное значение в истории восточных славян и других племен, вошедших в состав Древнерусского государства. Он приводит большое количество данных, характери-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 205.

² См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 237, 238.

зующих оригинальные обычаи и земледельческую культуру его населения. Считая эпохой расцвета Киевской Руси княжение Владимира, Маркс указывал на первые признаки феодальной раздробленности при Ярославе Мудром.

Внимательно фиксируя все факты, связанные с деятельностью народных масс по обороне своей земли и борьбе с феодалами, Маркс видел значение победы русского народа на Чудском озере в том, что она положила предел захватническому продвижению немецких рыцарей на Восток. В 1242 г., по словам Маркса, «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lutrascii) были окончательно отброшены от русской границы»¹. Куликовской битве 1380 г. Маркс предпосылает ряд сведений и фактов.

Маркс отметил, что ниспровержение татаро-монгольского владычества и усилившийся процесс централизации выдвинули Русское государство на одно из первых мест в Европе, подчеркнув прогрессивное значение в связи с этим деятельности Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Ивана III.

В «Хронологических выписках» упомянуты факты появления огнестрельного оружия при Дмитрии Донском, пушек при обороне городов в XV веке.

Говоря о значении Москвы как политического, военного и национального центра, Маркс обратил внимание на развитие здесь ремесел, торговли, культуры. Стремлением Ивана IV пробиться к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой он объяснял его упорство в Ливонской войне². Успешную борьбу против польско-шведских интервентов в начале XVII в. Маркс связывал с патриотическим подъемом народных масс, поднявшихся на защиту своей страны под руководством Минина и Пожарского.

Оценивая «Хронологические выписки» Маркса, Р. П. Конюшая пишет, что они «служат для каждого историка глубоко поучительным примером действительно научного подхода к изучению истории. Историческое развитие Маркс исследует как совокупность определен-

ным образом связанных между собой конкретных событий, как результат деятельности людей, занимающих определенное место в общем процессе создания материальных и духовных ценностей, активно участвующих в происходящей социальной борьбе»¹.

Главное, что интересовало Маркса в русской истории, — это антифеодальное движение крестьянских масс.

Упомянув в «Хронологических выписках» о восстании крестьян под предводительством Болотникова, он внимательно изучил единственную в то время монографию Костомарова, посвященную крестьянской войне 1670—1671 годов. В конспекте, составленном по его книге «Бунт Стеньки Разина», Маркс так писал о причинах восстания: «Весь порядок тогдашней Руси — отношения сословий (классов), права их, финансовый быт, управление — все давало казачеству пищу в движении народного недовольства, и вся половина XVII века была подготовлением эпохи Стеньки Разина»². Конспект обращает внимание на социальным отношениям, условиям жизни крестьянства, фактам эксплуатации и произвола со стороны помещиков. Не случайно он был знаком почти со всеми работами русских историков И. Д. Беляева, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, А. И. Скребицкого по истории русского крестьянства, опубликованными до 80-х годов.

Маркса интересовала освободительная война украинского народа, Запорожская сечь как организационный центр борьбы; он высоко ценил государственную деятельность Петра I, подчеркивал справедливый, отечественный характер войны с Наполеоном.

Революция 1848 г. в ряде стран Западной Европы усилила внимание Маркса и Энгельса к России и, прежде всего, к ее внешней политике. Реакционная сущность царской власти, смертельный страх господствующих классов перед революцией и международные обязательства самодержавной России — все это приводило основоположников научного коммунизма к выводу о неизбежности интервенции царизма в революционную Европу. На основе этого вывода был сформулирован

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 256.

² К. Маркс. Стенька Разин. Ж. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 109.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 165.

лозунг «выступления в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России»¹.

И в период после подавления революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс, веря в неизбежность нового революционного подъема, продолжали призывать западноевропейский пролетариат вести революционную войну прежде всего против царской России, так как самодержавие использовало разгром революции в Европе для укрепления своих внутренних и внешнеполитических позиций.

Одновременно с этим вожди международного пролетариата признавали, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»².

Изучая предреформенный период русской истории, Маркс и Энгельс посвятили большое количество статей Восточному вопросу и Крымской войне, а также отношениям России с Англией, Францией, Австрией и Пруссией.

Особенно ценный материал о внешней политике России накануне Крымской войны содержит работа Маркса о лорде Пальмерстоне, разоблачающая реакционную политику английской буржуазии. В других статьях, письмах и военно-теоретических работах также немало ярких мыслей и выводов родоначальников теории научного коммунизма об экономической, политической и военной подготовке Крымской войны. В этом отношении необходимо выделить статью Энгельса «Крымская кампания», в которой он, отдавая должное героизму и мужеству русских солдат, отмечал, что основной причиной поражения России является ее социально-экономическая отсталость. «Во всех битвах нынешнего столетия, от Аустерлица и Эйлау до Силистрии, русские показали себя отличными солдатами, — писал Энгельс. — Их поражения, когда и где бы они ни имели место, вполне объяснимы; эти поражения, может быть, накладывали

пятно на репутацию полководцев, но отнюдь не на честь армии»¹.

Варварская отсталость страны, связанная с крепостнической экономикой и реакционным государственным строем, говорил далее Энгельс, накладывала отпечаток на русскую землю, которая теряла свою былую славу. Если Нарва, подчеркивал он, была «первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях»², то проигранные сражения в Крымской войне свидетельствовали о глубоком кризисе истощенной страны.

Исход Крымской войны, не приведшей к европейской революции, не мог удовлетворить Маркса и Энгельса, но поражение царизма, по их утверждению, ускорило поворот России на новую общественно-экономическую дорогу. Ф. Энгельс указывал: «Война доказала, что даже из чисто военных соображений Россия нуждается в железных дорогах и в крупной промышленности. И правительство принялось выращивать класс русских капиталистов..., благодаря этому в городе и в деревне началась настоящая социальная революция, которая уже не давала успокаиваться пришедшим в движение умам»³.

Связывая обострение общественно-политической борьбы в России с резким ухудшением экономического положения крестьянских масс, Маркс и Энгельс считали, что основная социальная война в стране шла не между крепостниками и либералами, а между помещиками и крестьянами, боровшимися за освобождение с землей.

Движение крестьянских масс России накануне и в период проведения реформы Маркс называл «самым великим событием в мире», заставившим царя и помещиков поспешить с проведением крепостнической реформы. Она, по мнению Маркса и Энгельса, обеспечила и закрепила преобладание помещичьего землевладения над крестьянским, увеличила безземелье крестьян, придала им грабительскими выкупными платежами, усилила эксплуатацию, нищету и несправие. Маркс детально отмечал проявления средневековых пережитков в землевладении, показывающих необходимость ликвидации по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, М., 1955, стр. 317.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 565.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 41.

мещицкого землевладения, как главного препятствия на пути прогресса.

В конце 60-х годов внутреннее развитие России еще больше привлекает внимание Маркса и Энгельса.

На основании громадного фактического материала, почерпнутого из широкого круга русских источников, выступлений представителей революционно-демократического, либерально-реформистского и правительственного лагерей, Маркс пришел к важному выводу о буржуазном содержании реформ 60-х годов и капиталистическом характере пореформенной экономики России.

Анализируя сложный и противоречивый процесс утверждения буржуазных общественно-экономических отношений, Маркс и Энгельс указывали на сохранившиеся крепостнические пережитки: помещицье землевладение, остатки барщины, кабальные формы землепользования, различные виды отработок и многое другое.

Это обилие крепостнических пут, тормозивших процесс капитализации крестьянства, основоположники марксизма связывали прежде всего с сохранением помещицье собственности на землю и самодержавной диктатуры. Тщательно изучая пореформенное положение русского крестьянства, они стремились представить себе социальную структуру деревни во второй половине XIX в., анализировали конкретные проявления капиталистических отношений и остатков крепостничества.

В последние годы жизни Маркс, основательно изучив реформу 1861 г. и ее последствия, приступил к систематизации и обобщению изученных материалов и литературы. В 1882 г. он пишет «Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России», которые показывают глубину марксовской оценки реформы, ее классовой сущности и объективных последствий. «Освобождение, — отмечал Маркс, — сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать *личностью крестьянина*, продавать его и пр. *Это личное рабство уничтожено*. Помещики потеряли *власть над личностью крестьянина*. Прежде, во времена крепостного права, помещики были заинтересованы в том, чтоб поддержать крестьянина, как необходимую *рабочую силу*;

это отпало. *Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика*»¹.

Все содержание «Заметок о реформе...» показывает, что с ее проведением и последующими результатами Маркс связывал начало нового, капиталистического периода в истории России.

Половинчатый характер реформы, ее незавершенность, наличие острых социальных противоречий и антагонизма в пореформенный период приводили Маркса и Энгельса к выводу о неизбежности революции в России, которую они несколько преждевременно ждали уже в 70-е годы. В России руководители международного пролетариата видели страну, которая даст толчок революционной борьбе в Европе и сыграет ведущую роль в развитии западноевропейского рабочего движения.

Решительно опровергая утверждения народников о возможности некапиталистического развития России, они привели многочисленные факты быстрого развития крупной капиталистической промышленности, роста железнодорожного строительства, внутренней и внешней торговли. «С 1861 года, — замечал Энгельс, — в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа»². В письме редакции «Отечественных записок» Маркс отмечал в 1877 г., что «если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она... испытает все роковые злоключения капиталистического строя»³.

В подписанном обоими авторами предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882) говорится о том, что реформа 1861 г. создала все необходимые предпосылки для развития крупной капиталистической промышленности, что «развивающаяся капиталистическая горячка» ведет к завершению промышленного переворота и массовому формированию антипода буржуазии — промышленного пролетариата. Перечисляя признаки нарастающей революции в России, Маркс и Энгельс возлагали основные надежды на бы-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. XII, стр. 14.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. М., 1947, стр. 447.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 221.

стрый рост и революционные выступления российского пролетариата.

Народники считали, что реформа открыла возможность некапиталистического развития, а наличие общины позволяет говорить о переходе к социалистическому строю. Основной смысл народнических утверждений о «самобытности» русской истории сводился к тому, что к ней нельзя применить марксово учение об общественно-экономических формациях и их закономерной смене, о классах и классовой борьбе как основном содержании общественного развития.

Называя веру народников в социалистические начала общины «аграрным мистицизмом», Маркс и Энгельс указали, что сама по себе община не может стать исходным пунктом социалистических преобразований. Существенная характеристика русской общины, данная Марксом, показывает, что он никогда не разделял народнических иллюзий о ее всеспасительной роли.

Рассматривая общину исторически в зависимости от времени, конкретных исторических условий и экономического развития, Маркс и Энгельс допускали, что она может быть использована для организации социалистического производства только после победы народной революции при обязательной поддержке ее пролетарской революцией на Западе. В этом смысле Маркс писал В. Засулич в 1881 году: «...Специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹.

Вопрос о возможностях использования общины Маркс и Энгельс связывали с темпами развития капитализма в России. Когда оно в 90-е годы приобрело бурный характер, а разложение общины стало фактом, Энгельс писал в 1892 г. Даниельсону: «Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту»².

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 301.

невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией»¹.

Поддерживая и горячо одобряя героическую борьбу революционных народников, Маркс и Энгельс подвергли резкой критике их субъективистскую идеологию. Они показали мелкобуржуазную сущность народнической теории, несостоятельность анархистских взглядов Бакунина, «сверхбюбаческие представления о ходе революции» Ткачева.

Отвечая на брошюру Ткачева «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу», Энгельс в статье «О социальном вопросе в России», в противовес утопическим бланкистским взглядам своего русского оппонента, дал исчерпывающую характеристику классовой сущности русского самодержавия, исходя из социально-экономического анализа русской действительности. «И когда после этого,— писал Энгельс,— г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», «что оно висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»². Относительно общины и надежд, возлагавшихся на нее народниками и в том числе Ткачевым, Энгельс замстил, что общинная собственность в России «давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению»³.

Касаясь эволюции, пережитой народничеством, Энгельс в письме к Г. В. Плеханову отсчел разницу между революционными народниками 70-х годов и либеральными эпигонами народнического движения. Видя их отказ от революционной борьбы и тенденции к соглашению с правительством, он пророчески предсказал, что «народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом»⁴.

Исполненные стремлением помочь передовым людям России ускорить освобождение русского народа,

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 154.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 540.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 47.

⁴ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 341.

К. Маркс и Ф. Энгельс активно содействовали распространению революционной идеологии пролетариата в России. Горячий интерес, с которым передовая часть русского общества относилась к работам основоположника научного коммунизма, виден из письма студентов Петербургского университета Марксу. «Давайте нам советы, или, вернее приказания, — просили они, — чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах Старого Общества»¹.

Уже в 40-х годах некоторые ранние работы Маркса становятся известны отдельным членам кружка Белинского и кружка петрашевцев. В 1848 г. книга Маркса «Нищета философии» была ввезена в Россию на французском языке. «Дальновидное» царское правительство разрешило ее ввоз на том основании, что «предмет сочинения не может быть применяем в России и представляет довольно отвлеченное умозрение». В 50-х годах работы Маркса изучаются в ряде революционных кружков, о нем начинают говорить как о вожде нового, социалистического направления. В 60-х годах по мере роста революционного движения круг читателей Маркса и Энгельса расширяется. В 1868—1872 гг. на русском языке в Москве и Петербурге были распространены такие произведения Маркса, как «Устав Международного товарищества рабочих», «Первый манифест Международного товарищества рабочих», «Гражданская война во Франции», «Капитал. Критика политической экономии», т. I, и др. Еще до перевода на русский язык большой популярностью в России пользовалась книга Маркса «К критике политической экономии».

Первым произведением Маркса, переведенным на русский язык, был «Устав Интернационала», изданный легально и напечатанный в качестве приложения к русскому переводу книги Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению». Книга эта вышла в 1869 г. в Петербурге с предисловием П. Н. Ткачева, но затем по решению комитета министров была уничтожена.

В том же 1869 г. в Россию проник «Манифест Коммунистической партии» в переводе М. А. Бакунина. Раз-

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 194.

личными путями экземпляры этого издания из Женевы переправлялись в Россию. Царская цензура запретила публикацию этого программного документа научного социализма, но задержать проникновение произведений Маркса в Россию царизм не мог. Только за четыре месяца 1869 г. было задержано около 600 пакетов с революционной литературой, в большинстве которых находились произведения Маркса и Энгельса.

У многих участников народнического процесса 193-х было обнаружено женевское издание работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», переведенное на русский язык.

Одну из самых замечательных страниц в истории издательской деятельности прогрессивных представителей русской общественности составляет издание и распространение в России на протяжении 70—90-х годов трех томов «Капитала», произведения, которому К. Маркс посвятил всю свою жизнь. Имя Маркса в России приобрело особенную популярность именно после перевода «Капитала» на русский язык.

Первый том легального издания «Капитала» на русском языке вышел в Петербурге в 1872 г. тиражом в три тысячи экземпляров. Перевод был сделан Г. А. Лопатыным и Н. Ф. Даниельсоном.

Царская цензура при издании первого тома выражала надежду, что труд Маркса останется недоступным русскому читателю. Цензор Скуратов в своем докладе о книге Маркса писал в Петербургский цензурный комитет 23 марта 1872 г.: «Можно с уверенностью сказать, что ее не многие прочтут в России, а еще менее поймут ее».

Предсказание недалекого цензора не сбылось. Великое произведение Маркса вызвало огромный интерес не только среди передовой русской интеллигенции, но и среди рабочих. В 1880 г. в письме к Зорге Маркс с удовлетворением отметил, что в России «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было.

Значительную роль в популяризации работ Маркса сыграло «Общество переводчиков и издателей», созданное в 1882 г. прогрессивным московским студенчеством. Хотя оно существовало недолго, но успело выпустить ряд важных трудов Маркса, таких как «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал».

Большую роль в распространении марксизма в России сыграла плехановская группа «Освобождение труда». Под руководством Плеханова была подготовлена «Библиотека научного социализма», в которую вошли переводы на русский язык важнейших произведений научного социализма. Были изданы работы К. Маркса «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли»; Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах» и др.

С появлением в Петербурге В. И. Ленина начался новый период в изучении произведений Маркса в России, которое теперь уже увязывалось с близкой и понятной рабочим русской действительностью и насущными нуждами пролетарского движения. «Владимир Ильич, — вспоминает Н. К. Крупская, — знакомил рабочих с «Капиталом» Маркса. Увязывая теорию с практикой, он учил их собирать материал о своих фабриках и заводах. Выяснять конкретные формы эксплуатации... бывало, он прочтет им ту или иную главу из «Капитала», а потом мобилизует на собрание соответствующего материала на их фабриках по цехам... Ленин помогал на основе обнаруженных фактов организовывать борьбу против капиталистов. Выпуск листовок с использованием материалов, собранных рабочими, быстро привился и дал блестящие результаты»¹.

Переход к массовой политической агитации определил начало нового, качественно иного этапа в русском революционном движении.

Кадры рабочих-марксистов 90-х годов, воспитанные Лениным и прошедшие под его руководством школу борьбы с царским самодержавием, провели колоссальную работу по созданию пролетарской марксистской партии, вовлечению в революционное движение широких рабочих масс, превращению движения стихийно пробуждавшихся рабочих в сознательное социал-демократическое движение.

Перевод и публикация произведений Маркса и Энгельса, способствуя внедрению марксизма в русское революционное движение, бесспорно, оказывали могущественное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. По мере того как углублялось развитие

капиталистических отношений, расправлял могучие плечи русский рабочий класс — семена материалистического понимания истории России, попадавшие на русскую почву, взрыхленную славной плеядой революционных демократов, давали дружные всходы. Их первыми сеятелями в нашей стране были гениальные основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс. Созданная ими теория исторического материализма поставила русскую историческую науку на прочные научные рельсы и вооружила ее чрезвычайно плодотворным и перспективным методом исследования.

Маркс и Энгельс первыми применили основные принципы материалистического понимания истории к изучению России. Они обосновали закономерный характер русской истории, показали смену в ней способов материального производства, раскрыли решающую роль народных масс на всех основных этапах и значение классовой борьбы.

Маркс и Энгельс впервые не только в русской, но и в западноевропейской историографии вскрыли объективные закономерности русской истории, а также те характерные особенности социально-экономического и политического развития русского общества во второй половине XIX в., которые предопределили неизбежность и огромные преобразовательные возможности русской революции.

Все это обусловило тот революционный переворот, который произошел в последующем развитии русской историографии при переходе ее на позиции исторического материализма. Говоря словами В. И. Ленина, с именем которого был связан этот новый этап в развитии русской исторической науки, в процессе приложения основных методологических принципов исторического материализма к истории России, Маркс и Энгельс показали, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности»¹.

Тем самым был предопределен тот коренной перелом в русской исторической науке, который обеспечил ей выход из идеалистического тупика на широкий путь созда-

¹ Н. К. Крупская. О Ленине. Сб. статей. М., 1960, стр. 320.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 411.

ния подлинно научной концепции отечественной истории.

«Маркс и Энгельс, — по словам Е. Ярославского, — первые дали марксистское освещение истории России, марксистский анализ классов и производственных отношений в России. Они первые дали марксистский прогноз русской революции»¹. В этом их главная заслуга в русской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

«Хронологические выписки». Архив Маркса и Энгельса, т. V—VIII, М., 1938—1940, 1949; т. XI, ч. 1, стр. 527—545.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1951.

Историография истории СССР, стр. 330—345.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 219—259.

Е. Ярославский. Маркс и Энгельс о России, «Историк-марксист», 1940, № 10, стр. 54—90.

¹ Е. Ярославский. Маркс и Энгельс о России, «Историк-марксист», 1940, № 10, стр. 58.

ЛЕКЦИЯ 27

Г. В. ПЛЕХАНОВ И НАЧАЛО МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В РОССИИ

Общественно-политическая и теоретическая деятельность Плеханова. Формирование его исторических взглядов. Плеханов как пропагандист материалистического понимания истории. Вопросы истории России. Начало ленинского этапа в русской историографии

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918 гг.) — выдающийся русский мыслитель, талантливый теоретик-энциклопедист, пионер марксизма в России, был наиболее ярким представителем освободительного движения и общественно-политической мысли в нашей стране после Н. Г. Чернышевского и до В. И. Ленина.

Трудно переоценить его заслуги перед российским и международным пролетарским движением. В тяжелые годы реакции, когда в освободительном движении господствовала ошибочная идеология народничества, он в начале 80-х годов прошлого столетия первым в России высоко поднял знамя марксизма и доказал, что это именно та теория, которую так мучительно и жадно искали лучшие люди России.

Создав первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождения труда», Плеханов указал на рабочий класс, как на ведущую силу революционных преобразований. «Мы, — писал он, — не переставали повторять нашим русским товарищам, что самой главной революционной силой современной России является ее пролетариат...»¹.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 332.

Плеханов одним из первых в международном рабочем движении выступил против многочисленных врагов марксизма, вынужденных благодаря успехам пролетарской идеологии рядиться марксистами. Борьба против бернштейнцев, легальных марксистов, анархо-синдикалистов, экономистов, каутианцев и махистов принесла ему большую популярность и заслуженную славу в мировом революционном движении.

Разоблачив вымыслы противников научного социализма о неприменимости марксизма к русским условиям, Плеханов разработал ряд вопросов марксистской теории. На его трудах, особенно книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», воспитывалось целое поколение русских марксистов.

Своими произведениями Плеханов положил начало русской марксистской историографии.

Сложную и противоречивую общественно-политическую и теоретическую деятельность Г. В. Плеханова принято делить на три периода: первый — народнический (1875—1883); второй — марксистский (1883—1903); третий — меньшевистский (1903—1918).

Родился Плеханов 29 ноября 1856 г. в селе Гудаловке, Липецкого уезда, Тамбовской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. Мать его — Мария Федоровна Плеханова была племянницей великого русского критика революционера-демократа В. Г. Белинского. Она воспитала сына в духе прогрессивных идей своего времени. Юношеские годы Плеханова проходили под сильным воздействием идей Белинского и Некрасова, а все «умственное развитие, — по его собственному признанию, — совершилось под опромнейшим влиянием Чернышевского»¹.

В период учебы в Петербургском горном институте Плеханов увлекся «Историческими письмами» Лаврова. Его политические убеждения складывались как революционно-народнические, хотя уже в 70-е годы он был знаком с некоторыми произведениями Маркса. Несколько позже, в 1881 г., он писал Лаврову: «С тех пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими ав-

торами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях»¹.

В 1876 г. Плеханов стал одним из инициаторов создания «Земли и воли». На первой революционной демонстрации в России, состоявшейся 6 декабря 1876 г. в Петербурге на Казанской площади, он выступил с горячей речью, которая прозвучала как страстный протест передовой общественности против травли Чернышевского и его сторонников, как защита народа против угнетателей. После этого преследуемый полицией Плеханов едет за границу, но летом того же 1877 г. возвращается в Петербург и продолжает активную революционную деятельность.

Исключенный из Горного института, Плеханов ведет революционную пропаганду в Саратове среди учащихся и рабочих, а летом 1878 г. на Дону пытается поднять восстание казачества, недовольного введением земства. Потерпев неудачу, возвращается в Петербург, где первым среди народников обращается к рабочим массам с целым рядом прокламаций. Он пытался использовать рост стачек петербургских рабочих для усиления революционной агитации.

Хотя Плеханов первым обратил внимание революционных народников на такое новое явление, как массовые выступления рабочих, он рассматривал их как вспомогательную силу крестьянской «социалистической» революции. Его пропагандистская работа в среде фабрично-заводских рабочих, тесные связи с передовыми пролетариями С. Халтуриным и П. Мойсенко — организаторами «Северного союза русских рабочих» — сыграли определенную роль в эволюции к марксизму, но в 70-е годы он был народником.

Исторические взгляды Плеханова в этот период нашли отражение в работах, написанных в конце 70-х годов, — «Каменская станица» (1878), «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879), «Поземельная община и ее вероятное будущее» (1880).

В них автор говорил о закономерности исторического развития, касался вопросов русской истории, выступал

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, М., б/г., стр. 382.

¹ Литературное наследство Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. I, М., 1940, стр. 206.

против либерально-буржуазной историографии и, как это ни парадоксально, защищая народническую доктрину, ссылаясь на Маркса. Плеханов писал о роли капитализма в сплочении рабочих масс: «На Западе он, действительно, был естественным предшественником социализма». В России же экономическое развитие шло и продолжает идти другим путем. Здесь сохранилась крестьянская община, поэтому «мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса»¹, — утверждал в ту пору Плеханов.

По поводу ссылок на Маркса, которые тогда делали не только народники, но и либералы, В. И. Ленин писал: «Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм... и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»².

В понимании отечественной истории Плеханов придерживался тогда народнической доктрины. Так, в статье «Камская станица» он писал: «Вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности. Борьба эта тянется красной нитью через все 1000-летнее существование русского государства, принимает самые различные формы — от восстания Стеньки и Пугачева до возведения бегства от властей и полного отрицания государственности в религиозный догмат. Эта борьба на жизнь и смерть между двумя противоположными принципами отнюдь не прекращается и в настоящее время»³.

Вместе с тем ссылки Плеханова на учение Маркса о законах общественного развития, признание им определяющего значения экономических отношений были

шагом вперед от субъективной социологии народников. «Экономические отношения в обществе,— писал Плеханов,— признаются нами основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов...»¹.

Народнические позиции Плеханова совершенно отчетливо видны в том, что практические задачи русского революционного движения он отождествлял с теми же задачами, которые ставили себе «титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие»². Хотя в подобных взглядах еще не было ничего марксистского, но Плеханов уже тогда писал о необходимости поддержать всероссийский крестьянский бунт рабочими выступлениями, для того чтобы отвлечь в города полицию и войско и этим облегчить победу восставших крестьян.

После раскола «Земли и воли» в 1879 г. на воронежском съезде, где Плеханов решительно выступил против террористической тактики, в январе 1880 г. он под угрозой ареста уехал за границу, где быстро эволюционировал в сторону марксизма.

В работе «Новое направление в политической экономии», написанной в Париже (1881), Плеханов подверг резкой критике буржуазную историческую школу в политической экономии и обнаружил тенденции к признанию марксистской теории. В письме к Лаврову (конец декабря 1881 г.) он признал факт вступления России на капиталистический путь. «Как жаль, что мне не пришлось послушать Вашей лекции о «Капитализме в России». Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное,— писал Плеханов,— Россия уже вступила на путь естественного закона своего развития, и все другие пути,— мыслимые, быть может, для каких-нибудь других стран,— для нее закрыты»³.

Решающим моментом в переходе Плеханова на марксистские позиции была его работа над переводом «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. «...Чтение «Коммунистического манифеста», — указывал он, — составляет эпоху в моей жизни. Я был

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 61.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 20, стр. 162—163.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 29.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 114.

² Там же, стр. 65.

³ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, т. I, стр. 210.

вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык»¹.

Сам факт перевода этого произведения в период перехода русской революционной и социалистической мысли «от утопии к науке» имел колоссальное значение в распространении идей научного социализма среди русской революционной молодежи и подготовке перехода от народничества к марксизму.

Плеханов не только перевел программный документ марксизма, но и получил специальное предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста», то знаменитое предисловие, в котором были определены перспективы русской революции.

Свою работу над переводом «Манифеста» Плеханов расценивал лишь как начало систематической пропаганды учения Маркса и Энгельса в России. В статье «Афанасий Прокофьевич Шапов», опубликованной в первом номере «Вестника Народной воли» за 1883 г., он решительно порвал с народничеством, отвергнув его как доктрину, тормозившую дальнейшее развитие революционной борьбы.

25 сентября 1883 г. объявлением «Об издании «Библиотеки современного социализма» было положено начало созданию первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В самом объявлении и первой марксистской работе Плеханова «Социализм и политическая борьба» содержалось признание передовой роли пролетариата в революции и ставилась задача его организации и воспитания в духе научного социализма Маркса и Энгельса.

Подвергнув уничтожающей критике все течения народничества от лавристов до народовольцев, Плеханов показал, что все их неудачи определялись непониманием законов общественного развития, игнорированием реального соотношения классовых сил в стране, а следовательно, непониманием исторической роли пролетариата как самой передовой революционной силы в борьбе против самодержавия и буржуазии. Социалистическое движение в России, утверждал Плеханов, имеет будущее только как движение пролетариата.

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. I, стр. 17.

С 1883 г., с образования группы «Освобождение труда» и появления работы «Социализм и политическая борьба», которую В. И. Ленин называл манифестом первых русских марксистов, начался самый плодотворный, марксистский период в деятельности Плеханова. «Чтобы выйти из тупика, в который зашло русское революционное движение к началу 80-х годов, — пишет Ю. З. Полевой, — необходимо было, с одной стороны, со всей смелостью вскрыть действительные причины краха революционного народничества, и в первую очередь несостоятельность самой теории, на основе которой оно развивалось, а с другой — указать русским революционерам на марксизм как на единственную верную теорию социализма. Это сделал Плеханов, и в этом прежде всего его бессмертная заслуга перед русским социалистическим рабочим движением»¹.

Наряду с переводом и популяризацией важнейших произведений основоположников научного социализма, историческая задача распространения марксизма в России требовала критики народнической социологии, освещения в свете марксистской теории важнейших проблем русской истории.

Плеханов выступил как первый русский историк-марксист, не только пропагандировавший материалистическое понимание истории, но и решавший на этой основе многие важные проблемы истории России.

До недавнего времени сложная, многосторонняя деятельность Плеханова и особенно его исторические взгляды освещались односторонне. Литературоведы и философы 20-х годов (например, Л. И. Аксельрод) противопоставляли Плеханова как теоретика Ленину, которого неправильно изображали главным образом революционным практиком, отрицали связь политического оппортунизма Плеханова с его ошибками в философии и социологии в меньшевистский период деятельности.

Вопреки ленинским оценкам сложилось нигилистическое отношение к марксистским трудам Плеханова. Под влиянием односторонней оценки, данной Плеханову в «Кратком курсе истории ВКП(б)»², перестали видеть

¹ Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. АН СССР, 1959, стр. 170.

² См. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс», 1952, стр. 97.

разницу между работами Плеханова до 1903 г., когда он был революционным марксистом, и работами последнего, меньшевистского периода. Получалось, что до 1903 г. Плеханов, еще не преодолев народнических иллюзий, был уже заражен меньшевизмом.

В связи с этим неверно определялось место Плеханова в русской историографии и его заслуги в развитии марксистской исторической науки в России. Эм. Газганов, например, в статье «Исторические взгляды Г. В. Плеханова», опубликованной в 1928 г., прямо утверждал, что «историческая концепция Г. В. Плеханова, несомненно, являлась меньшевистской оценкой путей исторического развития России, меньшевистской философией русской истории»¹.

Недооценка роли Плеханова в распространении материалистического понимания истории на историю России и по существу игнорирование марксистского периода его деятельности характерны для книги Н. Л. Рубинштейна по русской историографии. В самом начале главы, посвященной Плеханову и носящей тенденциозное название², говорится, что «те «ошибочные взгляды Плеханова», которые, по определению «Краткого курса истории ВКП(б)», «были зародышем его будущих меньшевистских взглядов», как раз полнее всего сказались на его исторических взглядах, оказавшихся с самого начала в противоречии с основными принципами исторического материализма»³.

Стремясь в последующем изложении подтвердить сказанное, Н. Л. Рубинштейн анализирует исторические взгляды Плеханова в основном только по его трехтомной «Истории общественной мысли», написанной, как известно, в последний, меньшевистский период, когда Плеханов для обоснования своей оппортунистической тактики создал соответствующую схему русской истории, которая резко отличалась от его исторических воззрений в 1883—1903 годах.

Подобная односторонность в оценке Плеханова как историка приводила некоторых исследователей плеха-

новского наследия к грубым ошибкам и вульгаризации. Так, А. И. Гельдман в кандидатской диссертации «Об исторических взглядах Г. В. Плеханова» заявил, что «основная методологическая ошибка Плеханова в подходе к историческим событиям состояла в игнорировании марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Игнорируя основное положение марксизма, говорящее о том, что в основе каждой исторической формации лежит определенный способ производства, Плеханов пришел в трактовке русского исторического процесса к неверным и ошибочным выводам»¹. Трудно согласовать подобные «выводы» с ленинским замечанием о том, что лучшее изложение философии марксизма и теории исторического материализма содержится в работах Г. В. Плеханова².

В самом деле, достаточно взять лучшую теоретическую философскую работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (вышедшую легально в 1894 г.), чтобы убедиться в правильности ленинской оценки. Исключительно ярко и убедительно в книге (которая была первой после Маркса и Энгельса попыткой систематического марксистского анализа и критики домарксовской философии, социологии и истории) изложены основные положения марксизма о законах общественного развития, смене общественно-экономических формаций, движущих силах исторического процесса.

Рассматривая в первой главе домарксову философию, социологию и историю, Плеханов показывает преемственность марксизма по отношению к предшествующей истории западноевропейской науки и культуры и приходит к выводу, что подлинная наука об обществе начинается только с Маркса и Энгельса.

Плеханов дает блестящий классовый анализ исторических взглядов французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Гельвеция и историков эпохи реставрации О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье. Говоря о том, что они сделали крупный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в признании закономерности исторического развития, Плеханов обращает внимание чита-

¹ «Историк-марксист», 1928, т. 7, стр. 116.

² Плеханов. Мелкобуржуазные тенденции в социал-демократии, в кн. «Меньшевистский пятитомник», гл. 32; см. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 545.

³ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 546.

¹ А. И. Гельдман. Об исторических взглядах Г. В. Плеханова. Автореф. канд. дисс., М., 1950, стр. 2.

² См. В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 26, стр. 88.

телей на их идеалистическую ограниченность, обусловленную буржуазными позициями. Коснувшись затем связи утопических взглядов на общественную науку с интересами буржуазного класса, он резко критикует социологические воззрения представителей немецкой идеалистической философии — Канта и Гегеля.

Одновременно Плеханов дает убийственную критику «субъективной социологии» Михайловского, Даниельсона, Воронцова, Кареева и других, показывает их родство с давно отвергнутыми марксизмом учениями социалистов-утопистов и младогегельянцев. «Как ни любит герой толпу, — пишет он, — как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее непрерывным страданиям, — он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая» единица. Эклектический идеализм братьев Бауэров был основой страшного, можно сказать, отвратительного самомнения «критически мыслящей» немецкой «интеллигенции» сороковых годов, а в настоящее время он, через посредство своих российских сторонников, порождает тот же недостаток в интеллигенции России. Беспощадным врагом и обличителем этого самомнения явился Маркс...»¹.

Во второй половине работы, посвященной обоснованию и защите диалектического и исторического материализма, Плеханов подчеркивает всемирно-историческую заслугу Маркса и Энгельса, открывших законы истории, основанные на ее материалистическом понимании. «До Маркса, — указывал он, — общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника»². Только Маркс и Энгельс создали подлинную историческую науку, только они сумели «применить материализм к объяснению исторического движения человечества, потому с Маркса начинается новая эпоха в развитии общественной науки»³.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, стр. 156.

² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I. М., 1956, стр. 636.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 311.

Плеханов разъяснял, что учение Маркса всеильно, ибо опирается на объективные законы развития производительных сил, ведущих к изменению экономических отношений. «Поэтому дело всякого исторического исследования, — отмечал он, определяя задачу марксистской науки, — приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов»¹.

Пропаганда и приложение исторического материализма к русской истории были для Плеханова отнюдь не спокойным академическим занятием, а протекали в упорной борьбе с противниками марксизма, особенно с ревизионистами, маскировавшимися под марксизм.

В 90-х годах, когда развернулась упорная борьба марксистов с народниками, наряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели «легальные марксисты» П. Б. Струве, С. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, Н. Бердяев и др. «Это были, — по определению Ленина, — буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, ...а к буржуазному либерализму»².

Исторические взгляды легальных марксистов, поставивших ряд проблем русской истории, были своеобразной разновидностью либерально-буржуазной историографии. Наиболее видным из них был П. Б. Струве (1870—1944 гг.), опубликовавший в 1894 г. направленную против народничества книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Популяризуя некоторые стороны марксизма, Струве уже в предисловии заявил, что он «не заражен марксистской ортодоксией»: Тем не менее Плеханов вначале надеялся, что Струве способен понять «Капитал» Маркса и освободиться от вульгарной теории «экономического материализма». Когда же Струве и другие «легальные марксисты» начали поход против марксистской философии,

¹ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 678—679.

² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 16, стр. 96.

ратуя за возврат к неокантианству, Плеханов выступил против них.

В ряде статей, объединенных общим названием «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития», Плеханов, разоблачая метафизические вымыслы лидера «легальных марксистов», показал, что он своим отрицанием объективного характера законов истории до такой степени извратил Маркса, что если бы автор «Капитала» прочел его писания, то вспомнил бы, несколько изменяя, слова Некрасовской поэмы «Суд»:

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что критик мой сказал,
Своей я мысли не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно —
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячень колочий — и притом
Наполовину с дурманом¹.

Отмечая совпадение между взглядами Струве и таких матерых апологетов капитализма, как Брентано, Зомбарт, Бем-Баверк и других, утверждавших, что общественное развитие идет не путем классовой борьбы и революции, а через «притупление противоречий», Плеханов писал, что все они не идут дальше «штопанья буржуазной общественной ткани»². В «Критических заметках» Струве, подчеркивал он, марксизм и вульгарные теории буржуазной социологии стоят рядом, «обнявшись, будто две сестры...»³; поэтому Струве, так же как и представители либерально-буржуазной историографии, говорит о борьбе двух начал в русской истории (бунтарско-анархического и разумно-государственного), о буржуазном государстве как «организации порядка», отрицает прогрессивную роль угнетенных классов и их борьбы с эксплуататорами.

В защите и конкретизации положений исторического материализма о закономерностях исторического процесса, о производительных силах и производственных отно-

шениях, о классовой борьбе и социальной революции, Плеханов особое внимание обращал на разработку тех вопросов исторического материализма, которым Маркс и Энгельс не дали детального обоснования. К числу их следует отнести вопрос о роли идеологии в развитии общества и о роли личности в истории.

В противовес субъективистской волюнтаристской теории народников и анархистов, превращавших историю общества в арену деятельности героев, Плеханов в своей работе «К вопросу о роли личности в истории» писал, что «личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества», но «характер» личности является «фактором общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и постольку ей позволяют это общественные отношения»¹.

Сравнивая народнические теории о «критически мыслящих личностях» с историческими представлениями средневековых монахов, Плеханов считал это «недостойным современных историков. То, что нам нужно в настоящее время, — подчеркивал он, — это... история страны, история народа, история граждан... Таким образом, народ, вся нация должна быть героем истории»².

С признанием диалектического единства исторической необходимости и свободы были связаны представления Плеханова о роли субъективного фактора в истории — сознательной деятельности людей, их идей и учреждений, изложенные в работах «О материалистическом понимании истории», «Основные вопросы марксизма» и др. Плеханов показал, что Маркс и Энгельс не только обосновали первичность общественного бытия, обнаружили экономические, материальные корни общественных идей, но и указывали на обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие, надстройки на базис.

Пользуясь тем, что Маркс и Энгельс не раскрыли механизм взаимодействия надстройки и базиса, противники марксизма обрушились на теорию исторического материализма, вульгаризируя ее. Критикуя вульгаризаторские теории представителей «экономического материа-

¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. XI, стр. 155.

² Там же, стр. 275.

³ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, М., 1956, стр. 518.

¹ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, стр. 322.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 11.

лизма», «теорию факторов», Плеханов стремился осветить историю развития различных форм общественного сознания, их активное воздействие на общественное бытие. «Объяснить с нашей материалистической точки зрения развитие искусства, религии, философии и прочих идеологий, — считал он, — значит дать новое и сильное подтверждение материализму в его применении к истории»¹.

Сам Плеханов в целом успешно, хотя и не без серьезных ошибок, решал задачу материалистического обобщения огромного фактического материала по истории философии, общественной мысли, истории искусства, религии, рабочего движения. История человечества, в его представлении, никогда «не совершается в плоскости одной экономики... Путь от одной точки поворота к другой всегда лежит через «надстройку»².

Изучая историю различных форм идеологии, Плеханов приходил к выводу, что все достижения мировой культуры — законное наследие трудящегося человечества, которое должно стать достоянием пролетариев всего мира.

Блестящий публицист в одной из своих работ писал, что если у буржуазных и мелкобуржуазных идеологов есть идеалы, то они — «крошечный садик в необъятном поле исторических случайностей», идеалы же марксизма показывают, как превратить все необъятное поле земли в цветущий сад. «Без революционной теории, — подчеркивал он, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»³.

Правда, после 1903 г., в последний период своей деятельности Плеханов недооценил политическую созна-

тельность и революционную инициативу русского рабочего класса, ставшего гегемоном в буржуазно-демократической революции, не понял значения союза рабочего класса с крестьянством. Тем самым он, по существу, сполз к меньшевистской теории «стихийности», нашедшей яркое отражение в его социологических взглядах. Об этом будет подробно сказано в следующем разделе нашего курса.

На заре русской марксистской историографии основная задача сводилась к пропаганде и развитию основ марксистской социологии и исторического материализма.

Утверждение материализма в русской исторической науке, протекавшее в ожесточенной борьбе с идеалистическими теориями, требовало наряду с рассмотрением проблемы капиталистического развития страны изучения истории освободительного движения и общественной мысли, истории культуры.

Плеханов вошел в историю русской исторической науки как первый марксистский историк русской революционно-демократической мысли и рабочего движения в России. Он впервые в русской историографии применил принцип исторического материализма, анализируя историю русской общественной мысли.

В своем стремлении к всестороннему изучению объективных условий общественного развития Плеханов ставил на первое место развитие классов и классовой борьбы. «Ходом развития и взаимными отношениями классов, составляющих русское общество, — подчеркивал он, — и должно быть объяснено неоспоримое относительное своеобразие русского исторического процесса»¹.

Деятельность русских революционных демократов Белинского, Чернышевского и их соратников была для Плеханова выражением гневного протеста самого передового для того времени общественного слоя разночинцев против царизма и крепостничества, против того строя, который тормозил развитие общественных отношений в России и «загораживал русской народной массе дорогу к знанию»².

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, 1936, стр. 90.

² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. 2, стр. 216.

³ Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв., т. I, стр. 95.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 13.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXI, стр. 138.

Изучая философские, общественно-политические и исторические взгляды русских мыслителей в неразрывной связи с развитием мировой философской, общественно-политической и исторической мысли, Плеханов старался подчеркнуть то особенное, свое, что внесли они в науку.

Важной особенностью плехановских работ было стремление автора показать вклад в науку того или иного представителя общественно-политической и исторической мысли в сравнении с тем, что дали его предшественники, выяснить, чем данный историк или философ обогатил науку, в каком направлении пошел вперед сравнительно с другими исследователями. Так, анализируя исторические взгляды основоположника революционно-демократического направления в историографии Н. Г. Чернышевского, Плеханов оравнивал его труды с работами французских историков времен реставрации, материалистические догадки с идеями Белинского и Фейербаха, диалектику Чернышевского с диалектикой Гегеля, методологические принципы в целом с марксистской методологией¹. Несмотря на серьезные ошибки в использовании такого метода, само применение его к конкретному изучению истории было значительным достижением.

Уделяя наибольшее внимание Н. Г. Чернышевскому, которого Плеханов считал самым крупным революционным мыслителем России, он критически рассмотрел все стороны его мировоззрения. В книге «Н. Г. Чернышевский» (1894) Плеханов выступил против либеральных народников, которые замалчивали и фальсифицировали революционно-демократические и материалистические идеи великого русского революционера-мыслителя. «По сравнению с народниками Чернышевский до сих пор остается самым передовым человеком»², — отмечал Плеханов, подчеркивая материалистический, революционный характер его мировоззрения.

Рассматривая исторические взгляды Чернышевского, он не ограничивался сравнением их со взглядами совре-

менников и предшественников, а глубоко и тщательно анализировал литературно-публицистические статьи великого русского мыслителя и стремился показать тот вклад, который он внес в историческую науку.

Значение и величина этого вклада, по мнению Плеханова, определялись прежде всего наличием материалистических догадок в понимании истории, которые свидетельствовали о его превосходстве над представителями домарксовской историографии. «Мы уже видели, — писал он, — что Чернышевский умел объяснять развитие философской мысли ходом политической борьбы, т. е. опять-таки развитием общественной среды. Мы знаем также еще из статьи «Антропологический принцип в философии», что всякое данное общество, равно как и всякая данная органическая часть общества, считает полезным и справедливым то, что полезно этому обществу или этой его части. Чернышевскому стоило только последовательно применить этот взгляд к истории идейного развития человечества, чтобы ясно увидеть, каким образом это развитие обуславливается столкновением человеческих интересов в обществе, т. е. «экономикой» этого общества. И Чернышевский в самом деле ясно видел это, — по крайней мере в некоторых случаях»¹.

Цитируя «Очерки политической экономии (по Миллю)», в которых Чернышевский говорит о решающей роли экономического развития, Плеханов замечает, что под такими «строками охотно подписался бы любой из современных материалистов-диалектиков»², но тут же говорит о недостаточной стройности и последовательности исторических взглядов Чернышевского. «Главный недостаток этих исторических взглядов, — пишет он, — состоит в том, что материализм чуть не на каждом шагу уступает в них место идеализму и, наоборот, причем окончательная победа все-таки достается идеализму»³.

Указав на идейную близость Чернышевского и основоположников марксизма, он отмечал, что, учитывая русскую действительность, окружавшую великого демократа-революционера, «удивляешься не тому, что Черны-

¹ См. М. И. Сидоров. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в., АН СССР, 1957, стр. 74.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 114—115.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 257.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 261.

шевский отстал от Маркса и Энгельса, а тому, что он так мало отстал от них»¹.

Плеханов первым в русской историографии обратил внимание на то, что Белинский обладал чутьем гениального социолога, стремившегося «обосновать ход своих идей на объективном ходе вещей»².

Белинский, как показал Плеханов, считал показателем разумности и жизненности общественных явлений их внутреннюю необходимость и историческую обусловленность. Разумны такие общественные учреждения, полагал Белинский, которые «диалектически развиваются в историческом движении». Высказав подобную мысль, Белинский, по утверждению Плеханова, «показал себя способным подняться на высоту самых важных и самых трудных задач социологии. С тех пор, как была высказана им эта мысль, общественная наука не сделала решительно ни одного завоевания, которое не подтверждало бы ее правильность»³.

Плеханов ценил у Белинского, как и у других революционеров-демократов, стремление связать историю с насущными задачами современности, а также то, что они признавали серьезными и плодотворными только такие действия, которые опираются на объективный ход общественного развития.

В утверждении Белинского о том, что для будущего России необходимо превращение дворянства в буржуазию, Плеханов видел зачаток материалистического понимания истории, так как будущее страны в данном случае ставилось в зависимость от экономического развития. «Белинский не дожид до той поры, — писал Плеханов, — когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после выступления его на литературном поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму»⁴.

В книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов впервые коснулся идейных истоков народничества, охарактеризовал его отдельные течения и историю на-

роднических организаций. В следующей крупной работе «Наши разногласия» Плеханов показал эволюцию взглядов Герцена и Чернышевского на перспективу капиталистического развития страны, сравнивая их со взглядами Бакунина и Ткачева.

Первая попытка систематического изложения истории народничества связана с предисловием Плеханова к русскому изданию книги польского либерально-буржуазного историка А. Туна «История революционных движений в России». В нем Плеханов не только критиковал идеалистические заблуждения польского историка, но и одновременно рассмотрел ошибочные положения историка «Земли и воли» народовольца Е. А. Серебрякова.

Однако Плеханов не сумел вскрыть социальную сущность русского народничества и его исторические корни, за что был подвергнут справедливой критике В. И. Лениным.

Рядом статей, посвященных стачечному движению в России, Плеханов положил начало истории русского рабочего движения. Наиболее известными в этом отношении являются статьи «Русский рабочий в революционном движении», «Забастовка в России», «Первое мая 1861 года. Четыре речи рабочих» и др. Его характеристики первых русских рабочих-революционеров, освещение истории «Северного союза русских рабочих», анализ настроения рабочих масс и состояния революционной пропаганды сохранили до сих пор свое познавательное значение.

Конечно, основное внимание Плеханов, как первый пропагандист марксизма в России, обращал на изучение истории возникновения марксизма. В превосходной книге «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», в статье «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», он, кроме глубоких исторических знаний, обнаружил умение с марксистских позиций анализировать общественно-политические условия деятельности Лассаля и Гегеля.

Плеханов проявлял также большой интерес к изучению и разработке основных проблем всеобщей истории, особенно истории Великой Французской революции, утопического социализма, предпосылок возникновения марксизма.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 341.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 240.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 135.

⁴ Там же, стр. 145.

Решение всех политических проблем России конца XIX — начала XX в. упиралось в правильное понимание и научную разработку особенностей ее экономического развития. Острая политическая борьба сделала актуальными даже вопросы ранних периодов истории России, и Плеханов, находившийся на переднем крае этой борьбы, не мог пройти мимо них. В работах 1883—1903 гг. Плеханов высказал много правильных и ценных в теоретическом отношении мыслей, способствовавших созданию марксистской концепции русской истории.

В письмах 1892 г. «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» он показал активную роль самодержавного государства в закреплении крестьянства.

Рассматривая мировоззрение Чернышевского, Плеханов попутно коснулся крайностей крепостничества в России XVIII в. с характерной для него торговлей людьми, связал рост закрепостительного процесса в XVI в. с обострением классовой борьбы крестьянства, хотя она и протекала в пассивной форме бегства в юго-восточные земли и сама была обусловлена усилением крепостного гнета.

В статье, посвященной П. Я. Чаадаеву, — «Пессимизм как отражение экономической действительности» (1895), Плеханов писал о прогрессивности экономической политики Петра I, положившей начало крупной промышленности в России и способствовавшей развитию товарного хозяйства.

Несколько ранее в статье «Новый защитник самодержавия, или горе г. Л. Тихомирова» (1889) он акцентировал внимание на крайних формах деспотической власти русского самодержавия, показал, что его экономические и внешнеполитические успехи обязательно сопровождались усилением крепостного гнета, расширением эксплуатации народных масс. Все экономические реформы царизма, подчеркивал Плеханов, осуществлялись под давлением исторической необходимости и отнюдь не ставили своей задачей улучшение жизни русского народа.

Ярким примером этого служила реформа 1861 г., которую Плеханов считал издевательством над крестьянством и его надеждами на освобождение. Реформа, по его мнению, была проведена только тогда, когда стало ясно, что тридцатилетний полицейский режим Николая I

не смог ее предотвратить. Крестьяне 19 февраля 1861 г., писал Плеханов, из крепостных по отношению к «барину, к пану», «стали крепостными по отношению к казне», так как им «были навязаны земельные наделы, за которые взывается выкуп, значительно превосходящий их стоимость. Не заплатив этого выкупа, крестьянин не мог оставить свою землю». Поэтому реформа была «лицемерной комедией», которую «многие добрые, но наивные люди до сих пор называют освобождением русских крестьян с землею», хотя со времени «освобождения» экономическое положение русского крестьянина очень значительно изменилось к худшему, а налоги, взимаемые с «души», стали значительно тяжелее¹.

Касаясь истории пореформенной России, Плеханов указывал на прогрессивность капитализма и несостоятельность народнических утверждений об антикапиталистической роли общины. Экономическая деятельность буржуазии, подчеркивал он, с неизбежностью порождает пролетариат.

Глубокий марксистский анализ исторического развития России во второй половине XIX в. нужен был Плеханову для определения политических задач рабочего движения. «Русский деспотизм, как и все восточные деспотии, — писал он, — покоился на невежестве и консерватизме русских крестьян, живущих в пресловутых (коммунистических) сельских общинах и не интересовавшихся тем, что происходило за пределами их околиц. В настоящее время эта старая основа русского деспотизма разрушена, разрушена самим же деспотизмом. Как бы то ни было, но русская община отошла в прошлое, и со времени Крымской войны Россия пережила экономическую революцию. Больше того, по иронии истории реакционеры являются у нас самыми большими революционерами. Это именно они всеми силами старались форсировать экономическое развитие, которое должно положить предел их господству»².

Справедливости ради следует сказать, что уже в марксистский период Плеханов наряду с многими правильными положениями и выводами допускал серьезные

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. III, 1928, стр. 364—365.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 168.

ошибки. Ф. Я. Полянский в статье «Историческая концепция Г. В. Плеханова», перечисляя их, совершенно правильно относит некоторые из них за счет недостаточного знакомства с историческими фактами. «Но коренная причина ошибочных установок Плеханова, — подчеркивает Полянский, — заключалась в том, что он уже в то время некритически воспринимал схемы буржуазных и дворянских историков России, хотя они решительно противоречили первоосновам марксизма. Усвоив марксистские положения, Плеханов оказался не в состоянии дать им творческое применение в анализе исторического прошлого России и потому довольствовался построениями историков, далеких от марксизма»¹.

Наиболее ярко догматизм Плеханова виден в решении проблемы происхождения крепостничества, где он, по существу, повторил чичеринскую теорию государственного закрепощения, согласно которой крепостничество является лишь правовым явлением чисто государственного происхождения. Идеалистически связывая процесс закрепощения с раздачей государством крестьян служилым лицам, Плеханов писал: «Государство издавна закрепостило крестьянина с весьма простой и понятной целью его эксплуатации», а затем «лишь передавало служилым людям свои владельческие права над землепашцами»².

Плеханов преувеличивал роль политических факторов закрепощения, оставляя в тени объективные экономические предпосылки и такую основу феодализма, как собственность на землю. Конечно, государство, будучи классовой организацией феодалов, помогало им в закрепощении крестьян, но само оно складывалось в процессе закрепощения по мере обострения классовой борьбы крестьянства.

Ошибки Плеханова — в подмене генезиса крепостничества его последующим экстенсивным распространением — были связаны с неправильным пониманием сущности крепостного строя. Позднее, при разработке программы РСДРП в 1902 г., В. И. Ленин указывал, что

¹ Ф. Я. Полянский. Историческая концепция Г. В. Плеханова. Ученые записки МГУ, вып. 179, Труды кафедры истории народного хозяйства и экономических учений эконом. ф-та, М., 1956, стр. 156—157.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 358.

Плеханов, «видимо, отвергает выражение: старый *крепостной* общественный порядок, считая выражение «крепостничество» применимым только к *правовому* строю. Я думаю, — подчеркивал В. И. Ленин, — что это различие неосновательно: «крепостное право», конечно, было учреждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего (и крестьянского) хозяйства, оно проявлялось и в массе не оформленных «правом» бытовых отношений»¹.

Второй существенной ошибкой Плеханова было утверждение о государственном происхождении сельской общины, также заимствованное у Чичерина. В статье «Всероссийское разорение» (1892) Плеханов писал, что древняя русская община не знала переделов земли, так как она была «неотъемлемой собственностью» крестьян и переделы лишь перемещали ее доли. По мере развития государства и военного деспотизма земля стала государственной собственностью, а введение подушной подати создало передельную общину.

Так, критикуя народническую теорию «общинного социализма», Плеханов, отказываясь признать будущее сельской общины, перечеркивал ее прошлое и ошибочно отождествлял общину с ее позднейшей феодализованной формой, превращенной самодержавной властью в дополнительное средство выкачивания налогов.

Ошибкой Плеханова являлось определение русского самодержавия как разновидности восточного деспотизма. Плехановский тезис о России как «Китае в Европе» был не только необоснован исторически, но противоречил марксистской теории, ибо отрицал объективные закономерности в развитии России. Отсюда вытекало ошибочное представление Плеханова о русском самодержавии как надклассовой силе, опиравшейся на «невежество и консерватизм русского крестьянства».

Сбросив со счета дворянство — основную классовую опору царизма, Плеханов отрицал революционные возможности русского крестьянства и считал, что только буржуазия и пролетариат угрожают самодержавию.

Крайне противоречиво оценил Плеханов деятельность Петра I и ее значение. Вопреки своим собственным утверждениям о создании основ крупной промышлен-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 6, стр. 233.

ности при Петре I, он говорил об искусственности петровских реформ, о том, что Петр «лишь приделал европейские руки к азиатскому телу России».

Из ошибочного понимания генезиса крепостничества и классовой природы самодержавия вытекали неправильные оценки реформы 1861 г. и пореформенного развития России. Так, в одной из работ, посвященной Чернышевскому, Плеханов характеризовал реформу как результат споров между царизмом и помещиками о праве присвоения прибавочного труда крестьян, считал ее чисто формальным актом, изменившим только государственный правовой порядок. Игнорируя социально-экономическое значение реформы во всей полноте, Плеханов недооценил силу и роль крепостнических пережитков в пореформенный период.

Отмечая все эти ошибки первого русского марксиста Плеханова, мы не должны, разумеется, умалять того общего положительного вклада, который он внес в борьбу за внедрение материализма в русскую историческую науку.

Место Плеханова в русской историографии определяется тем, что он до В. И. Ленина первым подошел к изучению истории с материалистических позиций.

На основе теории исторического материализма Плеханов противопоставил идеалистической концепции «особого пути» развития России историко-материалистическую точку зрения о единстве всемирно-исторического процесса. Пропагандой марксизма, развитием теории исторического материализма, а также критикой субъективистских идеалистических концепций истории России он облегчил утверждение материалистического понимания истории в нашей стране и создание ленинской концепции русской истории.

Делая такой вывод, мы не должны забывать о последующей эволюции Плеханова в 1903—1918 гг., когда отход от марксизма привел его исторические взгляды к постепенному перерождению в духе мелкобуржуазной историографии, а самого Плеханова — к глубоко ошибочной оценке империализма, первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции.

Неправильно оценив эти важнейшие исторические события, Плеханов не мог создать цельной марксистской концепции русской истории. Только Владимир Ильич

Ленин — величайший теоретик и практик революции — своими гениальными трудами открыл новый, высший этап в изучении русской и мировой истории.

В 90-е годы XIX в. главными задачами российской социал-демократии были окончательный идейный разгром народничества и определение перспектив революционной борьбы рабочего класса. Решение этих насущных задач В. И. Ленин искал в «детальном и подробном изучении русской истории и действительности»¹.

Вся теоретическая работа русских марксистов, писал В. И. Ленин в 1894 г., должна «направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»².

Образцом такого исследования и были ленинские работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893), «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894), «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (1895), «К характеристике экономического романтизма» (1897), «Задачи русских социал-демократов» (1897), «От какого наследства мы отказываемся» (1897). Завершающей работой, в которой вскрывалась экономическая природа назревавшей буржуазно-демократической революции в России, явилось «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1896—1899).

Уже в этих работах В. И. Ленин дал последователь-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 307.

² Там же.

ное марксистское освещение тех вопросов, которые неверно или односторонне решал Плеханов. Происхождение крепостного права, социальная природа русского самодержавия, грабительский характер реформы 1861 г., значение крепостнических пережитков в пореформенной экономике и многие другие вопросы русской истории впервые получили правильное научное решение.

Глубже и шире, чем Плеханов, оценил В. И. Ленин роль революционных демократов и их передовой идеологии, значение революционного народничества 70-х годов и их ошибки в области социологии.

Творчески развивая прогрессивные идеи революционных демократов о решающей роли народных масс в истории, В. И. Ленин на основе глубокого анализа русской действительности пришел к важному выводу о революционной роли пролетариата и его союзника крестьянства.

В отличие от Плеханова Ленин в трактовке исторического развития России исходил из основных положений марксизма и последовательно распространял их на все важнейшие стороны русской истории.

Плеханов сумел осветить только отдельные вопросы марксистской теории и некоторые проблемы истории России. В трудах В. И. Ленина получили дальнейшую научную разработку все основные вопросы марксистской теории и впервые были решены все коренные проблемы истории России на основе теории исторического материализма. Социально-экономическое развитие России с древнейших времен, эволюция ее политического строя, ход классовой борьбы, история революционного движения получили подлинно научное объективное освещение.

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике различные буржуазные концепции истории России, в том числе господствовавшую во второй половине XIX в. теорию «государственных начал», выдвинутую Кавелиным и Чичериним, концепцию внеклассового происхождения русского самодержавия, теорию «творческой экономической роли русского народного государства», которую поддерживали крупнейшие буржуазные историки Соловьев и Ключевский.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин назвал теорию внеклассового происхождения государства «дет-

ской побасенкой, которой учат гимназистов»¹. Считаю, что авторы этой доктрины не имеют «ни малейшего представления о ходе... русской истории», В. И. Ленин писал: «История общественности — гласит эта доктрина прописей — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества. Затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»².

Опровергая этот «ребяческий вздор», Ленин отмечал, что уже в средние века, в период Московского царства, родовых связей не было и государство основывалось не на родовых союзах, а на местных. Помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и возникающие таким образом общины имели чисто территориальный характер. Только с XVII в. началось фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, причем процесс этот был вызван не родовыми связями, не их продолжением и обобщением, а усилением обмена между областями, постепенно растущим товарным обращением, объединением небольших местных рынков в один всероссийский рынок. А поскольку руководящая роль в этом процессе принадлежала купцам, то создание этих связей было не чем иным, как созданием буржуазных связей, подрывающих в корне старые феодально-крепостнические отношения. Рост товарно-денежных отношений усиливал предпринимательские тенденции помещиков, разрушая замкнутость, автономность отдельных областей.

Рассматривая историю зарождения капиталистической промышленности, В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» показал, как возникающий и утверждающийся капитализм готовит себе гибель, разрушает ту общественно-экономическую формацию, в рамках которой он возник.

Развитие товарных отношений, рост населения и его перемещения разорвали родовые отношения, семейные связи и разрушили территориальную общину. В пореформенной России этот процесс ускорился в связи с утверждением буржуазных отношений.

Учитывая уровень развития производительных сил, усиление классовой борьбы в стране и рабочего движе-

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. I, стр. 153.

² Там же.

ния во всем мире, В. И. Ленин уже в конце XIX в. на основе всестороннего марксистского анализа русской истории пришел к выводу, что буржуазно-демократическая революция в России будет происходить в более прогрессивных условиях, чем это было в Западной Европе. Гегемоном русской революции, ее вождем будет не буржуазия, а пролетариат, его боевым союзником — крестьянство.

Отражая объективные закономерности исторического развития, ленинизм, возникший в нашей стране, знаменовал начало новой главы в русской и мировой истории, а внедрение ленинской методологии в историческую науку открыло новую страницу в познании истории.

Начался ленинский этап в истории русской исторической науки, увенчавший длительный и сложный период борьбы материализма с идеализмом в историографии.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полное собр. соч., т. I, стр. 129—189.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полное собр. соч., т. I, стр. 351—444.

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полное собр. соч., т. 3, стр. 5—9, 13—17, 553—602.

Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Соч., т. II, М., 1925, стр. 91—356.

Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Соч., т. III, М.—Л., 1928, стр. 122—207.

Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Соч., т. VII, М.—Л., 1925, стр. 57—281.

Историография истории СССР, стр. 346—357.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, стр. 259—291.

Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 138—271.

НБ ПНУС

203343